

УДК 94(100)"15/21"(082)
ББК 63.3(0)5я43+63.3(0)6я43

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**№ 4
ИЮЛЬ–АВГУСТ**

2022

**ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ
ИСТОРИИ РАН**

Главный редактор **В.С. Мирзеханов**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ОддАрне Вестад (США), **А.Б. Давидсон** (Россия), **Штефан Карнер** (Австрия),
Элен Каррер д'Анкосс (Франция), **Николаус Катцер** (Германия), **Доминик Ливен**
(Великобритания), **Г.Ф. Матвеев** (Россия), **В.С. Мясников** (Россия), **В.В. Наумкин** (Россия),
Рольф Тоштендаль (Швеция), **А.О. Чубарьян** (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Йорг Баберовски (Германия), **Л.С. Белоусов** (Россия), **Д.М. Бондаренко** (Россия),
В.И. Журавлева (Россия), **Владислав Зубок** (Великобритания), **Суви Кансикас** (Финляндия),
С.Я. Карп (Россия), **М.А. Липкин** (Россия), **Леонид Люкс** (Германия),
А.Г. Матвеева, зам. главного редактора (Россия),
В.С. Мирзеханов, главный редактор (Россия), **Мари-Пьер Рей** (Франция),
Дональд Рейли (США), **Л.П. Репина** (Россия), **И.М. Савельева** (Россия),
Е.Ю. Сергеев (Россия), **В.В. Согрин** (Россия), **Грегори Фриз** (США), **Б.Л. Хавкин** (Россия),
П.П. Черкасов (Россия), **Франтишек Штеллнер** (Чехия)

Ответственный секретарь **И.А. Фадеев**

Адрес редакции: 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES

MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

№ 4
JULY – AUGUST

2022

ESTABLISHED IN MAY, 1957
PUBLISHED SIX TIMES A YEAR

ESTABLISHED BY:
THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES

Editor-in-Chief **Velikhan Mirzekhanov**

EDITORIAL COUNCIL

Aleksander Chubaryan (Russia), **Apollon Davidson** (Russia), **Stefan Karner** (Austria),
Hélène Carrère d'Encausse (France), **Nikolaus Katzer** (Germany), **Dominic Lieven** (United Kingdom),
Gennadiy Matveev (Russia), **Vladimir Myasnikov** (Russia), **Vitaliy Naumkin** (Russia),
Rolf Torstendahl (Sweden), **Odd Arne Westad** (USA)

EDITORIAL BOARD

Jörg Baberowski (Germany), **Lev Belousov** (Russia), **Dmitriy Bondarenko** (Russia),
Petr Cherkasov (Russia), **Gregory Freeze** (USA), **Suvi Kansikas** (Finland), **Sergey Karp** (Russia),
Boris Khavkin (Russia), **Michail Lipkin** (Russia), **Leonid Luks** (Germany),
Anna Matveeva, Deputy Editor-in-Chief (Russia), **Velikhan Mirzekhanov**, Editor-in-Chief (Russia),
Donald Raleigh (USA), **Lorina Repina** (Russia), **Marie-Pierre Rey** (France), **Irina Saveleva** (Russia),
Yevgeny Sergeyev (Russia), **Vladimir Sogrin** (Russia), **František Stellner** (Czech Republic),
Victoria Zhuravleva (Russia), **Vladislav Zubok** (United Kingdom)

Secretary **Ivan Fadeyev**

Editorial Office Address: 119334, Moscow, Leninskiy Prospekt, 32A
Web-site: <http://nni.jes.su>
e-mail: novistor57@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Мирзаханов В.С., Ланник Л.В.** Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 года 5
- Журавлева В.И.** Изучение истории российско-американских отношений в XXI веке по обе стороны Атлантики: исследовательские подходы и практики 29

НОВОЕ ВРЕМЯ

- Моряков Е.Ю.** Новые каналы коммуникации просветителей и монарха в России на рубеже XVIII–XIX веков 55
- Ищенко Н.С.** «Афганский вопрос» в российской консервативной публицистике в середине 1880-х годов 72

XX ВЕК

- Щелчков А.А.** «Пойдешь направо – придешь налево»: парадоксы чилийского фашизма, 30–40-е годы XX века 82
- Безугольный А.Ю.** Комплектование польских войск в СССР и Войска польского личным составом: проблемы этничности и гражданства (1943–1945 годы) 98

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Вишняков Я.В.** «Политическая античность» на постъюгославском пространстве 120
- Минаев М.В.** Политические технологи Консервативной партии Великобритании в избирательных кампаниях 2019 года 135

СООБЩЕНИЯ

- Гладышев А.В.** Военная история без истории сражений 151
- Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю.** Между кем собирался балансировать и балансировал ли вообще Ю. Пилсудский в 1926–1935 годах 169

ПУБЛИКАЦИИ

- Черных А.П.** Ордонанс 1760 года 182
- Косач Г.Г.** Коммунисты и режим «Свободных офицеров» в Египте в середине 1950-х годов: конфликт и примирение 198

РЕЦЕНЗИИ

- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.** «Кто жил в тот полдень лучезарный, опять припоминаю благодарно» (Тарле Е.В. Россия и Запад: из неопубликованного и забытого / сост., подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. Б.С. Кагановича. Санкт-Петербург, 2020) 211
- Фадеева Т.М.** Наступление на демократию в межвоенные годы (K. Weyland. Assault on Democracy. Communism, Fascism and Authoritarianism during the Interwar Years. Cambridge (UK); New York, 2021) 214

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Лапшина И.К.** Современные направления в исторических исследованиях: X Международная конференция во Владимирском государственном университете им. А.Г. и Н.Г. Столетовых 219
- Вашкау Н.Э., Тихонов Ю.Н.** Третья Всероссийская научная конференция «Interbellum XX столетия: от Рапалло до Мюнхена» 221

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF HISTORY

- Mirzekhanov V.S., Lannik L.V.** The Batum Subsystem of International Relations: Problems of Formation and Inter-Imperial Competition, June–August 1918 5
- Zhuravleva V.I.** The Study of the History of US-Russia Relations in the 21st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods 29

MODERN HISTORY

- Moriakov Ye.Yu.** New Communication Channels between Petitioners and the Monarch in Russia at the Turn of the Eighteenth and Nineteenth Centuries 55
- Ishchenko N.S.** The Afghan Question in Russian Conservative Opinion Journalism in the Mid-1880s 72

20th CENTURY

- Schelchkov A.A.** “If You Go to the Right, You Will Come to the Left”: The Paradoxes of Chilean Fascism, 1930s–1940s 82
- Bezugolny A.Yu.** The Manning of Polish Troops in the USSR and the First Polish Army: Problems of Ethnicity and Nationality, 1943–1945..... 98

CONTEMPORARY HISTORY

- Vishnyakov Ya.V.** “Political Antiquity” in the Post-Yugoslav Space 120
- Minaev M.V.** UK Conservative Party’s Political Strategists in 2019 Election Campaigns 135

MESSAGES

- Gladyshev A.V.** A Military History Without the History of Battles 151
- Matveev G.F., Matveeva E.Yu.** Who Was J. Piłsudski Going to Balance Between and Did He Balance in Fact in 1926–1935 169

ANALYSING ORIGINAL DOCUMENTS

- Tchernik A.P.** The Ordinance of 1760 182
- Kosach G.G.** Egyptian Communists and the Free Officer Regime in the Mid-1950s: Conflict and Confrontation 198

REVIEWS

- Kondratiev S.V., Kondratieva T.N.** “Recalling Dear Ones Who, by Fortune’s Treason Robbed of Fair Hours” (Tarle E.V. Russia and the West: from the Unpublished and Forgotten / compiled, prepared for print, preface and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg, 2020).. 211
- Fadeeva T.M.** Assault on Democracy in the Interwar Years (K. Weyland. Assault on Democracy. Communism, Fascism and Authoritarianism during the Interwar Years. Cambridge (UK); New York, 2021) 214

ACADEMIC LIFE

- Lapshina I.K.** Contemporary Trends in Historical Research: 10th International Conference at Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletovs 219
- Vashkau N.E., Tikhonov Yu.N.** Third All-Russian Conference “Interbellum of the Twentieth Century: from Rapallo to Munich” 221

DOI: 10.31857/S013038640021032-3

© 2022 г. В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК

**БАТУМСКАЯ ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И МЕЖИМПЕРСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ,
ИЮНЬ—АВГУСТ 1918 года**

Мирзеханов Велихан Салманханович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Ланник Леонтий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Аннотация. Имплементация Батумских договоров от 4 июня 1918 г. означала установление гегемонии Османской империи в макрорегионе между Черным и Каспийским морями. С первых же дней это вызвало противодействие других имперских акторов, включая союзную Турции Германию. В июне—июле 1918 г. все претенденты на контроль над постимперскими пространствами бывшей Османской империи были вынуждены сочетать силовые и дипломатические средства для укрепления своих позиций, подбирая союзников и накапливая силы. По ряду объективных причин ни одна из держав не обладала необходимыми для реализации своих целей ресурсами, сталкиваясь с дефицитом не только военных средств, но и необходимых технических условий. Заинтересованность в трансформации региона была крайне высока: Германия и Советская Россия стремились включить Закавказье в пространство более крупной Брестской системы, Антанта и Центральные державы продолжали решающую кампанию Великой войны, младотурки видели единственный шанс в реализации своих националистических проектов. Заложниками этих устремлений становились только что появившиеся и находившиеся на разных стадиях оформления государства-лимитрофы по обе стороны Кавказского хребта. Определяющую роль в их судьбе играли германская миссия в Грузии, содействие Османской империи Азербайджану и Горской республике, а также стремление Армении получить помощь от Великобритании, Советской России или Австро-Венгрии. Политика великих держав осложнялась проблемами коалиционного взаимодействия и системными тенденциями к оформлению целостного геополитического пространства на основе победы Центральных держав над распавшейся Российской империей и Румынией. Решить эту проблему с помощью мирной конференции в Константинополе не удалось, а усилия Антанты, направленные на восстановление Восточного фронта в тех или иных регионах бывшей Российской империи, нарастали. Взаимодействие и конкуренция различных акторов приводили к активному вовлечению макрорегиона в логику Великой войны, так что попытки дипломатического оформления или ревизии Батумской подсистемы вскоре сменились военным противостоянием всех имперских претендентов вокруг Баку. В статье на основе дипломатических архивов бывших Центральных держав реконструируются процессы становления новой подсистемы международных отношений.

Ключевые слова: международные отношения, международные системы, Первая мировая война, Османская империя, распад империй, государства-лимитрофы, межимперская конкуренция, Грузия, Армения, Азербайджан, послевоенное устройство, Закавказье.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Batum Subsystem of International Relations: Problems of Formation and Inter-Imperial Competition, June–August 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Abstract. The implementation of the Treaty of Batum on 4 June 1918 signalled the hegemony of the Ottoman Empire in the macro-region between the Black and Caspian Seas. From the very first days it provoked opposition from other imperial actors, including Germany, an ally of Turkey. In June–July 1918, all the contenders for control over the post-imperial spaces of the former Ottoman Empire were forced to combine coercive and diplomatic means to strengthen their positions, recruiting allies, and amassing forces. Due to a number of objective reasons, none of the great powers had the necessary resources to achieve their goals, facing a shortage of both military means and the necessary technical conditions. Their interest in the transformation of the region was extremely high: Germany and Soviet Russia sought to incorporate Transcaucasia into the space of the larger Brest system, while the Entente and the Central Powers were still engaged in a decisive campaign of the Great War, and the Young Turks saw their only chance of implementing their nationalist projects. The hostages of these aspirations were the newly emerged limitrophe states, which were in various stages of formation, on both sides of the Caucasus range. The German mission to Georgia, the Ottoman assistance to Azerbaijan and the Mountainous Republic, and Armenia's hopes for assistance from Britain, Soviet Russia or Austria-Hungary all played a decisive role in their fate. The policy of the great powers was complicated by problems of coalition interaction and systemic trends towards the formation of a coherent geopolitical space following the victory of the Central Powers over the disintegrating Russian Empire and Romania. The peace conference in Constantinople failed to resolve the problem, and the Entente's efforts to re-establish the Eastern Front in parts of the former Russian Empire were growing. Interaction and competition between various actors led to the active integration of the macro-region into the logic of the Great War, so that attempts to diplomatically formalise or revise the Batum subsystem were soon replaced by military confrontation between all the imperial claimants around Baku. The article draws on the diplomatic archives of the former Central Powers to reconstruct the formation of a new subsystem of international relations.

Keywords: international relations, international systems, World War I, Ottoman Empire, disintegration of the empires, limitrophe states, inter-imperial rivalry, Georgia, Armenia, Azerbaijan, post-war settlement, Transcaucasia.

Системность международных отношений делает попытки анализа любых двусторонних отношений и билатеральных связей своего рода теоретической абстракцией. Они позволяют существенно детализировать представления о ряде процессов, особенно локального уровня, сконцентрироваться на отдельных событиях или личном вкладе ряда деятелей, однако часто приводят к деформации представлений о региональной, а тем более макрорегиональной динамике и расстановке сил. В случае анализа межимперских отношений, и особенно соперничества, фиксация на усилиях двух, даже важнейших, держав чревата тяжелыми искажениями в общем балансе исследуемых явлений. Это обуславливает необходимость не дву-, а многостороннего анализа действий имперских акторов в Закавказье, тем более в уникальной ситуации финала Великой войны. Источниковая база по данной тематике обладает выраженной спецификой относительно каждой

из претендовавших на гегемонию на Южном Кавказе империй (в том числе из-за особенностей хранения исторических документов), однако является более чем достаточной для решения задач почти любого уровня детализации¹. Изложение по-настоящему подробной фактологии процессов и перечисление событий, вызывавших резкие кризисы в обстановке, потребовало бы по меньшей мере монографии, поэтому в данной статье важно ограничиться прослеживанием общей динамики в Батумской подсистеме, ее связи с процессом развития Брестской системы международных отношений и тенденций к проявлению и усложнению системного взаимодействия. Задача усложняется деформацией указанного процесса, вызванной межимперской конкуренцией и отражавшей баланс сил на международной арене в целом и в исследуемом макрорегионе в частности².

Данная авторами ранее общая характеристика подсистемы, наченной серией Батумских мирных договоров от 4 июня 1918 г.³, позволяет перейти к рассмотрению событий на территориях макрорегиона между Черным и Каспийским морями к югу от Кавказского хребта на основном этапе имплементации этих соглашений на основе единой логики трансформации постимперских пространств в условиях финальной кампании Первой мировой войны на турецких фронтах. При оценке темпов, адекватности и потенциала действий акторов имперской политики в Закавказье и прилегающих регионах надо иметь в виду не только нюансы географии и инфраструктуры, но и информационные возможности по координации усилий, исполнению указаний центральных ведомств на местах, а они оказались совершенно недостаточны с учетом многих факторов, включая линии фронтов в местных конфликтах, слабо развитую или демонтированную сеть коммуникаций и информационных каналов (телеграфа и железных дорог), острую нехватку сколько-нибудь мощных радиостанций, не считая корабельных, и автомобильного транспорта и т.д. При всем желании получать своевременные сведения о происходящем на других театрах военных действий в Великой войне, а тем более о важнейших политических событиях, было чрезвычайно сложно. Огромный эффект имела и информационная конкуренция империй, пытавшихся заблокировать важнейшие сведения не только для противников, но и для союзников, что наглядно видно из материалов германо-османских отношений. Межсоюзническое взаимодействие Центральных держав (не говоря о контактах с локальными игроками) осложнял и языковой фактор, ведь османские элиты, как правило, владели французским, но не немецким языком, так что выручали — ценой дополнительного перевода и всех связанных с ним издержек — лишь навыки дипломатов и генштабистов

¹ Особенно выделяются, помимо советской и вообще русскоязычной литературы, немецкоязычная историография и корпус опубликованных источников. Некоторые замечания по историографии данного комплекса проблем, в том числе национальной, см.: Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.

² Компактным изложением важнейших источников по политике Центральных держав и взаимодействия с ними национальных акторов является: *Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918)*. Wien; Köln; Weimar, 1992. Опубликованная источниковая база постоянно пополняется до сих пор. См., например: Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020. В СССР советская политика в Закавказье в рамках единой монографии почти не излагалась, часто сохраняя республиканские «границы». Этого недостатка были лишены работы по истории Османской империи: *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны. М., 1966. Действия Антанты также описываются в рамках этноцентрического подхода, хотя есть и масштабные исследования регионального уровня с использованием британских и французских архивов: *Zürner W. Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer*. Düsseldorf, 1978. Уникальная подборка документов о контексте германской политики в стадии наращивания интервенции в Закавказье: *Baumgart W. Das "Kaspi-Unternehmen" – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?* 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

³ См. подробнее: Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Указ. соч.

Германии и Австро-Венгрии⁴. При таких условиях срок поступления и передачи в центр принятых решений и самых неотложных донесений был долог и потому неприемлем (до 12–14 дней). Последующий период, необходимый для обратной связи, получения запрошенных указаний и полномочий, обесценивал первичный импульс любой значимости едва ли не полностью.

Заключение серии продиктованных Османской империей договоров в Батуме представляло собой рамочный проект переустройства громадной и крайне неоднородной территории, которая к 4 июня не контролировалась правительствами — подписантами этих соглашений даже наполовину. Таким образом, предстоял этап не столько имплементации, сколько подготовки условий для нее путем установления силового контроля над территориями, указанными в договорах, без действительно прочных гарантий лояльности друг к другу Порты, трех закавказских государств и Горской республики, лидеры которой продолжали балансировать на грани статуса политических эмигрантов. Самым выгодным фактором для потенциальной османской гегемонии в макрорегионе, воспринимавшейся в кругах младотурок как «возвращение утраченного», являлось отсутствие к началу июня 1918 г. возможности эффективно блокировать экспансию турецких войск сразу у всех трех основных имперских конкурентов Порты: Британской империи, Советской России и у все менее однозначно союзной Турции Германской империи.

Неожиданностью явился сам факт подписания договоров с Портой осколков Закавказской федерации, ведь предшествующие попытки (в Трапезунде) окончились полной неудачей. Быстрое оформление Батумского варианта переустройства Закавказья застало врасплох Германию, уверенную в том, что она вскоре заставит Османскую империю прекратить излишнее давление и на Тифлис, и на Эривань, вынудив согласовать компромиссный мир всего Закавказья (даже уже распавшегося) со всеми Центральными державами⁵. Германский военный уполномоченный в Константинополе генерал-майор О. фон Лоссов, сыгравший, наряду с Ф.-В. фон дер Шуленбургом, решающую роль в появлении после провала переговоров в Батуме под германским протекторатом независимой Грузии⁶, только что выехал в Берлин и в Спа, чтобы провести серию совещаний с военно-политическим руководством Кайзеррейха, каким образом трансформировать постимперские пространства. Его отъезд сначала из Батума в Потти, а затем в Германию дал Османской империи повод к «своевольным» действиям, так что теперь Кайзеррейх был убежден, что за своего рода «Сан-Стефанским» миром, где победители в Закавказье позволили себе слишком многое, должен последовать — с участием всего Четверного союза и Советской России, а возможно и Персии — новый «Берлинский конгресс», где условия под серьезным нажимом ключевых держав будут отредактированы в пользу побежденных. Это должно было произойти в Константинополе, так что горькая пилюля отказа от части завоеваний была бы приправлена для амбициозных младотурок видимостью решающей роли Османской империи в происходящем. Таким образом, Батумская макрорегиональная подсистема, сомкнувшись с другими подсистемами в Причерноморье (Бухарестской, например), преобразовывалась в Константинопольскую, куда более масштабную и санкционированную всеми державами Четверного союза, а также их партнерами по Брестскому договору — Украиной и Советской Россией.

⁴ Хотя и у них оставяло желать много лучшего владение русским языком, а тем более турецким — важнейшими языками межнационального общения в макрорегионе.

⁵ Представление о том, как видели себе будущее мирного урегулирования в Закавказье германские эмиссары на Батумской конференции (в мае 1918 г.) дает так называемая «папка Везендонка»: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PA AA). RZ 201/11110.

⁶ См. новейшее исследование на основе недавно защищенной диссертации: *Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus*. Paderborn, 2022. Биографии О. фон Лоссова не существует, биографы Ф.-В. фон дер Шуленбурга сосредоточены на его миссии послом в Москве и особенно на роли в движении Сопrotивления.

Но еще в начале июня, до разработки основного сценария трансформации османских притязаний в регионе, последовали первые шаги по имплементации Батумских договоров и одновременно противодействие этому не только врагов Порты, но и ее союзников. 4–10 июня постоянная германская миссия в Грузии во главе с генерал-майором Ф. Крессом фон Крессенштейном, формировавшаяся в Германии с середины мая⁷, только готовилась к отбытию через Константинополь в Тифлис. В те же дни первые контингенты кайзеровских войск дожидались переброски морем в Севастополе, они призваны были обозначить покровительство над Грузией, но не более того из-за скромной численности. В очень короткие сроки аналогичные миссии, пока не предполагавшие военной составляющей, были санкционированы в Вене (во главе с Г.А. фон Франкенштейном и Ш. Павласом), а затем в Софии (генерал И. Станчев). В полном составе они успели выехать в Тифлис вместе с Крессом, обеспечив видимость общекоалиционной позиции по чрезмерной османской экспансии. В действительности цели и установки трех стран — союзниц Порты совпадали лишь частично. Австро-венгерская дипломатия, вероятно, наиболее эффективная в Четверном союзе, полагала, что будет даже выгодно учесть турецкие амбиции, ведь в противном случае младотурки сорвут все усилия по использованию ресурсов Закавказья. Разумеется, любое посредничество Вена намерена была предоставить только в том случае, если Германия учтет ее острые потребности, а османская сторона гарантирует встречные уступки. По мере поступления информации на Бальхаусплац прониклись убеждением, что в регионе, где «все против всех», в этой «кавказской Македонии», никакое активное вмешательство не оправдывает себя, поэтому Австро-Венгрия была готова следовать в фарватере германской политики, получая выгоды от роли арбитра. Это исключало ее из числа даже потенциальных участников межимперской конкуренции, делало ее степень участия в событиях зависимой от готовности Германии заплатить за содействие австро-венгерских инстанций в реализации нужного Кайзеррейху сценария. В Берлине и в германской Ставке в вопросах уступок Вене всегда колебались. Болгария участвовала в тройственном вмешательстве по соображениям престижа, а также стремилась получить контраргументы в разгоревшемся к началу мая остром конфликте вокруг уточнения взаимных позиций по итогам Бухарестского мира и в связи с прежними компромиссами во Фракии⁸. Она имела все основания рассчитывать на поддержку Германии в обмен на общие усилия против османских амбиций и Австро-Венгрии, ведь в Вене были заинтересованы в достижении стабильности на Балканах на основе «умиротворения» Болгарии.

Детальные условия Батумских договоров стали известны — из-за намеренного информационного саботажа османской стороны и крупных технических трудностей со связью — далеко не сразу. Как только информация была получена, и дипломатическое (Auswärtiges Amt, AA), и военное (Oberste Heeresleitung, ОХЛ) руководство Кайзеррейха заняло принципиальную позицию, имевшую в виду безусловную коррекцию и условий соглашений, и статуса закавказских государств, и направления, и темпов любой османской экспансии на восток. Такое, далеко не частое в Германской империи, единогласие высших инстанций привело к важному компромиссу: германская миссия в Грузии имела двойное, военно-дипломатическое, подчинение. Младотурецкий триумвират, а также амбициозные командующие на Кавказе предвидели бурное недовольство Германии, потому поспешили поставить в первую очередь именно Берлин перед фактом не только новых границ, но и масштабного вторжения османских войск на бывшие российские территории, в том числе вопреки только что продиктованным границам Армении и Грузии.

⁷ См. подробнее: Friedrich Freiherr Kref von Kressenstein. S. 94–115; Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. С. 395–399.

⁸ О проблемах Бухарестской подсистемы см.: Ланник Л.В. Указ. соч. С. 253–273. В. Биль весьма удачно охарактеризовал стремление Болгарии увязать ряд территориальных споров с проблемами Закавказья как попытку согласовать юнктим (Junktim): Bihl W. Op. cit. S. 265ff.

Британские эмиссары ожидали от германо-турецкой активности в Закавказье усиления давления на свои позиции в Персии, а потому были полны решимости использовать любые конфликты в регионе для переориентации местных акторов на взаимодействие с Антантой, даже ситуативное и лишённое официального статуса. Жесткий турецкий диктат гарантировал рост недовольства, однако новых союзников пока не просматривалось. В середине июня стало ясно, что правительство в Тифлисе прочно связало свою судьбу с германскими покровителями, ведь иных внешних сил, которые могли ему помочь немедленно отразить натиск Порты и реализовать свои территориальные притязания, не существовало. Грузинские политики готовы были рассматривать всевозможные варианты, но у них почти не было выбора в обстановке прямой военной угрозы. Армянские элиты оказались расколоты между радикальной и бесперспективной позицией сопротивления младотуркам любой ценой и при любых союзниках (Андраник (Озаян), генерал Дро (Канаян) и др.) и курсом на унижительные соглашения в надежде на дальнейшее вмешательство Германии (эриванское правительство). Последнее было вполне логично, однако сроки и эффективность германской помощи оставались крайне туманными. В отличие от Грузии, где кайзеровскому контингенту пока лишь предстояло доказать свою действенность в защите территории нового сателлита, Армения — особенно в батумских границах — была фактически отрезана от внешнего мира. Османская экспансия была, очевидно, нацелена на полное блокирование оставшихся армянских территорий и последующую ликвидацию государственности с центром в Эривани. Сомнительно было рассчитывать на прямую британскую помощь: фронт в Месопотамии был заморожен до осени 1918 г., многие подразделения переброшены на другие театры военных действий. Активные действия по установлению контроля над бывшей русской зоной влияния в Персии не принесли результатов, так что можно было прогнозировать новую волну усиления антибританских сил (повстанцев Кучек-хана и др.) при поддержке германских финансов и османских военных инструкторов. Перед отправленными в конце января 1918 г. из Багдада силами генерал-майора Л. Данстервиля (Dunsterforce)⁹ стояли задачи установить контроль на базе Хамадана и Казвина, хотя бы над Энзели (так и не достигнутый в феврале), отладить слаборазвитые в северной Персии коммуникации и способствовать развертыванию группировки на южном Каспии. Масштабы района, вверенного особому британскому контингенту в сотни, а лишь затем тысячи человек, были абсолютно непропорциональны и количеству его солдат, и их качеству (части из Британской Индии, нередко не оснащенные для климата Прикаспия). Куда более вероятным вариантом была в лучшем случае успешная оборона от попыток турок расширить зону влияния в Южном Азербайджане и отрезать любые пробританские силы от выхода к морю, лишив их тем самым возможности воздействовать на Баку. Резкое недовольство в Тегеране появлением османского сателлита с названием «Азербайджан», предвещавшего завуалированную аннексию всей этой исторической области, могло укрепить позиции британцев, однако не давало им никаких военных рычагов воздействия на ситуацию в регионе. Проект проникновения в Закавказье долгое время не был достаточно важным для британского руководства, а потому до сих пор сравнительно слабо отражен в литературе¹⁰.

⁹ Опубликованы и его дневники, и обработанная их беллетризованная версия, в том числе в переводах, причем лучшим из них остается небезупречная версия 1925 г.: *Данстервилль*. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

¹⁰ На это не раз жаловался в своих заметках Данстервилль, описывая и масштабы «вверенных» ему территорий, и равнодушие командования: *The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922* // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterforce/Dunsterforce_main.html (дата обращения: 01.02.2022). Помимо мемуаров и дневников Данстервиля (в ряде версий) и поддерживавшего его миссию Роулинсона и нескольких научно-популярных работ сколько-нибудь крупных публикаций британских архивов по проблеме нет. Нет и воспоминаний видных британских дипломатов (например, посла в Тегеране в 1916–1918 гг. Ч. Марлингга). Даже наиболее востребованные в настоящий момент работы британских специалистов по истории Османской империи в Великой войне концентрируются на

Отчасти это позволяют компенсировать некоторые мемуары русских офицеров флота, сотрудничавших с британцами в ходе антибольшевистской борьбы¹¹. Очевидно лишь, что англичане медленно накапливали силы в северной Персии, что говорит скорее о демонстративном характере их миссии вплоть до лета 1918 г., и слабо координировали свои действия с антибольшевистскими силами в регионе. Незначительными ресурсами обладали и французские эмиссары на местах (миссия полковника П. Шардиньи)¹², хотя и они пытались сыграть заметную роль в аккумуляровании любых сил, заинтересованных в противостоянии Центральным державам. Единственным и сомнительным плюсом британской позиции по сравнению с прочими имперскими акторами становилась незначительная роль издержек на компромиссы с союзниками, ведь они (Белое движение и Франция) не обладали потенциалом к формированию собственной линии поведения.

Советская Россия была готова к самому активному вмешательству в события к югу от Кавказского хребта, но почти не обладала для этого военными средствами. Момент подписания Батумских договоров застал Совнарком в момент тяжелейшего кризиса, вызванного серией неудач в борьбе с недавно восставшим Чехословацким корпусом (и новым раундом конфликта с Антантой), острой угрозой эскалации боевых действий с Германией из-за Красного десанта под Таганрогом и боев на демаркационной линии, почти неразрешимыми проблемами вокруг Черноморского флота в Новороссийске, что грозило непредсказуемыми внутривосточными последствиями и полной нелояльностью различных просоветских сил, в том числе на Кубани. В Москве, как и в Константинополе, не ожидали того, что Германия не декларативно, а вполне материально начнет поддерживать независимую Грузию и высадит в Поти войска. На этом фоне связи с германскими дипломатами эмиссаров Горской республики (особенно Г. Бамматова и Т. Чермоева, а затем П. Коцева)¹³, а также перспективы схватки за Баку выглядели куда более мрачными, чем предполагали до этого. Вплоть до конца мая лидеры Советской России полагали, что в короткий срок удастся подавить основные очаги контрреволюции, стабилизировать связь с южными губерниями, что обеспечит возможность быстрой эскалации конфликта с отделившимся (22 апреля) Закавказьем, вплоть до его разгрома (как это получилось с Украинской народной республикой в январе—феврале 1918 г.), в том числе с помощью сил Бакинской коммуны и установления в регионе власти большевиков. «Миротворческие» апелляции германского посла в Москве графа В. фон Мирбаха пока игнорировали. К середине июня шансы на установление советской власти во всем регионе резко снизились. Более того, все отчетливее возникала перспектива потери остатков связи даже с Кубанью (из-за начала осады Царицына), а затем и с Баку, если будет потерян контроль над Астраханью

Палестине и куда реже на Месопотамии, но не на Персии и Закавказье. Пример качественного использования британских архивов по раскрытию деталей миссий в периферийных регионах: *Zürner W. Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344—380; Idem. Persien zwischen England und Rußland 1918—1925. Großmachtereinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a. M.; Las Vegas, 1978; Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918—1924. СПб., 2019.*

¹¹ См., например: *Лешин Н.Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.* В целом же Белое движение не успело принять меры к консолидации усилий на Каспии в 1918 г., так что первые попытки закрепиться в акватории последовали только с весны 1919 г. См., подробнее: *Флот в Белой борьбе / сост., науч. ред., пред. С.В. Волкова. М., 2002. С. 317—411.*

¹² К сожалению, данный аспект деятельности французской военной миссии пока не достаточно исследован, несмотря на новый этап в историографии проблемы. См.: *Галкина Ю.М. Французская военная миссия в России в событиях 1917—1918 гг. // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 162—212; Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917—1924 гг.: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова. СПб., 2021.*

¹³ В национально ориентированной историографии прослеживается тенденция преувеличивать степень влияния Горской республики и ее лидеров за счет публикации дипломатической переписки, однако в ней события 1918 г. редко занимают положенное им место. См., например: *Гайдар Баммат — известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.*

и/или Саратовом в ходе наступления чехословаков, казаков атамана А.И. Дутова и прочих антибольшевистских сил. Обострение конфликта с Германией, вызвавшее высадку десанта на Таманском полуострове (12–15 июня) и реальную угрозу захвата Новороссийска, могло привести к быстрому расширению зоны германской оккупации на Северном Кавказе или хотя бы на черноморском побережье. Есть ли на это дополнительные силы у германской группы армий Г. фон Эйхгорна, в руководстве РСФСР не знали и не могли знать, ведь такой информации не было даже у германских дипломатов. В такой беспомощной ситуации готовность Армении и Грузии к компромиссам и альянсу с Москвой (заявленные к концу июня и не раз дававшие о себе знать в июле–августе)¹⁴ практической ценности не имела.

Всей сложности расстановки сил в регионе между Черным и Каспийским морями не представляли себе ни в Москве, ни в Берлине, ни в Лондоне и не вполне в Константинополе. Однако в отличие от первых трех столиц в центре Османской империи обладали инициативой, массой агентов влияния и готовностью рискнуть очень многим (включая резкое недовольство Кайзеррейха) ради экспансии именно в Закавказье, которое стало бы мостом к пантюркистским проектам в Туркестане. Фундаментальная переоценка прежнего этапа экспансии, с февраля по конец мая 1918 г., когда из-за безнадёжного положения на Кавказском фронте Османская империя вышла на позиции, утраченные аж столетием ранее, также сказывалась на планировании и уровне авантюристичности все новых завоевательных планов. Постоянным фактором дальнейшего давления на Армению и Грузию являлось то, что согласно батумским договоренностям под их контролем оставалась часть железных дорог, ведущих к Баку и Тебризу, так что лучшим вариантом для Порты была прямая оккупация коммуникаций на всем протяжении безотносительно предлогов и политического оформления этого. Огромное влияние (часто становящееся предметом различных упрощений в рассмотрении ситуации) на развитие событий оказывала сырьевая значимость Закавказья и прилегающих к нему районов. Причем здесь важна была не только бакинская нефть, но и грузинский марганец, а также эвентуальные поставки и транзит хлопка и различных видов продовольствия, включая рыбу. В имевших жизненно важное значение продовольственных ресурсах региона были заинтересованы все имперские акторы, однако еще более острую нужду в них испытывали местные жители. На перераспределении сильно сказывалось и то, что приоритеты и представления об имеющемся в Закавказье потенциале сильно колебались.

Сложно установить, насколько османский генералитет и лидеры младотурок осознавали кратковременность открывшегося окна возможностей, однако они пытались убедить себя, что ни одна из великих держав-конкурентов, включая Германию, не сможет найти средств для противодействия их экспансии. Недоценивая противодействие и одновременно переоценивая свои силы и истинные симпатии к Порте панисламских и тюркских элементов, с начала июня 1918 г. турки пытались расширить пространство действия Батумских договоров сразу во всех направлениях, проявив редкую для турецких инстанций энергичность. В Турции прекрасно понимали сложность снабжения даже небольших сил в условиях войны сразу на несколько фронтов, а именно такая обстановка ожидала Исламскую армию в Елизаветполе, для налаживания подвоза (а также скрытого саботажа поставок нефти Германии) воинским частям выехал сам генерал-интендант османской армии И. Хакки-паша. Это иллюстрирует важность данного проекта в глазах военной элиты Порты. Командующий Исламской армией Нури-паша создавал войска будущего Азербайджана почти с нуля за счет османских дивизий, но достаточно быстро сумел сделать их сопоставимым противником силам Бакинской коммуны, а затем и добиться

¹⁴ См. ряд материалов: Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 82. Оп. 1. П. 17. Д. 68. Отдельные аспекты отношений Советской России с Арменией и Грузией см. подробнее: *Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012; *Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики, 1917–1921. М., 2019.

явного преимущества. Таким образом, он смог обеспечить динамику, необходимую для изменения баланса в пользу Османской империи и ее сателлитов, что гарантировало дальнейшую имплементацию Батумских договоров, а то и ее ревизию в пользу Порты, а не наоборот. Угрозу быстро осознали и в столицах закавказских стран, и в Москве и Берлине (возможно, и в Лондоне, менее информированном), а потому последовали контрмеры в том объеме, в каком империи-конкуренты могли себе позволить.

Это быстро усложнило задачи для всех действующих имперских акторов и увеличило многослойность конфликта сразу на нескольких участках складывающейся османской зоны гегемонии. С точки зрения системной логики до некоторой степени совпадали задачи лишь двух основных игроков — Советской России и Германии, ведь обе державы были намерены включить Закавказье, а затем и сопредельные страны в пространство Брестской системы с полной или частичной отменой Батумских договоров.

Никакой конкретной программы переустройства макрорегиона у стран Согласия не было даже в общих чертах, они действовали хаотично, что предопределяло используемые средства. Логика действий османских эмиссаров, где особенно сильным было влияние субъективных факторов и внутриэлитных конфликтов, укладывалась в попытку создать и легитимировать в глазах хотя бы Центральных держав локальную систему международных отношений, всякое воздействие на которую внешних акторов, в том числе лидеров сошедшихся в смертельной схватке коалиций, было бы минимальным. Сама постановка задачи делала очевидной ее практическую невыполнимость даже в более благоприятном с военно-политической точки зрения положении, нежели то катастрофическое состояние, в котором Османская империя находилась задолго до лета 1918 г.¹⁵ Подобные проекты возникали лишь потому, что к началу июня, да и позже, отсутствовали мощные силовые рычаги воздействия на ситуацию в Закавказье и у Берлина, и у Москвы, и у Лондона, однако все стороны их лихорадочно искали, так что условия для османской экспансии должны были неизбежно ухудшиться. Существенного расширения турецких возможностей можно было добиться лишь за счет ресурсов других фронтов, далеко не сразу и при условии масштабного военно-технического содействия не только Германии, но и Австро-Венгрии¹⁶. Данные условия и тенденции были заложены в основу крайне насыщенного событиями и яркого эпизода в истории последней кампании Великой войны, последствия которого сказываются по сей день.

Острый кризис в имплементации Батумских договоров, последствия которого выходили далеко за рамки Закавказья, последовал 9–10 июня, когда под Караклисом и Санаином¹⁷ вспыхнули бои между османскими и германскими соединениями, прикрывавшими южную границу Грузии и станции на железной дороге в Александрополь и Елизаветполь. Кайзеровским офицерам пришлось задействовать все имевшиеся ресурсы, включая добровольцев из бывших офицеров Русской армии (в основном немецкого происхождения), из колонистов и прежде всего из многочисленных военнопленных из Центральных держав, так как иными силами они пока не располагали. Османская попытка явочным порядком установить контроль над грузинской частью железной дороги была отбита.

¹⁵ О катастрофе османской армии и военной экономики см.: *Erickson E.J. Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War.* Greenwood, 2001. Османские фронты в целом пока изучены крайне недостаточно: *Not All Quiet on the Ottoman Fronts: Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918* / eds M. Beşikçi, S. Akşin Somel, A. Toumarkine. Baden-Baden, 2019. Перспективное сравнение крушения Российской и Османской империй в 1908–1918 гг., в том числе с главой об отражении этих процессов на Кавказе в 1918 г.: *Reynolds M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918.* Cambridge, 2011.

¹⁶ Австро-Венгрия в эпоху Великой войны оставалась безусловным лидером в оснащении горных частей, и особенно горной артиллерии, столь необходимой для военных действий в альпийских, карпатских (и кавказских) условиях. О ее вкладе в борьбу на османских фронтах см.: *Jung P. Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915–1918.* Graz, 1992.

¹⁷ Ныне — Ванадзор и Санаин в Армении. Позднее стычки проходили у станции Колагеран (ныне — Дзорагет в Армении).

При столкновении союзных войск были убитые и раненые с обеих сторон и даже пленные. Последовали обвинения немцев в боях против турок даже на стороне армян (!), а не грузин¹⁸. В это же время через Поти в Тифлис срочно отправилась первая часть германского контингента силами едва в 1,5 батальона. Произвольному «редактированию» Батумского договора с Грузией этим был положен предел. Вскоре столь же решительный отпор — и вновь с участием германских солдат — был дан османскому десанту в Абхазии. Периодические вооруженные инциденты продолжались еще несколько недель, так что обвинения и взаимное раздражение в германо-турецком союзе стали постоянным явлением.

Последовал бурный конфликт между германской и османской Ставками, заложниками которого стали начальник штаба у фактического главнокомандующего османской армией И. Энвера-паши генерал-майор Г. фон Сект и в несколько меньшей степени германский посол в Константинополе граф И. фон Бернсторф¹⁹. Он вообще крайне скептически относился к грузинскому проекту, балансируя на грани его дезавуирования в глазах руководства. А.А. Кресс лишь постепенно проникся уверенностью в том, что инициаторы германского протектората (Лоссов и Шуленбург) сильно преувеличили жизнеспособность тифлисского правительства. Бернсторф с самого начала был уверен, что это — авантюра, сопровождавшаяся намеренной дезинформацией ОХЛ, АА и кайзера (Лоссовым) в угоду экспансионистским проектам, ценой которым будет конфликт со столь важным союзником, как Порта. Самый острый за четыре года германо-османский спор между Людендорфом и Энвером состоялся именно в июне в связи с появлением германских войск в Закавказье²⁰, что было воспринято младотурками как вторжение в исключительную зону влияния Турции, как это ранее было и в Персии, и даже в отношениях с арабскими племенами. Бурное взаимное негодование только усилилось в связи с дальнейшими попытками османской экспансии и после недвусмысленного обозначения германской Ставкой границ сфер влияния. Страсти подогревал и австро-венгерский военный уполномоченный в Константинополе Й. Помянковски, придерживавшийся резко антигерманского курса²¹. Шантаж отставкой со своего поста со стороны Энвера и попытки посредничества Секта, Бернсторфа и других германских эмиссаров принципиально ничего не изменили. Османским лидерам пришлось смириться с фактом перехода Грузии в зону германского контроля, что стало лишь первой из уступок на фоне чрезмерных ожиданий экспансии одновременно на север (в Сухум), северо-восток (Грозный и в горный Дагестан), восток (в Баку) и на юго-восток (в Тебриз и далее в глубь Персии, а затем и в Туркестан). Прибытие в Тифлис 24–25 июня германской миссии Кресса фон Крессенштейна, смена главы грузинского правительства (им стал Н. Жордания) и вмешательство Германии в переговоры с лидерами Горской республики обозначили финал первого и наиболее простого для османской стороны этапа имплементации Батумских договоров. Показательно было уже то, что на встрече Кресса и делегатов Болгарии и Австро-Венгрии с новым грузинским премьер-министром было официально заявлено, что Батумский договор (с Грузией, но очевидно и все прочее) рассматривается лишь как предварительный²². Это было важнейшим подтверждением намерения всех союзников Османской империи постепенно вынудить ее к ревизии недавно продиктованных соглашений.

¹⁸ Особенно бурный обмен телеграммами последовал 9–10 июня: РА АА. RZ 201/11047.

¹⁹ Его мемуары отличаются всеми минусами этого жанра, т.е. крайней избирательностью в подборе документов при претензии на точность в изложении хода событий: *Bernstorff J.H. Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.* Однако иной подборки источников о деятельности этого выдающегося дипломата в Константинополе пока нет, исследователей больше интересует американский этап его карьеры.

²⁰ См., например: *Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940; Ланчик Л.В. Указ. соч. С. 398–405.*

²¹ См. подробнее: *Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.*

²² См.: *Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 618–619.*

Убедившись, что время легких успехов миновало, младотурецкое руководство предприняло ряд организационных мер, призванных закрепить приоритет в экспансии в Закавказье, и выделило для этого дополнительные (но все же недостаточные) ресурсы. Это было совмещено с рядом громких отставок и назначений, призванных продемонстрировать Германии, что с ее претензиями считаются. Не желавший отводить войска из занятых сверх батумских границ территорий Вехиб-паша был заменен на Эссада-пашу, его старшего брата, считавшегося более прогермански настроенным. Новый командующий, однако, вовсе не планировал просто выполнить грузинские (т.е. германские) требования, а намерен был объединить в ходе обсуждения условий вопросы о судьбе Сухума и об обеспечении коридора для османских войск в Елизаветполь. Назначение нового командующего позволило младотуркам выиграть время для еще нескольких попыток поставить перед фактом своих союзников, неожиданно положивших предел их распространению в рамках Батумской подсистемы. Резкое недовольство Кресса вызывал и командующий недавно сформированной 9-й армией Якуб-Шевки-паша, одним из весьма амбициозных подчиненных которого был быстро выдвинувшийся в связи с наступлением к Нахичевани генерал Кязым Карабекир. Степень влияния различных группировок изменилась с кончиной в начале июля Мехмеда V. На смену ему пришел молодой Мехмед VI, вокруг которого группировались тайные оппоненты младотурок и вообще прогерманского курса, включая Мустафу Кемалю.

Турецкая сторона не отказалась от экспансии на восток. 27 июня 1918 г. османские войска (не более 2 тыс. штыков) заняли Тебриз, вновь подав надежды ряду племенных лидеров на передел власти и владений в составе Персии или даже при свержении тегеранского правительства. Направление наступления на юго-восток было выбрано еще и потому, что оттуда ожидалась масса бежавших из русского плена османских солдат, рассеявшихся вместе с коллегами по несчастью по всему Закавказью и Персии, с тем чтобы вновь призвать их в войска²³. Серьезную мотивацию к скорейшему усилению Исламской армии давало наступление войск Бакинской коммуны, последние успехи которых пришлись как раз на начало июля. К тому моменту не только в Баку, но и в Москве все еще полагали, что по мере наращивания военной помощи (через Астрахань) большевистско-дашнакскому союзу в обмен на продукцию нефтепромыслов удастся расширить зону влияния Бакинской коммуны. Успехи антибольшевистских сил на Дону и Кубани осложняли связь Советской России с Северным Кавказом и тем более с Закавказьем. Положение в Поволжье и на Урале было для Восточного фронта РККА неутешительным, но к началу июля в Москве продолжали излучать уверенность относительно ближайших перспектив и ожидали быстрой победы над «бандами» — чехословаков, казаков и интервентов. Еще более оптимистично смотрели на ближайшее будущее в кайзеровской Ставке, где — несмотря на острый внутривластный кризис — 2–3 июля обсудили самую широкую программу будущего переустройства мира после победы в Великой войне, ожидавшейся по итогам летней кампании и очередного наступления Э. Людендорфа (с 15 июля)²⁴.

С 5 июля 1918 г. последовал один из острейших кризисов большевистского правительства за всю его раннюю историю. Быстрый разгром левозерского мятежа (позднее ряда восстаний в городах Поволжья, а также устранение М.А. Муравьева) имел важнейшее значение для укрепления власти сторонников Ленина и общей консолидации режима, однако по меньшей мере несколько недель эти позитивные для Совнаркома итоги пережитого в июле потрясения оставались неочевидными. Аргументов в пользу того, что победа большевиков была пирровой, что они будут добыты в ходе следующего мятежа левых эсеров в Москве или по итогам всеобщего восстания против них в ряде других городов, а также благодаря успешному наступлению Народной армии и чехословаков, было достаточно. Германские эмиссары, находившиеся в Москве, и после быстрого и жестокого сокрушения оппозиции продолжали считать

²³ Попытка блокировать их поток и использовать их в целях Центральных держав в Персии была одной из важнейших миссий Данстервиля, которую он ставил себе в заслугу.

²⁴ Решения этого совещания особенно часто используются для демонстрации масштабов германских целей. См., например: *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017. С. 643–646.

именно так, а потому упорно уверяли Берлин и Спа в необходимости подготовки к скорой ликвидации большевистского правления, чтобы она прошла под контролем прогерманских, а не проантантовских сил²⁵. Издалека перспектива быстрого краха Совнаркома выглядела еще более вероятной, однако это не означало, что такой вариант устраивал других претендентов на передел бывшей Российской империи, в том числе Закавказья.

Внезапное крушение большевиков означало бы полное переформатирование многих направлений внешней политики сразу всех государств и квазигосударственных проектов Восточной Европы и смежных с ней регионов, а потому грозило неуправляемыми последствиями. Это хорошо понимали в правительственных инстанциях Берлина, Вены и Константинополя, но не всегда готовы были признать увлеченные локальной динамикой эмиссары на местах. В июле 1918 г. основные акторы Брестской системы международных отношений не были заинтересованы в активном смещении расстановки сил даже в Закавказье, тем более что дисбаланс в отдельно взятом и даже слабо связанном с другими регионе был невозможен в принципе. Все основные претенденты на гегемонию в макрорегионе испытывали серьезные военные перегрузки на других фронтах, рассчитывали лишь со временем укрепить свои силовые рычаги, для чего требовалось решить ряд транспортных проблем (шансы на это были невелики). Поэтому пока полагались на эффективность дипломатических средств (даже имевшая все основания не желать обсуждения Батумских договоров Порты). Ожидали Константинопольской мирной конференции. Оснований для оптимизма относительно последнего из вариантов решения закавказского клубка проблем было немного: опыт мирных переговоров с Советской Россией, Украиной и Румынией убеждал, что не удастся поддерживать даже видимость внутрикоалиционного согласия Центральных держав. Коренные разногласия между членами Четверного союза возникали уже в определении набора тех, с кем были согласны вести переговоры. Даже Австро-Венгрия полагала, что для допуска делегаций закавказских стран (и тем более Горской республики) им следовало бы доказать свою государственную состоятельность.

Цели Грузии и Армении (очень быстро приславших свои делегации в Константинополь) были очевидны: вплоть до полного отказа от навязанных Батумских договоров. Азербайджан в течение июля едва ли существенно отличался по статусу от Горской республики, ведь не контролировались и предполагаемая столица, и около половины желаемой территории. Порты должна была с уверенностью ожидать мощного давления Болгарии, желавшей очередной компенсации за счет османских владений (во Фракии) в связи с усилением турецких позиций даже в отдаленном от нее регионе. Это гарантировало — при вполне системных к тому закономерностях — складывание трансрегионального, циркумпонтийского клубка проблем, к которому добавились бы назревшие ранее: крымский вопрос, судьба остатков Черноморского флота, споры о Добрудже и о месте Румынии в условиях победы Центральных держав на Восточном фронте. Поэтому крах любых усилий по балансировке в пределах лишь Закавказья только на пространстве Батумской подсистемы был предreshen.

По разным причинам все имперские участники предполагаемой конференции желали бы переноса ее начала или предварительной координации позиций с потенциальными партнерами на дебатах. Последний вариант имели в виду большевики, собиравшиеся направить в столицу Порты Г.Я. Сокольников прямым из Берлина, где он с июня участвовал в советско-германских переговорах. Немедленное начало дебатов в Константинополе было выгодно разве что эриванскому правительству, которое имело все основания полагать, что терять ему нечего, а степень гуманитарной катастрофы из-за сотен тысяч беженцев на контролируемой им территории около 10 тыс. кв.км была такова, что более всего время работало именно против Армении. Отчаянная ситуация вынуждала к насилию, толкала на формирование националистических банд, провоцировавших все новые столкновения и с османскими войсками, и с соседним мусульманским населением. Не было сомнений, что если пошедшее на крайне непопулярный «протурецкий» курс правительство в ближайшее время не добьется хотя бы

²⁵ См., например: Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972 (2008). S. 716–732.

минимального успеха, заручившись поддержкой Германии и обеспечив хотя бы частичное возвращение изгнанных в Восточную Армению или их распределение за пределами досягаемости османских войск, то последует быстрый переход власти к продолжавшему войну в Карабахе и Зангезуре генералу Андранику. Это полностью дестабилизировало бы обстановку в Закавказье, а допустить этого не собирались ни в Москве, ни в Берлине, так что в обеих столицах прислушивались к обращениям пока не имеющих официального статуса армянских эмиссаров (А.О. Оганджяна и Я.Х. Завриева). Восстание в Армении и разрыв Батумского договора поддержали бы, если бы имели к тому средства, британские эмиссары. Однако последние были крайне далеко, в лучшем случае принимая в Месопотамии и Персии беженцев и поддерживая повстанцев в Урмии. Поэтому в Эривани выбрали более реальный вариант: апелляция к Германии, которая должна была пресечь недовольство Порты и прочно закрепиться в Грузии.

Более маневренную позицию на будущих переговорах могли иметь тифлиссские делегаты. Однако и Грузия балансировала на грани крупных осложнений из-за упорного блокирования османских железнодорожных перевозок в связи со столь же настойчивым отказом турецкого генералитета вывести войска в пределы батумских границ (освободив Натанеби, Абастумани и Ахцур²⁶ и ряд других пунктов), что следовало понимать как подготовку к будущему пересмотру и без того крайне выгодных Порте договоров от 4 июня. В первую очередь это коснулось бы судьбы Ахалциха и Ахалкалаков, также прочно занятых турецкими войсками. В Тифлисе рассчитывали на закрепление германского протектората над страной, расширение сети германских гарнизонов ради подавления многочисленных восстаний (включая осетинское) и для этого игнорировали в лучшем случае сдержанное отношение большей части населения к новым покровителям. Устойчивость контроля над основной территорией страны оставляла желать лучшего. Социальная обстановка была крайне напряженной (из-за дефицита продовольствия), а материалом для быстрого подрыва минимальной стабильности могли выступать провоцируемые большевистским подпольем многочисленные дезертиры и бывшие солдаты распавшегося Кавказского фронта, многие из которых не имели к Грузии никакого отношения. Опасность исходила и от офицерства имперской ориентации, считавшегося поэтому «великорусским». Меры к его вербовке и отправке в антибольшевистские силы (на Дон, например) вполне поддерживались германской миссией, стремившейся предотвратить реинтеграцию Российской империи, при всей симпатии к Белому движению. Сказывалось и устойчивее недоверие германских военных к любым социал-демократам, особенно к меньшевикам, явно солидаризовавшимся со многими позициями СДПГ. Более всего в Н. Жордании, Н. Рамишвили, Н. Чхеидзе и других лидерах Грузии главу германской делегации не устраивала их склонность к «утопиям», непрофессионализм в государственном управлении и упорное стремление сохранить демократические начала в вооруженных силах (Национальной гвардии). В ответ глава германской делегации шантажировал грузинское правительство затяжками в предоставлении займа и поставках оружия и продовольствия. Доходило до слухов о возможности монархического переворота в Тифлисе по образцу гетманского в Киеве. Хватало подозрений в вездесущих (теперь на базе Владикавказ) интригах Антанты, которые распространялись якобы даже на лидеров младотурок, прежде всего на А. Джемалю-пашу²⁷.

²⁶ Ныне – территория Грузии.

²⁷ И, видимо, безосновательно, хотя лояльность Джемалю к Германии оставляла желать много лучшего по сравнению с таковой и у М. Талаата, и тем более у Энвера. Сюжет тайного зондирования различных младотурецких политиков со стороны Антанты до сих пор должным образом не разработан, хотя привлекает публицистов и историков спецслужб. См., например: *Hopkirk P. On secret service east of Constantinople. The plot to bring down the British Empire. London, 1994.* К сожалению, сохраняется до сих пор и дефицит академических биографий младотурецких лидеров, а в новейших работах доминирует тема причастности их к военным преступлениям, что оставляет за кадром слишком много иных важнейших военно-политических сюжетов. См., например: *Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.*

В правительстве Жордании были готовы к различным взаимовыгодным сделкам, в том числе с проосманскими силами, включая Горскую республику (если она откажется от претензий на Абхазию или согласится на федеративное объединение) и Азербайджан (если он уступит спорные территории и сможет остановить наступление общего врага — большевиков из Бакинской коммуны). Азербайджанскому правительству оставалось надеяться на военные успехи Нури-паши, которые вскоре и последовали, однако и после них при продолжении пребывания в Гяндже (как стали называть Елизаветполь) до статуса состоявшегося государственного проекта было очень далеко. Критически важен был компромисс между Азербайджаном и Грузией по территориальным вопросам, а он в свою очередь был тесно увязан с османо-грузинскими спорами о южной границе германского сателлита и о судьбе Абхазии. Лишь постепенно Крессу удалось заставить османских генералов очистить часть занятой сверх батумских границ территории, а затем и разблокировать компромисс между Гянджой и Тифлисом по вопросу о принадлежности Закатальского округа, открывавшего дорогу к поставкам оружия в Чечню и Дагестан. Полное урегулирование этого вопроса стало возможным в 1919 г., когда присутствие Центральных держав в Закавказье было уже ликвидировано, однако начало этому процессу удалось положить еще в рамках Батумской подсистемы. Шансы на аналогичные, хотя бы частичные, успехи в грузино-армянском разграничении были куда ниже²⁸.

Динамику развития подсистемы отражал неуклонный рост воздействия на нее импульсов из соседних регионов и из-за пределов первоначально намеченного ее пространства. В первую очередь это касается драматических перипетий борьбы в Поволжье, особенно за Царицын и Астрахань, острого кризиса Восточного фронта РККА и потери им после мятежа Муравьева Симбирска, а также нарастающей эскалации борьбы за Туркестан, где все более действенным оказывалось влияние британцев и тех политических сил, что смогли добиться их поддержки материальными ресурсами, а затем и прямым вмешательством в боевые действия²⁹. Со временем активные боевые действия сказывались даже на отдаленных регионах все ощутимее, что гарантировало оживление военных операций разных сторон многослойного конфликта в Закавказье. С уверенностью следовало прогнозировать активизацию после некоторого затишья большевистского подполья в Грузии, а затем и на соседних с ней территориях, а также дальнейшее усложнение структуры конфликта в Дагестане и Чечне. Османская военная помощь пока не смогла обрести устойчивые объемы, а локальные вспышки насилия уже неуклонно вписывались в контекст решающей схватки за судьбу Северного Кавказа, которая обозначилась после взятия Добровольческой армией узловой станции Тихорецкая 14–15 июля. Обрыв последних связей с Царицыном стал началом конца первой версии советской Кубани, однако до определения исхода кампании было еще очень далеко. Наконец, пытались усилить активность и антантовские эмиссары во Владикавказе и Царицыне³⁰. У германских дипломатов и военных были некоторые основания полагать, что опцию переговоров со странами Соглашения сохраняют не только армянские, но и грузинские и даже азербайджанские политики.

Весьма относительное затишье в июле было непрочным не только из-за дефицита сил у воюющих сторон для реализации амбициозных задач, но и из-за грубой недооценки либо слабой осведомленности относительно противника. В надежде быстро захватить желаемые позиции, пользуясь прежним вакуумом власти, предпринимались попытки наступления. Однако таких возможностей становилось все меньше, военно-политическое пространство

²⁸ Специальное исследование, к сожалению, не вполне академического уровня, но пока не имеющее альтернативы: *Андерсен А., Парцхаладзе Г.* Армяно-грузинская война 1918 г. и армяно-грузинский территориальный вопрос в XX в. // URL: <https://www.academia.edu/10382254> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁹ См. подробнее: *Улуния А.А.* Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019; *Сергеев Е.Ю.* Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1 (66). С. 122–134.

³⁰ Взаимодействие с антантовскими эмиссарами ради оказания помощи «красному» Баку поддерживали и агенты Белого движения в РККА. См., например: *Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии. Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. СПб., 2021.

становилось все более насыщенным, а потому легкие успехи сменялись болезненными неудачами, которые для местных акторов, лишенных устойчивой дипломатической и военной поддержки извне региона, могли стать роковыми. Именно поэтому до начала массированной не только османской, но и германской помощи и даже в благоприятных условиях антисоветских восстаний казачества и офицерских отрядов, а также отдельных этнических группировок так и не смогли сколько-нибудь серьезно вмешаться в борьбу за Владикавказ лидеры Горской республики, оставаясь правительством, действующим только в изгнании³¹. Динамику борьбы на локальном уровне, которая пока воспринималась как не вполне определенная и потому подающаяся быстрому изменению и с минимальными затратами, могли изменить демонстрация помощи извне, например прибытие германского эмирата, которое Кресс планировал, но так и не осуществил³², или хотя бы официальное заявление об этом. По этим же причинам вынужден был именно в июле спешно солидаризоваться с Бакинской коммуной и РСФСР генерал Андраник. Благодаря тем же факторам оказались крайне тяжелыми последствия для большевиков и дашнаков в Баку неудачи под Кюрдамиром и наступление до этого вовсе не учитываемой должным образом Исламской армии, которая за две недели поставила в критическое положение претендентов на господство во всем Закавказье, уверенных в массированной поддержке Москвы и благожелательном нейтралитете британцев.

Миссия Кресса не без труда освоилась с непростой социально-политической обстановкой в Грузии, в чем помог большой авторитет у местных политиков одного из создателей новой государственности Шуленбурга. Постепенно нарастающая прямая германская военная поддержка (нередко принимавшая формы, схожие с оккупацией) гарантировала устойчивый контроль тифлисскому правительству над основной территорией и подкрепила некоторые территориальные амбиции (в Абхазии и Черноморской губернии), ведь здесь интересы Грузии совпадали с куда более масштабными целями гегемона Брестской системы. Для ее расширения и консолидации крайне важно было налаживание дополнительных связей с Севастополем через созданный в середине—конце июня германский плацдарм на Тамани и в Новороссийске, на его рейде уже не раз демонстрировали флаг германо-турецкие ВМС. Грузинские войска 27 июля заняли Туапсе³³, что открывало дорогу на богатый нефтью Майкоп, к использованию потенциала которого уже имелись инфраструктурные предпосылки. Вопросы организации, связи, транспорта и размещения даже немногочисленных пока кайзеровских войск были не решены, однако оформление базы для расширения германской сферы влияния считалось в целом оконченным. Острые социально-экономические проблемы Грузии — нехватка зерна, тканей, топлива после обрыва поставок из Баку мазута и прекращения работы керосинопровода — постоянно упоминались в отчетах в АА и ОХЛ, однако никаких существенных мер поддержки Кайзеррейх оказать не мог, хотя пытался намекнуть на такие перспективы³⁴. Все сильнее сказывалось стремление Германии отслеживать критически важные потоки обмена

³¹ Поэтому даже статус *failed state* применительно к Горской республике, по крайней мере в 1918 г., выглядит преувеличением, хотя националистическая историография не всегда согласна и с такой оценкой: *Вачагаев М.М.* Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства 1917–1920. М., 2018.

³² Он собирался отправить во Владикавказ, как только он будет отбит у проантантовских (или считавшихся таковыми) сил, т.е. терских казаков и белых партизан, офицера Цугмайера: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. S. 665–666.

³³ Об обстановке в Черноморской губернии см.: *Воронович Н.* Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53–183, 321–334.

³⁴ Так, 8 августа Кресс телеграфировал в АА и ОХЛ, что грузинское правительство просит украинские власти позволить закупки зерна, для чего будут направлены представители, но глава германской миссии постоянно разъяснял, что весь вывоз зерна с Украины ведется согласно договоренностям с Центральными державами (да еще и не выполненными даже приблизительно), так что он готов способствовать выделению зерна для Грузии из запасов Кайзеррейха (3 тыс. т), но прямые закупки фактически запрещал. См. подробнее: PA AA. RZ 201/11138/77–78. Об экономической эксплуатации потенциала Украины в 1918 г.: *Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.

сырьем и продовольствием, а тем более оружием, для прочного контроля за балансом сил на всем пространстве Брестской системы, теперь включая и Закавказье. Все более очевидное проявление германских притязаний и неизбежные последствия оккупационной политики гарантировали будущие конфликты между населением Грузии, а затем и ее социал-демократическим правительством и военными, «спасителями». Для того, чтобы они разразились, было бы достаточно начала имплементации (с 1 октября) серии соглашений об экономической эксплуатации (подписаны 12 июля), выработанных в Берлине делегацией А. Чхенкели и чинами АА и обеспечивавших в лучшем случае полуколониальный статус Грузии в рамках Брестской системы. Это не вполне осознавалось обеими сторонами. Если по завершении Великой войны Европа окажется в патовой ситуации, т.е. сохранится противостояние между англосаксонскими талассократиями и их союзниками и добившейся континентальной гегемонии Германией, то лишенный колоний Кайзеррейх неизбежно перешел бы к колониальной модели освоения пространств в своей новой сфере влияния.

Сравнительно успешное закрепление в Грузии интенсифицировало политику Кресса по установлению контактов, а затем и возможного протектората (в том числе австро-венгерского) над Арменией, что неизбежно привело бы к новым сложным переговорам с османским генералитетом вокруг последствий такого варианта. Было очевидно, что в Вене и Берлине не позволят ликвидировать армянскую государственность, даже отказывая ей в официальном признании, зато поспособствуют формированию армяно-грузинской унии, как более жизнеспособной в полном окружении из Османской империи и ее будущих мусульманских сателлитов³⁵. Вслед за формированием, обучением и вооружением грузинской армии должно было последовать наращивание военной помощи Армении (при строгом исключении проантантовской части лидеров). Предполагалось переориентировать на Германию лидеров Горской республики или иных представителей этносов Северного Кавказа, пресекая панисламистские настроения ради будущей сплошной зоны влияния Кайзеррейха. Будущие войска горских активистов должны были подпитываться через германского эмиссара в Новочеркаске при атамане П.Н. Краснове (прибывшим в начале июля) майора Ф. фон Кохенгаузена. В случае успехов Добровольческой армии германские эмиссары на местах не теряли надежды на успешные переговоры о прагматическом взаимодействии с генералом Алексеевым, хотя сложность этого контрагента постоянно недооценивалась. При реализации германской программы пространство Брестской системы должно было вскоре сомкнуться с зоной официального действия Батумских договоров и затем быстро деформировать их для более устойчивой и комфортной для гегемона расстановки сил и акторов по обе стороны Кавказского хребта.

Вопрос о дипломатическом признании Берлином новых государств не был первостепенным, ведь даже первый шаг в этом направлении в отношении Грузии, заявленный Р. фон Кюльманом 24 июня, еще предстояло согласовать (что было чрезвычайно сложно) с РСФСР как безальтернативным, при всех его неудобствах, партнером Кайзеррейха по Брестскому переустройству постимперских пространств. В Германии и при более простой внутривнутриполитической ситуации, а она как раз с 24–25 июня после прений в рейхстаге вокруг речи Кюльмана резко обострилась, крайне настороженно относились к любым обязательствам в отношении тех или иных малых государств. После непростого утверждения в середине июля нового главы германской дипломатии П. фон Хинтце с Вильгельмштрассе было заявлено, что признание закавказских стран (даже Грузии, уже не *de facto*, а *de jure*) последует только при признании их Советской Россией, ведь этого требовало согласование Добавочного договора, начатое еще в июне, но пока без должной интенсивности.

В АА и ОХЛ могли с уверенностью рассчитывать, что удастся без излишних осложнений уклониться от попыток Порты добиться официального признания всех подписантов Батумских договоров, что стало бы важным шагом по закреплению и самих этих соглашений

³⁵ Впервые эта мысль была высказана уже в первом отчете в АА Кресса фон Крессенштейна из Константинополя (18 июня 1918 г.), т.е. даже до его прибытия в Закавказье: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. S. 613.

в общекоалиционном пространстве Центральных держав. Поездка главы германской миссии в Грузию в Эривань, состоявшаяся в последних числах июля, вызвала недовольство младотурок, но заблокировать ее они были не в силах. По опыту Крыма³⁶ можно было предположить, что германским эмиссарам удастся предотвратить формирование и других османских сателлитов, т.е. Азербайджана и Горской республики, по крайней мере до тех пор, пока их лидеры не выкажут желания переориентироваться на указания из Берлина. Готовность к этому была заявлена эмиссарами последней еще в Батуме Лоссову, а вот контакты с азербайджанским правительством (в Гяндже) предстояло установить, что было затруднительно на фоне плотного контроля над ним Нури-паши. По-видимому, не возражали против установления собственных контактов с германскими эмиссарами и в правительстве Фатали-хана Хойского, однако рисковать и тем самым вызвать недовольство младотурецких покровителей не предполагалось по меньшей мере до тех пор, пока Германия не будет в силах предложить альтернативный источник решения первичных проблем азербайджанской государственности.

Позиция большевиков в отношении всех подписантов Батумских договоров оставалась непримиримой: с «шутовскими республиками» не собирались иметь дело даже *de facto*³⁷. Вероятность того, что Германия будет настаивать на признании хотя бы грузинской государственности — особенно после заявлений Кюльмана в рейхстаге 24 июня, — была весьма высока, так что определить цену вынужденного признания тифлисского правительства предстояло на стартовавших в Берлине переговорах о параметрах будущего Добавочного договора. К концу июля в советско-германских отношениях был накоплен изрядный опыт преодоления острейших кризисов, окончившихся — к удивлению и негодованию не только антибольшевистских сил, но и многих германских эмиссаров на местах — сохранением и даже укреплением связей РСФСР и Кайзеррейха. Разрешение, пусть и разного уровня и качества, кризисов вокруг судьбы Черноморского флота, ряда вооруженных столкновений на демаркационной линии, прямой военной помощи (или подозрений в этом) Германии восставшему казачеству, убийства графа Мирбаха, требования ввода германских войск в Москву и, наконец, вокруг расправы над Николаем II³⁸ позволяло надеяться на конструктивный ход переговоров о новой советско-германской сделке — о Добавочном договоре.

Признание Москвой независимости Тифлиса было на повестке дня, однако продать его Совнарком намеревался подороже: как минимум за признание советской сферой влияния всего остального Закавказья, с последующим «правомерным» (т.е. с молчаливого германского согласия) и явно силовым вытеснением оттуда любых проосманских сил. До соответствующих сделок с Германией для Советской России были бы вполне приемлемы минимально необходимые контакты с тифлиским правительством через посредничество германского посла в Москве или через полпредство в Берлине. С правительствами в Эривани или Гяндже были готовы вести даже неофициальные консультации только о признании ими хотя бы номинальной власти над собой Совнаркома.

В июле складывание Батумской подсистемы международных отношений продолжалось, хотя решение принципиального вопроса о ее совместимости с Брестской системой и условиях

³⁶ Еще в мае германскими ведомством удалось заблокировать оформление его независимости Портой, а к концу июня — попытку формирования там правительства, ориентирующегося исключительно на Константинополь, где укрывались от «банд большевиков» потенциальные лидеры этого крымского проекта. О складывании позиции Германии в отношении Крыма вплоть до формирования правительства генерала М. Сулькевича см.: РА АА. RZ 201/11132.

³⁷ Весьма характерно, что именно так Чичерин выражался в телеграмме Иоффе даже 21 сентября (см.: АВР РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 17. Д. 68. Л. 52), уже после подписания Добавочного договора, где с огромным трудом удалось найти формулу, лишь до некоторой степени скрывающую согласие РСФСР на признание Грузии со стороны Германии, а значит и неизбежное начало контактов с тифлиским правительством и со стороны Москвы в рамках имплементации этого договора. До подписания Добавочного договора позиция Совнаркома относительно и Грузии, и тем более других закавказских и северокавказских государственных проектов была еще более категоричной.

³⁸ О судьбе его семьи вплоть до поздней осени надежной информации у германской стороны не было, что недооценивается богатой историографией данной трагедии.

ее окончательного вхождения в глобальный порядок на основе германской континентальной гегемонии откладывалось из-за накопления сил всеми основными претендентами на переформатирование Закавказья. Основные пожелания к оформлению будущей победы в Великой войне были зафиксированы в ходе совещаний в германской Ставке 2–3 июля. Этот компромисс был достигнут, несмотря на острый кризис вокруг Кюльмана, и потом еще долгое время рассматривался как базовые указания по политике Кайзеррейха на Востоке, хотя разногласия между различными ведомствами быстро сделали ссылки на решения в Спа лишь *ultima ratio*, а должной координации действий даже за счет санкционированных кайзером указаний обеспечено не было, что весьма характерно для финальной стадии развития вильгельмовского режима³⁹. Накопившиеся за три-четыре недели изменения в расстановке сил понуждали основные державы в регионе к активным шагам, хотя предпринять для этого действительно чрезвычайные усилия они не могли или (за исключением Османской империи) не стремились.

Очень трудно было согласовать баланс сил между Кайзеррейхом, его сателлитами и Советской Россией. Переговоры пошли успешнее после того, как руководить их процессом стал новый глава германской дипломатии П. фон Хинтце. Со второй половины июля он последовательно, успешно воздействуя на ОХЛ, добился отказа от новых военных проектов на Востоке и сворачивания вышедшей на новый уровень поддержки атамана Краснова на Дону и планов по налаживанию аналогичных контактов с Кубанской радой, а то и с генералом Алексеевым. В результате дискуссий в германской Ставке вокруг проекта Добавочного договора – статья 3-я которого обязывала Германию не вмешиваться в отношения России с ее частями (запрещала поддержку сепаратистских проектов) – в конце июля военных удалось убедить в том, что глобальная сделка с большевиками выгоднее сомнительных и затратных авантюр, а результатом нового соглашения будет полное сохранение германских позиций в Грузии и получение крупных компенсаций за германскую собственность в РСФСР. С 27 июля переговоры в Берлине между членами советской делегации и чиновниками АА (во главе с Й. Криге) вышли на решающий этап, так что обе стороны ожидали достижения компромисса чуть ли не в течение недели. Этому не смогли помешать ни разногласия большевистских представителей (А.А. Иоффе и Л.Б. Красина, с одной стороны, и Ю. Ларина и Г.Я. Сокольников – с другой)⁴⁰, ни непростые отношения среди германских дипломатов. Серия очередных дестабилизирующих обстановку событий на просторах бывшей Российской империи быстро ликвидировала эти иллюзии.

При поддержке графа И. фон Бернсторфа и Г. фон Секта, не раз призывавших АА и ОХЛ к уступкам союзнику, младотурецкие лидеры надеялись откладывать начало Константинопольской конференции до тех пор, пока не сложатся благоприятные обстоятельства для предъявления своих условий, как минимум не будет решена бакинская проблема. Понимая, что главное – урегулировать разногласия с Германией в неизбежном разделе Закавказья, лидеры младотурок Талаат и Энвер демонстрировали стремление заключить особую военную конвенцию с Кайзеррейхом, а только после этого перейти к переговорам с сателлитами. Требование остановить наступление на Баку было фактически саботировано. Не подозревая об истинных масштабах строптивости считавшегося германофобом Нури-паши⁴¹, германские инстанции были уверены, что смогут выработать сложный тройственный компромисс между

³⁹ Это хорошо просматривается на материалах мемуаров и военных и дипломатических архивов как опубликованных, так и пока ожидающих этого. Общую атмосферу придворной камарилли вокруг кайзера см.: Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / Hrsg. von H. Afferbach. München, 2005; Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.

⁴⁰ См. материалы длительных дискуссий между советскими эмиссарами на переговорах в Берлине: АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 16. Д. 63.

⁴¹ В конце июля тщето ездил уговаривать Нури быть лояльным обязательствам по Баку его старый знакомый подполковник Павлас, который убедился, что Исламская армия будет непременно штурмовать нефтепромыслы: *Bihl W.* Op. cit. S. 167, 251–252.

Москвой, Берлином и Константинополем, причем базовыми его условиями становились: признание РСФСР Грузии хотя бы *de facto*, отвод Исламской армии из Бакинского уезда и его окрестностей — т.е. раздел так и не оформившегося Азербайджана и сохранение Баку за большевиками в обмен на гарантию в доле поставок нефти для Центральных держав, с особыми интересами в этом Германии, — а затем начало Константинопольской конференции.

Турецкая сторона подавала сигналы о готовности к сделке с Германией, правда только там, где кайзеровской миссии уже удалось продемонстрировать свои возможности — в пределах Грузии, но не Армении и тем более не Азербайджана. К совместной разработке нефтепромыслов младотурки были готовы, однако намеревались сохранить контроль над Баку только за собой. Основным методом «убеждения» партнера по-прежнему оставалась политика *fait accompli*. Надежд на сохранение за Турцией всех результатов продиктованного 4 июня в Батуме переустройства Закавказья уже не питали. Важным признаком психологической готовности к частичной ревизии Батумских договоров стало то, что османская сторона интенсифицировала и быстро провела формальные действия по полному оформлению брестских своих приобретений: плебисцит (14 июля), крайне далекий от репрезентативности, а затем и торжественное возвращение трех санджаков в состав Порты (15 августа), более чем через 40 лет⁴². Это было сигналом к тому, что по меньшей мере Брестский договор младотурки намерены использовать в свою пользу безусловно, уже не дожидаясь признания последующей более масштабной «батумской» сферы экспансии.

В конце июля накопившееся «напряжение» в развитии Батумской подсистемы стало все яснее проявляться с каждым днем. Наиболее заметным, но далеко не единственным оказался кризис вокруг штурма Баку. Он был естественным следствием успехов Исламской армии в боях с войсками Бакинской коммуны, в результате которых во второй половине июля уже был поставлен вопрос о контроле над городом. Явная неспособность Советской России оказать достаточную для обороны военную поддержку показывала, что в межимперской конкуренции за Азербайджан РСФСР пока уступает Османской империи, в то время как Германия и Великобритания обладают возможностью вмешаться лишь с помощью косвенного давления и содействия ориентирующимся на них вооруженным группировкам. Напряжение в боях за Поволжье между РККА и коалицией антибольшевистских сил, причем как проантантовских, так и прогерманских (т.е. донских казаков Краснова), в течение июля достигло предельного уровня. Утрата Царицына и/или Астрахани означала бы полную блокаду очага «советской» (а в действительности коалиционной, с дашнаками и Л.Ф. Бичераховым) власти в Баку, аналогичную участи, что постигла к июлю и советские органы в Туркестане. Но события в Туркестане не угрожали устойчивости власти Совнаркома. Последствия же потери Баку для военно-стратегического положения Советской России сказались бы немедленно и радикально. Прекращение интенсивных поставок топлива через Астрахань парализовало бы часть военного потенциала РСФСР, а к середине осени следовало ожидать гуманитарного коллапса в обеих столицах.

Недовольство дееспособностью большевиков назревало в Баку во многих слоях населения⁴³, ведь уровень жизни падал даже быстрее уменьшения нефтедобычи⁴⁴. Конфликт комиссаров и с Грузией, и с османским сателлитом Азербайджаном, и с повстанцами

⁴² Одно из немногих подробных описаний: *Bihl W.* Op. cit. S. 245–251. О нюансах трансформации региона после распада империй см.: *Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129–161.

⁴³ Чего, разумеется, вовсе не признавала советская историография, настаивавшая на полной поддержке пролетариатом именно большевиков, но не любых других группировок, включая дашнаков, что иллюстрировалось соответствующей подборкой документов. См., например: *Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг.* / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.

⁴⁴ См. подробнее: *Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999. С. 79–102.

в Дагестане и Чечне, также получавшими эпизодическую помощь от Порты, отрезал нефтепромыслы от всех каналов взаимовыгодного обмена продукцией (и получения военной помощи) с внешним миром. Оставался только морской путь, выбор из двух одинаково неоптимальных вариантов: поставки в Астрахань для РСФСР или в Энзели, где британцы еще не вполне закрепились, да и организовать оттуда действительно существенную поддержку даже в обмен на нефть не могли. Даже в случае успешного взаимодействия с генералом Андриаником, а то и с эриванским правительством, дальнейшие конфликты и распад бакинской коалиции был неизбежен. Разграничение на территориях Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской губерний по этническому признаку было невозможно, по крайней мере без массовых насильственных миграций и трудных компромиссов. Все проекты арбитража, причем даже не германского, а нейтральных держав (скандинавских стран, чьи консулы находились в Баку), были демонстративным, но едва ли реалистичным предложением по решению проблемы границ. В этом убедился (даже не побывав восточнее Гянджи) Кресс, однако его мнение о необходимости проведения не этнических, а чисто прагматических (продиктованных рельефом и инфраструктурой) границ ни одна из местных элит учитывать не желала. Для армянских политиков даже смешанное германо-большевистское «соседство» было предпочтительнее османского. Возникло даже типичное в таких случаях предложение об устройстве в важнейшем городе региона порто-франко.

Еще не зная о реорганизации власти в Баку и о его переходе под открытый британский протекторат, Кресс сделал важный шаг к распространению германской зоны влияния поверх (а затем и вместо) османской. 30 июля вместе с главой австро-венгерской миссии в Грузии Франкенштейном он выехал в Эривань, где смог провести лишь менее суток, хотя дорога в одну сторону из Тифлиса потребовала 22 часов (при расстоянии в 200–250 км, в зависимости от пути)! Установив первичные контакты, он вынужден был срочно вернуться из-за грузино-азербайджанского конфликта, но оставил в столице Армении уже проявившего себя в заботах об армянских беженцах-«единоверцах» Франкенштейна, что означало дополнительную гарантию будущего покровительства. Впечатление у Кресса от поездки сложилось позитивное, в том числе от армянских войск во главе с генералом Ф.И. Назарбековым⁴⁵. Вернуться к развитию этого проекта Кресс смог далеко не сразу, однако сделал это при первой возможности. Минимальным условием для дальнейших шагов было продвижение германо-грузинской линии разграничения с османскими войсками до Александрополя, что открывало Армении путь к черноморским портам (и к прибытию будущих оккупационных войск), но одновременно перерезало все коммуникации Исламской армии с Османской империей. Грузино-армянский конфликт в Джавахетии и вдоль всей северной границы Армении в связи с турецкой угрозой в Эривани было решено пока проигнорировать. Кресс последовательно стремился к расширению грузинской территории вне учета этнографической статистики (столь важной в спорах лимитрофов, но часто фальсифицируемой или неактуальной)⁴⁶, видя в этом условие к стабилизации германского плацдарма.

Нестабильные и часто недостоверные известия о ситуации на фронтах Гражданской войны усиливали в Баку впечатление грядущего краха Совнаркома. Поэтому к 25 июля партнеры большевиков по управлению коммуной сочли более надежным вариантом британскую помощь, хотя о реальном ее потенциале и, главное, сроках прибытия точных сведений не имели. Слухи о наличии символических британских сил на нефтепромыслах ходили давно, вызывая обеспокоенность у германских инстанций, но только теперь, в конце июля, последовала открытая интервенция, причем именно символическая. Ее ускорили действия Бичерахова, отправившегося в Баку лишь после долгих переговоров с Данстервилем, который стал архитектором сложного компромисса интересов на основе поставок нефти в Энзели в обмен на оружие и машины. Очень скоро полковник Бичерахов спровоцировал раскол и без того

⁴⁵ См. подробнее: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein. S. 652–654.

⁴⁶ Ведь часто пользовались результатами Всероссийской переписи 1897 г., которые, спустя 20 лет активного роста и еще более активного перемещения населения, были не релевантны.

разобщенных коалиционных вооруженных сил. Коалиция окончательно распалась после серии поражений от Исламской армии. Председателя Бакинского СНК С.Г. Шаумяна постигла неудача в попытках убедить Совет в перспективности дальнейшей ориентации только на Москву. Находившийся в постоянных разъездах Данстервиль узнал о призывах о помощи от лидеров Бакинской коммуны (включая, по-видимому, некоторых большевиков) в Казвине, куда он едва успел вернуться после срочной поездки в Багдад (почти 1000 км в одну сторону) накануне. Решение о внезапном вмешательстве в схватку за Баку было принято только 28–31 июля, хотя он давно ожидал известий от своего протеже Бичерахова. Тот как раз накануне пошел ва-банк, выведя свои войска с фронта против Исламской армии, что резко ускорило развитие событий, в том числе активизацию британского вмешательства⁴⁷. Однако она была явно вынужденной. Отъезд Бичерахова из занятого лишь в середине июня Энзели, оставшегося без прочной власти после окончания эвакуации русских войск, серьезно ослабил возможности британцев по противодействию джангалийским повстанцам Кучек-хана (советником которого был германский генштабист Г. фон Паашен). В 20-х числах июля они попытались захватить Решт, что еще раз продемонстрировало шаткость контроля британцев над северной Персией. Переговоры с джангалийцами ничего не дали, они по-прежнему грозили отрезать британцев от выхода к Каспию, так что Данстервиль был далек от мысли о быстром рывке на север, хотя уже имел в виду плацдарм в Красноводске. В Энзели он перебрался лишь 4 августа. После срочного обращения за помощью из Баку британцы смогли направить туда лишь полковника К. Стоукса и 44 (!) солдат, прибывших 31 июля. Нарращивание британского контингента шло столь медленно, что, несмотря на господство лояльных англичанам ВМС в акватории, компенсировать бойкот большевистскими войсками дальнейшей обороны Баку, а также неоднозначную позицию Бичерахова новые союзники Центрокаспия не могли. Пока еще смутные известия о переменах в Баку спровоцировали флуктуацию в общем развитии кампании, так что в ближайшие дни должно было определиться, останется ли британская демонстрация на нефтепромыслах лишь эпизодом и катализатором или приведет к переходу межимперской конкуренции в иную, более сложную конфигурацию. Очередной этап развития Батумской подсистемы завершился, сменившись кульминацией кризиса вокруг Баку, вернувшей регион – по меньшей мере на полтора месяца – в пространство прямого, а не опосредованного столкновения Антанты и Центральных держав.

Библиография

- Андерсен А., Парцхаладзе Г.* Армяно-грузинская война 1918 г. и армяно-грузинский территориальный вопрос в XX в. // URL: <https://www.academia.edu/10382254> (дата обращения: 01.02.2022).
- Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.
- Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.
- Вачагаев М.М.* Союз горцев Северного Кавказа и Горская республика. История несостоявшегося государства 1917–1920. М., 2018.
- Воронович Н.* Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53–183.
- Гайдар Баммат – известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.
- Денстервиль.* Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.
- Иголкин А.А.* Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999.
- Ланник Л.В.* После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

⁴⁷ Контакты между ними были установлены в начале февраля, однако не отличались должной конструктивностью, хотя они друг другу были многим обязаны, учитывая скромные ресурсы обоих. Едва ли перспективнее складывались отношения и с великим князем Дмитрием Павловичем: *Безугольный А.Ю.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011. С. 40–64; *Денстервиль.* Указ. соч. С. 134–136, 146–149, 163–165.

- Лишин Н.Н.* На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.
- Лудишувейт Е.Ф.* Турция в годы первой мировой войны. М., 1966.
- Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129–161.
- Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.
- Муханов В.М.* «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики, 1917–1921. М., 2019.
- Носович А.Л.* Белый агент в Красной армии. Воспоминания, документы, статьи / под ред. А.В. Ганина. СПб., 2021.
- Петросян Г.А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван, 2012.
- Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.
- Сергеев Е.Ю.* Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1 (66). С. 122–134.
- Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017.
- Флот в Белой борьбе* / сост., науч. ред., пред. С.В. Волкова. М., 2002.
- Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.
- Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.
- Bernstorff J.H.* Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.
- Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.
- Erickson E.J.* Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War. Greenwood, 2001.
- Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.
- Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.
- Hopkirk P.* On secret service east of Constantinople. The plot to bring down the British Empire. London, 1994.
- Jung P.* Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915–1918. Graz, 1992.
- Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / Hrsg. von H. Afflerbach. München, 2005.
- Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.
- Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972 (2008).
- Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940.
- Not All Quiet on the Ottoman Fronts: Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918 / eds M. Beşikçi, S. Akşin Somel, A. Toumarkine. Baden-Baden, 2019.
- Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].
- Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011.
- Will A.* Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.
- Zürrer W.* Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380.
- Zürrer W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.
- Zürrer W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.

References

- Andersen A., Parzhaladze G.* Armjano-gruzinskaja vojna 1918 g. i armjano-gruzinskij territorial'nyj vopros v XX v. [The Armenian-Georgian war of 1918 and the Armenian-Georgian territorial question in the 20th century] // URL: <https://www.academia.edu/10382254> (access date: 01.02.2022). (In Russ.)
- Bezugol'nyj A.Ju.* General Bicherahov i ego Kavkazskaja armija 1917–1919 [General Bicherakhov and his Caucasian Army 1917–1919]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Bol'sheviki v bor'be za pobedu socialisticheskoj revoljucii v Azerbajdzhane. Dokumenty i materialy 1917–1918 gg. [Bolsheviks in the struggle for the victory of the socialist revolution in Azerbaijan. Documents and materials of 1917–1918] / eds Z.I. Ibragimova i dr. Baku, 1957. (In Russ.)
- Densterville'*. Britanskij imperializm v Baku i Persii 1917–1918. Vospominanija Densterville [British Imperialism in Baku and Persia 1917–1918. Memoirs] / per. B. Rudenko. Tiflis, 1925. (In Russ.)
- Fisher F.* Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennyh celej kajzerovskoj Germanii v 1914–1918 gg. [A leap to world domination. The policy of military goals of Kaiser's Germany in 1914–1918] / perev. s nem., komm. i pred. L.V. Lannika. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Flot v Beloj bor'be [The Fleet in the White Struggle] / sost., nauch. red., pred. S.V. Volkova. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Gajdar Bammatt – izvestnyj i neizvestnyj. Sb. dokumentov i materialov [Gaidar Bammatt – known and unknown. Collection of documents and materials] / sost. H.M. Donogo. Baku, 2015. (In Russ.)
- Igolkin A.A.* Otechestvennaja neftjanaja promyshlennost' v 1917–1920 gg. [Domestic oil industry in 1917–1920]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Lannik L.V.* Posle Rossijskoj imperii. Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire. The German occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)
- Lishin N.N.* Na Kaspijskom more. God Beloj bor'by [On the Caspian Sea. The Year of the White Struggle]. Praga, 1938. (In Russ.)
- Ludshuvejt E.F.* Turcija v gody pervoj mirovoj vojny [Turkey during the First World War]. Moskva, 1966. (In Russ.)
- Mailjan B.V.* Mezhdru Gruzij i Turcij: osobennosti irredentizma na primere Adzharii i Samche-Meshetii (1918–1921 gg.) [Between Georgia and Turkey: features of irredentism on the example of Adjara and Samtskhe-Meskheta (1918–1921)] // Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG [Historical Space. Problems of the history of the CIS countries]. Moskva, 2015. S. 129–161. (In Russ.)
- Mirzehanov V.S., Lannik L.V.* Batumskaja podсистема kak prostranstvo osmanskoj gegemonii v Zakavkaz'e: k postanovke problemy [The Batumi subsystem as a space of Ottoman hegemony in Transcaucasia: towards the formulation of the problem] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3 (65). S. 5–22. (In Russ.)
- Muhanov V.M.* “Socializm vinogradarej”, ili Istorija Pervoj Gruzinskoj respubliki, 1917–1921 [“Socialism of winegrowers” or the History of the First Georgian Republic, 1917–1921]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Nosovich A.L.* Belyj agent v Krasnoj armii. Vospominanija, dokumenty, stat'i [White agent in the Red Army. Memoirs, documents, articles] / pod red. A.V. Ganina. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Petrosjan G.A.* Otnoshenija Respubliki Armenija s Rossiej (1918–1920 gg.) [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918–1920)]. Erevan, 2012. (In Russ.)
- Sergeev E.Ju.* Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnoshenija: ot intervencii k priznaniju, 1918–1924 [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations: from Intervention to Recognition, 1918–1924]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Sergeev E.Ju.* Central'naja Azija v sovetskoj i britanskoj strategii v 1918 godu [Central Asia in the Soviet and British strategy in 1918] // Novaja i novejšaja istorija [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1 (66). S. 122–134. (In Russ.)
- Vachagaev M.M.* Sojuz gorcev Severnogo Kavkaza i Gorskaja respublika. Istorija nesostojavshegosja gosudarstva 1917–1920 [Union of Mountaineers of the North Caucasus and the Mountain Republic. The History of the failed state 1917–1920]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Voronovich N.* Mezhdru dvuh ognj (Zapiski zelenogo) [Between two fires (Notes of the green)] // Arhiv russkoj revoljucii [Archive of the Russian Revolution]. T. 7. Berlin, 1922. S. 53–183. (In Russ.)
- Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.
- Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.
- Bernstorff J.H.* Erinnerungen und Briefe. Zürich, 1936.
- Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992.

- Borowsky P.* Deutsche Ukrainepolitik 1918. Unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen. Lübeck; Hamburg, 1970.
- Erickson E.J.* Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War. Greenwood, 2001.
- Friedrich Freiherr Kreß von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkennner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.
- Geheimdienst und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Aufzeichnungen von Oberst Walter Nicolai 1914 bis 1918 / Hrsg. von M. Epkenhans, G.P. Groß, M. Pöhlmann, C. Stachelbeck. Berlin, 2019.
- Hopkirk P.* On secret service east of Constantinople. The plot to bring down the British Empire. London, 1994.
- Jung P.* Der k.u.k. Wüstenkrieg. Österreich-Ungarn im Vorderen Orient 1915–1918. Graz, 1992.
- Kaiser Wilhelm II als Oberster Kriegsherr im Ersten Weltkrieg: Quellen aus der militärischen Umgebung des Kaisers 1914–1918 / Hrsg. von H. Afflerbach. München, 2005.
- Kieser H.-L.* Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniergenozids. Eine politische Biografie. Zürich, 2020.
- Kurt Riezler. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.-D. Erdmann. Göttingen, 1972 (2008).
- Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkriege. Leipzig, 1940.
- Not All Quiet on the Ottoman Fronts: Neglected Perspectives on a Global War, 1914–1918 / eds M. Beşikçi, S. Akşin Somel, A. Toumarkine. Baden-Baden, 2019.
- Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].
- Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011.
- Will A.* Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.
- Zürrer W.* Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380.
- Zürrer W.* Kaukasien 1918–1921. Der Kampf der Großmächte um die Landbrücke zwischen Schwarzem und Kaspischem Meer. Düsseldorf, 1978.
- Zürrer W.* Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmächteinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.

DOI: 10.31857/S013038640021033-4

© 2022 г. **В.И. ЖУРАВЛЕВА**

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI веке ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКИ

Журавлева Виктория Ивановна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Scopus Author ID: 36599608300; ORCID: 0000-0003-4690-2686; Researcher ID: S-8120-2016

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00482 «Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX — начале XXI в.».

Аннотация. Статья посвящена современным тенденциям в изучении истории российско-американских отношений с конца XVIII в. до начала XXI в. Автор видит свою задачу в том, чтобы представить основные монографические исследования по данной проблематике, обратить внимание на многообразие жанров и теоретико-методологических подходов, получивших развитие в российской и американской историографии, а также обозначить перспективы изучения и преподавания истории двусторонних отношений. Его внимание сосредоточено на характеристике различных способов вопрошания исторического прошлого, поскольку в современной исторической науке от этого, а не только от введения в научный оборот ранее не использованных архивных источников, зависит получение новых знаний. По мнению автора, в многообразии вопросов, адресованных прошлому, американские историки преуспели в большей степени, чем их российские коллеги по цеху, несмотря на общие достижения и отдельные новаторские работы последних. Поэтому так важен откровенный разговор между учеными двух стран и продолжение работы в рамках совместных проектов и коллективных монографий, где можно было бы обобщить достижения национальных историографических школ не только на уровне монографической, но и статейной литературы и наметить перспективы дальнейших исследований. Данная статья может и должна рассматриваться как приглашение к такому разговору.

Ключевые слова: российско-американские отношения, советско-американские отношения, историография, методология, имагология, русистика в США, американистика в России.

V.I. Zhuravleva

The Study of the History of US-Russia Relations in the 21st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods

Victoria Zhuravleva, Russian State University for the Humanities; Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Scopus Author ID: 36599608300; ORCID: 0000-0003-4690-2686; Researcher ID: S-8120-2016

This article has been prepared with the financial support of The Russian Science Foundation (RNF), project No. 20-18-00482 “Transformations of the Supremacy Ideas in the West and in Russia in the Late 19th – Early 21st Centuries”.

Abstract. The article is devoted to the contemporary trends in studying the history of Russian-American relations from the 18th century until today. The author focuses her attention on the key books within this scholarly field as well as on a variety of genres and methodological frames represented in the U.S. and Russian historiographies in the 21st century. She also discusses prospects in studying and teaching the historical past of the bilateral relations in correlation with the different methods of engaging in dialogue with it. The author argues that in modern historical scholarship, these forms of dialogue along with new primary sources create a new kind of knowledge. It is author's belief that American scholars made greater progress than their Russian counterparts in tackling the multiplicity of questions addressed to the past of bilateral relations, even though Russian researches did produce individual innovative works and can boast general achievements. This is why it is so important for the two countries' scholars to continue the exchange of ideas and to keep on working on joint projects and collective monographs that could summarize the achievements of national historiographic schools found both in books and in articles and outline the prospects of further studies. This article can and should be seen as an invitation to such a dialogue.

Keywords: Russian-American relations, Soviet-American relations, historiography, methodology, imagology, Russian Studies in the US, American Studies in Russia.

INTRODUCTION

American Studies specialists in Russia and Russian Studies specialists in the US continue to closely focus on the history of Russia-US relations due to, on the one hand, the realities of today's international developments and domestic political agendas in both states and, on the other hand, due to the rich historical past of these relations demonstrating both confrontation and cooperation, stereotypes and myths in mutual perceptions and sincere desire to get to know and understand each other better.

The use of new theoretical and methodological approaches, the development of an international academic dialogue, the emergence of many internet archives and digitized collections, as well as of many visual sources from various genres and eras allow researchers to not only expand their sources (this task is still relevant, too), but also to offer new interpretations of the historical past. The study of the history of bilateral relations has long gone beyond the traditional historical narrative, has become interdisciplinary, which produces a search for new thematic priorities and adjustment of research practices.

The author does not claim to be providing an exhaustive description of the entire body of works published on both sides of the Atlantic in the 21st century and dealing with different periods and aspects of the history of Russia-US relations. She sees her more modest task in, first, outlining the two countries' principal historiographic trends as represented in specific monographs, both offering summary reviews of the two states' relations and focusing on individual periods therein; second, in drawing attention to the variety of genres and theoretical and methodological approaches developed in Russian and American historiographies; and, third, in depicting the prospects of studying bilateral relations in the 21st century.

THE HISTORY OF RUSSIA-US RELATIONS IN LONG-TERM PERSPECTIVES

In the few recent decades, authors offering summary reviews have abandoned the practice of merely tracing the course of historical events. They create either comprehensive studies presenting various dimensions of bilateral and, broadly, international relations, or follow certain overarching narratives. The ranks of professional historians have expanded to admit literary scholars and cultural studies specialists who infuse historiography their theoretical and methodological frameworks and thematic priorities and also with their own views of the past and present seen in their interconnections.

Such summary studies as the books of Norman Saul, David Engerman, and David Foglesong published in the 21st century had an important influence on the study of the history of bilateral relations. Like Nicolai N. Bolkhovitinov in Russia, Saul is justly considered to be the foremost American authority on the subject. The four volumes he authored span the period between 1763 and 1941; their importance is hard to overestimate given the number of his sources, his comprehensive approach, and his professionalism in detailing the historical narrative. He could be criticized for the mosaic-like structure of his works, for overabundance of events and facts, and for taking mostly the Russian context as his explanatory framework. However, today's study of Russia-US relations cannot be imagined without this multi-volume "encyclopedia" brimming with citations and ideas and featuring a huge cast of historical characters, both famous and obscure. Saul's books highlighted the multiplicity of stories in the historical past, focused attention on the problems in need of further exploration, and opened up enticing prospects for new interpretations¹.

Engerman's and Foglesong's books, in their turn, aim to consider the evolution of Russia's image in the US within an extensive time frame and with an emphasis on specific elements within this image, particularly after 1917. Engerman concentrates on three factors he believes to have primarily impacted the perception of Russia in the US starting in the 19th century: first, stereotypes around the Russian national character with led Americans to believe that Russia was different from the West and had limited ability to fit into the modern world; second, increasing enthusiasm over Russia's modernization that was smoothing out the differences and contradictions between the two states; third, the growing professionalism of Russian Studies specialists in the US. Following his preferred methodology, Engerman does not try to consider the competing images of Russia, even though American intellectuals whose activities and writings he analyzed with brilliant insight had directly contributed to the emergence of those images. Such a shift in focus would allow Engerman to fine-tune some aspects of his narrative. Additionally, he claims that the concept of modernization as applied to the perceptions of Russia in the US was shaped in the 1920s, and this is a debatable idea. This concept appears to have emerged back at the turn of the 19th–20th centuries when American society was going through its first massive "infatuation with/disappointment in" Russia over another stage in its modernization².

Foglesong has significantly expanded the knowledge of the mechanisms for creating and maintaining the images of the Romantic and demonic Russian *Other* that was part of constructing Americans' image of their *Self*. He focuses on the political, economic, cultural, and religious dimensions of the "new messianic idea" in the US that was connected to the vision of the prospects of Russia's renewal and served as a projection of the American domestic political situation. This is a study of Americans attempting for over a century to export their own symbols of political and religious faith, technological innovations and economic theories, pop culture achievements and in some instances even armed interventions as they take part in a "crusade" of sorts for the cause of Russia's modernization; this is a study of Russia being seen as America's "dark twin" serving to revitalize American nationalism. The book certainly presents only one facet of the perception process, which somewhat oversimplifies the overall picture. Yet the oppositions proposed by Foglesong ("Light-Darkness", "Civilization-Barbarity", "Modernity-Middle Ages", "Democracy-Authoritarianism", "Freedom-Slavery", "West-Asia/Orient") is a highly useful structure for conceptualizing the long-term trends of the American perception of Russia (be it Tsarist, Soviet, or post-Soviet period)³.

¹ Saul N.E. *Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence, 1991; *Idem. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence, 1996; *Idem. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence, 2001; *Idem. E. Friends or Foes? The United States and Russia 1921–1941*. Lawrence, 2006.

² Engerman D.C. *Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge; London, 2003.

³ Foglesong D.S. *The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" since 1881*. Cambridge, 2007.

One book by Alexander Etkind holds a special place among cultural studies as it takes us into the realm of imagology of Russia-US relations through analyzing the interactions between the two cultures. This book remains the best of its kind despite certain inaccuracies. By considering travelogues understood as journeys in space and time, Etkind shows the long-time role the American/Russian *Other* played in Russian/American cultures respectively. The book contains several valuable insights useful for understanding long-standing mutual myths. For instance, Etkind was the first to use Edward Said's term "orientalism" to describe the kind of relations the US/the West had with Russia, even though his claim that the orientalist way of liking and understanding Russia has not changed for years needs to be adjusted somewhat. For instance, American Russophiles, both liberals and conservatives, have never been consummate orientalists. Additionally, orientalism played different roles in the three discourses (conservative, liberal universalist, and Russophile) set by the text about Russia. Therefore, unlike Etkind, we should not ignore the ideological preferences of American orientalists. Naturally, historians and literary scholars working on different problems and different periods in the history of Russia-US relations may propose several other criticisms of Etkind's book and of any book that presents an interdisciplinary overview of its chosen topic. We should keep in mind, however, that Etkind did not intend to consider all the aspects of mutual perceptions as he focused instead on studying the temptation of such *Other* as is important for understanding one's own culture. Etkind focused on texts produced by history, but not necessarily true to history, on books where one can glimpse all those "what ifs" that history does now know and where history was sometimes imagined as different from reality. Interpreting those "imaginings" was Etkind's principal task, and it transformed his own text into a fascinating story of "cultural mirrors." This study based on parallel readings of two cultures, biographies and texts of their representatives has already become a classic among the studies of the imagology of Russia-US relations in the breadth of its span, and in the skill Etkind manifests in combining his chosen framework with the narrative, facts, and theoretical propositions⁴.

Another prominent summary imagological study published in Russia in the 21st century was a book by Vladimir O. Rukavishnikov depicting the evolution of the image of Russia/post-Soviet Russia in the West. Rukavishnikov took mass media, opinion polls, films, fiction as his sources and cartoons as his illustrations. The book was intended to explicate the role public opinion played in shaping the US foreign policy, to analyze its dynamics with account for the global situation of the time, for the objectives of domestic political struggle, and for the conflict of values. Following an established historiographic pattern, he took the Soviet era as his starting point in tracking long-term perception trends, which lead him to ignore their continuous shaping over a longer time. It prevents Rukavishnikov from offering his readers a more in-depth analysis of Soviet imperialism of the Cold War era seen as a continuation of the traditional Tsarist imperialist policy or from going beyond the framework of "red fascism" discussions when interpreting Ronald Reagan's rhetoric in his famous "Evil Empire" speech, or, ultimately, from identifying historical precedents of the American "crusade" for liberalizing Russia in the 1990s.⁵

Victor L. Malkov's and Edward A. Ivanian's summary works evidenced the readiness of the older generation of American Studies experts in Russia to abandon old interpretative patterns and thematic priorities in order to expand the problematics and methodologies of their research. The former contextualized the history of inter-country relations and diplomacy within the civilizational approach; he was interested in the algorithm of Russia-US relations in the time of revolutions, wars, and bipolar confrontation with account for both countries' peoples' self-perception as cultural communities⁶. The latter undertook a pioneering historiographic attempt to create an overarching view of the history of the two states' cultural connections in the 19th–

⁴ Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в travelogах и интертекстах. М., 2001.

⁵ Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.

⁶ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

20th centuries by presenting a general view of newspaper columns, memoirs, and researched the uncovering little-known pages in the history of the dialog of cultures⁷.

Ivanian also penned the first encyclopedia of Russian/Soviet-American relations⁸. In the US, Norman Saul took up the initiative of creating reference books and wrote two fundamental dictionaries of history based on his many years of archival and library research in both states⁹. The publication of encyclopedias and multi-volume collections of archival documents edited by Grigory N. Sevostianov¹⁰ was conducive to bringing forth new research into the history of the two countries' relations, including the appearance of new summary studies.

It would appear that the most fruitful approach in the latter case is joint publications by both states' scholars with each party relying on the accumulated knowledge from its national historiography and peering into the historical past from its own sociocultural present. This approach creates a space for an academic discussion that produces new interpretations of the history of Russia-US relations and arrives at a more precise chronology of these relations. The book written by a team of scholars that includes David Foglesong, Ivan Kurilla, and Victoria Zhuravleva (forthcoming in the Cambridge University Press in 2022) promises to be just such a publication. It is a comprehensive study of the US relations with the Russian Empire/the USSR/post-Soviet Russia; it employs an inter-disciplinary approach and utilizes both primary sources and classical and most recent body of academic works, including its authors' own authoritative research¹¹.

STUDYING INDIVIDUAL PERIODS IN RUSSIAN/SOVIET-AMERICAN RELATIONS: A VARIETY OF APPROACHES AND GENRES

When the Russian Empire and the US were "Distant Friends"

The history of Russian America, a place where Russians and Americans interacted with each other and with the indigenous population as they implemented their imperial projects, has long been the focus of fruitful research on both sides of the Atlantic. Russian scholars had been brought to this subject thanks to the research tradition established by the Academician Nikolai Bolkhovitinov. In the late 1990s, he edited a three-volume summary book on the historical past of Russian America and on the activities of the Russian-American company¹².

There are several recognized Russian experts in the area practicing the traditional descriptive approach. There is the renowned St. Petersburg scholar Andrey V. Grinev who produced a comprehensive study of the Russian colonization of Alaska in the 18th–19th century (until it was sold to the US) that was based on his long-standing research¹³. Grinev also published a special

⁷ Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007.

⁸ Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX веков / авт. и сост. Э.А. Иванян. М., 2001.

⁹ Saul N.E. Historical Dictionary of United States-Russian/Soviet Relations. Lanham, 2009; *Idem*. Russian and Soviet Foreign Policy. Lanham, 2015.

¹⁰ The 1st volume in the "diplomatic" series was published in 1999 and devoted to the diplomatic relations of the Russian Empire and the USA from 1900 until 1917. The last one about the Soviet-American relations in 1949–1952 appeared in 2006. Two collections of primary sources on trade and economic relations between the two countries from 1900 until 1933 have been published under Grigory Sevostianov editorship in the late 1990s as well.

¹¹ Foglesong D.S., Kurilla I.I., Zhuravleva V.I. America and Russia: From Distant Friends to Intimate Enemies (forthcoming, Cambridge University Press, 2022).

¹² История Русской Америки (1732–1867): в 3-х т. / под общ. ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1997–1999.

academic reference book¹⁴. There is the Moscow historian Alexander Yu. Petrov, a student of Bolkhovitinov's, who authors both summary works¹⁵ and biographies of those people whose life had been closely connected with the history of the trans-ocean part of the Russian Empire¹⁶. There is the Kemerovo historian Alexey N. Ermolaev¹⁷ who has expanded the geography of studying the Russian-American Company and has published, jointly with Petrov and Ivan V. Savelyev, the first student's book on the history of Russian America¹⁸.

Today's North American scholars also study the history of Russia's trans-ocean colonial empire and produce multi-disciplinary books in various genres. Kenneth Owens authored the first academic biography of Aleksandr Baranov, the first governor of Russian America, a merchant and an entrepreneur, an administrator and a diplomat. This biography is contextualized within environmental, ethnographic, sociocultural, economic, and geopolitical aspects of colonizing Russian America¹⁹. Lee Farrow published a book on the US purchasing Alaska. This work was based on a detailed analysis of both domestic political situation and changes in the international relations system²⁰. Ilya Vinkovetsky offered an innovative view of the Russian Empire's colonization experience in the New World. His work uses the colonial discourse and research practices developed within the New Imperial History. By considering Russia's trans-ocean colonies in parallel with the process of empire-building, Vinkovetsky filled the history of Russian America with new meanings and interpretations²¹.

Ivan I. Kurilla's book on Russia-US relations in *the first half of the 19th century* remains the best study of this topic in the 21st century. Instead of focusing on the traditional history of diplomacy, it utilized the sociocultural approach in order to help its readers develop a multi-dimensional perspective on the two countries' relations in the 1830s–1850s. Kurilla contextualized his "Russia and the US" subject within such meta-narratives as "Russia and the West," "American and Europe." It enabled him, on the one hand, to consider the significance of the American/Russian *Other* for the shaping of the respective national *Selves* and, on the other hand, to posit anew the issue of a search for the European identity. Both American and Russian *Selves* serve Kurilla as explanatory patterns for mutual representations, and his book ultimately lead us to the level of comparative imagology as it becomes an important step in studying the overall history of the two states' bilateral relations²².

New thematic priorities have emerged over the last decade in studying the *1860s–1870s*, which enables historians to re-contextualize the historical past as they peer into its depths through the lens of micro-developments and collective biographies woven from the portrayals of several people working in a single occupation. The first trend was exemplified by the American historian Lee Farrow's book. She provided a comprehensive view of the Konstantin Catacazy

¹³ *Гринев А.В.* Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории): 2-е изд., испр. и доп. М., 2018 (The 1-st edition was published in 2016); See also: *Idem.* Russian Colonization of Alaska. Preconditions, Discovery, and Initial Development, 1741–1799. Lincoln, 2018; *Idem.* Russian Colonization of Alaska: Baranov's Era, 1799–1818. Lincoln, 2020. These books represent the most detailed bibliography on the history of Russian America.

¹⁴ *Гринев А.В.* Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009.

¹⁵ *Петров А.Ю.* Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006.

¹⁶ *Его же.* Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М., 2012.

¹⁷ *Ермолаев А.Н.* Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке. Кемерово, 2013.

¹⁸ *Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Савельев И.В.* История Русской Америки: учебное пособие. Волгода, 2010.

¹⁹ *Owens K.N. (with Petrov A. Yu.).* Empire Maker: Aleksandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska and Northern California. Seattle; London, 2015.

²⁰ *Farrow L.A.* Seward's Folly. A New Look at the Alaska Purchase. Fairbanks, 2016.

²¹ *Vinkovetsky I.* Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. New York, 2011 (Edition in Russian: *Виньковецкий И.* Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. М., 2015).

²² *Курилла И.И.* Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005.

Affair, exploring one of the earliest significant complications in Russian-American relations²³. And by studying Grand Duke Alexis's journey to the US in 1871–1872, she, on the contrary, highlighted the impressive variety of bilateral relations at the time when the “Russian-American friendship equation” was operative²⁴. The second thematic area was exemplified in a book by the renowned St. Petersburg historian Vladimir V. Noskov. The book, innovative in both its concept and execution, explored the everyday life of American diplomats in the capital of the Russian Empire. Working at the junction of the history of Russia-US relations, local history studies, and anthropology, and employing an impressive array of archival and published sources, Noskov created a picturesque portrait gallery of memorable members of the US diplomatic corps and at the same time, transformed St. Petersburg itself into one of the main “characters” of his narration²⁵. This book had been intended to inaugurate a series of collective portrayals of American diplomats painted against the background of the changing St. Petersburg²⁶. Sadly, an illness resulted in the author's untimely death in January 2021.

Anna A. Arustamova's book is a summary philological study dedicated to researching a dialog of cultures. Arustamova was interested in the representations of America in Russian historical and literary discourse. Her book analyzed fiction and newspaper columns and it was populated with both historical and fictional characters that provided the reader with an extensive range of images of the US in the Russian cultural continuum of the 19th century. Literature of the Russian-Jewish emigration and travelogues took the book into the transitory space of the turn of the 19th–20th centuries. The main flaw here was that Arustamova ignored literary scholarship published in the US, which is at the very least strange in the 21st century, a time of an active academic dialog between the two countries' scholars²⁷.

Russia and the US at a Watershed Era: Transitioning from the 19th to the 20th

Victoria I. Zhuravleva's pioneering monograph made an important contribution to studying a watershed era in the history of the two states' bilateral relations. This crucial period started at the time of foreign political reaction in Russia during the reign of Alexander III and at the time of industrialization, mass immigration, and re-appraisal of values in the US. This period ends with World War I and the Russian revolutions of 1917. The interdisciplinary study employed the social constructivist approach to studying Russia-US relations and was intended to provide a comprehensive analysis of the range of American perspectives on the Russian Empire in the 1880s–1910s. Discourses set by the text about Russia served as patterns of meaning that helped find one's bearings in the layers of historical narrative, verbal and visual sources, and collective and individual images. These discourses were determined by both domestic and foreign political agendas of American society, by the sociocultural traditions of its development, and by the climate of bilateral relations. Of particular interest was Zhuravleva's argument that radical changes in the perception of Russia in the US were not prompted by the October revolution; they took place earlier, against the backdrop of the February revolution, the first crisis and the first war of images in the bilateral relations. That was the time when the Russian Empire turned into

²³ Farrow L.A. *The Catacazy Affair and the Uneasy Path of Russian-American Relations*. London; New York, 2022.

²⁴ Eadem. *Alexis in America: A Russian Grand Duke's Tour, 1871–1872*. Baton Rouge, 2014.

²⁵ Носков В.В. *Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ*. СПб., 2018.

²⁶ The memoirs of David Francis, the US Ambassador to Russia in 1916–1918, annotated by Vladimir Noskov, was published in 2019 by Slavica Publishers as part of the “Americans in Revolutionary Russia” series: *Francis D.R. Russia from the American Embassy* / ed. and annotated by V.V. Noskov. Bloomington, 2019.

²⁷ Арустамова А.А. *Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект*. Пермь, 2008.

a constituent *Other* that plays an important role in the interplay of meanings in the American identity discourse²⁸.

Viacheslav K. Shatsillo's book, on the other hand, was a traditional history of diplomatic relations between the two states; it was largely derivative and paid a certain tribute to today's anti-Americanism. Compared to the books by Normal Saul, to classical works by Soviet historians working on trade and economic relations and the Far Eastern problematics, and to Victoria Zhuravleva's works, Shatsillo's book added little to our knowledge of the nature, logic, and dynamics of the US relations with the Russian Empire in the early 20th century. Despite the list of archival and published sources used and despite certain insightful passages, this work was a product of old historiographical tradition in its explanatory patterns, methodology, contents, and the principle of structuring the material. In the US, such a tradition has long since become a thing of the past, while in post-Soviet Russia, it still retains its positions²⁹.

Dale Rielage's recent study of Russia-US relations during World War I appeared to be of far greater interest. Rielage demonstrated the inability of the Russian Empire during the war to make full use of the American market for its military needs. He considered the problem of military procurement with account for interactions between Tsarist bureaucracy and civil society and stressed the fact that both parties failed to become efficient when Russia was forced to respond to the challenges of the new century³⁰.

Two more books written in different genres start their narration in the 19th century and take us to the revolutionary era, the furnace that forged Soviet Russia. Not everyone in the US who had championed the renewal of the Russian Empire and welcomed the February revolution accepted this new Soviet country.

Using archival sources, Saul published a biography of Charles Crane, an American businessman, philanthropist, and Russophile who had made a special contribution to spreading the knowledge of Russia in the US and to the emergence of Russian Studies in America. This book offered its readers a professionally painted portrayal of an individual and of American society and its relations with Russia, China, the Ottoman Empire, and Austro-Hungary at a time when the US embarked on the path of becoming a global power³¹. In his turn, Dmitry M. Nechiporuk focused on the activities of the Society of American Friends of Russian Freedom. Given the "new messianic idea" typical of its repertoire of meanings and seeing the US as participating in Russia's modernization, the Society made a special contribution to shaping the liberal universalist discourse of Russia³². Spikes in American "crusades" for the liberalization of Russia coincided with the times of revolutionary disruptions, be it the revolutions of 1905 and 1917, or the collapse of the Soviet Union.

In today's Russian scholarship on *the US relations with revolutionary Russia*, Sergey V. Listikov's book stands out as the supreme authority on the subject. He produced a multi-factor analysis of President Woodrow Wilson and his team's "Russian policy" with account for the contemporary alternatives and options of the time. He based his interpretative patterns both on an impressive array of archival materials and on a dialog with other scholars on both sides of the Atlantic researching this particular period³³.

As regards American historiography, scholars have recently been concentrating on researching the stance of the Woodrow Wilson Administration during the Russian civil war of 1918–1921 and

²⁸ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012. The conclusion of the third part draws the reader's attention to the First World War period, while the epilogue focuses on today's reality, emphasizing the long-term trends in American images of Russia (be it the Russian Empire, the Soviet Union or post-Soviet Russia).

²⁹ Шаццлло В.К. Россия и США: от Портсмутского мира до падения царизма (очерки истории отношений). М., 2019.

³⁰ Rielage D. C. Russian Supply Efforts in America during the First World War. Jefferson, 2002.

³¹ Saul N. E. The Life and Times of Charles R. Crane, 1858–1939. American Businessman, Philanthropist, and a Founder of Russian Studies in America. Lanham, 2012.

³² Нечипорук Д.М. Во имя нигилизма. Американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб., 2018.

³³ Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

the American intervention in Siberia and in the Far East³⁴. Those historians who confine their studies to the Siberian expedition miss the true meaning of the US intervention in the Civil War in revolutionary Russia³⁵. Generally, however, post-Cold war US historiography has been dominated by the view of the Washington Administration's policy at that momentous era as anti-Bolshevik in nature. Such, for instance, was the conclusion reached by two eminent American historians Donald Davis and Eugene Trani, although their general claim that Woodrow Wilson's policy represented a kind of a "first cold war" appears to be debatable³⁶.

Slavica Publishers' *Americans in Revolutionary Russia* series edited by William Whisenhunt and Norman Saul is an important contribution to studying the imagology of bilateral relations at the time of wars and revolutions. This series reprints travelogues written by Americans who had journeyed to the Russian Empire and Soviet Russia in 1914–1921; with eminent historians from both states provide introductions and annotations for the series³⁷. These books form part of the body of American works on the Russian revolution. Observing it both directly and indirectly, Americans "invented" its Demonic and Romantic images and experienced cycles of hopes and disappointments influenced by their own ideology of progress and expansion, their own vision of an ideal political and social system, a true revolution, the US place in the world, and its role in democratizing the world. The Russian revolutionary *Other* was fitted into various discourses determined by the text of Russia. This *Other* served as a constituent element in shaping Americans' own collective and individual identities. Chronologically, this series goes up to the end of the Civil War and, via the revolutionary era, brings together the history of the US relations with pre-Soviet and Soviet Russia.

Soviet-US Interbellum Relations

Grigory Sevostianov's book published at the start of the 21st century holds a special place among the works on the traditional history of diplomacy between the end of World War I and the start of World War II. Spanning the years 1918–1933, it employed the traditional approach to studying inter-country relations, based on Russian archival materials and different published sources, and focused on the problem of the US diplomatic recognition of Soviet Russia³⁸.

Vladimir V. Poznyakov authored a pioneering book in Russian historiography that contained the first comprehensive study of Soviet Russia's intelligence activities across the Atlantic. Of particular value was the unique biographical dictionary of spies, agents, and their sources in the US, Canada, and Latin America that took up half the book. The author tackled the previously classified subject with gusto and consummate professionalism as he introduced his readers to the secret, yet no less important, element of the interbellum Soviet-American relations³⁹.

Yet it is primarily American historians who publish methodologically and thematically trailblazing works. One exception to this rule was a book by the prominent Russian historian Boris M. Shpotov, a specialist in American Studies and an acknowledged expert on the history of American entrepreneurship, including in the context of bilateral relations⁴⁰. The book described

³⁴ See for example: *Melton C.W.* Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1921. Macon, 2001; *Willett R.L.* Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918–1920. Washington (DC), 2003.

³⁵ *Tooze A.* The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931. New York, 2014.

³⁶ *Davis D.E., Trani E.P.* The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations. Columbia: University of Missouri Press, 2002 (edition in Russian: *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. М., 2002). Multi-aspectual analysis of the Russian Policy of Woodrow Wilson's Administration also see in: *Richard C.J.* When the United States Invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, 2012.

³⁷ *Americans in Revolutionary Russia* // URL: https://slavica.indiana.edu/series/Americans_in_Revolutionary_Russia?page=2 (access date: 15.02. 2022).

³⁸ *Севостьянов Г.Н.* Москва-Вашингтон. На пути к признанию. 1918–1933. М., 2004.

³⁹ *Позняков В.В.* Советская разведка в Америке. 1919–1941: 2-е изд. М., 2015.

⁴⁰ *Шпотов Б.М.* Генри Форд. Жизнь и бизнес. М., 2003.

the “American vector” of Stalin’s modernization and argued that Soviet Russia was not at all economically, scientifically, and technologically isolated. Shpotov demonstrated how the Dnieper Hydroelectric Power Plant, the Magnitogorsk Metallurgy Works, the Nizhny Novgorod Automotive plant were built within a few years with American firms participating, how aviation, chemical, electrical engineering industries were created. Shpotov allotted a special place in his book to the issue of Americans’ perception of the Soviet experiment depending on their gender, race, and social standing, although in this particular respect, he did not move beyond narrative analysis⁴¹.

American scholars in the 21st century, on the other hand, are particularly attracted by these very imagological aspects. They study the attitude to Soviet Russia among American feminists and left-wing female pacifists inspired by gender equality established by the Bolsheviks, or, on the contrary, the attitudes of conservative American women who used Soviet family and marriage policies to criticize feminist reformers in the US itself and to attack women participation in the pacifist movement⁴².

There also emerged an independent area in historiography researching the race factor and its role in shaping representations of Soviet Russia in the US. Scholars study African Americans’ attitudes to the Soviet experiment and communist ideas depending in their religious views, ideological persuasions, and social status⁴³, or else they research the importance of Black activists’ work in shaping the stable opposition of Soviet internationalism vs. American racism in bilateral relations⁴⁴. That was the *Self–Other* opposition at work in the ideological context. In that sense, African Americans used the Romantic Soviet *Other* before and after World War II in their struggle for racial equality, while Soviet internationalism hampered Washington administrations in their effort to use civil rhetoric in their relations with the USSR, since the US itself continued its racial discrimination policies.

Philological studies investigate the imagology of Russia-US relations through the lens of literary receptions. Thus, Milla Fedorova in her book drew her readers’ attention to the images of America and Americans in literary and non-literary works of Russian/Soviet writers and poets. Progressing from the pre-revolutionary era to the 1930s, she demonstrated the shaping of a negative image of America through criticism of racism, soulless materialism, and economic exploitation in the US, and showed how this negative image played an important role in the interplay of meanings in the Soviet identity discourse. At the same time, she stresses that regular people continued to enjoy American adventure novels and were fans of American popular culture, be it movies or jazz⁴⁵.

Studying the religious and humanitarian dimensions of bilateral relations both in the given period and outside remains a promising research direction. So far, there are very few books on the subject. The American historian Matthew Miller, known for his works on the topic, wrote a book on the religious and educational activities of the Young Men’s Christian Association showcasing the role it played in establishing a religious dialog between the East and the West in Russia before the revolution and in assisting the Russian émigré community after the revolution. The central narrative line in this book based on little-studied sources was the contribution the American Protestant organization made to developing Orthodox culture in Tsarist Russia and then among

⁴¹ *Его же*. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013.

⁴² *Delegard K.M.* Battling Miss Bolsheviks: The Origins of Female Conservatism in the United States. Philadelphia, 2012; *Mickenberg J.L.* American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream. Chicago, 2017.

⁴³ *Makalani M.* In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2011; *McDuffie E.S.* Sojourning for Freedom: Black Women, American Communism, and the making of Black Left Feminism. Durham, 2011.

⁴⁴ *Carew J.G.* Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. New Brunswick, 2010; *Roman M.L.* Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937. Lincoln, 2012.

⁴⁵ *Fedorova M.* Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception. DeKalb, 2013.

Russians who fled to Europe escaping Bolshevism. YMCA thereby helped integrate the Orthodoxy in the European cultural landscape. Miller drew particular attention to the Young Men's Christian Association's philanthropic activities during World War I when it assisted POWs in Europe and in the Russian Empire⁴⁶. At the same time, there has been virtually no research into the activities of democratic churches in the US striving to transform Russians into the object of the missionary work spreading Protestantism, and into the religious factor in bilateral relations in general⁴⁷.

Additionally, the humanitarian component in the bilateral relations is of particular importance in its close connection with political and ideological contexts. These elements are equally important for understanding the humanitarian vector of the US foreign policy since the turn of the 19th–20th century when during the 1891–1892 famine in the Russian Empire Americans organized the first philanthropic movement for aiding Russian peasants, and for the mindset of American society in its evolution. Each time Americans gave the world an inexhaustible “helping hand,” they became more entrenched in their faith in their own advantages, in their right to carry out the democratizing mission throughout the world, and as they were getting ready to feed Russians and other peoples, they never let out of sight their ideological and commercial benefits. As the American writer Herman Melville aptly noted, for the first time in history, Americans demonstrated a fruitful combination of altruism and national egoism. The American scholar Bertrand Patenaude's fundamental book on the activities of The American Relief Administration remains the best study of the subject; it is a must for every person engaged in researching the humanitarian dimension of Russia–US relations⁴⁸.

In conclusion of our discussion of the interbellum, we need to turn to biographies that remain an appealing genre for scholars of all periods of Russian/Soviet-American relations, yet the end results differ depending on the approaches selected and on respective thematic priorities.

For instance, Alexander Etkind has recently published a provocative book about William Bullitt, a connoisseur of American politics and the first US ambassador to Soviet Russia. Etkind wrote an intellectual biography and, unlike his predecessors⁴⁹, presented Bullitt as an intellectual enamored of the ideas of his time and overcoming their temptations, a person whose views combined the legacy of American liberalism and European cosmopolitanism, a critical observer who could predict the course of events, but also a person of whose potential both his country and its leaders failed to make a full use. Contextualized within its time period and primarily within Soviet-American relations, this biography grips its readers. Yet Etkind tended to overemphasize alternative versions of history and constructed speculative explanatory patterns, which prompted deserved criticism from professional historians⁵⁰.

Dennis Dunn, in his turn, chose to present Bullitt among the five US ambassadors to the USSR in the 1930s–1940s; he fitted the evolution of their views into the complicated intertwinings of the relationship between Franklin Roosevelt and Joseph Stalin, and into the Soviet-American relations progressing from non-recognition to an alliance during World War II. At the same time he appears to have exaggerated Roosevelt's naïveté in his relationship with Stalin and underestimated the complicated situation before the beginning of World War II⁵¹.

⁴⁶ Miller M.L. *The American YMCA and Russian Culture. The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940*. Lanham, 2013.

⁴⁷ David Foglesong dwelled specifically on this topic in his latest book: *Foglesong D.S.* Op. cit. P. 23–25, 35–38, 45–47, 66–72, 83–93, 149–152, 191–194, 210–213.

⁴⁸ Patenaude B.M. *The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford, 2002.

⁴⁹ See, for example: *Casella-Blackburn M.* *The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948*. Westport, 2004.

⁵⁰ Etkind A. *Roads not Taken. An Intellectual Biography of William C. Bullitt*. Pittsburgh, 2017. This edition became an expanded version of Russian language book published in 2015.

⁵¹ Дани Д. *Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве*. М., 2004. See English edition: *Dunn D.* *Caught Between Roosevelt & Stalin. America's Ambassadors to Moscow*. Lexington, 1998.

When the USSR and the US were Comrades-in-Arms

The history of Soviet-American relations during World War II has been and still is one of the central topics in both academic and political public discourse on both sides of the Atlantic. Every anniversary of the end of the war once again foregrounds discussions of the nature of interactions between the USSR and the US within the anti-Hitler coalition, about the role of American aid under the lend lease program, about opening the second front, and finally, about each country's contribution to the ultimate victory over Germany and its allies. The Russian discourse is dominated by the idea that the USSR shouldered the main hardships of the war, suffered the greatest losses, and played the decisive role in the victory of the anti-Hitler coalition, while the American discourse is dominated by the idea of Russia refusing to acknowledge the scale of America's contribution to achieving this goal⁵². Historians and politicians continue to argue about the degree of the USSR's responsibility for the start of World War II given the Molotov-Ribbentrop pact, the subsequent division of Eastern Europe, and the Soviet-Finnish war⁵³. Generally, the interpretation of this period in both states is highly sensitive to the changing climate of Russia-US relations as it is directly linked to the pedagogy of patriotism and to national myth-making.

It is consequently all the more important to publish documents⁵⁴ and produce expert books with based on representative primary and secondary sources, the kind of books that expand the problem field of studying the subject and present history with account for both parties' stances and from various angles.

Such was the book authored by Vladimir O. Pechatnov⁵⁵, a prominent Russian expert in American Studies, that presented the history of Soviet-American relations through the lens of the cooperation and confrontation between Joseph Stalin, Franklin Roosevelt, and Harry Truman. This book was based on an impressive corpus of sources; it employed microanalysis and accounted for the human factor. This multi-contextual study is noticeable for considering the Soviet-American relations throughout the 1940s, which enabled Pechatnov to demonstrate the dynamics and logic of relations moving from cooperation during World War II to the confrontation of the Cold War.

Two books by Irina V. Bystrova, an eminent expert on Soviet history, became noticeable events in the Russian historiography of the 21st century. The first one took its readers into the space of personal contacts both at the very top and at the level of people immediately involved in the military action: soldiers, sailors, and pilots from the USSR, the US, and Great Britain, the people that interacted on the lend lease routes and came into contacts with the local population, which resulted in the three nations' mutual discoveries of each other. By integrating many personal history sources into her text, Bystrova successfully transformed it into a thrilling read that enriches our knowledge of various aspects of the allied cooperation in the anti-Hitler coalition⁵⁶. Bystrova's second book exemplified state-of-the-art research into the lend lease program; using recently declassified documents, she demonstrated the process of organizing and implementing the American program of delivering supplies to the USSR with a special emphasis on the activities of the Soviet Government Procurement Commission in the United States. Bystrova showed the huge part the lend lease program played in defeating the Axis powers and stressed this program's particular importance in 1941–1942, the hardest time for the USSR when the situation on the

⁵² See for example, *O'Brien P.P. How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II*. Cambridge, 2015.

⁵³ Among the latest American publications about Stalin's responsibility for the beginning of WWII as well as his plan to establish world hegemony see: *McMeekin S. Stalin's War: A New History of World War II*. New York, 2021.

⁵⁴ See for example: *Советско-американские отношения. 1939–1945 / под ред. Г.Н. Севостьянова*. М., 2004; «Аляска – Сибирь – фронт». История легендарной авиатрассы. Документы, комментарии, воспоминания. 1942–1945. М., 2004.

⁵⁵ *Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки*. М., 2006.

⁵⁶ *Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945)*. М., 2011.

front lines and in the manufacturing area was critical; Bystrova, therefore, demonstrated an allied nature of victory over Nazism⁵⁷.

The lend lease problem remains relevant in both Russian and American historiographies⁵⁸, just like Hollywood's special contribution to the allied cooperation during World War II. The latter topic is still mostly the focus of American historians. M. Todd Bennett in his book rethought the diplomatic history of World War II and transformed Hollywood into a real power promoting the idea of allied nations and the concept of internationalism. And the "dream factory" thereby created another illusion, that of a harmonious post-war world united under the protectorate of victor powers with the US playing the lead role therein. Bennett presented a vivid picture of the US, Great Britain, the USSR, and China deliberately using Hollywood to position the anti-Hitler coalition as standing firmly united despite ideological and political differences⁵⁹.

Frank Costigliola's book on Franklin Roosevelt's policies during World War II demonstrated another approach to studying the anti-Hitler alliance. Written in the emotional studies vein, this work emphasized the huge part personal factor played in the relationships between the USSR, the US, and Great Britain both during World War II and when transitioning from war to peace. Costigliola concluded that the Cold War was not inevitable. He believes that had Roosevelt lived longer, had Churchill not lost the elections, there could have been a transition to a world led by The Big Three. Costigliola laid the principal blame for unleashing the Cold War at the door of US and British officials, since after Roosevelt's death both countries came to be dominated by policies intended to exclude the USSR from the ranks of equal partners, which complicated post-war cooperation. At the same time, Costigliola recognized certain blunders made by Joseph Stalin (isolating foreign diplomats, journalists, and military mission officers)⁶⁰. Costigliola, however, appeared, first, to exaggerate Roosevelt's exclusive role in the three powers' alliance and, second, does not account for the totality of objective factors that contributed to the start of the Cold War.

The History of Soviet-American Relations during the Cold War: Outcomes and Research Prospects

The current international crisis has created favorable conditions for new bipolarities and division lines emerging both regionally and globally. Old metaphors and cold war images are once again in demand today, and they shape the meanings repertoires of new public and political discourses. In such a situation, turning to the Cold War experiences is interesting both academically and politically, whether we are talking the importance of inter-country dialog for diffusing the confrontation, or whether we are discussing the role of civic diplomacy in building cooperation bridges, or whether we are pondering the issue of recognizing the dangers inherent in ramping up the hysteria and the "war of images" in the media.

Archival collections are being declassified, published, and digitized⁶¹, new international projects are launched, sites collecting visual sources are created to be used for academic and educational purposes⁶², scholars write books on teaching the history of the Cold War employing

⁵⁷ *Ее же*. Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945). М., 2019. There is a serious disagreement in data that can be explained by the different calculation technique of the supply volume.

⁵⁸ Among the latest publications see: *Weeks A.L.* Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II. Lanham, 2004; *Walling M.G.* Forgotten Sacrifice. The Arctic Convoys of World War II. New York, 2012.

⁵⁹ *Bennett M.T.* One World, Big Screen: Hollywood, the Allies, and World War II. Chapel Hill, 2012.

⁶⁰ *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton; Oxford, 2012.

⁶¹ See for example: *At Cold War's End: United States Intelligence on the Soviet Union and Eastern Europe, 1989–1991* / ed. B.B. Fisher. Central Intelligence Agency, 1999; *End of the Cold War* // Wilson Center. Digital Archive. International History Declassified. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/37/end-of-the-cold-war> (access date: 15.02.2022).

⁶² See for example: *A Visual Guide to the Cold War* // URL: <https://coldwar.unc.edu/> (access date: 15.02.2022).

new methodologies and approaches with account for national interpretations and new generations of students coming into classrooms⁶³.

Both the origins of the Cold War⁶⁴ and its concluding stage with its characteristically diverse trends present at different levels, as well as the foreign policies of the USSR, the US, and the powers within their respective orbits prompt particular scholarly interest today⁶⁵. Works written by those people who had been directly involved in the process of ending the Cold War become an important contribution to understanding the complex intertwining of domestic and international factors. These works combine “insider” experiences with other sources, and Soviet-American relations are presented in various contexts with account for opportunities both sides had missed⁶⁶.

The most recent historiography of Soviet-American relations during the Cold War is truly boundless. Therefore, given the size restrictions for this article and an impressive corpus of historiographic publications⁶⁷, the existence of a specialized academic outlet *Journal of Cold War Studies* published since 1999 in Harvard that regularly includes reviews⁶⁸, given that recently published books contain detailed historiographic sections, and since multiple reviews are regularly published in American and Russian academic journals, it makes sense to outline the main trends in studying the history of Soviet-American relations in 1945–1991 in both the US and Russia and to map out further research prospects.

In recent decades, many influential American historians recognized the fact that political decision-making during the Cold War was determined precisely by ideologies as agglomerations of ideas, values, and myths defining people’s mindsets. These historians called upon their colleagues to study more carefully the ideological dimension of the Cold War, the course of the global war for people’s minds and souls, and the ultimate victors and causes of their victory. In his short history of the Cold War written in the spirit of post-revisionism, John Gaddis, one of the top scholars of America’s foreign policy and Russia-US relations, presented the course of the bipolar confrontation through the lens of interactions between politics and ideology with account for changes in both political and social areas, i.e. in society’s perceptions of itself and of the world beyond the national borders. This book offered an overview of complex historical development, a fresh take on the Cold War as a confrontation that sprang from fear and ideological differences and ended in the victory of one system of values and ideas over the other⁶⁹.

At the same time, even though the ideological conflict conceived of in the oppositions of capitalism vs. socialism, liberalism vs. communism, Protestantism and Catholicism vs. atheism was born much earlier than 1945, most scholars take this year as its starting point, when both parties on both sides of the Atlantic formed a sufficiently monolithic image of their respective Enemy Number One that could be easily used in propaganda efforts promoting each party’s own social and value system⁷⁰.

⁶³ See for example: *Understanding and Teaching the Cold War* / ed. M. Masur. Madison, 2017.

⁶⁴ *Levering R.B., Pechatnov O.V., Botzenhart-Viehe V., Edmondson C.E.* Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives. Lanham, 2002.

⁶⁵ Among the most authoritative books devoted to the end of the Cold War see: *English R.* Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War. New York, 2000; *Grachev A.* Gorbachev’s Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War. Cambridge, 2008; *Wilson J.G.* The Triumph of Improvisation: Gorbachev’s Adaptability, Reagan’s Engagement, and the End of the Cold War. New York, 2014; *Zubok V.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2008; *Idem.* Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven, 2021.

⁶⁶ See for example: *Matlock J.F.* Reagan and Gorbachev. How the Cold War Ended. New York, 2004; *Sell L.* From Washington to Moscow. US-Soviet Relations and the Collapse of the USSR. Durham; London, 2016; *Черняев А.С.* Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008.

⁶⁷ See for example: *Westad O.A.* Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory. London, 2000; *Palgrave Advances in Cold War History* / eds S.R. Dockrill, G. Hughes. New York, 2006.

⁶⁸ The Journal of Cold War Studies. Home page // URL: <https://direct.mit.edu/jcws> (access date: 15.02.2022).

⁶⁹ *Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. New York, 2005.

Gaddis continued to share his thoughts on the Cold War with the academic community in his biography of George Frost Kennan, a person intrinsically linked with the history of the Cold War. This book has formed part of massive research into the life of an expert on Russia whose ideas inspired the U.S. foreign policy of “containing” the Soviet Union. In his “Long Telegram” and in his article “The Sources of Soviet Conduct,” Kennan described both the conflict itself and the US political strategy therein. And he also began to consistently abolish his own claims even before he fully formulated his concept, since he was dissatisfied with the way other people implemented his ideas in the US foreign policy. Gaddis’s monumental work provided a masterful description of Kennan’s life full of ironies, contradictions, and paradoxes, all those features that attract the biographers of the diplomat turned historian who unshakably believed in his own historical significance. The book appeared pursuant to an agreement between Gaddis and Kennan about the former writing the latter’s biography after his death. This agreement granted Gaddis exclusive access to Kennan’s huge personal archive and his unpublished diaries and correspondence. Gaddis generously quoted these sources in his book, and readers felt as if they hear Kennan’s own voice guiding the narration. This biography rendered Kennan’s views of himself, the US, and the world, the outstanding man’s doubts and self-criticism in such minute and true details that in this sense, this is a biography created by Kennan himself, by the man who played a special role in the history of international relations during the Cold War, by the man who, as the time went by, changed his views of the present and future relations of the two superpowers⁷¹.

Generally, Gaddis’s extensive work appears to be opening a new stage in studying Kennan’s life and career rather than drawing a conclusive line under the endeavor, especially given that Princeton University has opened access to hundreds of boxes with archival materials and launched a project led by Frank Costigliola, another influential scholar of the US foreign policy. This project produced a publication of Kennan’s diaries⁷² that constitute, in Gaddis’s words, today’s most extensive description of America’s life in the 20th century.

Two prominent experts on the history of the Cold War, Vladimir O. Pechatnov and Vladislav M. Zubok⁷³, summarized the results of Cold War research in Russia after the collapse of the USSR; as has been mentioned before, each published his own influential works on the subject⁷⁴. Another book by Irina V. Bystrova stands out among the relevant publications that appeared in Russia; this study presents the history of the Cold War through the lens of confrontation between the Soviet and American military industrial complexes. Using declassified documents from Russian and American archives, Bystrova researched both traditional aspects of the military doctrine and economics and technologies and also introduced an innovative exploration of the social and imagological contexts of the two superpowers’ military and technological rivalry⁷⁵. Mikhail N. Suprun continues to study the Cold War in the Arctic; he regularly organizes international conferences and edits collections of articles produced by Russian and foreign scholars⁷⁶.

In recent decades, Russian scholars have been publishing academic works and books for students used extensively in courses on the history of international relations in the 20th century and on the US’ foreign policy. For instance, Natalia I. Egorova, who has long headed the Cold War Sector at the Institute of World History at the Russian Academy of Sciences⁷⁷, authored a student’s book, and Viktor A. Kremenyuk, one of the Russian leading specialists in American

⁷⁰ See for example: *Leffler M.P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War*. New York, 2007.

⁷¹ *Gaddis J.L. George F. Kennan. An American Life*. New York, 2011.

⁷² *Kennan G.F. The Kennan’s Diaries* / ed. F. Costigliola. New York, 2014.

⁷³ *Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография холодной войны. Некоторые итоги десятилетия // Отечественная история*. 2003. № 4. С. 143–150; № 5. С. 139–148.

⁷⁴ In addition to the book mentioned above see: *Печатнов В.О. От союза к холодной войне. Советско-американские отношения в 1945–1947 гг.* М., 2006.

⁷⁵ *Быстрова И.В. Холодная война 1945–1960 гг.* Токио – Москва – Вашингтон. М., 2009.

⁷⁶ *Холодная война в Арктике* / под ред. М.Н. Супруна. Архангельск, 2009.

⁷⁷ *Егорова Н.И. История холодной войны, 1945–1991*. Владимир, 2011.

Studies, produced a summary book based on official sources and the author's own experiences. He attempted to answer three principal questions: Why didn't the Cold War become a hot war? How did it end? What were its ultimate consequences?⁷⁸

Nonetheless, when it comes to interdisciplinary studies of the Cold War seen through the lens of its various contextualizations, the achievements of the most recent Western historiography appear to be more impressive both in the area of summary studies and in research into individual periods. I would like to add a few more recent publications to the ones that had already been mentioned, since they reflect new thematic priorities and methodological approaches.

Historians in the West in general and in the US in particular continue to focus on imagery of Soviet-American relations and on the cultural and academic diplomacy. A joint comparative study authored by Tony Shaw and Denise Youngblood⁷⁹ investigated the ways American and Soviet film became a Cold War front. This work, along with the scholars' other publications, has become classics for everyone engaged in researching the cultural history of the bipolar confrontation⁸⁰.

Two other recent books constitute an important contribution to studying the sociocultural dimension of the Cold War through the lens of the ideological *Other*. Using materials from Russian archives, personal sources, and visual texts, Rósa Magnúsdóttir convincingly demonstrated that in the early stages of the Cold War, Soviet propaganda constructed Enemy Number One as the "dark twin" of the USSR, as what in English is called a "frenemy," i.e. the opposite of one's own *Self* needed to construct the *Self*-concept. She presented a masterful analysis of the political and ideological landscapes where the Soviet propaganda "factory" operated. Her explanatory patterns, however, became far less convincing when she transitioned from manufacturing propaganda to disseminating it. The recipient audience as such remained outside her scope of interests; she did not go into perceptions of propaganda, into resistance to anti-Americanism both within Soviet society itself and among Soviet intellectuals. Being an important contribution to the Cold War historiography, this book at the same time clearly shew that studying propaganda requires a multifaceted approach that is irreducible to the characteristics of propaganda itself and the environment that generates it. What is required is research into who, how, and why responded to propagandistic messages⁸¹.

Dina Fainberg dedicated her work to studying the role American and Soviet journalists, as people who could travel beyond their respective side of the "iron curtain," played in disseminating the values and ideals of the Cold War. Fainberg produced a gripping book based on interviews and other primary sources and presenting a history of the images of Soviet/American *Other* being shaped up as a result of a clash between two truths, two systems, and professional approaches in the era of bipolar confrontation, which transformed newspaper correspondents into active participants in the process of identity construction⁸².

An ambitiously conceived book by the young scholar Jennifer Hudson is a recent and successful attempt to paint a summarizing picture of the history of the cold war. She used journalistic writings of the time, newspaper articles and editorials, feature films and documentaries, official documents and memoirs to demonstrate how the USSR and the US interacted diplomatically and intellectually at every stage of the Cold War, how cultural and civic diplomacy was functioning, expanding the knowledge and understanding of the respective *Other*, and creating additional opportunities for cooperation even despite the bipolar confrontation. This book is geared toward a more nuanced understanding of political, cultural, and geopolitical Soviet/American relations

⁷⁸ Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М., 2015.

⁷⁹ Shaw T., Youngblood D. Cinematic Cold War. The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence, 2010.

⁸⁰ Shaw T. Hollywood's Cold War. Amherst, 2007.

⁸¹ Magnúsdóttir R. Enemy Number One. The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda. 1945–1959. New York, 2019.

⁸² Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore, 2021.

described through the lens of dichotomic interpretations. As such, it will certainly be in demand in classrooms⁸³.

Civic diplomacy is among the promising subjects in studying the Cold War in general and its end in particular. American historians researching this thematic area concentrate on the non-governmental level of interactions and are interested primarily in the matter of the influence academics and civil activists had on state leaders' ways of thinking and policies⁸⁴.

This is why works exploring civil, scientific, scholarly, cultural, and academic exchanges in the full variety of their forms and participants are of particular interest. Among the most recent such publications is a book by Gerson Sher who for the last twenty years has been coordinating Soviet/American academic exchanges based at the National Science Foundation. As a person who has for half a century contributed to developing bilateral academic cooperation, he had first-hand knowledge of the causes of malfunctions in the exchange programs that were affected by spikes in the confrontation, propaganda wars, and red tape. He shared with his readers his own experiences and used information from insiders (academics, program managers, government officials) given voice in Sher's book⁸⁵. Such works take Cold War studies to a new level giving its overall picture more dimensions and highlighting those trends that do not fit into the simplified schemes of bilateral confrontation. The same applied to Ross Mackenzie's book dedicated to the series of Soviet-American meetings held since 1985 together with the Chautauqua Institution and the Soviet Friendship Society⁸⁶, and to publications about the Dartmouth Soviet-American Conferences that, along with the Pugwash Conferences on Science and World Affairs, had a real influence on establishing a dialog between the USSR and the US⁸⁷. All these books dwelt on civic diplomats creating Cold War history together with career diplomats and politicians.

Preparing collective monographs by joint teams of Russian and American scholars appears to be the most fruitful approach to creating comprehensive studies of the Cold War history offering both summarizing takes on the issue and detailing its specific stages. For instance, in December 2021, the Russian State University for the Humanities published a monograph that described the turning points in the ending of the bipolar confrontation contextualized within national and global, imagological and emotional settings. The book concentrated primarily on issues that prompt intense discussions in the academic community and on matters that were linked to the logic and dynamics of Soviet-American relations in the late 1980s and to the end of the Cold War in Europe. At the same time, its authors paid special attention to such little-researched subjects as the emotional factor in negotiations, containment culture in its various aspects and manifestations, the role of civic diplomats in the bipolar confrontation coming to an end, changes in the imagination, minds, and hearts of people on both sides of the rising "iron curtain"⁸⁸.

There is need for collective effort that would produce a book on another priority topic in studying the Cold War in particular and Russia-US relations in general. The topic is *the genesis and development of Russian/Soviet Studies in the US and American Studies in the Russian Empire/ the USSR/post-Soviet Russia*.

The first experience in pooling the efforts of experts from both states was the project spearheaded by Victoria I. Zhuravleva and Ivan I. Kurilla; chronologically, this project spanned

⁸³ *Hudson J.M.* Iron Curtain Twitchers. Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2019.

⁸⁴ See for example: *Evangelista M.* Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War. Ithaca, 1999; *Snyder S.B.* Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network. New York, 2011.

⁸⁵ *Sher G.S.* From Pugwash to Putin. A Critical History of US-Soviet Scientific Cooperation. Bloomington, 2019.

⁸⁶ *Mackenzie R.* When Stars and Stripes Met Hammer and Sickle: The Chautauqua Conferences on U.S.-Soviet Relations, 1985–1989. Columbia, 2006.

⁸⁷ *Voorhees J.* Dialogue Sustained: The Multilevel Peace Process and the Dartmouth Conference. Washington (DC), 2002; *When Citizens Deliberate: Russian and American Citizens Consider Their Relationship* / eds D.V. Makarov, I. Nagdasev, B. Cobb, P.D. Steward. Dayton, 2006.

⁸⁸ Окончание холодной войны в восприятии современников и историков / под ред. В.И. Журавлевой, О.В. Павленко. М., 2021.

the time from the mid-19th century until today. This project produced two collective monographs edited by Zhuravleva and Kurilla where Russian and American scholars presented various aspects of studying and teaching long stretches in the history of the other country, concentrated on institutional and personal dimensions in the development Russian/Soviet Studies and American Studies, and portray scholars as civic diplomats and promoters of knowledge among the public at large. Both books guided their readers toward understanding the ways in which journalistic, public and political discourses penetrated the academe and transformed the studies of the other state and its people into a realm of identity construction⁸⁹.

This inter-disciplinary subject located at the junction of Russian/Soviet-American relations, sociology of science, and cultural anthropology finally attracted close attention of scholars in the 21st century. A prime example was a book by David Engerman based on over 100 archival collections and interviews with American scholars. Engerman was interested in finding an answer to the question of how the US concern with the bipolarization of the world at the early stages of the Cold War affected the development of Soviet Studies in the largest US universities and resulted in interactions between the government and academic learning aimed at training experts with sound notions of the realities and prospects of the Soviet Union's development. By concentrating his reflections on the process of the emergence and development of Soviet Studies as an academic and expert field and detailing its rises and falls, Engerman shew that Soviet Studies has never boiled down to a single interpretation of the USSR and has not turned into a simple ideological weapon in the hands of American foreign policy makers. This statement holds true even for those periods when scholars had the closest ties with the diplomatic and military realms. The history of people, ideas, and institutions written by Engerman has become a standard for further works on this issue as he combined sound use of sources, clear arguments supporting his outlook, and impartiality of a scholar whose stance was not subject to the political concerns of the day⁹⁰.

The same cannot be said about the books authored by Sergey I. Zhuk, an émigré historian of Ukrainian origins, who pioneered publication of books in the US on American Studies in the USSR. On the one hand, Zhuk's books constituted an important contribution to studying this matter; they contained interesting materials from archives in Russia and Ukraine, and they offered an interdisciplinary academic perspective placed within a multiplicity of diplomatic, sociocultural, academic, and expert contexts that served as settings for personal histories of Soviet and Ukrainian specialists in American Studies. On the other hand, his books prompted major criticisms. First, Zhuk improperly handled both his primary and secondary sources, be it his interpretations of archival materials, or treating Nikolai N. Bolkhovitinov's fragmentary notes and memoirs at Zhuk's disposal as completed texts, or be it interviews with late scholars that effectively verbatim prove Zhuk's claims; or be it references to other works allegedly confirming his ideas but in fact dealing with different matters. Second, Zhuk attempted, frequently without grounds, to claim that some Soviet American Studies experts worked for the KGB, which was one of the central ideas of his works in general. Third, his attempt to stress alleged disdain American Studies experts from Moscow demonstrated toward their Ukrainian colleagues appeared to be equally politically charged and it was also at variance with the facts.

As Bolkhovitinov's student, Zhuk wrote the first detailed scholarly biography of this outstanding researcher and portrayed him against the backdrop of changing eras in Soviet-American relations. He created a somewhat idealized image of a scholarly westernizer, an impartial historian and specialist in American Studies, a person with the greatest authority among his peers. At the same time, Zhuk constantly, strived to oppose Bolkhovitinov as the target of the KGB's persecutions, an admired of the American development model, and the first critic of the Marxist orthodoxy to the overall mass of Soviet scholars studying the US from the premises of the

⁸⁹ Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В.И. Журавлевой, И.И. Куриллы. Волгоград, 2009; Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia. Mutual Representations in Academic Projects / eds I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, 2016.

⁹⁰ Engerman D.C. Know Your Enemy. The Rise and Fall of America's Soviet Experts. New York, 2009.

Marxist-Leninist ideology and cooperating with the Soviet security service. As a person who has known Bolkhovitinov and his wife Ludmila, I have no doubts that Academician Bolkhovitinov himself would object against such classifications⁹¹. In his second book, Zhuk directly or indirectly continued to ply his favorite ideas. He wrote biographies of the most prominent scholars from three generations and fitted these portrayals into the history of American Studies as an academic and expert field, into the history of academic and cultural exchanges between countries, and in the history of the changing climate of bilateral relations, which is a highly praiseworthy undertaking. This is precisely the way of studying these essentially interdisciplinary issues⁹².

These two books had certainly become historiographical landmarks due to the facts collected therein, to Zhuk's proposed methodology and his ambitious design, even if they simultaneously earned well-deserved criticisms of his peers for their political bias, improper citations of other scholars' works and improper handling of his sources, and for Zhuk's not always convincing explanatory models⁹³.

In their book on the US relations with Russia and China in the 20th century, Donald Davis and Eugene Trani offered an overarching vision of the emergence of Russia/Soviet Studies. They were primarily interested in studying other countries and peoples in the US in connection with shaping the images of the outside world. They paid special attention to the contribution of Russian émigré scholars to the development and Russian and Soviet Studies in American universities⁹⁴ and demonstrated the way refugees from Soviet Russia took their anti-Tsarist and anti-Bolshevik message to American university classrooms thus helping foster among their students a certain vision of the events in Soviet Russia. Comparative analysis of the development of Chinese Studies and Russian Studies in the US also appears fruitful as it draws special attention to the existing differences since the former area had been created by professional experts in the Far East, such as William Rockhill, while the second had been established by journalists such as George Kennan⁹⁵.

Another overarching subject is *emigration into the US from the Russian Empire/the USSR/post-Soviet Russia*, i.e. the topic broadly connected with the history of the Russian Emigration. 21st century scholars continue to publish summary works describing various emigration waves⁹⁶, to produce biographical dictionaries⁹⁷, scholarly and popular biographies of outstanding dancers and choreographers, engineers and scientists, writers and poets, books that tell the stories of Russian and Soviet culture, inventions, and scientific and scholarly achievements being exported to the US⁹⁸. These are stories of Russians and Americans' common past, the process and causes of brain

⁹¹ Zhuk S.I. Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR: People's Diplomacy in the Cold War. Lanham, 2017.

⁹² Zhuk S.I. Soviet Americana. The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. New York, 2018.

⁹³ See for example: David Foglesong's review // The Russian Review. 2018. Vol. 77. № 2. P. 334.

⁹⁴ About this also see Nikolai N. Bolkhovitinov's book in Russian: *Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты* (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

⁹⁵ Davis D.E., Trani E.P. Distorted Mirrors. Americans and Their Relations with Russia and China in the 20th Century. Columbia, 2009 (Russian edition: Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М., 2009).

⁹⁶ See for example: *Нубобуре Э.Л. Русские в США. История и судьбы, 1870–1970*. М., 2005; *Kishinevsky V. Russian Immigrants in the United States. Adapting to American Culture*. New York, 2004; *Puffer Sh., McCarthy D., Satinsky D.M. Hammer and Silicon. The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy. Immigration, Innovation, Institutions, Imprinting, and Identity*. Cambridge, 2018.

⁹⁷ See for example: *Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь*. Хэмден: Сан-Франциско; СПб., 2005.

⁹⁸ See for example: *Hohman V.J. Russian Culture and Theatrical Performance in America, 1891–1933*. New York, 2011; *Libbey J.K. Alexander P. de Seversky and the Quest for Air Power*. Washington (DC), 2013; *Beahm G. The Google Boys: Sergey Brin and Larry Page in Their Own Words*. Chicago, 2014; *Lobenthal J. Wilde Times: Patricia Wilde, George Balanchine, and the Rise of New York City Ballet*. Lebanon, 2016; *Zelensky N. Performing Tsarist Russia in New York: Music, Emigres, and the American Imagination*. Bloomington, 2019.

and talent, science and technologies, enterprising and motivated workers draining from Russia, while the US gained this wealth.

Facets of Studying the US Relations with Post-Soviet Russia: at the Juncture of Political Science and History

Traditionally, this period attracts political scientists applying their own methodologies. Here, however, historians also have a lot to contribute as they zoom in on stable trends in foreign policy and imagology stemming from the changing climate in bilateral relations and from the domestic agendas in both Russia and the US.

I shall confine myself to a few general remarks without staking any claims to a comprehensive analysis, since this area has not yet become the subject of purely academic reflections due to its direct links with politics.

First, many Russian and American experts and political scientists, columnists and journalists, state and public figures represent the other state as a threat to national interests and at the same time as a convenient point of comparison that could be used to emphasize the advantages of their own development model and global standing; thus is a foundation for applied Russophobia and anti-Americanism respectively is laid down. Some of these persons appeal to universal liberal values contrasting democracy and freedom in the US with autocracy and police state in post-Soviet Russia, while others appeal to national conservative values and contrast the US international all-permissibility and its hypocritical liberalism with the idea of protecting national interests, state sovereignty, and realism. Both the former and the latter cases manifest a value-based approach, even if its contents are different for the two sides, and the texts of Russia and the US are consistently fitted into the discourses that had emerged long before the Cold War. Historians using explanatory models rooted in social constructivism know these discourses well.

This is why in order to better understand today's Russia-US relations we need works that emphasize the difference in approaches explainable by using the *Self-Other* conceptual pairing, that stress understanding why a game of domestic policies both in the US and in Russia still requires the Russian or American card respectively⁹⁹.

Second, both the value-based approach and the legacy of the 1990s with their typical asymmetry in bilateral relations, a tragic gap between expectations and outcomes, and intoxication with triumphalism in the US and the collapse of another American "crusade" for the liberalization of Russia (be it through introducing market economy or implementing democratic reforms) stand in the way of constructive dialog and become a subject to be reconsidered and reevaluated amid changing domestic and international agendas.

Political scientists and experts propose different explanations of the outcomes of Russian-American relations in the 1990s. In the US, these explanations turn out to be directly connected with America's desire to support its Republican or Democratic administration¹⁰⁰, while prominent American post-revisionist Russophiles tend to accuse both of flawed policies in regard to post-Soviet Russia, which, in their opinion, prevented the US from providing efficient assistance to Russia and took away the possibility of gradually implementing reforms¹⁰¹. Many Russian experts and political scientists, journalists and columnists, in their turn, tend to accuse

⁹⁹ Among the best books are: *Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В.* «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М., 2009 (прежде всего, разделы, написанные Э.Я. Баталовым); *Tsygankov A.* The Dark Double: US Media, Russia, and the Politics of Values. New York, 2019.

¹⁰⁰ Two different points of view see in *U.S. Congress, Speaker's Advisory Group on Russia.* Russia's Road to Corruption: How the Clinton Administration Exported Government Instead of Free Enterprise and Failed the Russian People. Washington (DC), 2000; *Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. New York, 2002.

¹⁰¹ *Cohen S.F.* Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. New York, 2000; *Reddaway P., Glinski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy Washington (DC), 2001.

the US of inducing the collapse of the USSR, and to blame Boris N. Yeltsin for betraying national interests in favor of pro-western policies.

It happens because the outcome of the “honeymoon” in the two countries’ relations in the 1990s proved truly tragic and discouraging: ten years of extremely close cooperation, billions of American dollars and resulting economic and social chaos, a sharp drop in people’s quality of life, rampant crime, colossal social stratification, political oligarchy.

However, in order to explain the reasons for the real failure of the American economic aid program in the 1990s (it has been analyzed in a balanced and multidimensional manner by Sergey Yu. Shenin¹⁰²) we need to abandon the conspiracy theory of the US attempting to weaken Russia as much as possible (and, with luck, to destroy) as America’s potential geopolitical rival. In fact, the Russian strategy adopted by the administration in Washington appears to have been intended not to weaken as much as possible, and certainly not to disintegrate America’s former rival still in possession of nuclear weapons but to achieve controlled and managed integration. The US behaved as if it knew answers to every question about global development after the Cold War, and the government, experts, and mass media formed a consensus concerning post-Soviet Russia having to embark of the route toward democracy and a free market modeled on the American example. No one seriously considered any other option. Therefore, the real state of affairs in Russia that was plunging into economic and social chaos did not much interest the people providing assistance from across the Atlantic. What they cared about was sharing certain knowledge with Russians, including knowledge of the neoclassical “shock therapy” model that would make the inevitable transition to market economy easier and faster. The US desire to write Russia off as an active global player should be added to this principal miscalculation. The specific features of the political regime that emerged during Yeltsin’s tenure certainly played their negative part, too, as did the areas where America provided its assistance, the forms this assistance took, and its timeliness.

Given the above and with account for today’s crisis in bilateral relations, it is highly useful to conduct political science studies based on political realism, accounting for both sides’ motivations, and not shying away from critical evaluation of both sides’ miscalculations, as, for instance, did Angela Stent in her two summary studies based on the many years of her academic and practical work¹⁰³.

Additionally, conceptualizing and teaching international relations in general and courses on Russia’s and the US’ foreign policies in particular requires short summary books on Russia-US relations after the Cold War, even if the critical focus in these books is skewed either way. It is then all the more interesting to engage students in comparing their authors’ stances¹⁰⁴.

CONCLUSION

Researchers ask different questions of the historical past of the bilateral relations, and obtaining new knowledge depends as much on the manner of asking these questions as it depends on putting new sources into academic circulation.

American scholars made greater progress than their Russian counterparts in tackling this multiplicity of questions addressed to the past, even though Russian researches did produce individual innovative works and can boast general achievements. This is why it is so important for the two countries’ scholars to continuously engage in an open dialog and to keep on working

¹⁰² *Шенин С.Ю.* Возвращение в Россию: стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб., 2008.

¹⁰³ *Stent A.E.* The Limits of Partnership. U.S.-Russia Relations in the 21st Century. Princeton; Oxford, 2014 (Russian edition of this book with additional chapter about the Ukrainian Crisis was published in 2015 under the title “Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений”); *Stent A.E.* Putin’s World. Russia against the West and with the Rest. New York, 2019 (Russian edition of this book was published in 2020).

¹⁰⁴ See for example: *Шаплеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М., 2012 (updated edition was published in 2018); *Peterson J.W.* Russian-American Relations in the Post-Cold War World. Manchester, 2017.

on joint projects and collective monographs that could summarize the achievements of national historiographic schools found both in books and in articles and outline the prospects of further studies. This article can and should be seen as an invitation to such a dialog.

Finally, it is important to remember that the history of Russia-US relations should be told to the public at large by professional historians and not by columnists, journalists, and bloggers dabbling in amateur historiography. It can be done through books written in the spirit of “pedagogy for everyone,” books that would be interesting to students, faculty, and everyone who wants to understand the many forms of a dialog between the two countries’ governments and peoples, a dialog held despite ideological contradictions, different political systems, and sociocultural differences in development traditions¹⁰⁵.

Studying the history of Russia-US relations and sharing the results of this research with the public at large is necessary not merely in order to learn from the lessons of the historical past, but in order to understand how the present has guided and continues to guide the past, sometimes standing in the way of this past becoming a subject of academic reflection and sometimes using this past for its current situational purposes. In this century, as in the past one, such developments hinder better mutual understanding that is so much needed by both Russians and Americans amid the current international crisis.

Библиография / References

«Аляска – Сибирь – фронт». История легендарной авиатрассы. Документы, комментарии, воспоминания. 1942–1945. М., 2004.

Александров Е.А. Русские в Северной Америке: биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005.

Арустамова А.А. Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект. Пермь, 2008.

Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М., 2009.

Быстрова И.В. Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945). М., 2019.

Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945). М., 2011.

Быстрова И.В. Холодная война 1945–1960 гг. Токио – Москва – Вашингтон. М., 2009.

Гринев А.В. Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории): 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009.

Дани Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004.

Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. М., 2002.

Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М., 2009.

Егорова Н.И. История холодной войны, 1945–1991. Владимир, 2011.

Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке. Кемерово, 2013.

Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев -The Common Past of Russians and Americans. М., 2021.

Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012.

Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография холодной войны. Некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 4. С. 143–150; № 5. С. 139–148.

Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007.

История Русской Америки (1732–1867): в 3-х т. / под общ. ред. Н. Болховитинова. М., 1997–1999.

Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М., 2015.

Курилла И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М., 2018.

Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград, 2005.

Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006.

Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

Нечипорук Д.М. Во имя нигилизма. Американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб., 2018.

¹⁰⁵ For instance, see: *Курилла И.И.* Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М., 2018; *Журавлева В.И.* Общее прошлое русских и американцев -The Common Past of Russians and Americans. М., 2021.

- Нитобург Э.Л. Русские в США. История и судьбы, 1870–1970. М., 2005.
- Носков В.В. Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ. СПб., 2018.
- Окончание холодной войны в восприятии современников и историков / под ред. В.И. Журавлевой, О.В. Павленко. М., 2021.
- Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М., 2012.
- Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006.
- Петров А.Ю., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История Русской Америки: учебное пособие. Вологда, 2010.
- Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006.
- Позняков В.В. Советская разведка в Америке. 1919–1941: 2-е изд. М., 2015.
- Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В.И. Журавлевой, И.И. Куриллы. Волгоград, 2009.
- Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.
- Севостьянов Г.Н. Москва–Вашингтон. На пути к признанию. 1918–1933. М., 2004.
- Советско-американские отношения. 1939–1945 / под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004.
- Холодная война в Арктике / под ред. М.Н. Супруна. Архангельск, 2009.
- Черняев А.С. Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы. Москва, 2008.
- Шаكلةина Т.А. Россия и США в мировой политике. Шаكلةва, 2012.
- Шаццлло В.К. Россия и США: от Портсмутского мира до падения царизма (очерки истории отношений). М., 2019.
- Шенин С.Ю. Возвращение в Россию: стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб., 2008.
- Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013.
- Шпотов Б.М. Генри Форд. Жизнь и бизнес. М., 2003.
- Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX веков / авт. и сост. Э.А. Иванян. М., 2001.
- Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в travelогах и интертекстах. М., 2001.
- “Alaska – Siber – front”. Istoriia legendarnoi aviatrassy. Dokumenty, kommentarii, vospominaniia. 1942–1945 [“Alaska – Siberia – Front”. A History of the Legendary Air Route. Documents, Comments, Memories. 1942–1945]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Aleksandrov E.A. Russkie v Severnoi Amerike: biograficheskii slovar' [Russians in North America: Dictionary of Biographies]. San-Francisco; Sankt-Peterburg, 2005. (In Russ.)
- Arustamova A.A. Russko-amerikanskii dialog XIX veka: istoriko-literaturnyi aspekt [Russian-American Dialogue in the 19th Century: Historical and Literary Aspect]. Perm, 2008. (In Russ.)
- Batalov E.Ya., Zhuravleva V.Yu., Khozjinskaya K.V. “Rychashhii medved” na “dikom Vostoke” (obrazy sovremennoi Rossii v rabotah amerikanskikh avtorov: 1992–2007) [“Roaring Bear” in the “Wild East” (Images of Post-Soviet Russia in the Works of American Authors: 1992–2007)]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Bystrova I.V. Holodnaya voina 1945–1960 gg. Tokio – Moskva – Vashington [The Cold War in 1945–1960. Tokyo – Moscow – Washington]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Bystrova I.V. Lend-liz dlia SSSR: ekonomika, tekhnika, ludi (1941–1945) [Lend-Lease for the USSR: Economics, Equipment, and People (1941–1945)]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Bystrova I.V. Potselui cherez okean: “Bol'shaya troika” v svete lichnykh kontaktov (1941–1945) [A Kiss across the Ocean: The Big Three through the Prism of Personal Contacts (1941–1945)]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Chernyayev A.S. Sovmestnyi ishod: dnevnik dvuh epoh, 1972–1991 gody [The Joint Exodus: A Dairy of Two Epochs, 1972–1991]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Egorova N.I. Istoriya holodnoi voiny, 1945–1991 [History of the Cold War, 1945–1991]. Vladimir, 2011. (In Russ.)
- Enciklopediya rossiisko-amerikanskikh otnoshenij XVIII-XX veka / avt. i sost. E.A. Ivanian [Encyclopaedia of Russian-American Relations / ed. E.A. Ivanian]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Ermolaev A.N. Rossiisko-amerikanskaya kompaniia v Sibiri i na Dal' nem Vostoke [The Russian-American Company in Siberia and in the Far East]. Kemerovo, 2013. (In Russ.)
- Etkind A. Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogah i intertekstah [Interpretations of Travels: Russia and America in Travel Books and Inter-texts]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Grinev A.V. Aliaska pod krylom dvuglavogo orla (rossiiskaia kolonizatsiia Novogo Sveta v kontekste otechestvennoi i mirovoi istorii) [Under the Wing of the Russian Eagle (Russian Colonization of the New World in the context of Russian and World History)]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Grinev A.V. Kto est' kto v istorii Russkoi Ameriki [Who is Who in the History of Russian America]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Holodnaya voina v Arktike / pod red. M.N. Supruna [The Cold War in the Arctic / ed. M.N. Suprun]. Arkhangelsk, 2009. (In Russ.)
- Istoriia Russkoi Ameriki (1732–1867): v 3-h tt. / pod obsh. red. N.N. Bolkhovitinova. [History of Russian America: in 3 vol. / ed. N.N. Bolkhovitinov]. Moskva, 1997–1999. (In Russ.)
- Ivanian E.A. Kogda govoriat muzy. Istoriya rossijsko-amerikanskikh kul'turnykh svyazej [When Muses Speak. History of Russian-American Cultural Connections]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Kremenyuk V.A. Uroki holodnoi voiny [Lessons of the Cold War]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Kurilla I.I. Zakl'jatye druz'yay. Istoriia mnenii, fantazii, kontaktov, vzaimo(ne)ponimaniya Rossii i SShA [Frenemies. History of Opinions, Fantasies, Contacts, [Mis]understandings of Russia and the USA]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Kurilla I.I. Zaokeanskii partnery: Amerika i Rossiia v 1830–1850-e gody [Partners across the Ocean: the United States and Russia in the 1830s–1850s]. Volgograd, 2005. (In Russ.)

Listikov S.V. SShA i revoliutsionnaya Rossiia v 1917 godu: K voprosu ob al'ternativah amerikanskoi politiki ot Fevralya k Oktyabru [The USA and Revolutionary Russia in 1917. Alternatives in American policy from February to October]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Malkov V.L. Rossiia i SShA v XX veke: ocherki istorii mezhdgosudarstvennykh otnoshenii i diplomatii v sociokul'turnom kontekste [Russia and the United States in the 20th Century. Sketches in the History of Their Inter-country Relationship and Diplomacy in a Sociocultural Context]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Nechiporuk D.M. Vo imya nihilizma. Amerikanskoe obshchestvo druzei russkoi svobody i russkaya revoliutsionnaya emigratsiya (1890–1930 gg.) [In the Name of Nihilism. The Society of American Friends of Russian Freedom and Russian Revolutionary Emigration (1890–1930)]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Nitoburg E.L. Russkie v SShA. Istoriya i sud'by, 1870–1970 [Russians in the USA. History and Lives. 1870–1970]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Noskov V.V. Amerikanskii diplomaty v Sankt-Peterburge v epokhu Velikikh reform [American Diplomats in St. Petersburg in the Epoch of the Great Reforms]. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)

Okonchanie holodnoi voiny v vospriyatii sovremennikov i istorikov / pod red. O.V. Pavlenko and V.I. Zhuravlevoi [The End of the Cold War in Representations of Its Contemporaries and Historians / eds O.V. Pavlenko, V.I. Zhuravleva]. Moskva, 2021. (In Russ. and English)

Pechatnov V.O. Ot souza k holodnoi voine. Sovetsko-amerikanskii otnosheniya v 1945–1947 gg. [From an Alliance to the Cold War. Soviet-American Relations in 1945–1947]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Pechatnov V.O. Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-h gg.: dokumental'nye ocherki [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in the 1940s]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Petrov A.Yu. Nataliya Shelikhova u istokov Russkoi Ameriki [Nataliya Shelikhova at the Beginning of Russian America]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Petrov A.Yu. Rossiisko-amerikanskii kompanii: deyatel'nost' na otechestvennom i zarubezhnom rynkah (1799–1867) [The Russian-American Company: Activity on Russian and Foreign Markets (1799–1867)]. Moskva, 2006. (In Russ.)

Petrov A.Yu., Ermolaev A.N., Savelyev E.V. Istoriia Russkoi Ameriki: Uchebnoe posobie [History of Russian America. Textbook]. Volgograd, 2010. (In Russ.)

Poznyakov V.V. Sovetskaya razvedka v Amerike. 1919–1941 [Soviet Intelligence Service in America. 1919–1941]. Moskva, 2015. (In Russ.)

Rossiia i SShA na stranitsah uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezentatsii / pod red. V.I. Zhuravlevoi, I.I. Kurilli [Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks / eds V.I. Zhuravleva, I.I. Kurilla]. Volgograd, 2009.

Rukavishnikov V.O. Holodnaia voina, holodnyi mir. Obshhestvennoe mnenie v SShA i Evrope o SSSR/Rossii, vneshnei politike i bezopasnosti Zapada [The Cold War, the Cold Peace. The Public Opinion in the USA and Europe about the USSR/Russia, Foreign Policy, and the Security of the West]. Moskva, 2005. (In Russ.)

Sevostianov G.N. Moskva–Washington. Na puti k priznaniyu [Moscow–Washington. The Road to Recognition. 1918–1933]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Shakleina T.A. Rossiia i SShA v mirovoi politike [Russia and the USA in World Politics]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Shatsillo V.K. Rossiia i SShA: ot Portsmutskogo mira do padeniia carizma (ocherki istorii otnoshenii) [Russia and the USA: from the Portsmouth Treaty to the Fall of Tsarism. Essays in the History of Russian-American Relations]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Shenin S.Yu. Vozvrashchenie v Rossiiu: strategii i politika amerikanskoi pomoshhi (1990-e gg.) [The Return to Russia: Strategy and Politics of American Aid (the 1990s)]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

Shpotov B.M. Amerikanskii biznes i Sovetskii Soюз v 1920–1930-e gody: labirint ekonomicheskogo sotrudnichestva [American Business in the Soviet Union. The Labyrinths of Economic Cooperation in the 1920s–1930s]. Moskva, 2013. (In Russ.)

Shpotov B.M. Genri Ford. Zhizn' i biznes [Henry Ford. His Life and Business]. Moskva, 2003. (In Russ.)
Sovetsko-amerikanskii otnosheniia. 1939–1945 / pod red. G.N. Sevostianova [Soviet-American Relations. 1939–1945 / ed. G.N. Sevostianov]. Moskva, 2004. (In Russ.)

Zhuravleva V.I. Obshchee proshloe russkikh i amerikantsev -The Common Past of Russians and Americans. Moskva/Moscow, 2021. (In Russ. and English)

Zhuravleva V.I. Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify. 1881–1914 [Understanding Russia in the United States: Images and Myths. 1881–1914]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Zubok V.M., Pechatnov V.O. Otechestvennaya istoriografiya holodnoi voiny. Nekotorye itogi desyatiletiiya [Russian Historiography of the Cold War. Some Results of the Decade] // Otechestvennaya istoriya [Russian History]. 2003. № 4. S. 143–150; № 5. S. 139–148. (In Russ.)

Beahm G. The Google Boys: Sergey Brin and Larry Page in Their Own Words. Chicago, 2014.

Bennett M.T. One World, Big Screen: Hollywood, the Allies, and World War II. Chapel Hill, 2012.

Carew J.G. Blacks, Reds, and Russians: Sojourners in Search of the Soviet Promise. New Brunswick, 2010.

- Casella-Blackburn M.* The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Westport, 2004.
- Cohen S.F.* Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia. New York, 2000.
- Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Provoked the Cold War. Princeton; Oxford, 2012.
- Davis D.E., Trani E.P.* Distorted Mirrors. Americans and Their Relations with Russia and China in the 20th Century. Columbia, 2009.
- Davis D.E., Trani E.P.* The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations. Columbia, 2002.
- Delegard K.M.* Battling Miss Bolshevik: The Origins of Female Conservatism in the United States. Philadelphia, 2012.
- Dunn D.* Caught Between Roosevelt & Stalin. America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998.
- Engerman D.C.* Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge; London, 2003.
- Engerman D.C.* Know Your Enemy. The Rise and Fall of America's Soviet Experts. New York, 2009.
- English R.* Russia and the Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War. New York, 2000.
- Etkind A.* Roads not Taken. An Intellectual Biography of William C. Bullitt. Pittsburgh, 2017.
- Evangelista M.* Unarmed Forces: The Transnational Movement to End the Cold War. Ithaca, 1999.
- Fainberg D.* Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore, 2021.
- Farrow L.A.* Alexis in America: A Russian Grand Duke's Tour, 1871–1872. Baton Rouge, 2014.
- Farrow L.A.* The Catacazy Affair and the Uneasy Path of Russian-American Relations. London; New York, 2022.
- Farrow L.A.* Seward's Folly. A New Look at the Alaska Purchase. Fairbanks, 2016.
- Fedorova M.* Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception. DeKalb, 2013.
- Foglesong D.S.* The American Mission and the "Evil Empire." The Crusade for a "Free Russia" since 1881. Cambridge, 2007.
- Francis D.R.* Russia from the American Embassy / ed. and annotated by V.V. Noskov. Bloomington, 2019.
- Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. New York, 2005.
- Gaddis J.L.* George F. Kennan. An American Life. New York, 2011.
- Grachev A.* Gorbachev's Gamble: Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War. Cambridge, 2008.
- Grinev A.V.* Russian Colonization of Alaska: Baranov's Era, 1799–1818. Lincoln, 2020.
- Grinev A.V.* Russian Colonization of Alaska. Preconditions, Discovery, and Initial Development, 1741–1799. Lincoln, 2018.
- Hohman V.J.* Russian Culture and Theatrical Performance in America, 1891–1933. New York, 2011.
- Hudson J.M.* Iron Curtain Twitchers. Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2019.
- Kennan G.F.* The Kennan's Diaries / ed. F. Costigliola. New York, 2014.
- Kishinevsky V.* Russian Immigrants in the United States. Adapting to American Culture. New York, 2004.
- Leffler M.P.* For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. New York, 2007.
- Levering R.B., Pechatnov O.V., Botzenhart-Viehe V., Edmondson C.E.* Debating the Origins of the Cold War: American and Russian Perspectives. Lanham, 2002.
- Libbey J.K.* Alexander P. de Seversky and the Quest for Air Power. Washington (DC), 2013.
- Lobenthal J.* Wilde Times: Patricia Wilde, George Balanchine, and the Rise of New York City Ballet. Lebanon, 2016.
- Mackenzie R.* When Stars and Stripes Met Hammer and Sickle: The Chautauqua Conferences on U.S.-Soviet Relations, 1985–1989. Columbia, 2006.
- Magnusdottir R.* Enemy Number One. The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda. 1945–1959. New York, 2019.
- Makalani M.* In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939. Chapel Hill, 2011.
- When Citizens Deliberate: Russian and American Citizens Consider Their Relationship / eds D.V. Makarov, I. Nagdasev, B. Cobb, P.D. Steward. Dayton, 2006.
- Matlock J.F.* Reagan and Gorbachev. How the Cold War Ended. New York, 2004.
- McDuffie E.S.* Sojourning for Freedom: Black Women, American Communism, and the making of Black Left Feminism. Durham, 2011.
- McMeekin S.* Stalin's War: A New History of World War II. New York, 2021.
- Melton C.W.* Between War and Peace: Woodrow Wilson and the American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1921. Macon, 2001.
- Mickenberg J.L.* American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream. Chicago, 2017.
- Miller M.L.* The American YMCA and Russian Culture. The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham, 2013.
- O'Brien P.P.* How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II. Cambridge, 2015.
- Owens K.N. (with Petrov A. Yu.).* Empire Maker: Aleksandr Baranov and Russian Colonial Expansion into Alaska and Northern California. Seattle and London, 2015.
- Patenaude B.M.* The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford, 2002.
- Peterson J.W.* Russian-American Relations in the Post-Cold War World. Manchester, 2017.

- Puffer Sh., McCarthy D., Satinsky D.M.* Hammer and Silicon. The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy. Immigration, Innovation, Institutions, Imprinting, and Identity. Cambridge, 2018.
- Reddaway P., Gliniski D.* The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy Washington (DC), 2001.
- Richard C.J.* When the United States Invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, 2012.
- Rielage D.C.* Russian Supply Efforts in America during the First World War. Jefferson, 2002.
- Roman M.L.* Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937. Lincoln, 2012.
- Russian/Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia. Mutual Representations in Academic Projects / eds I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, 2016.
- Saul N.E.* Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, 1996.
- Saul N.E.* Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence, 1991.
- Saul N.E.* Friends or Foes? The United States and Russia 1921–1941. Lawrence, 2006.
- Saul N.E.* Historical Dictionary of United States-Russian/Soviet Relations. Lanham, 2009.
- Saul N.E.* The Life and Times of Charles R. Crane, 1858–1939. American Businessman, Philanthropist, and a Founder of Russian Studies in America. Lanham, 2012.
- Saul N.E.* Russian and Soviet Foreign Policy. Lanham, 2015.
- Saul N.E.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001.
- Sell L.* From Washington to Moscow. US-Soviet Relations and the Collapse of the USSR. Durham; London, 2016.
- Shaw T.* Hollywood's Cold War. Amherst, 2007.
- Shaw T., Youngblood D.* Cinematic Cold War. The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence, 2010.
- Sher G.S.* From Pugwash to Putin. A Critical History of US-Soviet Scientific Cooperation. Bloomington, 2019.
- Snyder S.B.* Human Rights Activism and the End of the Cold War: A Transnational History of the Helsinki Network. New York, 2011.
- Stent A.E.* The Limits of Partnership. U.S.-Russia Relations in the 21st Century. Princeton; Oxford, 2014.
- Stent A.E.* Putin's World. Russia against the West and with the Rest. New York, 2019.
- Talbot S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. New York, 2002.
- Tooze A.* The Deluge: The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931. New York, 2014.
- Tsygankov A.* The Dark Double: US Media, Russia, and the Politics of Values. New York, 2019.
- Understanding and Teaching the Cold War / ed. M. Masur. Madison, 2017.
- U.S. Congress, Speaker's Advisory Group on Russia. Russia's Road to Corruption: How the Clinton Administration Exported Government Instead of Free Enterprise and Failed the Russian People. Washington (DC), 2000.
- Vinkovetsky I.* Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867. New York, 2011.
- Voorhees J.* Dialogue Sustained: The Multilevel Peace Process and the Dartmouth Conference. Washington (DC), 2002.
- Walling M.G.* Forgotten Sacrifice. The Arctic Convoys of World War II. New York, 2012.
- Weeks A.L.* Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U.S.S.R. in World War II. Lanham, 2004.
- Westad O.A.* Reviewing the Cold War: Approaches, Interpretations, Theory. London, 2000.
- Palgrave Advances in Cold War History / eds S.R. Dockrill, G. Hughes. New York, 2006.
- Willett R.L.* Russian Sideshow: America's Undeclared War, 1918–1920. Washington (DC), 2003.
- Wilson J.G.* The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War. New York, 2014.
- Zelensky N.* Performing Tsarist Russia in New York: Music, Emigres, and the American Imagination. Bloomington, 2019.
- Zhuk S.I.* Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR: People's Diplomacy in the Cold War. Lanham, 2017.
- Zhuk S.I.* Soviet Americana. The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. New York, 2018.
- Zubok V.* Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven, 2021.
- Zubok V.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2008.

DOI: 10.31857/S013038640018611-0

© 2022 г. Е.Ю. МОРЯКОВ

НОВЫЕ КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ ПРОСИТЕЛЕЙ И МОНАРХА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX веков

Моряков Ерофей Юрьевич – аспирант PhD программы «Глобальная история империй», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия) и Туринский университет (Турин, Италия).

E-mail: erofeymoryakov@gmail.com

Scopus Author ID: 57220780519; ORCID: 0000-0002-6907-1865; Researcher ID: X-6270-2018

Автор выражает благодарность Е.Б. Смилянкой, Е.М. Болтуновой, О.Е. Кошелевой, О.Ю. Малиновой, А.В. Топычанову за ценные советы по написанию статьи.

Аннотация. Статья посвящена истории появления и практикам использования новых каналов коммуникации подданных и правителя в России. При Екатерине II жители России широко пользовались почтой для отправки прошений правителю, а при Павле I для этой цели стали применяться ящик для прошений и газеты. В историографии России Нового времени отсутствуют специальные исследования о каналах коммуникации ходатаев и монарха. Цель статьи – реконструировать институциональную и социокультурную историю новых средств связи, чтобы понять, как их использование изменило коммуникацию власти и общества в России. Основными источниками работы являются материалы делопроизводства и периодической печати, а также записки современников, в которых описываются новые средства связи. Как показало исследование, развитие дистанционной связи избавило просителей от необходимости лично посещать присутственные места. При использовании ходатаеями почты их письма доставлялись монарху через почтмейстеров статс-секретарями. Появление ящика для прошений предоставило подданным возможность обратиться к монарху «беспосредственно». С помощью публикации ответов на прошения в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» правительство корректировало коммуникацию с челобитчиками и способствовало правовому просвещению. Новые каналы связи, однако, служили поддержанию старой традиции персонального отправления правосудия монархом.

Ключевые слова: социальная коммуникация, прошения, обращения граждан, почта, пресса, государство и общество, государство и личность, Екатерина II, Павел I, Александр I, Россия, Российская империя.

Ye. Yu. Moriakov

New Communication Channels between Petitioners and the Monarch in Russia at the Turn of the Eighteenth and Nineteenth Centuries

Yerofei Moriakov, HSE University (Moscow, Russia) and University of Turin (Turin, Italy).

E-mail: erofeymoryakov@gmail.com

Scopus Author ID: 57220780519; ORCID: 0000-0002-6907-1865; Researcher ID: X-6270-2018

The author would like to acknowledge Ye. Smilanskaya, Ye. Boltunova, O. Kosheleva, O. Malinova, A. Topychkanov for their comments on an earlier version of the manuscript, which greatly improved it.

Abstract. In this article the author focuses on the practice of using new communication channels between subjects and the sovereign in Russia. During the reign of Catherine II, the people of Russia made extensive use of the post office to send petitions to the monarch; under Paul I, the petition box and newspapers were used for the same purpose. In the historiography of modern Russia, there are no special studies of the communication channels between petitioners and the monarch. This article attempts to reconstruct the institutional and socio-cultural history of the new communication tools in order to understand how their use transformed communication between government and society in Russia. The main sources for the paper are records and periodicals, as well as contemporaries' notes describing the new means of communication. The author concludes that the development of remote communication relieved petitioners of the need to visit administrative offices in person. When petitioners used the post office, both the postmasters and state secretaries acted as communication intermediaries. The petition box allowed petitioners to address the monarch without intermediaries. By publishing responses to petitions in the *Vedomosti*, the government changed the communication with petitioners and promoted legal education. The new channels of communication, however, contributed to maintaining the old tradition of the personal administration of justice by the monarch.

Keywords: social communication, petitions, citizens' appeals, post office, press, State and Society, State and Individual, Catherine the Great, Paul I, Alexander I, Russia, Russian Empire.

Именной указ Павла I от 6 мая 1799 г. начинался словами: «Утверждая престол наш на правосудии и милосердии, никогда не затворяли мы слуха и внимания нашего к истинным нуждам и правым жалобам верных наших подданных, напротив, отвергли все пути и способы, чтобы глас слабого, утесненного со всей верностью мог до нас проникнуть и получить в законах и повелениях наших скорую защиту»¹. Выступая против «недельных» или неосновательных просьб, император тем не менее признавал право каждого подданного, включая даже крепостных, на обращение к верховной власти. Только за 1797 г. статс-секретари Павла I приняли к рассмотрению более 8 тыс. письменных обращений на высочайшее имя. Павел Петрович ограничил действие указа Екатерины II от 22 августа 1767 г., запрещавшего жалобы крепостных на помещиков. Согласно подсчетам, за первый год правления монарха его канцелярия приняла по меньшей мере 140 просьб частновладельческих крестьян и дворовых².

Жалобы и прошения российских подданных на имя Екатерины II и Павла I становились объектом ряда исследований. Историки анализировали практики подачи прошений, реконструировали представления, эмоции и идентичность авторов жалоб³. Отдельные работы были посвящены статс-секретарским канцеляриям Екатерины II, в которых разбирались просьбы на высочайшее имя⁴. В историографии России Нового времени, однако, отсутствуют специальные исследования о каналах коммуникации между подданными и правителем. В последней трети XVIII в. подверглись модернизации сами средства, с помощью которых власть и общество обменивались, с одной стороны, приказами и резолюциями, а с другой – просьбами и предложениями, жалобами и доносами, сочинениями и рисунками. Уже в начале правления Екатерины II подданные широко пользовались почтой для коммуникации с престолом. При Павле I для приема посланий на высочайшее

¹ Полное собрание законов Российской империи. 1649–1825 гг. (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. XXV. 1799. № 18957. С. 638–639.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Д. 2918. Ч. 2. Л. 202 об.; Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 2. С. 23; *Моряков Е.Ю.* Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1294–1295.

³ См.: *Brewer A.* “Iz poslushaniia Ego Velichestva ne vykhodim. a ostat' sia nesoglasny”: The perceptions of law, justice and a “just authority” in the petitions of Russian peasants in the second half of the eighteenth century // *Cahiers du Monde russe*. 2012. № 1. P. 41–64; *Васильев И.М.* Прошения жителей Оренбургской губернии Павлу I // *Клио*. 2014. № 7. С. 60–65; *Моряков Е.Ю.* Указ. соч. С. 1292–1306.

⁴ См.: *Кислягина Л.Г.* Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // *Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.* / под ред. Н.Б. Голиковой. М., 1991. С. 175–189; *Пёрышкин М.Ю.* Институт статс-секретарей при Екатерине II: 1762–1796 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

имя был установлен специальный ящик, а ответы на них объявлялись через газеты. Цель настоящей работы – реконструировать институциональную и социокультурную историю новых средств связи, чтобы понять, как их использование изменило взаимодействие власти и общества в России.

«ВСЕ ПРОСЬБЫ ПРИСЫЛАЮТСЯ КО МНЕ ЧРЕЗ ПОЧТАМТ, КАК И ВАМ ИЗВЕСТНО»: ОТПРАВКА ПРОШЕНИЙ ПРАВИТЕЛЮ ПО ПОЧТЕ

В 1760-х годах, столкнувшись с сотнями челобитчиков, Екатерина II подтвердила запрет на подачу прошений правителю, минуя надлежащие учреждения. Инструкция 1763 г. сделала статс-секретарей императрицы ответственными за прием челобитных на высочайшее имя. При личной встрече секретари спрашивали ходатаев о делах, записывали их имена и место жительства⁵. Установленный порядок работы с обращениями не предполагал их пересылку по почте. Тем не менее при Екатерине II почта становится для жителей империи основным каналом при обращении к монарху. Следует понять, каковы были механизмы и практики использования почтовой связи для отправки и рассмотрения всеподданнейших прошений.

В средневековой Руси ямская гоньба предназначалась для перевозки казенной корреспонденции. В первой трети XVIII в. между крупными российскими городами было установлено регулярное почтовое сообщение: казенные и купеческие письма теперь пересылались каждую неделю по «почтовым дням»⁶. К середине века повсеместно стали пересылать и письма частных лиц. При Екатерине II почтовая сеть связала уездные и губернские города. В 1781 г. в империи насчитывалось 73 почтовых отделения, доступных для отправки писем, а в 1801 г. их число возросло до 450⁷.

С конца XVI в. сохранились разрозненные упоминания о просителях, отправлявших почтой челобитные в приказы и царю⁸. Однако лишь к середине XVIII в. российские подданные начали регулярно обращаться в судебные учреждения через почту. Стоимость отправки письма в суд, как и стоимость других почтовых отправок, рассчитывалась по следующей формуле: письмо весом в 1 лот (12,8 г) при доставке на расстояние менее 100 верст оплачивалось одной копейкой, а на большее расстояние – двумя⁹. Уже в начале 1760-х годов письма на высочайшее имя отправляли довольно часто, и это несмотря на то, что по указу 1763 г. прошения следовало передавать лично статс-секретарям¹⁰. Так, в 1793 г. Екатерина II писала А.А. Безбородко: «Челобитчиковыми же [делами], думаю, никто не занимается; ибо все просьбы присылаются ко Мне чрез Почтамт, как и Вам известно»¹¹. Указ 1799 г. напоминал просителям, что письма Павлу I следовало отправлять

⁵ ПСЗ. Т. XVI. 1762. № 11606. С. 17–18; Т. XVI. 1763. № 11868. С. 303–304; Т. XVII. 1765. № 12316. С. 12–13; «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона. Повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / иссл. и пер. с англ. Е. Смилянкой, Ю. Лейкин. М., 2020. С. 529–531.

⁶ Вигилев А.Н. История отечественной почты. М., 1990. С. 73, 81–83, 103, 125–128, 161–162, 222–223, 260–261; Катюнов О.Н. Московско-сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2014. С. 19–25, 88, 175–176, 205.

⁷ ПСЗ. Т. IX. 1736. № 6987. С. 858–859; Т. XXI. 1781. № 15127. С. 70–71; Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 26. СПб., 1879. С. 135–155; *Randolph J. Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire. 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia. 1600–1850 / eds S. Franklin, K. Bowers. Cambridge (UK), 2017. P. 159–181.*

⁸ Вигилев А.Н. Указ. соч. С. 73, 81–83, 103, 125–128, 138; Катюнов О.Н. Указ. соч. С. 175–176, 205.

⁹ ПСЗ. Т. XVIII. 1767. № 12946. С. 182; Т. XIX. 1772. № 13911. С. 663. п. 16; Саран А.Ю. История почты Орловского края. Орёл, 2004. С. 20–21, 25, 28–31.

¹⁰ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 12. Автобиографические записки. СПб., 1907. С. 519; Кислягина Л.Г. Указ. соч. С. 175–176.

¹¹ Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй / сост. и ред. Г.Н. Геннади. М., 1862. С. 289–290.

«прямо на Высочайшее имя», минуя Сенат и другие учреждения, на адреса которых послания монарху отправляли по ошибке¹².

Письма принимали на Санкт-Петербургском почтамте, после чего их доставляли в ту или иную статс-секретарскую канцелярию. В начале 1790-х годов действовали пять–девять канцелярий, сотрудники которых несли службу «у принятия прошений» и разбирали почтовые отправления¹³. При Павле I одновременно работали только одна–три канцелярии. Наиболее известна среди них канцелярия Дмитрия Прокофьевича Трошинского, сюда с начала правления императора поступала основная масса дел по государственному управлению и обращений на высочайшее имя. В 1797 г. здесь были обработаны 6049 прошений, отправленных по почте: 2956 просьб были решены положительно, по 2840 поступили отказы, 253 «недельных» прошения были возвращены просителям «с надданием», когда отрывался или надрывался верхний правый край документа. Д.П. Трошинский докладывал императору о просьбах, полученных по почте, вплоть до середины 1798 г., когда ему было дозволено оставить статс-секретарскую должность по причине болезни¹⁴. В дальнейшем основными докладчиками по «почтовым» прошениям становились статс-секретари Ю.А. Нелединский-Мелецкий, А.М. Обресков, Д.Н. Неплюев и И.П. Кутайсов¹⁵.

Секретари были наделены значительными полномочиями по работе с ходатайствами. Сделав запись в журнале о поступившей петиции, секретарь мог отправить просителя «ходить» по дальнейшим инстанциям. Если в канцелярии решали, что прошение должно быть направлено самому императору, тогда составлялась краткая выписка, по которой статс-секретарь докладывал Павлу I. Дело могло быть решено непосредственно самим императором или оно направлялось для дальнейшего рассмотрения в присутственные места. Сообразно высочайшей воле, результаты «исследования» в нижестоящих инстанциях могли поступать на утверждение Сената и императора. Окончательные резолюции отправлялись самим просителям или в места, где производились их дела¹⁶.

Согласно указу 12 декабря 1796 г., каждое ходатайство подписывалось только одним просителем¹⁷, который, впрочем, мог представлять интересы коллектива. Больше всего писем Павлу I, как и ранее Екатерине II, отправляли дворяне и военные¹⁸. Значительно реже писали купцы и мещане¹⁹, представители духовенства²⁰ и других социальных групп. Редко поступали письма от крестьян²¹ и еще реже – от крепостных²². Информированность и грамотность крестьян была низкой, да и осваивать почту они начали позже, чем городское население. Крепостные просители, уходившие из вотчины без разрешения

¹² ПСЗ. Т. XXV. 1799. № 18976. С. 658–659.

¹³ Грибовский А.М. Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 71–72, 91; Пёрышкин М.Ю. Указ. соч. С. 117, 215–216, 245–247.

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 49. С. 978–985; № 52. С. 1041–1045; 1798. № 2. С. 23; № 32. С. 722–734; СИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 6–7. В выявленном мной архивном деле содержится один из последних докладов Д.П. Трошинского Павлу I в должности статс-секретаря: от 3 мая 1798 г. по прошениям, «полученным на почте в Павловском». См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 58014.

¹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 63. С. 1496–1502; № 72. С. 1744–1745; № 78. С. 1890–1898; Московские ведомости. 1800. № 55. С. 1289–1291; № 65. С. 1474; 1801. № 24. С. 592–594; РГАДА. Ф. 7. Д. 2927. Л. 1; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59713. Л. 3 об., 14 об.

¹⁶ ПСЗ. Т. XVI. 1763. № 11868. С. 303–304; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 56184; 56219; 57997; 58014; Ф. 7. Д. 2936, 2985. Ч. 1–2.

¹⁷ ПСЗ. Т. XXIV. 1796. № 17636. С. 232.

¹⁸ Кислягина Л.Г. Указ. соч. С. 185–186; Цинцадзе Н.С. Государственная деятельность Державина в должности личного секретаря императрицы Екатерины II (1791–1793) // Клио. 2015. № 5. С. 179.

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 204. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; Санкт-Петербургские ведомости. 1799. № 14. С. 286; № 22. С. 478–479, 482; № 39. С. 901–905; № 87. С. 2184–2186.

²⁰ РГАДА. Ф. 7. Д. 2975; Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 7. С. 135; № 99. С. 2474–2475; 1799. № 39. С. 902–903.

²¹ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 49. С. 983; 1798. № 32. С. 723; № 69. С. 1668.

²² См.: Там же. 1798. № 32. С. 723; № 99. С. 2480, 2484; Московские ведомости. 1800. № 62. С. 1416.

помещиков, считались беглыми²³, поэтому они сторонились любых государственных институтов, включая почтовые отделения. Однако сама возможность обратиться к Павлу I по почте имелась у всех желающих. Письма отправляли в том числе жители имперских окраин, российские подданные за рубежом, заключенные²⁴.

Каковы были недостатки почтовой связи с точки зрения самих просителей? Титулярный советник Иван Замотин из Минска летом 1797 г. отправил в канцелярию Павла I три письма, но так и не получил ответа. Поэтому в четвертом послании монарху он восклицал: «Немалая печаль и уныние в людях появляется чрез обращение более 2000 просьб, и с наддранием, в том числе по докладу господина Трощинского. На кого надежду возлагать, как на Бога и царя. От кого испросить милосердия? – от них же»²⁵. Вероятно, как и многие его современники, Замотин был недоволен отказами императора на просьбы, а также посредничеством статс-секретаря, докладывавшего о поступавшей корреспонденции. Другим поводом для недовольства ходатаев могли становиться известия о перлюстрации писем, отправленных на высочайшее имя. Об этом свидетельствует анонимный донос Павлу I от 12 июня 1797 г., направленный против петербургского генерал-губернатора Н.П. Архарова. Анонимный автор предлагал: «В почтамты, Государь, дай указы, чтоб почтмейстеры на имя Твоего Величества просьб внутренности не смели б читать»²⁶. Доноситель предлагал монарху повелеть отдельным почтамтам рапортовать о получении всеподданнейших просьб. По его словам, если такой указ будет истолкован иным образом, сразу станут видны «проказы» и «тиранства» вельмож. Осознавая риски, связанные с перлюстрацией, сам аноним воспользовался «служебным каналом»: подбросил письмо новгородскому коменданту Александру Ивановичу Набокову, потребовав представить его императору «на первой почте»²⁷.

Итак, при Екатерине II почта становится основным средством связи подданных и российского престола, несмотря на то, что на пути к монарху почтовые отправления проходили через руки почтмейстеров и статс-секретарей. Отправка писем позволяла ходатаям экономить время и средства на дорогу до императорской резиденции, и поэтому письма на имя монарха отправляли представители всех социальных групп. Хотя за последние 250 лет инфраструктура почтовой связи совершенствовалась, однако и сегодня жители России отправляют свои искивые заявления в суды по почте.

«МЫСЛЬ ОЧЕНЬ БЛАГОДАТНАЯ, НО ЧЕРЕСЧУР НАПОМИНАЮЩАЯ ПРЕСЛОВУТЫЕ ЛЬВИНЫЕ ПАСТИ ВЕНЕЦИИ»: ЯЩИК ПАВЛА I

В первые же дни после вступления Павла I на престол для приема прошений на высочайшее имя было обустроено одно из нижних окон Зимнего дворца, которое располагалось с правой стороны от главных ворот²⁸. В конце ноября – начале декабря 1796 г. на

²³ ПСЗ. Т. VII. 1724. № 4533. С. 315–316; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 135–136, 401–402.

²⁴ РГАДА. Ф. 7. Д. 2909; Д. 2913. Л. 135–140; Д. 2927; Ф. 204. Оп. 1. Д. 30, 35.

²⁵ Там же. Ф. 7. Д. 2931. Л. 1–10 об.

²⁶ Там же. Д. 3037. Л. 1–2. Выявленный донос мог послужить причиной отставки Н.П. Архарова уже 15 июня 1797 г. Об отставке могущественного чиновника см. также: *Тургенев А.М.* Записки // Русская старина. 1895. № 7. С. 85–86.

²⁷ РГАДА. Ф. 7. Д. 3037. Л. 1–2, 7–8; *Измозик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015. С. 62–63, 86–93. Как показал В.С. Измозик, корреспонденция в России перлюстрировалась как центральными, так и губернскими властями, несмотря на формальный запрет.

²⁸ *Саблуков Н.А.* Записки Н.А. Саблукова / пер. С.А. Рачинского; пред. К. Военского // Царевубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 28–29; *Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003. С. 137.

улице около дворца был установлен ящик для приема прошений²⁹. Павел I хранил у себя ключ сначала от комнаты с окном, а затем от ящика. Не реже, чем раз в несколько дней, его приносили императору, он сламывал с него печать, отпирал и вынимал вложенные бумаги. Затем ящик вновь запирался, обвязывался шнурком и запечатывался государственной печатью, и его ставили на прежнее место. Павел I лично просматривал прошения или заставлял статс-секретаря прочитывать их себе вслух³⁰. Смотреть за ящиком одно время поручили цесаревичу Александру Павловичу, согласно А.И. Вейдемейеру, и ключ хранился у него. По крайней мере в апреле 1797 г. просьбы из ящика лично вынимал статс-секретарь Ю.А. Нелединский-Мелецкий³¹. Как представляется, в эти периоды Павлу I передавали все бумаги, вложенные в ящик, или докладывали об их содержании.

Нелединский-Мелецкий и его канцелярия вели бюрократическую работу с записками, оставленными в ящике, по меньшей мере с февраля 1797 г. по май 1798 г., о чем свидетельствуют материалы пяти следственных дел. Статс-секретарь подготавливал прошения для доклада Павлу I, после чего, если требовалось, отправлял их в Сенат и губернские учреждения, где проводились расследования. Опустив письмо в ящик, житель России через определенное время являлся в канцелярию, чтобы узнать о резолюции императора³². Историографии неизвестны постановления, регулировавшие прием ходатайств через ящик. Тем не менее очевидно, что прошения должны были составляться по общему для всех просьб формуляру и подписываться только одним просителем³³.

Почему ящик для приема прошений появился в России и имел ли аналоги в прошлом? В дореволюционной литературе было мнение, что при царе Алексее Михайловиче челобитные на имя царя оставляли в особом ларце или на «челобитном столбе»³⁴. Документальных подтверждений существования таких практик нет. В Московском государстве XVII в. подданные могли обратиться лично к правителю при его многочисленных выходах, около храмов, монастырей и царских резиденций. Челобитные на высочайшее имя рассматривали назначенные царем члены Боярской думы. Как правило, обращения поступали в Челобитный приказ, судьи которого готовили дела к обсуждению. Думные

²⁹ РГАДА. Ф. 7. Д. 2997. Л. 2–2 об., 9 об. Появление в России непосредственно ящика, а не окна для прошений датируется по материалам дела бывшего унтер-офицера гвардии Преображенского полка Агафона Иванова. После отставки, 12 декабря 1796 г., Агафон пришел в родную смоленскую деревню, где рассказал крепостным, что император сделал ящик, в который можно «класть всякого звания людям просьбы». Соответственно, просьбы клали в ящик уже в начале декабря.

³⁰ Там же; *Тургенев А.М.* Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 211–212; *Roberts L.S.* The Petition Box in Eighteenth-Century Tosa // Journal of Japanese Studies. 1994. № 2. P. 424, 436–437, 441; *Golmohammadi A.* Justice Box (sanduq-i adalat); the Continuity of Tradition or the Facilitator of Modernity // *Ganjine-ye Asnad*. 2018. № 3. P. 98. Сходным образом ящики для прошений запечатывались и запирались на ключ в японском княжестве Тоса во второй половине XVIII в., а также в Персии в XIX в. В этих странах от просителей требовали подавать просьбы в запечатанном виде. Назначенные чиновники отпирали коробку и приносили просьбы правителю, который распечатывал их лично и читал: раз в месяц в Тосе и два раза в неделю в Тегеране. В России подобные упоминания о запечатывании просьб перед их положением в ящик пока неизвестны.

³¹ РГАДА. Ф. 7. Д. 2985. Ч. 2. Л. 167 об.; *Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Ч. 2. СПб., 1846. С. 184.

³² РГАДА. Ф. 7. Д. 2918. Ч. 2. Л. 207 об.–208; Д. 2954. Л. 27 об.–28; Д. 2985. Ч. 1. Л. 228 об.; Ч. 2. Л. 167 об.; Д. 3019. Л. 1, 15 об.–16; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 4. М., 1836. С. 15–16; *Тургенев А.М.* Записки // Русская старина. 1895. № 5. С. 50–51.

³³ ПСЗ. Т. XXIV. 1796. № 17635. С. 231; Т. XXIV. 1796. № 17636. С. 232.

³⁴ Древности Российского государства. Отд. 6. Памятники древнего русского зодчества. М., 1853. С. 14, 32; *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1893. С. 50, 170; *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1. М., 1895. С. 455.

люди выносили решения и направляли ходатайства в приказы по их принадлежности³⁵. В XVIII в. был издан ряд указов, которые запретили российским подданным обращаться к правителю, минуя надлежащие учреждения, а также при личной встрече.

В мировой истории есть примеры использования ящика как канала коммуникации между подданными и правителями. История ящиков для прошений в Китае и Японии насчитывает около 2 тыс. лет. В Японии периода Эдо правители большинства княжеств устанавливали особые ящики, в которые жители клали свои просьбы, а также предложения по усовершенствованию общества и власти³⁶. В эпоху Возрождения деревянные ящики использовались для приема жалоб в таких итальянских городах, как Флоренция, Венеция, Болонья и Сиена. Жители Венецианской республики вплоть до 1797 г. клали подписанные и анонимные жалобы в «*bocche di leone*», в каменные пасти львов, устраиваемые на фасадах учреждений³⁷. Во время гранд-тура 1781–1782 гг. Павел Петрович и его супруга досконально изучали государственное управление в посещаемых ими странах. «Граф и графиня Северные» могли обратить внимание на венецианские пасти львов, сделать о них записи в дневниках³⁸. О «*bocche di leone*» императору мог рассказать и Ф.Г. Головкин, который в 1795 г. два месяца прожил в Венеции, а с воцарением Павла I был назначен церемониймейстером при дворе³⁹. В мемуарах он отметил, что устройство Павлом I маленького окошка для принятия прошений – «мысль очень благодатная, но чересчур напоминающая пресловутые львиные пасти Венеции»⁴⁰.

Для того чтобы понять, зачем император устроил новый канал связи и каких результатов достиг при его использовании, следует обратиться к записям современников. По словам Е.И. Тыртова, ящик был установлен «для пребывающих в столице» как альтернатива почте, а также «на случай медленности или отказа в правосудии учрежденных присутствий»⁴¹. Согласно А.М. Тургенева, «сквозь прорезь [ящика] было предоставлено всем и каждому опускать прошения, жалобы, изветы, доносы — словом, кто что хотел»⁴². Мемуарист Ш.Ф. Массон отмечал, что Павел I уничтожил существовавшую в России XVIII в. «жестокость», а именно запрет на подачу просьб «непосредственно Его Императорскому Величеству»⁴³. Большинство мемуаристов считали устройство ящика благодеянием Павла I: ящик служил подспорьем для раскрытия преступлений, снабжал правителя информацией о работе администрации, способствовал утверждению «праволюбия» во всех сословиях. Император открыл своего рода «всевидящее око», помогавшее осуществлять надзор за происходящим в империи, в особенности в Санкт-Петербурге. Наконец, император создал альтернативу давно запрещенной, однако не изжившей себя практике прямого личного обращения к монарху. По словам Массона, Павел I объявил публично,

³⁵ *Седов П.В.* Закат Московского царства в XVII в. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 21–30, 34–35; *Топычканов А.В.* Роль подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в. в трансформации российской политической культуры // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 10 / под ред. Е.А. Верховской. М., 2007. С. 36–38.

³⁶ *Roberts L.S.* Op. cit. P. 423–458.

³⁷ *Preto P.* I servizi segreti di Venezia: Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milan, 1994. P. 168–177; *Nevola F.* Street Life in Renaissance Italy. New Haven (CT); London, 2020. P. 117–119.

³⁸ Du séjour des comtes du Nord à Venise en janvier MDCCLXXXII. Lettre de Mme la comtesse Douaigrière des Ursins, et Rosenberg à Mr. Richard Wynne, son frère, à Londres. Paris, 1782. P. 16–20, 35–37, 70–71; *Хаванова О.В.* Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного цесаревича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / под ред. М.В. Лескинен, О.В. Хавановой. М.; СПб., 2016. С. 94–109.

³⁹ *Головкин Ф.Г.* Указ. соч. С. 13, 105–106.

⁴⁰ Там же. С. 137.

⁴¹ Анекдоты об Императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском. Собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым. М., 1807. С. 23.

⁴² *Турганев А.М.* Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 211.

⁴³ *Masson C.F.P.* Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II, et sur celui de Paul. Vol. 1. Paris. 1804. P. 246.

что читает все просьбы, положенные в ящик, ввиду чего «запретил приходить и мешать ему на вахтпараде и приказал сажать под арест тех, кто еще осмеливался приближаться к нему с бумагою в руках»⁴⁴. Публикации указа о ящике, на которые ссылается Массон, найти не удалось. Тем не менее очевидно, что с появлением нового канала связи просителям больше не требовалось искать личной встречи с монархом.

В мемуарах и исторических сочинениях, как правило, упоминается только ящик у Зимнего дворца. Согласно большинству описаний, он был вывешен, поставлен или «установлен» около главных ворот здания, тогда как Массон записал, что ящик находился на лестнице внутри дворца. Хотя научного сопоставления версий о местоположении и внешнем виде петербургского ящика не проводилось⁴⁵, логично предположить, что при Павле I могли использоваться два и более ящиков для прошений, которые регулярно переставляли.

О количестве просьб, опускаемых в ящик, можно узнать из показаний владимирского крепостного из села Мугреева Василия Гашина. 27 января 1797 г., взяв с собой прошение, «плакатный пашпорт»⁴⁶ и «мирской приговор»⁴⁷, крестьянин отправился в столицу, чтобы подать жалобу на приказчика, засекавшего до смерти четырех человек. 18 февраля он положил в ящик просьбу, написанную от имени «всех 1000 душ» вотчины помещика И.А. Гончарова. Подал петицию, ходатай навевывался «всякой день» в канцелярию статс-секретаря Ю.А. Нелединского-Мелецкого. В письмах к односельчанам Василий сообщал, что порученная ему жалоба «за множеством в доклад еще не вошла», поскольку к тому времени в ящик уже были положены 1205 просьб (такое количество прошений было положено в ящик за первые месяцы его существования). Василий так и не дождался решения императора по делу: Павел I уехал в Москву на коронацию, что привело к отсрочке в рассмотрении всех петиций, положенных в коробку⁴⁸. Как свидетельствуют выявленные материалы, ящик для прошений перемещался вслед за монархом и статс-секретарской канцелярией.

10 марта 1797 г. Павел I выехал из Павловска в Москву. На подъезде в первопрестольную монарх остановился в Петровском путевом дворце. Здесь он пробыл с 15 марта вплоть до торжественного въезда в древнюю столицу 28 марта. На допросе владимирский крепостной Семен Никитин сын по прозвищу «Чуваш» сказал, что вместе с односельчанином Осипом они «пошли в Петровский дворец, где поставлен был ящик ради положения просьб»⁴⁹. Семен вынул петицию из платка, после чего положил ее в ящик вместе с вложенным «мирским приговором». «От многих тут стоящих мужиков» крестьяне узнали, что просителям приказывают являться за получением резолюции через неделю,

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem; Вейдемейер А.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 184; Тургенев А.М. Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 212; Шильдер Н.К. Император Павел Первый: историко-биографический очерк: с портретами, видами, планами и автографами. СПб., 1901. С. 304; Сивков К.В. Император Павел I (опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5 / под ред. В.В. Каллаша. М., 1913. С. 75; Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 119; Ragsdale H. Tsar Paul and the Question of Madness. New York; Westport (CT); London, 1988. P. 70; Валушевский К.Ф. Сын Великой Екатерины. Император Павел I: его жизнь, царствование и смерть. 1754–1801. М., 1993. С. 101; Тартаковский А.Г. Павел I // Романовы. Исторические портреты. Т. 2 / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1997. С. 133. Согласно А.М. Тургеневу, ящик был сколочен из сосновой доски, тогда как А.И. Вейдемейер отмечал, что ящик был железным.

⁴⁶ О надзоре за населением Российской империи в XVIII в. с помощью паспортов, см.: Кошелева О.Е. «Без пашпортов и с воровскими пашпорты», или Можно ли обмануть государственный контроль? // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / под ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 323–348.

⁴⁷ «Мирские приговоры» зачастую дополняли крестьянские обращения к монарху и в государственные учреждения. С помощью такого документа крестьянская община подтверждала, что жалоба подается от коллектива.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 7. Д. 2918. Ч. 2. Л. 202–208 об.

⁴⁹ Там же. Д. 2985. Ч. 2. Л. 167 об.

а просьбы из ящика вынимает Ю.А. Нелединский-Мелецкий. В положенный срок Семен пришел в статс-секретарскую канцелярию, откуда его отправили к генерал-прокурору, а после – в Тайную экспедицию Сената. На Фоминой неделе (после 12 апреля) крестьянину выдали паспорт или «билет» и дали распоряжение явиться к владимирскому губернатору. В ряде выявленных случаев крепостным просителям выдавали паспорта из канцелярии Павла I, дабы они могли вернуться на законных основаниях⁵⁰. В документе Семена Чуваша было сказано, что император прощает его за «утруждение просьбою» и вместе с тем просит помещика не взыскивать с крепостного за отлучку. На следующий день Семен повстречался с крестьянами графа Толстого и помог им тем же, чем прежде помогли ему самому, – указал на местоположение ящика⁵¹.

28 марта императорский двор переместился в Слободской дворец, а 1 апреля – в Кремлевский дворец. С 15 апреля Павел I вновь переехал в Слободской дворец, после чего совершил ряд поездок, останавливаясь попеременно в разных местах. Около этих резиденций появлялся ящик для просьб, который, однако, 3 мая покинул столицу вместе с Павлом Петровичем⁵².

В мае 1797 г. император предпринял путешествие по западным губерниям, после чего 27 мая возвратился в Гатчину, а 1 июня переехал в Павловск⁵³. После прибытия Павла I в его столичную резиденцию упомянутый ранее Василий Гашин стал узнавать о просьбе, поданной еще в феврале: отыскать ее не смогли. Тогда к Василию из деревни пришли два крестьянина и передали новую жалобу на управляющего. 19 июня 1797 г. Василий положил ее в ящик, находившийся в Павловске, а сам отправился обратно в Московско-Ямскую слободу Петербурга, где, как отмечали чиновники, укрывались «безпаспортные и подозрительные люди». По личному приказу императора Гашин был задержан квартальным надзирателем в своем жилище, а после был отправлен к владимирскому губернатору для «суждения по законам»⁵⁴. Как свидетельствуют другие архивные материалы, ящик также устанавливался осенью 1797 г. около дворца Павла I в Гатчине⁵⁵.

Ящик использовался для сбора прошений и в период вояжа Павла I до Казани в мае–июне 1798 г. В путешествии, как и годом ранее, императора сопровождал Ю.А. Нелединский-Мелецкий. 13 мая 1798 г. в Москве в ящик для жалоб положил просьбу экономический крестьянин Петр Полетаев. 24 мая Павел I прибыл в Казань, и уже на следующий день ящик был выставлен перед усадьбой А.П. Лецкого, в которой остановился император. Жители региона оставляли здесь прошения вплоть до высочайшего отъезда 30 мая⁵⁶. Согласно Н.П. Загоскину, «уезжая из Казани, Император наиболее важные из этих прошений взял с собою, а незначительные оставил в распоряжение военного губернатора де-Ласси для производства по ним на месте»⁵⁷.

Последний раз ящик упоминается 12 августа 1798 г. Из Киевской губернии в Павловск прибыли шляхтичи Добровольский и Скальский. На заставе около резиденции караульный переписал данные их паспортов в журнал, а также сообщил, что им следует возвращаться обратно сразу же после положения просьб. Шляхтичи ожидали приезда военного губернатора до позднего вечера, так и не обнаружили ящик, а на следующий

⁵⁰ Там же. Ч. 1. Л. 16–17, 21 об., 33 об., 150; Ч. 2. Л. 73 об., 110, 162, 167 об.–168.

⁵¹ Там же. Ч. 2. Л. 168.

⁵² Там же. Ч. 1. Л. 47–48, 54–56; Ч. 2. Л. 164–170; Д. 2982. Л. 2; Головина В.Н. Мемуары // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / под ред. С.А. Никитина. М., 2000. С. 152–161; Агеева О.Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018. С. 63–64, 228–229, 240–241, 308.

⁵³ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 341–357.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 7. Д. 2918. Ч. 2. Л. 202–208 об.; Д. 3019. Л. 5–10 об. В ящик, расположенный в Павловске, также положил жалобу ярославский крепостной Иван Беспалый, который сообщал, что его помещик И.И. Дьяконов соучаствовал в убийстве Петра III.

⁵⁵ Там же. Д. 2985. Ч. 1. Л. 180–182, 218–219, 228.

⁵⁶ Там же. Д. 2954. Л. 28; Загоскин Н.П. Император Павел Первый в Казани (1798-ой год). Казань, 1893. С. 13, 23–26; Сорokin Ю.А. Павел I. Личность и судьба. М.; Омск, 1996. С. 95.

⁵⁷ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 26.

день были отправлены под арест. В своей просьбе о помиловании они писали: «Разве теперь и в ящик не велено класть просьб, о чем мы неизвестны были, но мы не токмо не положили, но и ящик не сподобились видеть»⁵⁸. По всей видимости, ящик для жалоб в последний раз устанавливали в начале августа 1798 г. – незадолго до появления Добровольского и Скальского в Павловске. В историографии было принято считать, что ящик просуществовал недолго. Мемуарист А.М. Тургенев писал, что ящик «указывал самодержцу зло» на протяжении года и трех месяцев, тогда как остальные авторы давали более краткие сроки⁵⁹. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что ящик служил императору около года и восьми месяцев.

Почему Павел I отказался от идеи личных прошений, благодаря которым, если верить Н.А. Саблукову, «обнаружились многия вопиющие несправедливости»⁶⁰? Можно предложить три объяснения. Во-первых, мемуарист А.М. Тургенев и ряд историков отмечали, что Павла I разозлили сатиры и пасквили, которые он находил в коробке для петиций⁶¹. Согласно Тургеневу, ящик для жалоб убрали вскоре после того, как капитан Преображенского полка Хитрово опустил в него записку с критикой вахтпарадов. В последующие 10–15 дней «имевшие причины более прочих страшиться неодоушевленного друга царского»⁶² якобы каждый день оставляли в ящике по 10 и более записок, содержащих язвительную сатиру на императора, после чего ящик был снят. «Пасквильное» объяснение ликвидации ящика представляется малоубедительным в свете анализа дела Добровольского и Скальского. Ящик использовался Павлом I на пять месяцев дольше, чем считал Тургенев, а следовательно, записка капитана Хитрово не имела того значения, которое приписывал ей мемуарист.

Во-вторых, внимания заслуживает замечание, что императору надоело вести однообразную работу с тысячами обращений, значительная часть которых могла быть решена без участия Павла I. Вероятно, именно поэтому монарх в определенные периоды поручал цесаревичу и статс-секретарю право доставать бумаги из ящика. Как отмечал Массон, вопреки своему ожиданию, император находил в ящике больше жалоб, чем доносов, и возымел к ним отвращение: «Он не понял, что число их будет уменьшаться по мере того, как он будет быстро и последовательно на них отвечать»⁶³.

В-третьих, можно предположить, что исчезновение ящика в августе 1798 г. связано с отставкой в том же месяце статс-секретаря Ю.А. Нелединского-Мелецкого, отвечавшего за канцелярскую работу с прошениями из ящика. Принято считать, что друг детства Павла I был удален из-за придворных интриг. 6 и 27 августа в «Санкт-Петербургских ведомостях» в последний раз публиковались резолюции монарха на «поданные» и присланные по почте прошения, о которых докладывал Нелединский. Можно предположить, что Павел I не смог найти подходящую замену Юрию Александровичу на ответственном посту⁶⁴. Хотя второе объяснение «отставки» ящика звучит более убедительно, чем первое и третье, вполне вероятно, что упомянутые обстоятельства дополняли друг друга.

Исторические обстоятельства сложились против российского ящика для прошений, но нельзя отрицать, что для современников этот канал связи имел свои преимущества. В 1796–1798 гг. каждый житель империи мог обратиться к императору без посредников – почтмейстеров, канцелярских и сенатских служащих, статс-секретарей (когда Павел I лично вынимал бумаги из ящика). Этим объясняется популярность нового средства

⁵⁸ РГАДА. Ф. 7. Д. 3095. Л. 1–3.

⁵⁹ Тургенев А.М. Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 212; Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 304; Сивков К.В. Указ. соч. С. 75.

⁶⁰ Саблуков Н.А. Указ. соч. С. 29.

⁶¹ Тургенев А.М. Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 214–216; Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 168–169; Ragsdale H. Op. cit. P. 70.

⁶² Тургенев А.М. Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 215.

⁶³ Masson C.F.P. Op. cit. P. 226.

⁶⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 63. С. 1503–1512; № 69. С. 1666–1676; Русский биографический словарь. Нааке-Накенский – Николай Николаевич. Т. 11. СПб., 1914. С. 216–217.

связи. Вместо отправки писем на высочайшее имя жители российских губерний затрачивали недели и месяцы на дорогу к «непристрастному» ящику. Новый канал связи был особенно удобен для слабых и безгласных – для крепостных. С одной стороны, сбежавшие от помещиков «ходоки», вероятно, избегали встреч с любыми представителями власти и желали обратиться непосредственно к императору. С другой стороны, после рассмотрения Павлом I жалоб крепостных на помещиков просителям выдавали паспорта для возвращения к владельцам или посещения государственных учреждений на законных основаниях.

Вплоть до конца XIX в. ящики для петиций помогали правителям иерархических, сословных социумов узнавать о нуждах населения и злоупотреблениях чиновников. Российское законодательство не регулировало функционирование ящика: Павел I и его канцелярия просматривали все виды обращений, которые подданные оставляли в ящике для жалоб. В отличие от России и Венеции, правительства Персии и Японии предписывали отдельными указами, какие виды ходатайств допускается подавать через ящик. В персидский «*sandug-i 'adalat*» жителям запрещалось класть первичные обращения по гражданским и уголовным делам: сундук предназначался для жалоб на администрацию и апелляций на решения судов. Ящик в японском княжестве Тоса был устроен для предложений по совершенствованию государства и общества, а также для жалоб на администрацию и апелляций по судебным делам. В Венецианской республике и Японии официально принимались анонимные жалобы⁶⁵. Хотя в Российской империи законодательство запрещало подачу анонимок, а при обнаружении их предписывалось сжигать, такие жалобы нередко рассматривались на практике⁶⁶. После установки ящика в России у жителей появился удобный способ отправки анонимных посланий царю.

В XX в. правительства перестают использовать ящики для регулярного приема жалоб и просьб. Тем не менее функциональный смысл этого устройства сохраняет актуальность и сегодня. Нововведение Павла I предшествовало появлению в России почтовых ящиков, а также «ящиков для жалоб и предложений».

«О ЧЕМ ТОГДА Ж ИМ, ПРОСИТЕЛЯМ, ЧЕРЕЗ ГАЗЕТЫ ОБЪЯВЛЕНО»: ПУБЛИКАЦИЯ ОТВЕТОВ МОНАРХА НА ПРОШЕНИЯ

Петиции на имя российского императора, которые все желающие отправляли по почте или клали в ящик, дополняли обращения в канцелярии статс-секретарей и генерал-прокурора Сената⁶⁷. В 1797 г. Павел I приказал публиковать свои ответы на прошения в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях».

«Санкт-Петербургские ведомости» издавались с 1728 г. и были продолжением первой российской газеты «Ведомости» (1703–1727 гг.). «Московские ведомости», печатавшиеся с 1756 г., первоначально являлись зеркальным аналогом столичной газеты, но вскоре приобрели черты местного своеобразия. Газеты выходили два раза в неделю по почтовым дням. При Павле I указы о служебных назначениях и увольнениях регулярно публиковались на первых страницах петербургских и московских «Ведомостей». После приказов в отдельных газетных номерах могли размещаться правительственные указы и объявления. Затем обязательно шли российские и зарубежные новости. Далее, в рубрике «Известия», печатались объявления частных лиц, списки отъезжающих за границу и сообщения о погоде. К большинству номеров прилагались «прибавления», в которых размещались объявления казенных учреждений, реклама, стихи, научные статьи и др.

⁶⁵ Roberts L.S. Op. cit. P. 424, 454–456; Preto P. Op. cit. P. 169; Golmohammadi A. Op. cit. P. 98–103.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 7. Д. 2973. Л. 2–3; Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008. С. 128, 239–250, 465, 551–552.

⁶⁷ Клочков М.В. Указ. соч. С. 194–199, 260–270. Генерал-прокурор Сената докладывал Павлу I о просьбах, подаваемых на высочайшее имя в апелляционном и ревизионном порядках. Глава Сената также осуществлял надзор за расследованием дел, инициированных по всеподданнейшим прошениям. Многие обращались к генерал-прокурору с целью исходатайствовать милость императора.

Отдельные «прибавления» содержали информацию о нерешенных делах, оставленных истцами и ответчиками без хождения⁶⁸.

После коронации Павла I информационная часть двух российских газет дополнилась новым разделом. 13 апреля в «Московских ведомостях» были опубликованы «Объявления от... Генерал-Прокурора... Куракина»⁶⁹. С этого дня в столичных и московских «Ведомостях» статс-секретари и генерал-прокурор Сената регулярно объявляли резолюции монарха на прошения. Ответы просителям печатались в большинстве газетных номеров сразу после информации о служебных назначениях, предворяя раздел новостей. Как правило, материалы публиковались сначала в северной столице и только затем в первопрестольной⁷⁰. Объявления предназначались для широкой читательской аудитории, а не только конкретным подателям жалоб. Просители, к которым обращалось правительство на страницах газет, не были обязаны просматривать номера «Ведомостей»: они получали резолюции на руки.

Как справедливо указывает А.К. Смит, в XVIII – первой половине XIX в. российская власть использовала газеты как одно из средств управления. «Ведомости» транслировали информацию, которую канцелярия императора считала необходимым донести до подданных; подписчики газет получали сведения о происходящем в государстве и таким образом отчасти включались в имперские практики⁷¹. В этом контексте «Ведомости» начали публиковать и объявления монарха просителям. Можно предположить, что таким способом Павел I пытался наладить контакт с широкими слоями общества. Газетные объявления возвещали, что теперь у каждого жителя России, включая крепостных⁷², есть возможность обратиться к императору. Вместе с тем, посвящая читателей газет во «внутреннюю кухню» принятия решений, Павел I и Александр I транслировали образ правления, основанного на законе.

Публиковались, главным образом, обращения трех категорий: просьбы судебного характера, прошения о материальной помощи и просьбы о служебных назначениях. В газетах приводилось краткое содержание прошений, после чего следовал отказ Павла I в удовлетворении просьбы, как правило, вместе с разъяснением. Положительные резолюции монарха публиковались крайне редко⁷³. Отказы объяснялись следующим образом: не был соблюден порядок обращения; был пропущен срок апелляции; исполнение просьбы было бы «противно государственному узаконению»; дело уже решено на законном основании и не может быть пересмотрено; прошение ложное, «пустое» или «недельное»; монарху не известно о служебных заслугах и материальном состоянии ходатая. Просителям могли рекомендовать подавать иски там, «где по законом следует», ожидать решения по делу положенный срок, подавать апелляцию согласно законному порядку. Иногда сообщалось, что суд ранее уже вынес положительное решение или что недавний указ урегулировал спор в общем порядке⁷⁴.

В ответах Павла I подчеркивалось, что тот или иной проситель выбрал неправильную юрисдикцию для обращения или вовсе не имел для него оснований. Объявление

⁶⁸ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 4. Периодические и продолжающиеся издания. М., 1966. С. 14–16, 45–52, 105–114.

⁶⁹ Московские ведомости. 1797. № 30. С. 643–644.

⁷⁰ Тем не менее «Московские ведомости» первыми публиковали объявления во время двух путешествий Павла I по России, когда император и его канцелярия находились ближе к Москве, чем к Санкт-Петербургу.

⁷¹ Smith A. K. Information and Efficiency: Russian Newspapers, ca. 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia. 1600–1850 / eds S. Franklin, K. Bowers. Cambridge (UK), 2017. P. 186–194, 207–211.

⁷² Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 5. С. 80–81; № 11. С. 223; № 17. С. 358–359; 1799. № 11. С. 217; Московские ведомости. 1801. № 2. С. 27.

⁷³ См. примеры положительных решений Павла I: Санкт-Петербургские ведомости. 1798. № 16. С. 335; № 25. С. 586.

⁷⁴ Там же. 1797. № 49. С. 978–985; 1798. № 2. С. 23–28; № 7. С. 128–136; № 12. С. 247–248; № 13. С. 266–271; № 23. С. 526–535; № 32. С. 721–734.

монарших резолюций в «Ведомостях», как представляется, имело дидактические цели. С их помощью Павел I и высшие сановники сообщали, какие дела неподсудны монарху и/или вовсе не имеют оснований. Вероятно, после прочтения отказов императора на прошения не только конкретные просители, но и широкий круг читателей задумывались, в каком месте лучше обратиться с просьбой и стоит ли ходатайствовать в принципе.

В газетах также печаталась информация о санкциях за неосновательные и назойливые обращения. В номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 1 ноября 1799 г. всем, кто желал отправить письмо на высочайшее имя, сообщали, что им потребуется указать свои чин, место службы и место пребывания, а иначе «прошения оставаться будут не дозволенными Его Императорскому Величеству»⁷⁵. Тогда же было опубликовано повеление Павла I сажать просителей в тюрьму на месяц после троекратного утрудения монарха⁷⁶. Читателям газет напоминали о символических наказаниях, которым подвергались податели и отправители «недельных жалоб». В разделе ответов на почтовые прошения регулярно публиковался список адресантов, чьи просьбы возвращались «с надданием». За обратную пересылку таких обращений с просителей взымались «в почтовую казну весовые деньги»⁷⁷. Надрыв ходатайств, а также взимание почтового сбора с просителей символизировали особое недовольство императора. Распространение информации о санкциях за «неправильные» просьбы способствовало корректировке коммуникации между ходатаями и престолом.

Ответы Павла I и Александра I на всеподданнейшие прошения публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» почти 14 лет. При Александре Павловиче, как и ранее, в газетах размещались отказы по ходатайствам вместе с их разъяснением⁷⁸. Как представляется, путем публикации тысяч отказов верховная власть пыталась ограничить нескончаемый поток прошений на высочайшее имя. Вместе с тем газетные объявления транслировали идею законности и обоснованности решений российских судов и монарха, способствовали правовому просвещению.

Имеет смысл сравнить практику публикации судебных решений в России и других государствах. Ввиду развития прецедентного права в средневековой Англии решения судов обнародовались сначала в рукописях, а затем в печатных изданиях. Начиная с конца XVII в. в Англии, с 1770-х годов во Франции и с 1830-х годов в США выписки из протоколов судебных заседаний регулярно публиковались в печати⁷⁹. Сходным образом с 1797 г. российские «Ведомости» в большинстве номеров размещали информацию о подаче ходатайств на высочайшее имя. После прекращения публикации ответов на прошения при Александре I российская судебная журналистика обретет второе рождение только в 1859 г. сначала на страницах «Журнала министерства юстиции»⁸⁰, а затем и на страницах других ведомственных журналов. Начиная с последней трети XIX в. в мире распространяется практика обязательной публикации судебных актов.

⁷⁵ Там же. 1799. № 87. С. 2186.

⁷⁶ Там же. № 60. С. 1481. О публикации указов в газетах, см.: *Franklin S.* Printing and Social Control in Russia 2: Decrees // *Russian History*. 2011. № 4. P. 491–492.

⁷⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 52. С. 1045; 1798. № 7. С. 136; № 13. С. 271; 1799. № 50. С. 1215–1216; № 63. С. 1558; Московские ведомости. 1801. № 24. С. 594. Логично поэтому предположить, что в обычном порядке статс-секретари отправляли ходатаям резолюции за казенный счет.

⁷⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1804. № 104. С. 3277–3283; Московские ведомости. 1808. № 52. С. 1344–1345; 1809. № 68. С. 1501–1502; Санкт-Петербургские Сенатские ведомости. 1809. № 3. С. 19–30. С 1802 г. ответы монарха просителям объявлялись от министра юстиции и военного министра. Примечательно, что весь третий номер «Санкт-Петербургских Сенатских ведомостей» за 1809 г. был посвящен делопроизводству по всеподданнейшему прошению князя С.М. Голицына. Впервые в российской прессе подробно освещалось отдельное судебное производство.

⁷⁹ *Shoemaker R.B.* The Old Bailey Proceedings and the Representation of Crime and Criminal Justice in Eighteenth-Century London // *Journal of British Studies*. 2008. № 3. P. 559; *Mazeau G.* Le procès révolutionnaire: naissance d'une justice médiatique (Paris. 1789–1799) // *Le Temps des medias*. 2010. № 2. P. 112; *Surette R.* Media, Crime, and Criminal Justice: Images, Realities, and Policies. Boston (MA), 2011. P. 6–7, 16–17.

* * *

Подведу итоги. К 1790-м годам почта стала основным каналом прямой и обратной коммуникации российских подданных и правителя. Развитие дистанционной связи избавило ходатаев от необходимости лично являться в императорскую канцелярию и судебные учреждения. Отправить просьбу «прямо на Высочайшее имя» можно было в любом из нескольких сотен почтовых отделений. И все же при использовании ходатаями почты в качестве посредников коммуникации по-прежнему выступали статс-секретари: именно они определяли, доложить ли правителю о письмах. При Павле I жители России получили возможность обратиться к монарху «беспосредственно» благодаря ящику для прошений, который служил императору около года и восьми месяцев. В апреле 1797 г. был открыт новый канал для обратной связи монарха с российскими подданными: ответы Павла I на просьбы теперь объявлялись в «Ведомостях». С помощью публикации ответов на прошения верховная власть распространяла правовую и судебную информацию, а также корректировала коммуникацию с подданными.

Новые каналы коммуникации обеспечивали право каждого на обращение с жалобой, способствовали большей открытости судопроизводства. В то же время они использовались для поддержания старой традиции персонального отправления правосудия монархом. Модернизация средств связи способствовала переходу Российской империи к «модерности» главным образом в технологическом отношении, но не в институциональном⁸¹. «Традиционалистский образ институционального поведения», подразумевавший веру в верховенство исполнительной власти и приниженное положение суда⁸², способствовал сохранению феномена «писем во власть» в российской истории.

Библиография

- Агеева О.Г.* Императорский двор России эпохи Павла I. М., 2018.
- Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. Ч. 4. М., 1836.
- Валишевский К.Ф.* Сын Великой Екатерины. Император Павел I: его жизнь, царствование и смерть. 1754–1801. М., 1993.
- Васильев И.М.* Прошения жителей Оренбургской губернии Павлу I // Клио. 2014. № 7. С. 60–65.
- Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. Ч. 2. СПб., 1846.
- Вигилев А.Н.* История отечественной почты. М., 1990.
- Головина В.Н.* Мемуары // Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / под ред. С.А. Никитина. М., 2000. С. 19–346.
- Головкин Ф.Г.* Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003.
- Грибовский А.М.* Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864.
- Древности Российского государства. Отд. 6. Памятники древнего русского зодчества. М., 1853.
- Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. 1. М., 1895.
- Загоскин Н.П.* Император Павел Первый в Казани (1798-ой год). Казань, 1893.
- Извозчик В.С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М., 2015.
- Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001.
- Катионов О.Н.* Московско-сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2014.
- Кислягина Л.Г.* Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. / под ред. Н.Б. Голиковой. М., 1991. С. 175–189.
- Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.

⁸⁰ *Курас С.Л.* Освещение деятельности судебных палат Российской империи и органов тюремного ведомства на страницах «Журнала министерства юстиции» // Власть. 2021. № 1. С. 156–157.

⁸¹ О применении понятий «модернизация» и «модерность» к истории российских коммуникаций в Новое время, см.: *Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge (UK), 1999. P. 1–26, 239–243; *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / пер. с англ. М. Лавринович. М., 2016.

⁸² См.: *Wortman R.S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago; London, 1976. P. 3, 116–117; *Borisova T.Y., Burbank J.* Russia's Legal Trajectories // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. № 3. P. 476–482.

- Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1893.
- Кошелева О.Е.* «Без пашпортов и с воровскими пашпорты», или Можно ли обмануть государственный контроль? // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / под ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М., 2016. С. 323–348.
- Курас С.Л.* Освещение деятельности судебных палат Российской империи и органов тюремного ведомства на страницах «Журнала министерства юстиции» // Власть. 2021. № 1. С. 156–161.
- Курочкин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.
- Моряков Е.Ю.* Региональная идентичность крепостных в прошениях императору Павлу Первому // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1292–1306.
- Пёрышкин М.Ю.* Институт статс-секретарей при Екатерине II: 1762–1796 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- «Русская верность, честь и отвага» Джона Элфинстона. Повествование о службе Екатерине II и об Архипелагской экспедиции Российского флота / иссл. и пер. с англ. Е. Смилянкой, Ю. Лейкин. М., 2020.
- Саблуков Н.А.* Записки Н.А. Саблукова / пер. С.А. Рачинского, пред. К. Военского // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908.
- Саран А.Ю.* История почты Орловского края. Орёл, 2004.
- Седов П.В.* Закат Московского царства в XVII в. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
- Сивков К.В.* Император Павел I (опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5 / под ред. В.В. Калаша. М., 1913.
- Сорокин Ю.А.* Павел I. Личность и судьба. М.; Омск, 1996.
- Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 12. СПб., 1907.
- Тартаковский А.Г.* Павел I // Романовы. Исторические портреты. Т. 2 / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1997.
- Топычканов А.В.* Роль подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в. в трансформации российской политической культуры // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 10 / под ред. Е.А. Верховской. М., 2007. С. 35–43.
- Тургенев А.М.* Записки // Русская старина. 1889. № 4. С. 209–230; 1895. № 5. С. 45–51; № 7. С. 73–88.
- Хаванова О.В.* Пребывание Павла Петровича в Вене в 1781–1782 гг.: «умное» путешествие просвещенного цесаревича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / под ред. М.В. Лескиной, О.В. Хавановой. М.; СПб., 2016. С. 94–109.
- Храповицкий А.В.* Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй / сост. и ред. Г.Н. Геннади. М., 1862.
- Цинцидзе Н.С.* Государственная деятельность Державина в должности личного секретаря императрицы Екатерины II (1791–1793) // Клио. 2015. № 5. С. 177–186.
- Шенк Ф.Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / пер. с англ. М. Лавринович. М., 2016.
- Шильдер Н.К.* Император Павел Первый: историко-биографический очерк: с портретами, видами, планами и автографами. СПб., 1901.
- Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907.
- Borisova T.Y., Burbank J.* Russia's Legal Trajectories // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2018. № 3. P. 469–508.
- Brewer A.* “Iz poslushaniia Ego Velichestva ne vykhodim, a ostat'sia nesoglasny”: The perceptions of law, justice and a “just authority” in the petitions of Russian peasants in the second half of the eighteenth century // *Cahiers du Monde russe*. 2012. № 1. P. 41–64.
- Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge (UK), 1999.
- Du séjour des comtes du Nord à Venise en janvier MDCCLXXXII. Lettre de Mme la comtesse Douairière des Ursins, et Rosenberg à Mr. Richard Wynne, son frère, à Londres. Paris, 1782.
- Franklin S.* Printing and Social Control in Russia 2: Decrees // *Russian History*. 2011. № 4. P. 467–492.
- Golmohammadi A.* Justice Box (sanduq-i adalat); the Continuity of Tradition or the Facilitator of Modernity // *Ganjine-ye Asnad*. 2018. № 3. P. 94–116.
- Masson C.F.P.* Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II, et sur celui de Paul. Vol. 1. Paris, 1804.
- Mazeau G.* Le procès révolutionnaire: naissance d'une justice médiatique (Paris, 1789–1799) // *Le Temps des medias*. 2010. № 2. P. 111–125.
- Nevola F.* Street Life in Renaissance Italy. New Haven (CT); London, 2020.
- Preto P.* I servizi segreti di Venezia: Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milan, 1994.
- Ragsdale H.* Tsar Paul and the Question of Madness. New York; Westport (CT); London, 1988.
- Randolph J.* Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire, 1700–1850 // *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850* / eds S. Franklin, K. Bowers. Cambridge (UK), 2017. P. 159–181.
- Roberts L.S.* The Petition Box in Eighteenth-Century Tosa // *Journal of Japanese Studies*. 1994. № 2. P. 423–458.
- Shoemaker R.B.* The Old Bailey Proceedings and the Representation of Crime and Criminal Justice in Eighteenth-Century London // *Journal of British Studies*. 2008. № 3. P. 559–580.
- Smith A.K.* Information and Efficiency: Russian Newspapers, ca. 1700–1850 // *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850* / eds S. Franklin, K. Bowers. Cambridge (UK), 2017. P. 185–211.

Surette R. Media, Crime, and Criminal Justice: Images, Realities, and Policies. Boston (MA), 2011.

Wortman R.S. The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago; London, 1976.

References

- Ageeva O.G.* Imperatorskii dvor Rossii epokhi Pavla I [The Imperial Court of Russia in the Age of Paul I]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Bantysh-Kamenskii D.N.* Slovar' dostopamiatnykh liudei Russkoi zemli [Dictionary of Venerable People of Russian Land]. Ch. 4. Moskva, 1836. (In Russ.)
- Drevnosti Rossiiskogo gosudarstva. Otd. 6. Pamiatniki drevnego russkogo zodchestva [Antiquities of the Russian state. Dep. 6. Monuments of Early Russian Architecture]. Moskva, 1853. (In Russ.)
- Golovina V.N.* Memuary [Memoirs] // Memuary grafini Golovinoi. Zapiski kniazia Golitsyna [Memoirs of Countess Golovina. Notes of Prince Golitsyn] / pod red. S.A. Nikitina. Moskva, 2000. S. 19–346. (In Russ.)
- Golovkin F.G.* Dvor i tsarstvovanie Pavla I. Portrety, vospominaniia [Court and the Reign of Paul I. Portraits, Memoirs]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Gribovskii A.M.* Zapiski o imperatritse Ekaterine Velikoi [Notes on Empress Catherine the Great]. Moskva, 1864. (In Russ.)
- Izmozik V.S.* “Chernye kabinety”. Istoriia rossiiskoi perliustratsii. XVIII – nachalo XX veka [“Black Cabinets”. History of Russian Perustration. 18th – the Beginning of 20th Century]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Kamenskii A.B.* Ot Petra I do Pavla I: reformy v Rossii XVIII v. (opyt tselostnogo analiza) [From Peter the Great to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century. (The Experience of a General Analysis)]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Kationov O.N.* Moskovsko-sibirskii trakt i ego zhiteli v XVII–XIX vv. [The Moscow-Siberian Highway and Its Inhabitants in the 17th–19th Centuries]. Novosibirsk, 2014. (In Russ.)
- Khavanova O.V.* Prebyvanie Pavla Petrovicha v Vene v 1781–1782 gg.: “umnoe” puteshestvie prosveshchennogo tsarevicha [Pavel Petrovich's Stay in Vienna 1781–1782: The Enlightened Prince's “Intelligent” Journey] // Romanovy v doroze. Puteshestviia i poezdki chlenov tsarskoi sem'i po Rossii i za granitsu [The Romanovs are on the road. Travel and trips of members of the royal family in Russia and abroad] / pod red. M.V. Leskinen, O.V. Khavanovoi. Moskva; Sankt-Peterburg, 2016. S. 94–109. (In Russ.)
- Khrapovitskii A.V.* Pamiatnye zapiski A.V. Khrapovitskogo, stats-sekretaria imperatritsy Ekateriny Vtoroi [Memoirs of A.V. Khrapovitsky, State Secretary of Empress Catherine the Great] / sost. i red. G.N. Gennadi. Moskva, 1862. (In Russ.)
- Kisliagina L.G.* Kantseliaria stats-sekretarei pri Ekaterine II [Chancellery of State Secretaries under Catherine II] // Gosudarstvennye uchrezhdeniia Rossii XVI–XVIII vv. [State Institutions of Russia of the 16th–18th Centuries] / pod red. N.B. Golikovoi. Moskva, 1991. S. 175–189. (In Russ.)
- Klochkov M.V.* Ocherki pravitel'stvennoi deiatel'nosti vremeni Pavla I [Essays on Government Activities of the Time of Paul I]. Petrograd, 1916. (In Russ.)
- Kondrat'ev I.K.* Sedaia starina Moskvy [Old Days of Moscow]. Moskva, 1893. (In Russ.)
- Kosheleva O.E.* “Bez pashportov i s vorovskimi pashporty”, ili Mozhno li obmanut' gosudarstvennyi kontrol'? [“Without Passports and with Fake Passports”, or Is It Possible to Cheat the State Control?]/ Obman kak povsednevnaia praktika. Individual'nye i kollektivnye strategii povedeniia [Deception as an Everyday Practice. Individual and Collective Behavior Strategies] / pod red. O.I. Togoivoi, O.E. Koshelevoi. Moskva, 2016. S. 323–348. (In Russ.)
- Kuras S.L.* Osveshchenie deiatel'nosti sudebnykh palat Rossiiskoi imperii i organov tiuremnogo vedomstva na stranitsakh “Zhurnalna ministerstva iustitsii” [Coverage of the Russian Judicial Chambers and Bodies of the Penitentiary Department in “Journal of the Ministry of Justice”] // Vlast' [Power]. 2021. № 1. S. 156–161. (In Russ.)
- Kurukin I.V., Nikulina E.A.* Povsednevnaia zhizn' Tainoi kantselarii [Everyday Life of the Secret Chancellery]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Moriakov Ye.Yu.* Regional'naia identichnost' krepostnykh v prosheniakh imperatoru Pavlu Pervomu [The Regional Identity of Serfs in Their Petitions to Emperor Paul I] // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8. № 4. S. 1292–1306. (In Russ.)
- Peryshkin M.Iu.* Institut stats-sekretarei pri Ekaterine II: 1762–1796 gg. [The Institute of State Secretaries under Catherine II: 1762–1796]: dis. ... kand. ist. nauk. Moskva, 2004. (In Russ.)
- “Russkaia vernost', chest' i otvaga” Dzhona Elfinstona. Povestvovanie o sluzhbe Ekaterine II i ob Arkhipelagskoi ekspeditsii Rossiiskogo flota [“Russian Faith, Honour & Courage”, John Elphinstone's Memoir about the Service to Catherine II and the Archipelago Expedition of the Russian Navy] / issl. i per. s angl. E. Smilianskoi, Iu. Leikin. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Sablukov N.A.* Zapiski N.A. Sablukova [Notes of N.A. Sablukov] / per. S.A. Rachinskogo, predisl. K. Voenskogo // Tsareubiistvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov [Regicide on March 11, 1801. Notes of Participants and Contemporaries]. Sankt-Peterburg, 1908. (In Russ.)
- Saran A.Iu.* Istoriia pochty Orlovskogo kraia [History of the Post Office of Oryol Region]. Orel, 2004. (In Russ.)
- Schenk F.B.* Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznykh dorog [Russia's Ride Towards Modernity: Mobility and Social Space in the Railway Age] / per. s angl. M. Lavrinovich. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Sedov P.V.* Zakat Moskovskogo tsarstva v XVII v. Tsarskii dvor kontsa XVII veka [The Sunset of the Moscow Tsardom in the 17th Century. The Tsar's Court in the End of the 17th Century]. Sankt-Peterburg, 2008. (In Russ.)

- Shil'der N.K.* Emperor Pavel Pervyi: istoriko-biograficheskii ocherk: s portretami, vidami, planami i avtografami [The Emperor Paul the First: A Historical and Biographical Essay: with Portraits, Views, Plans and Autographs]. Sankt-Peterburg, 1901. (In Russ.)
- Shumigorskii E.S.* Emperor Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie [Emperor Paul I. Life and Reign]. Sankt-Peterburg, 1907. (In Russ.)
- Sivkov K.V.* Emperor Pavel I (opyt kharakteristiki) [The Emperor Paul I (Experience of Description)] // Tri veka. Rossiia ot Smuty do nashogo vremeni [Three centuries. Russia from the Troubles to our time]. Vol. 5 / pod red. V.V. Kallasha. Moskva, 1913. (In Russ.)
- Sochineniia imperatritsy Ekateriny II na osnovanii podlinnykh rukopisei i s ob"iasnitel'nymi primechaniiami akademika A.N. Pypina [Works of Empress Catherine II on the Basis of Authentic Manuscripts and with Explanatory Notes by Academician A.N. Pypin]. Vol. 12. Sankt-Peterburg, 1907. (In Russ.)
- Sorokin Iu.A.* Pavel I. Lichnost' i sud'ba [Paul I. Personality and Fate]. Moskva; Omsk, 1996. (In Russ.)
- Tartakovskii A.G.* Pavel I [Paul I] // Romanovy. Istoricheskie portrety [The Romanovs. Historical portraits]. Vol. 2 / pod red. A.N. Sakharova. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Topychkanov A.V.* Rol' podmoskovnykh dvortsovykh usadeb vtoroi poloviny XVII v. v transformatsii rossiiskoi politicheskoi kul'tury [The Role of the Moscow Region Palace Estates of the Second Half of the 17th Century in the Transformation of Russian Political Culture] // Kolomenskoe: Materialy i issledovaniia [Kolomenskoye: Materials and Research]. Iss. 10 / pod red. E.A. Verkhovskoi. Moskva, 2007. S. 35–43. (In Russ.)
- Tsintsadze N.S.* Gosudarstvennaia deiatel'nost' Derzhavina v dolzhnosti lichnogo sekretaria imperatritsy Ekateriny II (1791–1793) [Derzhavin's State Activity as the State Secretary of Empress Catherine II (1791–1793)] // Klio. 2015. № 5. S. 177–186. (In Russ.)
- Turgenev A.M.* Zapiski [Notes] // Russkaia starina [Russian antiquity]. 1889. № 4. S. 209–230; 1895. № 5. S. 45–51; № 7. S. 73–88. (In Russ.)
- Valishevskii K.F.* Syn Velikoi Ekateriny. Imperator Pavel I: ego zhizn', tsarstvovanie i smert'. 1754–1801 [Son of the Great Catherine. Emperor Paul I: His Life, Reign and Death. 1754–1801]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Vasil'ev I.M.* Prosheniia zhitel'ei Orenburgskoi gubernii Pavlu I [Petitions of Residents of the Orenburg Province to Paul I] // Klio. 2014. № 7. S. 60–65. (In Russ.)
- Veidemeier A.I.* Dvor i zamechatel'nye liudi v Rossii vo vtoroi polovine XVIII stoletia [Court and Remarkable People in Russia in the Second Half of the XVIII Century]. Ch. 2. Sankt-Peterburg, 1846. (In Russ.)
- Vigilev A.N.* Istoriia otechestvennoi pochty [History of the Russian Post]. Moskva, 1990. (In Russ.)
- Zabelin I.E.* Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII st. Ch. 1. Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII st. [Domestic Life of the Russian People in the 16th and 17th Centuries. Vol. 1. Domestic Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. Vol. 1. Moskva, 1895. (In Russ.)
- Zagoskin N.P.* Imperator Pavel Pervyi v Kazani (1798–oi god) [Emperor Paul I in Kazan (1798)]. Kazan, 1893. (In Russ.)
- Borisova T.Y., Burbank J.* Russia's Legal Trajectories // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2018. № 3. P. 469–508.
- Brewer A.* "Iz poslushaniia Ego Velichestva ne vykhodim, a ostat'sia nesoglasny": The perceptions of law, justice and a "just authority" in the petitions of Russian peasants in the second half of the eighteenth century // Cahiers du Monde russe. 2012. № 1. P. 41–64.
- Dixon S.* The Modernisation of Russia, 1676–1825. Cambridge (UK), 1999.
- Du sejour des comtes du Nord à Venise en janvier MDCCLXXXII. Lettre de Mme la comtesse Douairière des Ursins, et Rosenberg à Mr. Richard Wynne, son frère, à Londres. Paris, 1782.
- Franklin S.* Printing and Social Control in Russia 2: Decrees // Russian History. 2011. № 4. P. 467–492.
- Golmohammadi A.* Justice Box (sanduq-i adalat); the Continuity of Tradition or the Facilitator of Modernity // Ganjine-ye Asnad. 2018. № 3. P. 94–116.
- Masson C.F.P.* Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II, et sur celui de Paul. Vol. 1. Paris, 1804.
- Mazeau G.* Le procès révolutionnaire: naissance d'une justice médiatique (Paris, 1789–1799) // Le Temps des médias. 2010. № 2. P. 111–125.
- Nevola F.* Street Life in Renaissance Italy. New Haven (CT); London, 2020.
- Preto P.* I servizi segreti di Venezia: Spionaggio e controspionaggio ai tempi della Serenissima. Milan, 1994.
- Ragsdale H.* Tsar Paul and the Question of Madness. New York; Westport (CT); London, 1988.
- Randolph J.* Communication and Obligation: The Postal System of the Russian Empire, 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850 / eds S. Franklin, K. Bowers. Cambridge (UK), 2017. P. 159–181.
- Roberts L.S.* The Petition Box in Eighteenth-Century Tosa // Journal of Japanese Studies. 1994. № 2. P. 423–458.
- Shoemaker R.B.* The Old Bailey Proceedings and the Representation of Crime and Criminal Justice in Eighteenth-Century London // Journal of British Studies. 2008. № 3. P. 559–580.
- Smith A.K.* Information and Efficiency: Russian Newspapers, ca. 1700–1850 // Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1850 / eds S. Franklin, K. Bowers. Cambridge (UK), 2017. P. 185–211.
- Surette R.* Media, Crime, and Criminal Justice: Images, Realities, and Policies. Boston (MA), 2011.
- Wortman R.S.* The Development of a Russian Legal Consciousness. Chicago; London, 1976.

© 2022 г. Н.С. ИЩЕНКО

«АФГАНСКИЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ В СЕРЕДИНЕ 1880-х годов

Ищенко Никита Сергеевич – второй секретарь Посольства России в Афганистане, соискатель ученой степени кандидата исторических наук при аспирантуре Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: ishchenkonikita@mail.ru

Scopus Author ID: 57221834214; ORCID: 0000-0002-3067-4247; Researcher ID: 6158-0130

Аннотация. В 1880-е годы Россия осуществила ряд важных шагов по укреплению своих позиций в Средней Азии. Присоединение города Мерва, Иолатанского и Пандждехского оазисов в 1884–1885 гг. привело к возникновению территориальных споров с Афганистаном, находившимся с 1880 г. под протекторатом Великобритании, за южные туркменские земли, а также к боестолкновению с афганским отрядом под руководством английских офицеров у пункта Пул-е Хишти (Таш-Кепри) на реке Кушке. Последнее событие чуть было не поставило политическое противостояние между Петербургом и Лондоном за влияние в регионе на грань полномасштабного военного конфликта. Результатом мирного урегулирования стала работа смешанной русско-английской комиссии по определению западной части границы между Россией и Афганистаном, окончившаяся в 1888 г. подписанием соответствующего соглашения. Все эти события не оставались без внимания российской общественности. На страницах ведущих отечественных изданий публицисты регулярно знакомили читателей с тем, что происходило на южных рубежах империи, рассматривая ситуацию в контексте общеевропейской политики. В настоящей статье представлена попытка охарактеризовать взгляды на российскую политику на афганском направлении в середине 1880-х годов ведущих российских консервативных публицистов тех лет, оказывавших в разной степени влияние в том числе на мнение Александра III, а также дать анализ того, в какой мере их предложения по выстраиванию внешнеполитического курса в афганских делах сочетались с действиями, предпринимавшимися российским правительством. Источниками исследования стали публикации наиболее влиятельных представителей консервативной прессы, таких как М.Н. Катков, И.С. Аксаков и В.П. Мещерский, о событиях на российско-афганской границе, вышедшие в свет в период наибольшего обострения в российско-британском противостоянии в регионе (1884–1886 гг.), а также статьи официальных изданий. Автор приходит к выводу, что, несмотря на благоволение Александра III консервативным взглядам и их выразителям, по существу ни одно из предложений этих публицистов в отношении российской политики у границ Афганистана не было принято правительством.

Ключевые слова: Афганистан, Александр III, Большая игра, М.Н. Катков, И.С. Аксаков, В.П. Мещерский.

N.S. Ishchenko

The Afghan Question in Russian Conservative Opinion Journalism in the Mid-1880s

Nikita Ishchenko, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia).

E-mail: ishchenkonikita@mail.ru

Scopus Author ID: 57221834214; ORCID: 0000-0002-3067-4247; Researcher ID: 6158-0130

Abstract. In the first half of the reign of Alexander III (1881–1894), Russia took several important steps to strengthen its position in Central Asia. The annexation of the city of Merv, the Iolatan and Panjdekh oases in 1884–1885 led to territorial disputes with Afghanistan over the southern

Turkmen lands and to a clash with an Afghan detachment on the Kushka River. The latter event nearly brought the political confrontation between St Petersburg and London over influence in the region to the brink of a full-scale military conflict. The peace settlement resulted in the work of a mixed British-Russian commission to determine the western part of the Russian-Afghan border, which culminated in the signing of an agreement in 1888. These events did not elude the attention of the Russian public. Leading national periodicals reported on the situation on the southern borders of the empire. In this article, the author attempts to characterise the views of influential Russian conservative authors of those years on Russian policy in Afghanistan in the mid-1880s and to analyse the extent to which their foreign policy proposals coincided with the actions of the Russian government. The study draws on the publications of the most influential representatives of the conservative press, as well as official press articles on events on the Russian-Afghan border, published during the period when the Russian-British confrontation in the region (1884–1886) was at its peak. The author concludes that, despite Alexander III's sympathy for conservative views and those who expressed them, the government did not accept a single proposal from conservative publicists regarding Russian policy at the borders of Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, Alexander III, Great Game, Mikhail Katkov, Ivan Aksakov, Vladimir Meshchersky.

В середине 1880-х годов на фоне активного продвижения Российской империи в Средней Азии важной темой обсуждения в отечественных периодических изданиях стал афганский аспект российско-британского противостояния в Азии. «Афганскому вопросу» или проблеме того, какой образ действий необходимо принять России в отношении Афганистана, уделяли внимание все значимые авторы. Публицисты, в том числе сторонники консервативных взглядов, играли важную роль в формировании российского общественно-политического дискурса.

Что касается освещения этой темы в историографии, то некоторые выдающиеся отечественные востоковеды, в частности Н.А. Халфин¹, опирались на английскую и российскую печать, чтобы продемонстрировать настроение и реакцию той или иной части общества на события вблизи афганских границ. Историк Е.Ю. Сергеев в своей монографии обращается с этой целью в том числе к мемуарам князя В.П. Мещерского², чья публицистическая деятельность рассматривается в настоящей статье. Вместе с тем упомянутые исследователи не ставили перед собой задачу провести комплексный анализ материалов по афганской тематике, печатавшихся в многочисленных российских изданиях конца XIX в.

Такая попытка была предпринята историками Р.А. Арслановым и А.Л. Климашиным, которые, однако, не выделяли афганский аспект из более общего среднеазиатского направления российской политики³. В своей работе авторы рассмотрели ряд публикаций 1877–1895 гг. в журналах «Русский вестник», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Исторический вестник» и «Экономический журнал» для выявления уровня осмысления различными как консервативными, так и либеральными общественно-политическими кругами России целей и содержания действий российских властей в регионе в целом, а также степени влияния тех или иных изданий на общественное мнение и решения правительства. Проблема освещения в отечественной публицистике российско-британского противостояния в Средней Азии в XIX в. по-прежнему остается малоизученной. Настоящая статья призвана дополнить уже имеющиеся исследования в этом вопросе изучением публикаций консервативных авторов 1884–1886 гг., когда центральное место в противостоянии двух империй приобрел «афганский вопрос».

¹ Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959.

² Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 182.

³ Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Отечественная публицистика о российско-британских противоречиях в Средней Азии в конце XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 151–167.

События на российско-афганских рубежах в середине 1880-х годов, наиболее важными из которых можно считать присоединение Россией южных туркменских земель, вооруженное столкновение у реки Кушки и установление западной части российско-афганской границы, находили широкое отражение в отечественной прессе. Большинство изданий ограничивались официозом. Однако наиболее яркие публицисты уделяли пристальное внимание «афганскому вопросу», рассматривая его как часть международного политического контекста, а также предлагали свои идеи о действиях, которые необходимо предпринять России. На образ мысли Александра III некоторое воздействие имели консервативные литераторы. Среди них – редактор газеты «Московские ведомости» Михаил Никифорович Катков (1818–1887), издатель журнала «Русь» Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) и редактор журнала «Гражданин» князь Владимир Павлович Мещерский (1839–1914).

Отношение императора к упомянутым публицистам не было одинаковым. Александр III имел дружеские отношения с В.П. Мещерским. Открытие в пореформенное время журнала «Гражданин» было вызвано в том числе желанием князя оказывать влияние на тогда еще наследника престола Александра Александровича. В 1880-е и 1890-е годы журнал стал постоянно субсидированным со стороны правительства органом печати и до конца своей истории оставался «царским изданием»⁴. После смерти М.Н. Каткова в 1887 г. «Гражданин» стал главным представителем консервативной прессы в стране. Известно, что царь лично заступался за В.П. Мещерского перед Советом Главного управления в делах печати, объявившим «Гражданину» предостережение в связи с «неприличными отзывами о действиях и распоряжениях правительства и о высших государственных учреждениях»⁵. С 1884 г. В.П. Мещерский еженедельно составлял и направлял Александру III новостные сводки – «краткие мемории того, что за неделю истекшую было высказано в газетах, журналах, слышно в общественных толках...»⁶.

Известный славянофил И.С. Аксаков близких отношений с царем не имел. Во внешнеполитических вопросах он критиковал власть за недостаточные, по его мнению, усилия по отстаиванию русских интересов. В результате в 1885 г. изданию было вынесено предостережение за недостаток «истинного патриотизма». Резолюция Александра III гласила: «Все эти господа думают, что они истинно русские и кроме их никого нет. Должно быть, они и меня считают немцем или чухонцем. Слишком легко достается им этот балаганный патриотизм, а к тому же не они отвечают за последствия. Уж я не дам Россию в беду!»⁷.

Редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков выступал в качестве политической фигуры⁸. Одним из основных элементов внешнеполитической программы М.Н. Каткова стал «национальный эгоизм»⁹, который подразумевал отказ от идеологических ограничений с целью защиты национальных интересов. «Государственный деятель без государственной должности»¹⁰ в 1882 г. был удостоен высокого чина тайного советника за заслуги¹¹.

М.Н. Катков также часто выступал с критикой правительства за недостаточно жесткую, по его мнению, позицию в отношениях с иностранными державами. Не был исключением и «афганский вопрос». Примечательно, что именно вмешательство в сферу

⁴ Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 12.

⁵ Там же. С. 13.

⁶ Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881–1894. М., 2018. С. 6.

⁷ Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб., 2016. С. 176.

⁸ Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н. Каткова: конкуренция за право издания // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 253.

⁹ Котов А.Э. М.Н. Катков о модернизации русского флота в 1860–1880-х гг. // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1604.

¹⁰ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991. С. 74.

¹¹ Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н. Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке вопроса) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 36.

внешней политики в 1887 г. было использовано придворными оппонентами редактора для интриг против него и в конечном счете стало предметом недовольства императора. Вскоре после конфликта с Александром III М.Н. Катков скончался, а под руководством нового редактора Сергея Александровича Петровского «Московские ведомости» утратили свое политическое значение¹².

Продвижение Российской и Британской империй навстречу друг другу через Среднюю Азию и Индию уже к 1870-м годам поставило Афганистан в центр политической борьбы двух держав, что вызвало необходимость заключения в 1873 г. соглашения, в соответствии с которым Петербург признавал эту страну сферой влияния Великобритании. При этом государственная граница владений кабульского эмира еще не была окончательно определена. В частности, Абдуррахман-хан в рассматриваемый период претендовал и на туркменские территории, и часть Бадахшана, вошедшие впоследствии в состав России, и на земли восточных пуштунских племен, ставшие позже частью индийской колонии Англии. Таким образом, в Петербурге Афганистан рассматривали как элемент среднеазиатской политики, а в Лондоне — как часть британской экспансии в Индии. К тому же, как мы увидим ниже, некоторые отечественные консервативные мыслители в середине 1880-х годов вовсе не считали северные области Афганистана, населенные узбеками, таджиками и туркменами, неотъемлемой частью государства кабульского правителя.

По «афганскому вопросу» упомянутые публицисты в целом имели схожие взгляды, рассматривая события на границе с Афганистаном, прежде всего, как часть европейской политической борьбы. Так, в случае обострения российско-британского противостояния на афганских рубежах основными бенефициарами, по мнению консервативных авторов, стали бы европейские державы. И.С. Аксаков цитировал канцлера Германии Отто фон Бисмарка, заявившего в январе 1885 г.: «Мы были бы, может быть, вынуждены поддерживать тех, кои, сами того не желая, являются противниками Англии, и могли бы кое-где установить нечто в роде *do ut des* (даю, чтобы и ты дал)»¹³. Отвергая возможность бескорыстной помощи «противникам Англии» — России со стороны Германии, редактор газеты «Русь» подчеркивал: «Напротив им бы очень хотелось, чтобы мы избрали себе целью Индию, т.е. кошмар или пугало ее. В этом-то направлении они не прочь и подстрекают “противников” или даже поссорить»¹⁴. Доказывая стремление Германии столкнуть двух своих конкурентов в Средней Азии — подальше от европейских рубежей, — И.С. Аксаков приводил выдержки из официозных немецких изданий, в которых, одновременно пугая британцев русским вторжением в Индию, немцы подначивали англичан, называя «жалкими» действия Лондона по поиску компромисса с Петербургом в вопросе об афганской границе: «...для Англии малопочетный приговор», что «английские комиссары не иначе могут туда (даже «в район, взятый Англией как собственная сфера влияния») ездить, как под русской защитой, избирая путь чрез Закаспийскую область»¹⁵. М.Н. Катков отмечал, что в Берлине открыто стремятся ослабить британцев, в том числе благодаря своим действиям на Востоке: «Надо напомнить, что еще в начале прошлого года Германия хлопотала об учреждении в Персии дипломатической миссии, не скрывая, что этот шаг делается прямо с целью ослабить влияние Англии в Персии и в странах к востоку от нее»¹⁶. В.П. Мещерский называл Германию единственной стороной, которая оказалась бы в выигрыше от вооруженного конфликта между Россией и Великобританией, сумев таким образом ослабить двух своих соперников.

На страницах консервативных изданий доказывалась безосновательность обвинений Англии в адрес России в планировании Петербургом военного похода в Индию. При этом отмечалась необходимость использовать страх британцев за будущее этой богатой

¹² Кругликова О.С. Указ. соч. С. 260.

¹³ Русь. 1885. 19 января. С. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же..

¹⁶ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. М., 1898. С. 111.

колонии для оказания давления на Лондон в случае возникновения противоречий на европейском театре, особенно на Балканах. И.С. Аксаков писал: «...Индия может быть средством (а не целью) для совершения Россией заветного дела на Православном Востоке»¹⁷. В этой связи предполагалось воздействовать на британцев, укрепляя свой престиж среди афганцев. М.Н. Катков доказывал, что в действительности Англия опасается не захвата Индии, а сближения России с Афганистаном, которое «претит лондонцам именно потому, что афганцы, приобретая в нас соседей, не замедлили бы признать наше соседство лучшей гарантией своей независимости; они увидели бы в России надежную опору для противодействия английским посягательствам на действительно афганские земли»¹⁸. (Под «действительно афганскими землями» подразумевалась населенная пуштунами территория современного афгано-пакистанского приграничья).

Всеми упомянутыми авторами подчеркивалась важная цивилизаторская миссия России в Средней Азии. Отмечалось, что, в отличие от англичан, русские осуществляли так называемую «систему наступательной обороны». Продвижение в южном направлении И.С. Аксаков называл «исторически вынужденным распространением»: «Что же касается России и ее поступательного движения в Азии, то правда ее — ярче солнца... С самой зари нашего государственного бытия вплоть до XVIII в. включительно приходилось нам отбиваться у себя дома от набегов...»¹⁹. Ему вторил М.Н. Катков: «Мы стояли во всеоружии у знаменитых Каспийских ворот, спасая Европу от гибельных вторжений азиатских хищников...»²⁰. При этом особо выделялся нанесенный русской властью удар по рабовладению в Средней Азии²¹.

Наиболее резонансным событием в российско-британском противостоянии в регионе стала битва у реки Кушки 30 марта 1885 г., повлекшая за собой так называемый Пандж-дехский кризис²². На южной границе туркменского оазиса Пандж-дех, недалеко от афганского города Герата, считавшегося англичанами «ключом к Индии», российский отряд был встречен афганским, за спинами которого стояли британские военные советники. Победа русских вызвала всплеск воинственных заявлений в Лондоне. Всерьез обсуждались различные варианты будущих боевых действий против России. Все это привлекло интерес широкой общественности к среднеазиатским делам. Недаром в мае 1885 г. в «Правительственном вестнике» была опубликована статья генерала Алексея Николаевича Куропаткина²³ под названием «Очерк движения русских войск в Средней Азии», подводившая своеобразный итог российским завоеваниям в регионе: «тяжелая миссия России в Средней Азии пришла теперь к своему естественному концу...»²⁴.

Бой у реки Кушки вызвал самое горячее одобрение в консервативной прессе. И.С. Аксаков писал: «Точно благодатная роса на жаждущую землю, пали на тоскующую русскую

¹⁷ Русь. 1885. № 3. 19 января. С. 7.

¹⁸ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. С. 117.

¹⁹ Русь. 1885. 17 августа. С. 2.

²⁰ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1885 год. С. 346.

²¹ Там же. С. 91.

²² В отечественной историографии Пенде или Пендже — искаженное от перс. «Пандж-дех» — «пять деревень». В 1890 г. в окрестностях оазиса была возведена крепость Кушка, ныне Серхе-табад, самый южный город Туркменистана.

²³ Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — русский военный деятель. Участвовал в военном походе против Бухары 1867—1868 гг., во французской экспедиции в Сахару 1874 г., Кокандском походе 1875—1876 гг. В 1876 г. возглавил российское посольство в Кашгар для установления границы с Ферганской областью. В 1878 г. — заведующий Азиатской частью Главного штаба. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Ахал-Текинской экспедиции 1880—1881 гг. В 1898—1904 гг. — военный министр. В 1904—1905 гг. — главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии. В 1916 г. — командующий 5-й армией Северного фронта, главнокомандующий армиями Северного фронта. В 1916—1917 гг. — Туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

²⁴ Правительственный вестник. 1885. № 95. С. 2.

душу известия об ответах русского правительства назойливым, оскорбительным требованиям англичан. И тем могущественнее было действие этих ответов на Россию, что ведомо было каждому — кому именно обязан он таким неожиданным, подьемлющим дух утешением: не дипломатии же нашей, давно сумевшей подорвать к себе уважение и доверие родной страны!»²⁵.

Именно в пандждехском инциденте, по мнению консерваторов, был проявлен пример той самой жесткости в отношении с Англией, которая представлялась им ключом к сохранению мира: «чем слабее наш тон, — писал царю В.П. Мещерский, — тем ближе мы к войне»²⁶, и поэтому «так желательно, чтобы наши дипломаты не дали бы нашему тону с английским кабинетом понизиться»²⁷. М.Н. Катков на вопрос о причине согласия англичан на занятие русскими положения вблизи Герата замечал: «Ответ ясен: потому что мы заняли эти позиции без спроса и без оговорки, что уйдем, когда потребуется»²⁸. «Если бы мы обнаружили хотя малейшее колебание и нерешимость, — отмечал редактор “Московских ведомостей”, — если бы мы хотя на секунду забыли нашу национальную честь и дали бы разыграться обычному нахальству наших противников, война была бы неизбежна...»²⁹.

Английский журналист Уильям Томас Стэд указывал, что воинственные настроения были в это время присущи не только британской, но и российской консервативной прессе: «Вся печать в Великобритании, за исключением, однако, Pall Mall Gazette, грозила войной России. В Москве было то же настроение»³⁰. Примирительные статьи проживавшей в Лондоне русской писательницы Ольги Алексеевны Новиковой о необходимости снижения напряженности в отношениях Петербурга и Лондона хоть и печатались в «Московских ведомостях», но вместе с этим «Катков смотрел на нее как на мечтательницу, и читающая публика не разделяла ее мнения, а некоторые считали ее чуть ли не изменницей»³¹.

Мирное урегулирование противоречий, возникших после пандждехского столкновения, подразумевало завершение начатых в 1884 г. совместной российско-британской комиссией работ по определению и нанесению на карту западного участка границы между Россией и Афганистаном. Консервативная пресса при этом заявляла о необходимости довести южную границу империи до Гиндукуша, заняв таким образом земли Южного Туркестана. Лишь у И.С. Аксакова мы не нашли статей за его собственным авторством, прямо призывавших распространить власть России за Амударью. М.Н. Катков в этом вопросе пошел дальше других, предложив в 1884 г. совместно с эмиром Абдурахман-ханом (1880—1901 гг.) занять Хайберское ущелье, которое соединяет афганскую провинцию Нангархар с пакистанским городом Пешаваром³².

Он высказывал неудовлетворение той границей с Афганистаном, которую планировалось установить в середине 1880-х годов. Сразу после занятия Мерва редактор «Московских ведомостей» доказывал, что дальнейшее продвижение на юг жизненно необходимо. По его мнению, Мерв по своему географическому положению мог быть «торговым и административным областным центром, даже сторожевым фортом, но ни коим образом не пограничной крепостью великого государства»³³, а занятие этого города обязывало русское правительство «к присоединению бассейна реки Мургаба с племенами, его населяющими, или так называемого Афганского Туркестана»³⁴. Приводя описание приграничной

²⁵ Там же. С. 2.

²⁶ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 106.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. С. 127.

²⁹ Там же. С. 196.

³⁰ Стэд У.Т. Депутат от России: (воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / пер. Е.С. Мосоловой. Петроград, 1915. С. 111.

³¹ Там же. С. 111—112.

³² Там же. С. 259.

³³ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М., 1898. С. 276.

³⁴ Там же. С. 277.

северо-афганской провинции Бадгис, данное корреспондентом Times, — «благодатный край», «роскошная зеленеющая равнина»³⁵, — М.Н. Катков сетовал, что России по условиям будущего разграничения предлагают остановиться «как бы у врат земли обетованной»³⁶.

Представляется интересной мысль, высказанная редактором «Московских ведомостей», что «увеличивать свою и без того громадную территорию насчет Афганистана для России нет надобности»³⁷. Таким образом, в 1880-х годах Южный Туркестан, населенный преимущественно узбеками и таджиками и не отличавшийся лояльностью к центральной власти в Кабуле, не являлся неотъемлемой частью Афганистана.

Позиция В.П. Мещерского по вопросу «естественной» южной границы России была выражена в опубликованной в «Гражданине» статье Всеволода Владимировича Крестовского «По поводу русско-афганской границы», которая, по мнению издателя, была составлена «даровито и ясно»³⁸. В 1882–1884 гг. В.В. Крестовский служил чиновником по особым поручениям при Туркестанском генерал-губернаторе Михаиле Григорьевиче Черняеве (1882–1884 гг.) и был хорошо знаком со среднеазиатским вопросом. В одном из своих писем-дневников Александру III В.П. Мещерский препровождал вырезку из газеты «Гражданин» с упомянутой статьей. В ней автор утверждал, что граница русских владений непременно должна достичь Гиндукуша. По мнению В.В. Крестовского, нельзя было оставлять области Маймана, Андхой, Акча, Балх и Шиберган во владении афганцев, тем более что «непререкаемость этих последних на означенных территориях еще весьма сомнительна»³⁹. Легитимность прав России на земли к югу от Амударьи русский офицер доказывал тем, что многие из них вплоть до 1867 г. подчинялись Бухаре, которая теперь находилась в зависимости от Российской империи. Причиной для включения в состав России этих земель называлась необходимость создания устойчивой границы, с помощью которой можно было бы успешно противостоять, во-первых, возможным грабительским набегам из ханств Южного Туркестана, а во-вторых, экономической экспансии Англии в Среднюю Азию. «Для устойчивости пограничной линии ее необходимо следует вести в район культивированных оазисов, каковы на протяжении данного участка суть: Меручак, Маймене, Андхой, Ачча, Шиберган, Балх, Мазари-Шериф и Ташкуртан, которые, собственно, и должны быть нашими пограничными пунктами...»⁴⁰. В.В. Крестовский отмечал: «... естественная сила обстоятельств рано или поздно заставит нас двигаться к этому неизбежному пределу. Но есть все основания опасаться, что это движение произойдет уже не при таких счастливых условиях, как могло бы быть ныне. ...мы должны, наконец, твердо убедиться, что для нас в Средней Азии нет иной нормальной границы, кроме Гиндукуша, если только мы дорожим там своими задачами, своим спокойствием, своим карманом и своим достоинством как великая держава»⁴¹.

В журнале «Русь» в августе и сентябре 1885 г. было опубликовано «Письмо из Ташкента», в котором анонимный автор, подписавшийся как «Отставной», заявлял о готовности русских войск дать решительный отпор англичанам в Туркестане и по ту сторону Амударьи: «Не могу без иронической улыбки представить себе то удивление, с которым у твердыни Герата или далее ближе к Инду английские полчища наемного сброда встретили бы впервые в степях Азии наш во всех отношениях образцовый, молодецкий и бравый Туркестанский отряд»⁴².

Резкой критике подвергалось участие англичан в российско-афганском разграничении. Посредничество Англии оценивалось как вмешательство в среднеазиатские дела с возможным дальнейшим вторжением в российский Туркестан. В этой связи, по мнению М.Н. Каткова, Афганистан уже терял статус буфера, приобретая роль британского военного полигона.

³⁵ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. С. 176.

³⁶ Там же. С. 176.

³⁷ Там же. С. 281.

³⁸ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 111.

³⁹ Там же. С. 113.

⁴⁰ Там же. С. 114.

⁴¹ Там же. С. 117–118.

⁴² Русь. 1885. № 7. 17 августа. С. 18.

Литератор заявлял, что в случае участия Англии в определении русско-афганской границы Россия имеет право «вызваться к посредничеству между Англией и Афганистаном по исправлению юго-восточных афганских границ со стороны Индии»⁴³, а в обмен на занятие русскими Южного Туркестана Россия могла бы предоставить эмиру помощь в «исправлении границ его владений на северо-востоке. В последнем отношении для Абдурахмана, конечно, была бы дорога русская помощь...»⁴⁴. Под юго- и северо-восточными территориями понимались земли полунезависимых пуштунских племен, на которые претендовали и Лондон, и Кабул, и которые, по англо-афганскому соглашению 1893 г., вошли в состав Британской Индии.

М.Н. Катков, И.С. Аксаков и В.П. Мещерский призывали власть занять более твердую и даже жесткую позицию в отношениях с Великобританией по афганским делам. В этом контексте дипломатия подвергалась критике за излишнюю, по мнению консерваторов, осторожность, которая воспринималась ими как слабость, в противоположность военному ведомству, удостоивавшемуся похвалы за решительность действий. Стремление дипломатии избежать войны с Англией полагалось нецелесообразным. В.П. Мещерский в 1885 г. выражал уверенность в том, что не следует бояться боевых действий с Англией, поскольку британцам вмешаться в войну не позволит кризис в Судане⁴⁵. В газете «Русь» в декабре 1885 г. была опубликована статья «Об убыточности для нас войны в экономическом отношении»⁴⁶, автор которой, допустив ситуацию, когда России объявили войну соединенные Германия, Австрия, Англия и Турция, в своем анализе приходит к выводу, что война не окажет пагубного воздействия на российскую экономику, а некоторые ее отрасли даже выиграют от этого⁴⁷.

В.П. Мещерский в 1885 г. писал царю: «Тон английских газет, задорный и воинственный, как будто задает себе задачу нас запугать. А послушать наших дипломатов, оказывается, что нам следует держаться тона умеренного по той же причине, что мы к войне не готовы. Вот уж жевание все той же роковой нелепости, завещанной нам кн. Горчаковым»⁴⁸, имея в виду российского министра иностранных дел в 1856–1882 гг. А.М. Горчакова. Не менее красноречиво писала «Русь»: «Вообще ничего нет слабодушнее русской азиатской политики относительно Англии за последние 50 лет. Забота: “что скажут Англичане?” или: “как бы не раздражить Англичан”, если не парализовала, то до крайности замедляла исторический ход нашей наступательной обороны»⁴⁹. Виновником такого «слабодушия» И.С. Аксаков называл работу МИД: «...если наша дипломатия — Манилов, вечно утопающий в слащавых мечтах о “дружбе”, то история — Собакевич и по медвежьи то и дело ступает дипломатии на ноги...»⁵⁰.

Александр III, разделявший мнение консервативных авторов по многим внутрисоциальным вопросам и высоко ценивший военное ведомство, во внешней политике не спешил прибегать к решительным действиям, предпочитая опираться на так сильно критикуемую своими идейными сторонниками дипломатию.

В этой связи показателен малоизвестный эпизод, последовавший сразу за боестолкновением у реки Кушки, когда министр иностранных дел Российской империи Николай Карлович Гирс в объяснениях с британским послом Эдуардом Торнтон охарактеризовал случившееся на российско-афганской границе как «incident fâcheux» (т.е. «досадный», «неприятный», «нежелательный», «неблагоприятный»; в английской прессе — «unhappy incident», в российской — «несчастный случай»). Слова Н.К. Гирса подверглись критике не только консервативной прессы, но и читавшего ее императора, который довольно резко выразил свое недовольство главе МИД в личной переписке с ним. Однако поначалу близко воспринявший

⁴³ Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. С. 347.

⁴⁴ Там же. С. 279.

⁴⁵ В 1881–1885 гг. в Судане бушевало восстание так называемых махдистов под руководством Мохаммада Ахмада, объявившего себя мессией (махди).

⁴⁶ Русь. 1885. 6 декабря. С. 9–11, 13; Там же. 1885. 14 декабря. С. 9–13.

⁴⁷ Русь. 1885. 14 декабря. С. 13.

⁴⁸ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 105.

⁴⁹ Русь. 1885. 17 августа. С. 4.

⁵⁰ Там же. С. 5.

общее настроение реакционных авторов, Александр III не предпринял никаких действий в отношении министра. Возможно, в смягчении позиции царя свою роль сыграла статья М.Н. Каткова, справедливо защищавшая дипломатичность высказываний Н.К. Гирса, раздосадованного тем, что стычка в туркменских степях непременно воспрепятствует началу переговоров о границе⁵¹.

Консервативная публика в целом не любила Н.К. Гирса и призывала к его отставке. Но, несмотря на это, он прослужил на своем посту все время царствования Александра III вплоть до своей смерти в 1895 г. На постоянную критику в адрес министра иностранных дел государь отвечал так: «При теперешних обстоятельствах он для меня как нельзя более пригоден. Если бы война когда-нибудь возгорелась, что я считаю великим бедствием, то это будет война продолжительная, беспощадная; было бы безумно отважиться на нее, не подготовившись как нужно; поневоле надо медлить, стараться выиграть время, не надо зарываться, а Гирс такой человек, что не зарвется; осторожность — драгоценное в нем качество»⁵².

В отношении «афганского вопроса» консервативные авторы выступали за продолжение территориальной экспансии к югу от Амударьи, отрицая при этом наличие у России интересов в «Афганистане» (понимая афганскую территорию как земли к югу от Гиндукуша) и Индии. В этой связи опосредованным ответом Александра III можно считать отказ от поддержки восстания правителя Северного Афганистана сардара Исхак-хана в 1888 г., когда мятежный кузен кабульского эмира предлагал Петербургу вхождение подчиненных ему земель в состав Российской империи взамен на поддержку его предприятия⁵³.

Консервативных публицистов не только не устраивало направление российско-афганской пограничной черты, но также и факт участия Великобритании в разграничении с Афганистаном. Резкой критике подвергались действия российской дипломатии, казавшиеся чересчур мягкими. Мирное урегулирование споров с Англией воспринималось как проявление слабости. Мнение упомянутых авторов в этих вопросах разделяли представители российского военного ведомства. Последним неоднократно предоставлялась возможность выражать свое мнение по афганским делам на страницах консервативной прессы.

Александр III в афганских делах не принял ни одного решения, солидарного с идеями консерваторов по этой проблематике, высказывавшимися в рассмотренных нами изданиях: российско-афганское разграничение осуществлялось во взаимодействии с британским правительством, а Россия отказалась от территориальных приобретений на левом берегу Амударьи даже после восстания Исхак-хана, когда для этого появился самый благоприятный повод.

Библиография

Арсланов Р.А., Климашин А.Л. Отечественная публицистика о российско-британских противоречиях в Средней Азии в конце XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 151–167.

Бадалян Д.А. «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х — первой половины 1880-х годов. СПб., 2016.

Ищенко Н.С. Битва при Кушке (1885 года) в переписке Александра III // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 219–223.

Ищенко Н.С. Российская политика невмешательства в афганские дела в конце 80-х гг. XIX в. // Международная жизнь. История без купюр. История и геополитика. Специальный выпуск. М., 2018. С. 21–41.

Кайль А.В. «Гражданин» князя В.П. Мещерского // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 8–15.

Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М., 1898.

Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1885 год. М., 1898.

⁵¹ Этот эпизод подробно описан в статье: Ищенко Н.С. Битва при Кушке (1885 года) в переписке Александра III // Новая и Новейшая история. 2020. № 5. С. 219–223.

⁵² Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 250.

⁵³ Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 107–127; Ищенко Н.С. Российская политика невмешательства в афганские дела в конце 80-х гг. XIX в. // Международная жизнь. История без купюр. История и геополитика. Специальный выпуск. М., 2018. С. 21–41.

- Котов А.Э. М.Н. Катков о модернизации русского флота в 1860–1880-х гг. // Вестник Башкирского университета. Т. 19. 2014. № 4. С. 1604–1608.*
- Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 252–264.*
- Мещерский В.П. Письма к императору Александру III, 1881–1894 / публ., предисл. и комм. Н.В. Черниковой. М., 2018.*
- Попов Э.А., Велигонова И.В. М.Н. Катков: социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке вопроса) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (19). С. 31–36.*
- Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.*
- Стед У.Т. Депутат от России: (воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / пер. Е.С. Мосоловой. Петроград, 1915.*
- Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). М., 1991.*
- Халфин Н.А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.) // Труды Среднеазиатского государственного университета. 1955. Вып. 68. С. 107–127.*
- Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М., 1959.*

References

- Arslanov R.A., Klimashin A.L. Otechestvennaia publicistika o rossijsko-britanskikh protivorechiiakh v Srednej Azii v konce XIX v. [Russian-British conflict in Central Asia in the late 19th century in Russian publicistic articles] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriia i politicheskie nauki [Moscow Region State University Herald. Issue: History and political science]. 2018. № 5. S. 151–167. (In Russ.)*
- Badalian D.A. “Kolokol prizyvnyi”: Ivan Aksakov v russskoj zhurnalistike konca 1870-kh – pervoj poloviny 1880-kh godov [“Calling Bell”: Ivan Aksakov in Russian Journalism]. Sankt-Peterburg, 2016. (In Russ.)*
- Feoktistov E.M. Za kulissami politiki i literatury (1848–1896) [Behind the scenes of politics and literature (1848–1896)]. Moskva, 1991. (In Russ.)*
- Ishchenko N.S. Bitva pri Kushke (1885 goda) v perepiske Aleksandra III [The Battle of Kushka (1885) in the Correspondence of Alexander III] // Novaia i Novejshaia istoriia [Modern and Contemporary history]. 2020. № 5. S. 219–223. (In Russ.)*
- Ishchenko N.S. Rossiiskaia politika nevmeshatel'stva v afganskije dela v kontse 80-kh gg. XIX v. [Russian non-interference policy in Afghan affairs in the late 1880-s] // Mezhdunarodnaia zhizn'. Istoriia bez kupiur. Istoriia i geopolitika. Spetsial'nyi vypusk [International life. Uncensored history. Special issue]. Moskva, 2018. S. 21–41. (In Russ.)*
- Kajl' A.V. “Grazhdanin” kniazia V.P. Meshcherskogo [“The Citizen” of Prince Meshchersky] // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia [The Saratov University's News. History. International relations]. 2011. T. 11. Vyp. 1. S. 8–15. (In Russ.)*
- Katkov M.N. Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1884 god [Collection of editorials of the Moscow Gazette, 1884]. Moskva, 1898. (In Russ.)*
- Katkov M.N. Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei. 1885 god [Collection of editorials of the Moscow Gazette, 1885]. Moskva, 1898. (In Russ.)*
- Khalfin N.A. Vosstanie Iskhak-khana v Iuzhnom Turkestane i poziciia russkogo carizma (1888 g.) [Ishaq Khan's rebellion in Southern Turkestan and Russian tsarism's policy] // Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta [Papers of Central Asian State University]. 1955. № 68. S. 107–127. (In Russ.)*
- Khalfin N.A. Proval britanskoi agressii v Afganistane (XIX v. – nachalo XX v.) [The Failure of British Aggression in Afghanistan (19th century – the beginning of 20th century)]. Moskva, 1959. (In Russ.)*
- Kotov A.E. M.N. Katkov o modernizacii russkogo flota v 1860–1880-kh gg. [Mikhail Katkov about Russian fleet modernization] // Vestnik Bashkirskogo universiteta [The Bashkir State University's Herald]. 2014. T. 19. № 4. S. 1604–1608. (In Russ.)*
- Kruglikova O.S. “Moskovskie vedomosti” posle smerti M.N. Katkova: konkurenciia za pravo izdaniia gazety [“Moscovskie Vedomosti” after the death of Mikhail Katkov: competing for the publication of the newspaper] // Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura [SPSU's News. Language and literature]. 2018. T. 15. Vyp. 2. S. 252–264. (In Russ.)*
- Meshcherskij V.P. Pis'ma k imperatoru Aleksandru III, 1881–1894 [Letters to the Emperor Alexander III, 1881–1894] / publikaciia, predislovie i kommentarii N.V. Chernikovej. Moskva, 2018. (In Russ.)*
- Popov E.A., Veligonova I.V. M.N. Katkov: social'nyj portret v kontekste meniaiushchejsia epokhi (k postanovke voprosa) [M.N. Katkov: social portrait in the context of the changing era (raising the question)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [The Surgut State University's Herald]. 2012. № 4 (19). S. 31–36. (In Russ.)*
- Sergeev E.Iu. Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii [The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia]. Moskva, 2012. (In Russ.)*
- Sted W.T. Deputat ot Rossii: (vospominaniia i perepiska Ol'gi Alekseevny Novikovoj) [Deputy for Russia: (Olga Novikova's memories) / per. E.S. Mosolovoj. Petrograd, 1915. (In Russ.)*

DOI: 10.31857/S013038640019690-7

© 2022 г. А.А. ЩЕЛЧКОВ

**«ПОЙДЕШЬ НАПРАВО – ПРИДЕШЬ НАЛЕВО»: ПАРАДОКСЫ
ЧИЛИЙСКОГО ФАШИЗМА, 30–40-е годы XX века**

*Щелчков Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: sch2000@mail.ru

Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612-2018

*Статья написана при поддержке РФФ, проект № 22-28-00103 «Правый радикализм
и фашизм в Латинской Америке в XX в.».*

Аннотация. Межвоенный период был временем возникновения и подъема фашизма во всем мире, в том числе и в Латинской Америке, где одной из немногих стран появления массового фашистского движения была Чили. Данная статья посвящена анализу идеологии и политической практики чилийского национал-социализма в 30-е годы XX в. В основе анализа автора – политическая и идеологическая публицистика чилийского национал-социализма, пресса, воспоминания участников движения и их противников. В Чили сформировалась национал-социалистическая партия («креольский нацизм»), декларировавшая национализм, антидемократизм, антилиберализм, антикоммунизм. У европейских фашистов они заимствовали корпоративизм, антисемитизм и расизм, они воспринимали себя как единственную альтернативу угрожающему западному миру марксизму. Это было антисистемное движение, отрицавшее ценности либеральной демократии, которую связывали с господством плутократии и империализма. Чилийские нацисты предполагали антилиберальную революцию, строительство тоталитарного государства. Доведенные до логического конца, эти принципы сделали из движения опасную для правящих кругов силу, мало отличавшуюся от левых, марксистских партий, что объясняет жесткие репрессии против «креольских нацистов», что в свою очередь сближало их с левыми. Особенности чилийского нацизма были его постоянная эволюция в сторону левых сил и оппозиция традиционным правым партиям, что привело это движение к союзу с антифашистским Народным фронтом, который был создан как раз для противостояния фашистской угрозе в лице национал-социализма. Таким образом, нацисты оказались в одном политическом блоке с коммунистами и социалистами. Этот противоестественный альянс с левыми, проповедь необходимости «правой революции», а также враждебность традиционных правых привели к развалу движения и его исчезновению с политической арены. Несмотря на ликвидацию движения, идеи правой революции, тоталитарного государства, корпоративизма прочно утвердились на чилийской почве, а самым их ярким проявлением был режим А. Пиночета в 70-е годы XX в.

Ключевые слова: национал-социализм, корпоративизм, фашизм, Народный фронт, правая революция, Чили.

A.A. Schelchkov

“If You Go to the Right, You Will Come to the Left”: The Paradoxes of Chilean Fascism, 1930s–1940s

*Andrey Schelchkov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
E-mail: sch2000@mail.ru*

*Scopus Author ID: 57200153001; ORCID: 0000-0002-7780-781X; Researcher ID: T-8612–2018
The research was funded by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00103 “Right-wing radicalism and fascism in Latin America in the twentieth century”.*

Abstract. The period between the two world wars was a time of the emergence and rise of fascism all over the world, including Latin America, where one of the few countries where a mass fascist movement emerged was Chile. In this article the author analyses the ideology and political praxis of Chilean National Socialism in the 1930s. The analysis is based on the Chilean National Socialist political and ideological journalism, the press, and the memoirs of the activists and their opponents. The National Socialist Party (“Creole Nazism”) was established in Chile, proclaiming nationalism, anti-democracy, anti-liberalism, and anti-communism. It was an anti-systemic movement which rejected the values of liberal democracy, which was associated with the domination of plutocracy and imperialism. They adopted corporatism, anti-Semitism, and racism from European fascists and saw themselves as the only alternative to Marxism, which threatened the Western world. The Chilean Nazis envisioned an anti-liberal revolution, the construction of a totalitarian state. Taken to its logical conclusion, these principles made the movement a dangerous force for the ruling circles, which differed little from the left, Marxist parties, which explains the harsh repression against the “Creole Nazis”, which in turn brought them closer to the left. Chilean Nazism was characterized by its constant evolution towards the left and opposition to traditional right-wing parties, which led this movement to an alliance with the anti-fascist Popular Front, which was created precisely to counter the fascist threat in the face of National Socialism. Thus, the Nazis found themselves in the same political bloc with the communists and the socialists. This unnatural alliance with the left, the preaching of the need for a “right-wing revolution”, as well as the hostility of the traditional right, led to the collapse of the movement and its disappearance from the political arena. Despite the elimination of the movement, the ideas of a right-wing revolution, a totalitarian state, corporatism were firmly established on Chilean soil, and their most striking manifestation was the regime of Augusto Pinochet in the 1970s.

Keywords: national-socialism, corporativism, fascism, Popular Front, right revolution, Chile.

В 1930-е годы общим местом было утверждение, что XX в. — это эра фашизма, и подтверждением этому было стремительное распространение по миру правого радикализма, фашистских движений. Виднейший специалист по фашизму Р. Гриффин подчеркивал, что данная тематика всегда будет находиться в центре внимания, и призывал исследователей учитывать местные, частные особенности фашизма в каждой из стран, сосредоточившись на изучении «их собственного видения самих себя»¹. В Чили, как и в других странах региона, влияние итальянского фашизма, германского нацизма или испанского франкизма было значительным. Более того, в этой самой удаленной от Европы стране движения, появившиеся в подражание и под впечатлением от европейских образцов, были массово представлены на политической сцене. Судьба чилийских национал-социалистов удивительна: они умудрились поддержать Народный фронт в составе коммунистов, социалистов и радикалов, созданный под лозунгом противостояния фашизму, а фалангисты-франкисты так эволюционировали влево, что стали представлять реальную левую альтернативу в чилийской политике, предлагая коммунитарную, антикапиталистическую общественную модель. Эта особенность чилийского варианта движения представляет большой интерес для исследователя такого мирового явления, как фашизм, более того,

¹ Griffin R. Fascismo. Una introducción a los estudios comparados sobre el fascismo. Madrid, 2019. P. 46.

изучение чилийского национал-социализма предполагает нетривиальный взгляд на характер правого радикализма в межвоенный период.

5 апреля 1932 г. в годовщины битвы при Майпу, решающей битвы войны за независимость Чили, и объявления войны Перу и Боливии в 1879 г. по образу и подобию германской нацистской партии было создано Национал-социалистическое движение Чили (Movimiento nacional socialista – MNS). Инициатором создания и главой движения стал историк и экономист Карлос Келлер Рюфф, вокруг него объединились небольшие группы симпатизировавших нацизму молодых людей, среди которых выделялся будущий «фюрер» движения, немец по происхождению Хорхе Гонсалес фон Мареес. Помимо Келлера и Гонсалеса к движению примкнуло немало потомков немецких эмигрантов.

Сооснователем движения был генерал в отставке Франсиско Хавиер Диас, преклонившийся перед Гитлером. Он печатал в издательстве «Свастика» пропагандистские брошюры, в которых предлагал взять за пример НСДАП. Однако вскоре генерал создал свою собственную организацию – Социальный националистический легион, объединивший исключительно военных. Причиной его ухода из MNS был отказ Гонсалеса фон Марееса полностью скопировать программу гитлеровской партии, только переведа ее на испанский язык. Гонсалес фон Мареес считал, что условия Германии и Чили столь различны, что невозможно механически повторить немецкую программу². Чилийские нацисты повторяли символику европейских фашистов, включая униформу и римское приветствие, которое означало братское отношение. Причем, даже приветствуя так женщин, не следовало снимать шляпу.

После создания MNS, еще до прихода Гитлера к власти в Германии, до «очищения» германского нацизма от штурмовиков и «левых» фракций, всех его преступлений, чилийские апологеты, признавая его за образец, всегда делали оговорку о чилийской специфике. 25 октября 1932 г. Гонсалес фон Мареес в интервью газете *El Imparcial*, отвечая на вопрос приверженности фашизму, заявил: «А мы этого и не отрицаем. Мы считаем, что фашизм, его основные идеи не только итальянские, а имеют мировое значение. В нем нашло выражение стихийная и естественная реакция народов против демо-либерального государства. Он означает победу большой политики, которую проводят лучшие представители каждого поколения, стоящие выше либеральной усредненности; он также означает победу расы и крови над экономическим материализмом и интернационализмом. И в этом смысле мы – фашисты, но это не означает, что мы просто копируем итальянский фашизм и немецкий гитлеризм. Мы исключительно чилийское националистическое движение»³.

Несмотря на внешнюю схожесть символов и поведения чилийских национал-социалистов с германскими нацистами, идеология чилийского движения обладала рядом оригинальных черт, выделяющих его среди подобных как на континенте, так и во всем мире. Как справедливо отмечал чилийский историк Л. Корвалан Маркес, все национальные фашистские движения имели свои особенности, так и чилийское обладало рядом отличительных черт, несвойственных другим фашизмам, при этом не переставая быть фашистским движением⁴.

ДОКТРИНА ЧИЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Программу движения написал Келлер, а Гонсалеса фон Марееса избрали лидером, так как он был алькальдом (мэром) столичного района Нюньоа и там создал фашистскую группу. Через год, 5 апреля 1933 г. национал-социалисты стали издавать свою газету *Trabajo*, а позднее Келлер возглавил партийный «теоретический» журнал *Acción Chilena*. Также движение активно пропагандировало свои идеи через радиостанцию *Radio*

² Valenzuela E. La generación fusilada: memorias del nacimiento chileno (1932–1938). Santiago de Chile, 2017. P. 61–62.

³ Цит. по: *Jobet J.C.* Ensayo crítico del desarrollo económico-social de Chile. Santiago, 1951. P. 6.

⁴ *Corvalán Márquez L.* Identidad, ideología y política en el Movimiento Nacional Socialista de Chile, 1932–1938 // *Revista Izquierdas*. 2015. № 25. P. 78–79.

Difusión. Чилийские национал-социалисты называли себя нацистами, но писали это слово по-своему, чтобы отличаться от немецких нацистов, но при этом оставаться такими же, они поменяли одну букву в слове нацизм (по-испански *nazismo* в отношении немецкого движения) на такую же фонетически: *nacismo* от испанского написания слова нация – *nación*.

Идейными предшественниками чилийского национал-социализма, а точнее – источниками вдохновения идеологов движения, были европейские правые мыслители О. Шпенглер и Г. ле Бон, а также чилийские консерваторы-ревизионисты, историки и публицисты А. Эдвардса, Ф. Энсина и прежде всего певец чилийского национализма Н. Паласиос, работа которого «Чилийская раса» была «евангелием» чилийского шовинизма⁵. В воззвании MNS «Нацистский идеал» (июль 1932 г.) говорилось: «Национал-социалистическое движение Чили – это гордость возрождающейся расы, это воля преодолеть разногласия и анархию, чтобы восстановить утраченное национальное величие и престиж»⁶.

Декларация MNS неоднократно подчеркивала, что движение не является слепком или местной копией германского нацизма, так как принципы, породившие гитлеризм в Германии, крайне далеки от чилийских реалий. Однако сам германский нацизм является немецкой версией общего движения, возникшего под идейным влиянием итальянского фашизма: «Фашистская идеология столь грандиозна, что подходит для всех народов нашей культуры... Есть в фашизме порыв не только итальянского свойства, но и мирового: это реакция национального чувства против упадка, вызванного интернационализмом и экономическим материализмом либерально-демократической оргии. Фашизм противопоставит коммунизму, и это единственно способная сила противостоять разрушительной политике Москвы... Наша задача состоит в принятии универсализма фашизма и его адаптации к условиям и потребностям нашей расы»⁷.

Гонсалес фон Мареес заявлял, что «в Чили, как и в Европе, фашизм является естественной реакцией народа на загнивающую либеральную политическую систему»⁸. Один из историков MNS и видный деятель современного неонацизма в Чили Э. Робертсон писал: «Хотя либерализм в экономической и политической плоскости был главным объектом критики MNS, марксизм был противоположением либерализма. Таким образом, либерализм был тезисом, марксизм – антитезисом, а вот нацизм – это синтез»⁹. Марксизм предлагал преодолеть либерализм, не выходя за его рамки, а нацизм был их преодолением. Либерализм и демократия, приведшие Чили к кризису, тесно связаны с мировым плутократическим капитализмом и иудаизмом, против которого выступали национальные социалисты.

Как писали пропагандисты движения, MNS исповедует тот же фашизм, что и в Европе, но в форме, соответствующей национальному духу¹⁰. Вместе с тем, уже отойдя от политики, на склоне лет Гонсалес фон Мареес признавал, что одним из недостатков движения было слишком большое увлечение европейским фашизмом, постоянная оглядка на немецких и итальянских фашистов¹¹.

Гонсалес фон Мареес подчеркивал, что чилийский нацизм является исключительно национальным, а любая имитация европейских образцов была бы ошибочной. Европейских и чилийских фашистов объединяли общие идейные принципы и политические симпатии, но, по заявлению Гонсалеса фон Марееса, не общая программа, так как каждая партия руководствуется национальной действительностью¹². Эта позиция лидера не всех

⁵ Valenzuela E. Op. cit. P. 58.

⁶ Ideario Nacista. Santiago de Chile, 1932. P. 3.

⁷ Ibid. P. 43.

⁸ 7 Ensayos sobre Arturo Alessandri Palma. Santiago de Chile, 1979. P. 431.

⁹ Robertson E. El Nacismo chileno. Santiago de Chile, 1986. P. 22.

¹⁰ Corvalán Márquez L. Op. cit. P. 91.

¹¹ Valenzuela E. Op. cit. P. 153.

¹² 7 Ensayos sobre Arturo Alessandri Palma. P. 431.

устраивала, часть нацистов желала большей схожести и следования европейским образцам. Помимо страстных поклонников Гитлера в 1933 г. в движении сформировалось промуссолиниевское меньшинство, требовавшее смещения Гонсалеса фон Маресеса и принятия более радикальной фашистской программы действий. Эту группу исключили из партии (группа командира «штурмовых отрядов» Ф. Ортусара Виалья и известного журналиста Р. Сильва Эспехо), и была проведена чистка рядов¹³.

Национал-социалисты декларировали себя как единственную политическую силу, выражавшую ценности чилийской расы: «Духовные ценности расы — честь, прямота действий, нерушимая вера в судьбу Родины — одним словом, все те достоинства, которыми Провидение наградило нашу нацию, мы восстановим и сделаем их нашей силой, способной возродить национальное достоинство, мы принесем мир и спокойствие, и родина будет поощрять порядок и социальную справедливость. Наша цель — восстановить в Чили нашу расовую гордость»¹⁴.

Коллективизм и национализм, осуждение индивидуализма и демократии лежали в основе идейных построений идеологов движения. MNS во главу угла своей идеологии и политики ставило преодоление классовых и партийных различий во имя блага родины. Национал-социалисты утверждали, что в Чили индивидуализм и эгоизм в наибольшей степени негативно сказались на экономической структуре, так как это привело к диспропорциям и периодическим кризисам, исключая учет коллективных интересов. Следовательно, неизбежным становилось вмешательство государства¹⁵.

Государство для национал-социалистов было материализацией и формой существования нации. Народ без государства никогда не может стать нацией. Именно государство превращает коллективные чаяния народа в политическую и социальную реальность. Государство — высшая ценность¹⁶. В этой доктрине нация была единственным субъектом истории, главным действующим лицом перемен, что противопоставлялось марксистской концепции, где это место занимали классы и социальные группы.

MNS заявляло: «Нацизм — это социалистическое движение, не имеющее ничего общего с международным марксизмом. Мы исповедуем не классовую борьбу, а кооперацию различных социальных групп, мы против господства одного класса, а боремся за благо всего народа. Во всех сферах деятельности идея прибыли должна быть заменена идеей “социальной функции”... Государство является двигателем и вдохновителем национальной жизни, оно должно контролировать и направлять частную инициативу во всех ее проявлениях, чтобы сделать ее максимально выгодной для коллективных интересов. Государство должно подавлять дегенеративные проявления паразитического капитализма, капитал должен быть средством прогресса и производства»¹⁷.

Гонсалес фон Маресес говорил, что нацисты — социалисты, потому что против индивидуализма, за коллективизм и общие национальные цели, за воплощение в жизнь социальной функции собственности¹⁸. Социальная функция собственности, как и у многих антилиберальных движений той эпохи, у чилийских нацистов была фундаментальной категорией их экономической программы. По их убеждению, свободная экономика была разрушена мировым кризисом, а новую систему следовало строить на этатистских основах¹⁹. Их модель предполагала частное предпринимательство при интервенционизме государства, ограничивавшего свободу частной экономики и замещающей ее там,

¹³ Valenzuela E. Op. cit. P. 100–101.

¹⁴ El Movimiento Nacional-Socialista de Chile como única solución de la crisis política y social de la república. Santiago de Chile, 1932. P. 17.

¹⁵ Keller C. Como salir de la crisis. Santiago, 1932. P. 15.

¹⁶ Pueblo y Estado. Discurso pronunciado por Jorge González, Jefe del Movimiento Nacional-Socialista de Chile a su salida de la cárcel, el 12 de enero de 1936, en el Teatro Carrera de Santiago. Santiago, 1936. P. 3.

¹⁷ Ideario Nacista. P. 5.

¹⁸ El Movimiento Nacional-Socialista de Chile... P. 18.

¹⁹ Ibid. P. 15.

где функционально она не эффективна. Национал-социалисты, декларировавшие отказ от индивидуализма и ратовавшие за коллективные интересы целостной нации, в экономической сфере предлагали введение плановой системы производства, при которой государство будет определять параметры и предпочтения в экономике²⁰.

Из новых принципов вытекал их подход к политической власти, которая должна была руководствоваться коллективизмом, выражением которого был национальный социализм. Национал-социализм, по словам Гонсалеса фон Марееса, — это доктрина, опирающаяся не на материальные категории марксистов, а на духовные основы, так как их понимал О. Шпенглер²¹. В центре этой идеи стояло всемогущее и тотальное государство. Нацизм, говорили его лидеры, требует дисциплины и самоотверженного служения государству, которое является высшей ценностью. Личность — человек — ценна лишь в «служении» государству²². Национал-социалисты собирались отвоевать государство, пока подчиненное «эгоистической плутократии», вернув его трудящимся и средним слоям, а возглавит его новая аристократия, т.е. сами национал-социалисты²³. Характеристика этой новой аристократии — готовность к самопожертвованию, патриотизм и честность. Она, по праву моральной высоты, и будет руководить страной. Народу же, массам, предлагалось жить в рамках установленных «прав и обязанностей», повинуюсь «общественной дисциплине». Каждый гражданин должен стремиться достичь совершенства в той области деятельности, которую выбрал, что и было его патриотическим долгом. Каждый социальный слой и класс должен вносить свой вклад в общее дело, сотрудничая друг с другом и не разрушая уже существующую общественную структуру²⁴.

Политическая модель национал-социалистов состояла в корпоративной системе или «цеховой демократии», противостоящей погрязшей в коррупции и политическом подкупе либеральной демократии²⁵. Корпорации (цехи), объединявшие труд и капитал (производство) в политической системе должны были заменить собой политические партии²⁶. Корпоративизм признавался спасением и от либеральной, и от марксистской модели общества с крайними формами индивидуализма и коллективизма, а фашистская модель корпоративного государства способствовала бы ликвидации разрыва между человеком и государственной властью.

Корпоративизм был также моделью социальной и трудовой организации, заменявшей собой профсоюзы, классовую борьбу и прочее, что разделяло общество на эксплуатируемых и эксплуататоров. Эта модель ориентировалась на итальянский образец, но в чилийском варианте содержался большой перераспределительный элемент, декларировалось, что отношения ассоциаций трудящихся и патროнов должны были привести к более равному распределению дохода и прибыли предприятий. В отличие от социальной доктрины церкви, верящей в свободное согласие хозяев и рабочих, национал-социалисты считали это пустыми мечтаниями и надеялись только на активные действия государства, способные заставить стороны прийти к необходимому соглашению. Эдвин Робертсон писал: «Чилийский нацизм вслед за итальянским фашизмом считал необходимым вмешательство государства в экономику с тем, чтобы наладить отношения между социальными силами на основе справедливости»²⁷. Именно в служении корпоративизма политической воле и интересам государства состояло отличие национал-социализма

²⁰ González von Marées J. El mal de Chile (sus causas y sus remedios). Santiago de Chile, 1940. P. 132.

²¹ Ibid. P. 78.

²² El Movimiento Nacional-Socialista de Chile... P. 19.

²³ Pueblo y Estado. P. 10.

²⁴ Venegas Caro D. La concepción nacistica de la sociedad: posición doctrinaria en torno al sujeto de cambio y las organizaciones de trabajadores // Revista de historia, Universidad de Concepción. 2019. Vol. 26. № 1. P. 73.

²⁵ Ideario Nacista. P. 38.

²⁶ Pueblo y Estado. P. 8.

²⁷ Robertson E. Op. cit. P. 37.

от социал-католицизма, который рассматривал корпорации как свободное объединение труда и капитала и их свободное функционирование помимо государства. Для MNS «социальная справедливость означает сотрудничество и гармонию классов, отказ личности от собственных интересов во имя коллективных, при признании и выдвигании лучших в моральном отношении и обладающих интеллектуальными способностями личностей»²⁸.

Рабочий вопрос был важным элементом в политической доктрине MNS. Чилийских национал-социалистов мало интересовали текущие требования рабочих, как, например, повышение зарплаты. Для них это было вторично, вопрос будет решен в будущем в новой системе сотрудничества классов. Программным же тезисом было «духовное освобождение» труда, уважение и достоинство трудящихся, что должно было превратить человека труда из парии в главную фигуру общества, где каждый знал свое место и гордился им²⁹. В 1935 г. MNS создало свой первый профсоюз, демонстрируя свои намерения быть представленным в рабочем движении. Движение, ссылаясь на свои коллективистские и «социалистические» принципы, создало систему помощи и социальной поддержки для своих членов. Так, все, вступавшие в ряды MNS, получали бесплатную юридическую помощь, медицинское и даже стоматологическое обслуживание. Были созданы «партийные» магазины с дешевой одеждой. И самое привлекательное в условиях безработицы — партийные биржи труда, успешно трудоустроивавшие партийцев на предприятиях симпатизировавших им (а таких было много) промышленников³⁰.

Для воспитания населения в духе сотрудничества классов и солидарности, а также для выработки национальной дисциплины национал-социалисты выдвигали оригинальные предложения, как, например, об обязательном труде в течение года для всех чилийцев, прежде всего молодежи, без различия классов и групп. Речь шла о тяжелом физическом труде на общественных и иных работах во имя сплочения всех граждан, дисциплины и воспитания самоотверженности во имя нации. Данное предложение было направлено против привилегированных классов, декларировало уравнивание в социальном статусе всех чилийцев. Цель была исключительно педагогической³¹.

Как и другие правые движения и партии в Чили, национал-социалисты провозглашали своим политическим идеалом авторитарный, но не персоналистский режим, созданный Диего Порталесом³², сумевшим создать сильную власть³³. Порталианский режим опирался на принцип иерархии и представлялся нацистами как «правительство лучших», меритократия. Как заявлял манифест MNS, управление будет поручено «избранным» национал-социалистам, лучшим из лучших³⁴. К. Келлер настаивал, что государство должно быть всемогущим, делать то, что оно считает нужным, руководствуясь общественным и национальным благом, не обращая внимания на общественное мнение, что возможно только при антидемократическом, авторитарном правительстве типа порталианского³⁵.

Однако режим, созданный Порталесом и позволивший Чили добиться больших результатов в политике и в общественном строительстве в XIX в., закончился в 1891 г. свержением последнего порталианца — президента Бальмаседы, отстаивавшего национальные интересы страны³⁶. Существовавший же режим нуждался в кардинальной перестройке, чтобы преодолеть два дефекта, в основе которых разрыв между народом

²⁸ Ideario Nacista. P. 14.

²⁹ Venegas Caro D. Op. cit. P. 75.

³⁰ Valenzuela E. Op. cit. P. 105.

³¹ Ibid. P. 150.

³² Легендарный министр, создатель авторитарной республики и конституции 1833 г., символическая фигура для всех правых политических течений Чили.

³³ González von Marées J. Op. cit. P. 19–20.

³⁴ Ideario Nacista. P. 4.

³⁵ Robertson E. Op. cit. P. 32.

³⁶ Pueblo y Estado. P. 4–5.

и государством, — это проникновение капитала в государственную машину и «яда марксизма в пролетарские массы».

MNS отрицало ценность существовавшего в Чили государства и ставило своей целью построение нового, подлинного национального государства, утраченного после разрушения системы, построенной Порталесом. Разрушила это государство антинациональная плутократия. И в этом смысле, по словам Келлера, MNS было «отрицающим реальность, стремящимся к ее разрушению, антиконституционалистским и антилегалистским движением»³⁷.

«Креольские нацисты» считали себя партией национального социализма, противостоящей традиционным политическим движениям. MNS строилось по иерархическому и вождистскому принципу. Вождь принимал любые политические решения, которым подчинялись члены движения³⁸. Как писал Гонсалес фон Мареес, вождь, глава государства — это «садовник народа», выращивающий, заботящийся о народе, создающий нацию³⁹. В соответствии с идеей порталианского государства, лидер как движения, так и будущего национал-социалистического государства не должен персонифицировать собой власть. Личность вождя — вторична, первична — идея национал-социалистического государства и дисциплины подчинения⁴⁰.

Нужно было восстановить принцип непререкаемой власти, подчинения всего народа воле государства, которое и есть воплощение нации. Нужен не пустой парламентаризм, а твердая исполнительная власть. Главным дефектом политической системы в Чили, по мнению Гонсалеса фон Марееса, были коррумпированные и ассоциированные с плутократией или внешними силами политические партии. Марксистские же партии привержены классовой борьбе и являются по сути антинациональными. Между тем нация является не суммой индивидуумов и интересов, а единым живым организмом и душой. Именно поэтому она нуждалась в целостном, тотальном национал-социалистическом правительстве, которое будет руководствоваться чувствами и «душой нации», а не интересами партий, подлежащих ликвидации⁴¹.

Надо признать, что отдельные идеи, планы и предложения национал-социалистов по реформированию экономики и политической структуры страны никогда не были систематизированы и изложены как некая конкретная программа. Гонсалес фон Мареес считал это преимуществом, а не недостатком национал-социалистического движения, оно тем и отличалось от традиционных партий, что уповало на творческий подход нации, который выразят «лучшие люди» национал-социализма после прихода к власти, вдохновленные преданностью нации и ее душе⁴². Преобразование страны в новое единство народа и государства возглавят национал-социалисты. И первым шагом в этом направлении еще до прихода к власти должно стать формирование «новой аристократии», способной сочетать честное служение и приверженность к социальной справедливости, олицетворенной в самоотверженной молодежи нацистской партии⁴³.

Гонсалес фон Мареес среди своих предшественников, попытавшихся изменить порочный курс страны, руководимой плутократической олигархией, называл генерала К. Ибаньеса и неудачную попытку революции — Социалистическую республику июня 1932 г. Ошибкой первого было отступление под давлением традиционных элит и возврат к конституционализму, а вторая попытка возглавлялась людьми, опиравшимися на левых политиков и просто неспособных деятелей⁴⁴. В новой системе Гонсалеса фон Марееса

³⁷ Valenzuela E. Op. cit. P. 123.

³⁸ Ideario Nacista. P. 8–9.

³⁹ González von Marées J. Op. cit. P. 11.

⁴⁰ Pueblo y Estado. P. 7.

⁴¹ González von Marées J. Op. cit. P. 71–77.

⁴² El Movimiento Nacional-Socialista de Chile... P. 16.

⁴³ Pueblo y Estado. P. 6.

⁴⁴ El Movimiento Nacional-Socialista de Chile... P. 10–11.

сильная исполнительная власть президента, опирающаяся снизу на корпорации или «демократию цехов», дополнялась Государственным советом, своего рода высшим арбитром и судом в стране. Это была иерархически построенная система, управляемая лучшими гражданами, получавшими пожизненно право принимать решения⁴⁵.

К. Келлер ставил задачу «национализации» всех аспектов чилийской жизни, имитирующей европейские образцы. Цель национализации — обновление и возрождение духовных сил нации⁴⁶. В своем анализе истории и настоящего страны он отмечал дефекты испанской колонизации и соответственно господства олигархии в экономике. Келлер считал необходимым немедленную ликвидацию латифундизма, лежащего в основе господства олигархии, и создание средней и мелкой земельной собственности, причем предпочтительнее за счет немецких, европейских колонистов, а не местных крестьян. Он призывал к разделу крупных земельных владений, так как они во время кризиса оказались в сложной ситуации из-за долгов. Государство могло бы забрать их за долги и распродать мелким собственникам, не проводя опасной аграрной реформы⁴⁷. Даже коммунисты признавали ценным анализ проблем страны, сделанный Келлером, отвергая, конечно, его политические рецепты⁴⁸.

Национализм MNS не избежал столь характерного для таких партий антисемитизма, который связывался со всеми дефектами мировой плутократии, международного паразитического капитализма и ростовщичества. Чилийские нацисты своим врагом объявляли «англосаксонский капитализм», который имел нечто общее с большевизмом, а именно — «иудейство», которое для них было воплощением материализма и абстрактного философствования⁴⁹. Манифест MNS провозглашал: «Экономическое иго международного иудаизма душист Чили. Мы обязаны свергнуть его, заставить подчиниться подлинно чилийской воле, когда иностранный капитал будет эффективным производителем, а не захватчиком»⁵⁰. Гонсалес фон Мареес решительно осуждал иммиграцию европейских евреев в Чили, ибо этот чуждый элемент несет большую угрозу нации⁵¹.

Справедливости ради следует сказать, что декларируемый антисемитизм был характерен для многих других правых политических группировок в Чили того времени. Католические партии и группы не сомневались в подлинности «Протоколов сионских мудрецов», а антисемитский памфлет Генри Форда был любимым произведением соответствующей публицистики в Чили⁵². Здесь уместно процитировать Ханну Арендт: «Важность Протоколов, даже в тех странах, где не было никакой реальной еврейской проблемы, служит убедительным доказательством правильности тезиса... что организация мнимых сионских мудрецов была образцом, которому следовала фашистская организация, и что Протоколы содержат принципы, которые фашизм принял для того, чтобы захватить власть». И далее, в «Протоколах» фашисты находили «их антинациональный настрой и полуанархическое противостояние государству, показывая, как может быть подорвано национальное государство, Протоколы просто указывают, что они считают его колоссом на глиняных ногах, устаревшей формой концентрации политической власти»⁵³. Это в полной мере соответствует чилийским национал-социалистам.

⁴⁵ *González von Marées J.* Op. cit. P. 102.

⁴⁶ *Keller C.* La eterna crisis chilena. Santiago, 1931. P. 56–58.

⁴⁷ *Keller C.* Como salir de la crisis. P. 26.

⁴⁸ *Sánchez C.* El programa fascista según sus imitadores chilenos // Principios. Santiago. 4.II.1934. P. 1.

⁴⁹ *Bohoslavsky E.* Del anticomunismo de los antiguos comparado con el de los modernos. Razones y pasiones de las derechas chilenas (1932–1973) // Observatorio latinoamericano. Buenos Aires. 2011. № 8. P. 52.

⁵⁰ *Ideario Nacista.* P. 6.

⁵¹ *González von Marées J.* Op. cit. P. 250–251.

⁵² *Valenzuela E.* Op. cit. P. 151.

⁵³ *Арендт Х.* Опыт понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 263–265.

Келлер утверждал, что особенностью иберо-американской колонизации был неокантилистический характер экономики, только стоящей на пути капиталистического развития, но уже попавшей в полную зависимость от англосаксонского капитализма⁵⁴. Антиимпериализм и антиамериканизм, понимаемые как борьба с плутократией и «еврейским капиталом», были одними из принципов политики нацистов, декларировавших защиту национального капитала⁵⁵. Главными врагами были международный иудаизм, стоящий за мировым капитализмом (т.е. США), и советский режим, сеющий хаос и разрушение⁵⁶. Антиимпериализм нацистов дополнялся тезисами об иберо-американской солидарности, о необходимости создания континентального экономического и политического союза⁵⁷. Чтобы противостоять США, национал-социалисты предлагали стратегию торговых соглашений с латиноамериканскими странами как естественными союзниками в противостоянии интересам северного колосса и широкий экономический и политический союз с европейскими державами в первую очередь с Италией и Германией, также противостоящих англосаксонскому капитализму⁵⁸.

Одним из направлений государственной политики, по Келлеру, должны стать вытеснение иностранного капитала чилийским, переход к протекционистской политике и уменьшение импорта. Самой радикальной экономической мерой, в устах Келлера, была национализация горнорудной промышленности (добыча селитры и меди), дававшая большую часть дохода от экспорта⁵⁹. Решение многих текущих проблем страны нацисты предлагали решать за счет эксплуатации этого ресурса после национализации⁶⁰.

Чилийские нацисты, руководствуясь принципами антиимпериализма и защиты суверенитета зависимых стран, осуждали и империалистический курс европейских фашистов, которых почитали как идейных вдохновителей. MNS осудило захват Эфиопии фашистской Италией и вмешательство фашистских государств в войну в Испании на стороне Франко. В 1935 г. из-за отношения к европейским фашистам MNS разорвало отношения и осудило гитлеровский Югендбунд (организация чилийской гитлеровской молодежи), базировавшийся на юге страны, где преобладали потомки немецких колонистов. Это было болезненным жестом для MNS, так как обе организации зародились в пронацистских немецких союзах и группах⁶¹.

Большие сложности в определении политической позиции движения вызвали события Гражданской войны в Испании. Осуждая убийство Хосе Антонио Примо де Риверы, чувствуя идейную близость к испанским фалангистам, национал-социалисты связывали свои опасения с тем, что фаланга станет пристанищем крайне правых, консервативных сил, что уже противоречило идеям фашизма как революционного движения⁶².

MNS В ЧИЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В 1930-е годы улицы чилийских городов превратились в арену ожесточенных столкновений вооруженных отрядов различных партий и полиции. Нацисты организовывали штурмовые отряды, которые провоцировали социалистов и коммунистов, а также левые профсоюзы на уличные столкновения. Гонсалес фон Мареев открыто заявлял, что его движение не боится насилия, а наоборот, с готовностью применит его против своих противников⁶³. Это было время милитаризации чилийской политики. Практически все

⁵⁴ Keller C. La eterna crisis chilena. P. 116.

⁵⁵ Pueblo y Estado. P. 12.

⁵⁶ Ideario Nacista. P. 14, 24.

⁵⁷ Keller C. Como salir de la crisis. P. 22.

⁵⁸ Valenzuela E. Op. cit. P. 149.

⁵⁹ Keller C. La eterna crisis chilena. P. 219.

⁶⁰ González von Marées J. Op. cit. P. 165–166.

⁶¹ Valenzuela E. Op. cit. P. 156.

⁶² Robertson E. Op. cit. P. 25.

⁶³ El Movimiento Nacional-Socialista de Chile... P. 17

партии имели свои ударные отряды⁶⁴. Не всегда левые были обороняющейся стороной, все партии и группы вели агрессивную политику. Как заявляло MNS в своих программных документах, «коммунизм и анархию не победить академическими речами, а нужна физическая борьба»⁶⁵. Движение привлекло к себе внимание не только активностью на улице, но способностью мобилизации молодежи из среднего класса. Уже через несколько месяцев после основания MNS в нем состояло около тысячи человек⁶⁶. Это вполне сравнимо или даже больше, чем в тот момент в компартии.

Почти ежедневно сообщалось о жертвах то среди социалистов и коммунистов, то среди правых, то — нацистов. Последние почти всегда лидировали, они создали свой мартиролог, по примеру немецких нацистов выбрали из числа жертв и своего «Хорста Весселя», проводили митинги и шествия памяти жертв «левого» террора. В середине 1930-х годов политическое насилие превратилось в обыденную повседневность в Чили.

На правом политическом фланге видели в MNS опасного противника, равного левым, марксистам. Консерваторы решительно осуждали все увлечения фашизмом, ссылаясь на печальный европейский опыт, на конфликт фашизма и католицизма⁶⁷. Надо признать, что правительство Алессандри не колебалось в применении репрессий к национал-социалистам, лидеры и активисты которых неоднократно арестовывались⁶⁸. Консерваторы не без беспокойства говорили об опасности фашистской (нацистской) угрозы в Чили⁶⁹.

В это же время возникают родственные партии и движения, как, например, Республиканский союз, который заявляет о приверженности корпоративизму, праворадикальные «Республиканские милиции», в них, по словам самого Гонсалеса фон Марееса, записывалось немало членов MNS⁷⁰. Республиканский союз предлагал MNS объединение при условии исключения из программы самых радикальных положений⁷¹. Национал-социалисты категорически отказываются объединяться с кем-либо, так как они — не очередная новая партия, а движение, борющееся с любыми партиями, претендующее в будущем быть единственным движением в тоталитарной политической системе⁷².

Впервые MNS громко заявило о себе на выборах 1937 г., набрав 3,53% голосов, что позволило им провести в конгресс четырех депутатов. Это было немало для молодой партии (компартия на этих выборах получила немногим больше — 4,2%). На муниципальных выборах 1938 г. результат MNS вырос до 4,6%. Национал-социалистам удалось получить 14 мест рехидоров (членов муниципальных советов). Главное же, что за пять лет существования движения число голосов выросло с 961 в 1932 г. до 6082 в 1935 г. и 22 500 в 1938 г.⁷³ Наибольшего успеха движение добилося в студенческой среде: на выборах в университете число голосовавших за MNS выросло с 125 в 1934 г. до 910 в 1936 г. из общего числа 3000 человек⁷⁴.

В 1938 г. происходит резкий поворот в политике MNS. Гонсалес фон Мареес тогда заявлял, что «его организация не является ни правой, ни левой, так как такое разделение уже преодолено самим временем, но обстоятельства заставляют выбрать левых»,

⁶⁴ Valenzuela E. Op. cit. P. 293.

⁶⁵ Ideario Nacista. P. 17.

⁶⁶ Corvalán Márquez L. Op. cit. P. 83.

⁶⁷ Brena T. La política social y el Pontificado // La Voz. Yumbel. 9.IX.1934. P. 1.

⁶⁸ Valenzuela E. Op. cit. P. 332–336.

⁶⁹ Patriotismo // La Voz. Yumbel. 6.I.1935. P. 1.

⁷⁰ Maldonado Prieto C. La milicia republicana: historia de un ejército civil en Chile, 1932–1936. Santiago de Chile, 1988. P. 41.

⁷¹ Valenzuela E. Op. cit. P. 70.

⁷² Ideario Nacista. P. 16–17.

⁷³ Díaz Nieva J. El nacionalismo chileno. Una corriente política inconexa // Revista de Historia Americana y Argentina. 2018. Vol. 53. № 1. P. 174.

⁷⁴ Moulian T., Torres Dujisin I. Discusiones entre honorables. Las candidaturas presidenciales de la derecha entre 1938 y 1946. Santiago, 1987. P. 66.

поскольку левые «борются за тот же идеал, за социальную справедливость»⁷⁵. В приближающихся президентских выборах MNS считало либералов и консерваторов, радикалов и левых виновными в упадке и кризисе Чили, а вот бывший диктатор К. Ибаньес им представлялся правильным выбором. Накануне съезда партии Гонсалес фон Мареес встретился с Ибаньесом, с которым договорился о поддержке его кандидатуры. 13 ноября 1937 г. съезд MNS подтвердил этот выбор. Отношение нацистов к Ибаньесу не было однозначным. В 1932 г. Гонсалес фон Мареес заявлял, что возвращение Ибаньеса к власти было бы самой большой катастрофой⁷⁶. Позднее, в период правления А. Алессандри, к 1937 г. ситуация изменилась и бывший диктатор вновь предстал как единственный возможный спаситель нации и единственная альтернатива как правящему либерально-консервативному альянсу, так и оппозиционным левым, марксистам.

К этому времени Гонсалес фон Мареес убедился, что MNS никак не может выйти из своей небольшой политической ниши, не может самостоятельно добиться массовой поддержки и тем более прийти к власти. В политической конъюнктуре второй половины 1930-х годов национал-социалистам ничего иного не оставалось, как примкнуть к третьей силе, к генералу Ибаньесу, который предстал как авторитарная, антиолигархическая альтернатива.

Вокруг бывшего диктатора Ибаньеса сложилась сложная и очень разношерстная коалиция. В ней были и правые, и левые. В созданный нацистами Народный освободительный альянс (*Alianza Popular Libertadora* – APL) вошли также некоторые социалисты, образовавшие Социалистический союз. В рамках этого электорального союза национал-социализм сделал окончательный вираж в сторону левых. Президентскую программу Ибаньеса написал Гонсалес фон Мареес. При этом сам кандидат тяготился поддержкой MNS, всячески подчеркивая свое отрицательное отношение к фашизму, повторяя, что является кандидатом антифашистских сил. В этой конъюнктуре MNS как часть блока во главе с Ибаньесом должно было публично отмежеваться от своего фашистского прошлого и симпатий к Гитлеру и Муссолини, вплоть до того что Гонсалесу фон Мареес пришлось осудить преследование евреев в Германии⁷⁷.

Глава правительства и кандидат в президенты от правых Густаво Росс стал для национальных социалистов воплощением мирового зла. Его обвиняли в том, что он продал страну американцам. Его называли не иначе как «последний пират Тихого океана». Он был самым воплощением «плутократизации» чилийского правящего класса⁷⁸. Лозунгом же кампании Ибаньеса и национал-социалистов была борьба с империализмом и олигархией. Всеми силами Ибаньес стремился представить себя единым кандидатом левых сил, противостоящих правому кандидату – Россу. Однако левое крыло сформировало коалиционный Народный фронт с участием коммунистов и социалистов, провозглашавший антифашистские цели, а воплощением фашизма в Чили было как раз MNS.

Сложилась особая ситуация в сфере политической риторики и политической определенности. Нацисты говорили о левой альтернативе в лице Ибаньеса, а традиционные левые (коммунисты и социалисты) не без основания обвиняли в фашизме и Росса, и Ибаньеса. Росс не скрывал своих симпатий к салазаристскому режиму в Португалии, который был для него образцом для Чили⁷⁹. На самом деле угроза фашизма в Чили 1930-х годов была не столь очевидна, но победа Росса представляла вполне реальную опасность установления легальной диктатуры.

В стране нарастало насилие и усиливалась поляризация в обществе. Нацисты постоянно провоцировали своих политических оппонентов. 21 мая 1938 г. во время чтения ежегодного послания президента в конгрессе левые (партии Народного фронта) устроили

⁷⁵ Valenzuela E. Op. cit. P. 38.

⁷⁶ Ibid. P. 71.

⁷⁷ Ibid. P. 155.

⁷⁸ González von Marées J. Op. cit. P. 42.

⁷⁹ Moulian T., Torres Dujisin I. Op. cit. P. 126.

скандал. В ответ Гонсалес фон Мареес стал стрелять из пистолета в воздух, вызвав большой переполох среди депутатов. Нацисты и левые фактически действовали вместе против правительства, хотя и называли друг друга врагами⁸⁰.

4 сентября 1938 г. в Сантьяго состоялся многочисленный митинг нацистов в поддержку Ибаньеса. Гонсалес фон Мареес произнес зажигательную речь с призывом расправиться с политиками и олигархией. Как вспоминал президент Алессандри, он решил лично удостовериться в характере манифестации, числе участников и оценить их опасность. На собственном автомобиле президент отправился к месту собрания нацистов в Парке Коусиньо: «Я обратил внимание, что толпа была многочисленна, гораздо больше, нежели я думал, и гораздо больше, чем мне докладывали, скрывая правду»⁸¹.

На следующий день, 5 сентября, нацисты подняли путч. Дата была символична – годовщина выступления военных во главе с Ибаньесом против того же президента Алессандри в 1924 г. Накануне состоялись встречи Ибаньеса, национал-социалистов Оскара Хименеса и Гонсалеса фон Марееса. На них генерал говорил о его поддержке со стороны военных, которые якобы не хотят выступать самостоятельно, но солидаризуются с выступлениями гражданских и затем войдут в правительственную хунту.

Группа студентов-нацистов (около 30 человек) захватила университет. Другая группа, также в основном молодежь, с оружием в руках заняла здание «Рабочего страхового общества», расположенного в непосредственной близости от президентского дворца. С этого высокого здания нацисты открыли огонь по президентскому дворцу Ла-Монеда. Алессандри так описывал события того дня: «Было примерно 12.30, когда я разговаривал по телефону с министром юстиции, вдруг раздались один или два выстрела. Я выглянул в окно... и увидел в луже крови карабинера, охранника дворца. Огонь велся с террасы здания Страховой кассы, стреляли прицельно по Ла-Монедо, взрывались ручные гранаты»⁸². И далее: «Было три часа дня, и мы уже знали, что мятежники взорвали несколько высоковольтных вышек, желая оставить город без света; говорили, что они попытались разрушить водопровод, а главное, к этому добавлялись сообщения, что в бедных кварталах происходят беспорядки в ожидании победы переворота, чтобы приступить к грабежам и разбою в городе. Ввиду этого генерал Новоа попросил у меня разрешения одним ударом уничтожить путчистов, используя артиллерию. Я полностью согласился с Новоа, так как было абсолютно необходимо подавить мятеж до наступления ночи во избежание осложнения ситуации»⁸³. Многие нацисты были убеждены, что, как им говорили их вожди, переворот будет поддержан военными. Вскоре карабинеры и военные сначала освободили здание университета, откуда захваченных молодых людей с поднятыми вверх руками сопровождали ко все еще обороняющемуся зданию «Рабочего страхового общества». Когда защитники здания увидели своих товарищей арестованными, они убедились в провале попытки переворота и сдались властям. Карабинеры же не стали принимать пленных, а расстреляли всех на месте. Было убито 58 молодых людей, средний возраст которых был 22 года. Только 4 человекам удалось спастись, раненые, они были завалены телами своих товарищей.

Правительство арестовало Ибаньеса и Гонсалеса фон Марееса. Бесцельное кровопролитие и жестокость властей привели страну в ужас. И К. Ибаньес, и Х. Гонсалес фон Мареес призвали своих сторонников отдать голоса за кандидата Народного фронта

⁸⁰ 7 Ensayos sobre Arturo Alessandri Palma. P. 457.

⁸¹ *Alessandri Palma A. Recuerdos de gobierno. T. 3. Santiago, 1967. P. 35.*

⁸² *Ibid. P. 189.*

⁸³ *Ibid. P. 193.*

П. Агирре Серда⁸⁴. Народный фронт осудил репрессии и насилие со стороны правительства, одновременно обвинив нацистов в авантюризме, «нанесшем огромный ущерб народным интересам»⁸⁵. Ибаньес и нацисты, призванные отобрать у левых часть голосов, своей попыткой поднять восстание 5 сентября подготовили победу Агирре Серда. Разгром нацистов стоил Россу кресла президента.

Гонсалес фон Мареес позднее упрекал Ибаньеса за то, что тот не создал массового народного антиолигархического движения до появления Народного фронта. Вот тогда бы история сложилась по-иному, и Чили обрела бы форму правления, о котором мечтали национал-социалисты⁸⁶. Однако в обстоятельствах 1938 г. нацисты поддержали Народный фронт. Даже их отношение к коммунистам стало более терпимым. Лидер MNS теперь говорил, что коммунисты сами «вскоре убедятся, что одно дело теория и другое – практика», к тому же их требование национализации жизненных для страны отраслей правильно и отвечает интересам людей⁸⁷.

Через две недели после бойни 5 сентября Народный фронт и сторонники Ибаньеса подписали пакт о взаимодействии и поддержке кандидатуры Агирре Серда. 25 октября 1938 г. состоялись президентские выборы. С небольшим, практически минимальным перевесом в 4 тыс. голосов победил Агирре Серда – 50,17% (222 740) голосовавших. Его соперник Росс получил 49,24% (218 609) голосов. Левые с большим преимуществом победили в больших городах Сантьяго (64 297 против 50 998), Вальпараисо (22 667 против 19 105), Консепсьоне (17 417 против 9734), а правые оказались сильнее в сельской провинции.

После того как MNS было запрещено, в 1939 г. Гонсалес фон Мареес создал новое движение Народно-социалистический авангард (*Vanguardia Socialista Popular – VSP*), претендовавшее на преемственность нацистам, но при этом позиционировавшее себя как часть левого политического фланга. Эта новая партия вполне могла существовать в одном политическом поле с Народным фронтом. Келлер не согласился с таким поворотом «влево» и возглавил своих сторонников, сохранивших название MNS и верность европейским фашистским образцам. Народный фронт не представлял те идеалы и принципы, за которые боролась MNS. На новом этапе MNS сменило и риторику: с борьбы с олигархией оно переориентировалось на более логичную борьбу с марксизмом и левыми во власти в Чили. Но это была микрочастичка, не имевшая никакого влияния.

В идеологии «креольских нацистов» было сочетание двух противоречащих друг другу элементов – революционного пафоса и консервативных убеждений, что не обещало долгой политической жизни, угрожая единству движения. Его раскол произошел как раз по этой линии: антиолигархическая революционность не могла сосуществовать с консерватизмом. «Фашистских» диссидентов в MNS, не согласных с «левым поворотом», возглавлял Рауль Оливарес, руководитель партийной организации в Вальдивии. В 1938 г. он возглавил движение диссидентов-нацистов, создав затем Национальную фашистскую партию, объединившую также группу, ориентировавшуюся на издательство «Свастика»⁸⁸.

Основная масса нацистов осталась в VSP. В своей программе они заявляли о приверженности, как и ранее, национализму, социализму и борьбе с мировой плутократией. Это было время, когда гитлеризм и германский нацизм, с которого первоначально его чилийские адепты брали пример, успел проявить все свои особенности, вызвавшие отторжение

⁸⁴ В то время как национал-социалисты оказались в левом лагере, небольшая Национальная фашистская партия изначально поддерживала традиционных правых, кандидата от блока консерваторов и либералов Г. Росса. См.: *Saavedra Fuentes M. El neofascismo en Chile una síntesis de su historia y doctrina, 1932–2002 // Revista de historia, Universidad de Concepción. 2001–2002. Vol. 11–12. № 1–2. P. 55–74.*

⁸⁵ *Moulian T., Torres Dujisin I. Op. cit. P. 146.*

⁸⁶ *González von Marées J. Op. cit. P. 51.*

⁸⁷ *Moulian T., Torres Dujisin I. Op. cit. P. 144.*

⁸⁸ *Saavedra Fuentes M. Op. cit. P. 56.*

в Чили. Программа VSP решительно осудила расизм и политический тоталитаризм, заявляя о приверженности правам человека и демократии. Осколком прежней теории тоталитаризма была концепция «органической демократии», что было смягченным вариантом фашистского тоталитаризма и корпоративизма.

Полным идеологическим разрывом с прошлым было заявление: «VSP признает классовую борьбу как очевидный факт и в этой борьбе стоит на стороне эксплуатируемых»⁸⁹. Лозунгом новой партии были антиимпериализм и латиноамериканская солидарность в противостоянии политической и экономической агрессии великих держав. В 1939 г. в годовщину прихода к власти Народного фронта Гонсалес фон Мареев был одним из приглашенных ораторов на митинге у Ла-Монеды.

Однако «старые грехи не пускали в рай», национал-социалисты не смогли обратиться в «голубей», в левых политиков. Их союз с Народным фронтом споткнулся об «антисемитскую» манию национал-социалистов, которые вдруг примкнули к правой оппозиции в обвинениях правительства в коррупции, связанной с предоставлением европейским евреям чилийских виз за взятки. После этого VSP уже сотрудничала с правыми, а не с социалистами, вернувшись на близкий им политический фланг. На выборах в конгресс в 1941 г. уже в новом-старом облике правой партии национал-социалисты получили только половину голосов от результатов 1938 г., проведя в палату только двух депутатов⁹⁰.

В 1940-е годы с падением популярности фашизма осколки MNS прекратили свое существование, сблизившись с традиционными правыми, прежде всего консерваторами. Политическая судьба многих национал-социалистов причудлива. Большинство останутся в рядах сторонников Ибаньеса, займут важные посты в его правительстве в 1952–1958 гг., став видными деятелями его Аграрно-лабористской партии, кто-то уйдет к демохристианам, немало — к социалистам. Были и такие, кто, как Оскар Хименес, даже занимал пост министра в правительстве Народного единства Сальвадора Альенде. Небольшая группа ушла в националистические и неофашистские микропартии. Сам же лидер нацистов Гонсалес фон Мареев в насмешку над всеми своими книгами, речами и заявлениями закончил свою политическую карьеру в рядах своего главного врага — Либеральной партии.

* * *

История фашистского движения в Чили причудлива и нестандартна. «Креольский нацизм», возникший как движение-эпигон европейского фашизма, прежде всего гитлеризма, проделал удивительную эволюцию, в том числе и идеологическую, в сторону левого политического фланга. Начиная как партия порядка и расовой чистоты, отрицавшая демократию и политические свободы, чилийские нацисты прошли непростой путь к союзу со своими главными врагами — коммунистами и социалистами, с Народным фронтом. MNS было одним из немногих массовых фашистских движений в Латинской Америке. Несмотря на популярность среди молодежи и средних слоев столицы, чилийские национал-социалисты не стали политической силой, которая бы привлекла внимание и интерес правящих групп в Чили. Глубина экономического и морально-политического кризисов 1930-х годов вызвала многочисленные антисистемные движения, одним из крупнейших было как раз национал-социалистическое. Тем не менее ввиду прочности институтов демократии, политической культуры и, самое главное, сохраняющегося значительного влияния традиционных правых партий у антисистемных движений не оставалось шанса для революционных изменений системы как справа, так и слева. Правящие группы не увидели в национал-социалистах силу, способную стабилизировать систему, исключив левую опасность. В результате «креольский нацизм» остался маргинальным движением и, оставаясь таким, оказался способным к резким «левым» и «правым» поворотам. История чилийского фашизма более наглядно, чем в других странах, демонстрирует

⁸⁹ *Díaz Nieva J.* Op. cit. P. 175.

⁹⁰ *Ibid.* P. 176.

сложносочетающиеся элементы крайне правых и левых взглядов и интенций, характерных для этого антисистемного политического течения, будучи ярким примером правого антилиберального революционного движения.

Библиография / References

- Arendt H.* Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018.
- Arendt H.* Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм [Experiences of understanding. 1930–1954. Becoming, exile and totalitarianism]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- 7 Ensayos sobre Arturo Alessandri Palma. Santiago de Chile, 1979.
- Alessandri Palma A.* Recuerdos de gobierno. T. 3. Santiago, 1967.
- Bohoslavsky E.* Del anticomunismo de los antiguos comparado con el de los modernos. Razones y pasiones de las derechas chilenas (1932–1973) // Observatorio latinoamericano. Buenos Aires. 2011. № 8. P. 52.
- Brena T.* La política social y el Pontificado // La Voz. Yumbel. 9.IX.1934.
- Corvalán Márquez L.* Identidad, ideología y política en el Movimiento Nacional Socialista de Chile, 1932–1938 // Revista Izquierdas. 2015. № 25. P. 78–91.
- Díaz Nieva J.* El nacionalismo chileno. Una corriente política inconexa // Revista de Historia Americana y Argentina. 2018. Vol. 53. № 1. P. 164–202.
- El Movimiento Nacional-Socialista de Chile como única solución de la crisis política y social de la república. Santiago de Chile, 1932.
- González von Marées J.* El mal de Chile (sus causas y sus remedios). Santiago de Chile, 1940.
- Griffin R.* Fascismo. Una introducción a los estudios comparados sobre el fascismo. Madrid, 2019.
- Ideario Nacista. Santiago de Chile, 1932.
- Jobet J.C.* Ensayo crítico del desarrollo económico-social de Chile. Santiago, 1951.
- Keller C.* Como salir de la crisis. Santiago, 1932.
- Keller C.* La eterna crisis chilena. Santiago, 1931.
- Maldonado Prieto C.* La milicia republicana: historia de un ejército civil en Chile, 1932–1936. Santiago de Chile, 1988.
- Moulian T., Torres Dujisin I.* Discusiones entre honorables. Las candidaturas presidenciales de la derecha entre 1938 y 1946. Santiago, 1987.
- Pueblo y Estado. Discurso pronunciado por Jorge González, Jefe del Movimiento Nacional-Socialista de Chile a su salida de la cárcel, el 12 de enero de 1936, en el Teatro Carrera de Santiago. Santiago, 1936.
- Robertson E.* El Nacismo chileno. Santiago de Chile, 1986.
- Saavedra Fuentes M.* El neofascismo en Chile una síntesis de su historia y doctrina, 1932–2002 // Revista de historia, Universidad de Concepción. 2001–2002. Vol. 11–12. № 1–2. P. 55–74.
- Sánchez C.* El programa fascista según sus imitadores chilenos // Principios. Santiago. 4.II.1934.
- Valenzuela E.* La generación fusilada: memorias del nacismo chileno (1932–1938). Santiago de Chile, 2017.
- Venegas Caro D.* La concepción nacistica de la sociedad: posición doctrinaria en torno al sujeto de cambio y las organizaciones de trabajadores // Revista de historia, Universidad de Concepción. 2019. Vol. 26. № 1. P. 68–73.

DOI: 10.31857/S013038640021034-5

© 2022 г. А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК В СССР И ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧНОСТИ И ГРАЖДАНСТВА (1943–1945 годы)

Безугольный Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405.

Аннотация. В статье рассмотрен сложный процесс комплектования рядовым и сержантским (подофицерским) составом польских войск, сформированных в СССР в мае 1943 г. и преобразованных в июле 1944 г. в Войско польское. Воссоздание польской армии на территории Советского Союза было связано не только с задачами расширения антигитлеровского фронта, но и с более широкой стратегией перестройки польской государственности на началах взаимовыгодного военно-политического сотрудничества с Советским Союзом. Новая польская армия строилась в непрерывно меняющихся военно-стратегических и внешнеполитических условиях, что самым непосредственным образом отражалось на ее личном составе и условиях комплектования. Мобилизации в польскую армию прошли три совершенно разные стадии – от призывов среди репрессированного в предвоенный период польского населения к мобилизациям населения на освобожденных территориях Западной Белоруссии и Украины и, наконец, на землях самой Польши. По мере организационного и численного роста польской армии ее личный состав приобретал все более полиэтничную структуру и все менее определенный гражданский статус. Урегулирование этих проблем потребовало совместных решений с обретавшими политическую субъектность левыми политическими силами и военным командованием Польши. Статья основана на опубликованных источниках и материалах российских архивов, прежде всего Центрального архива Министерства обороны РФ, ранее не использовавшихся в изучении советско-польского военного сотрудничества в годы войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Польша, вооруженные силы, Войско польское, Красная армия, мобилизация, этничность, гражданство, СССР, внешняя политика.

A.Yu. Bezugolny

The Manning of Polish Troops in the USSR and the First Polish Army: Problems of Ethnicity and Nationality, 1943–1945

Alexey Bezugolny, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: besu111@yandex.ru

Scopus Author ID: 57221167901

The research was funded by the Russian Science Foundation Grant № 22-28-00405.

Abstract. The author analyses the intricate process of recruitment of privates and non-commissioned (sub-officer) personnel for the Polish troops, transformed into the First Polish Army in July 1944, in the USSR in May 1943. The re-establishment of the Polish Army in the Soviet Union was linked not only to the tasks of expanding the anti-Hitler front, but also to a broader strategy of restructuring the Polish statehood on the principles of mutually beneficial military-political cooperation with the Soviet Union. The new Polish army was being built under constantly changing military-strategic and international political circumstances, which had a direct impact on its personnel composition and manning conditions. Mobilisations for the Polish army went through three very different stages, from conscription among the Polish population repressed in the pre-war period, to mobilisations in the liberated territories of western Belarus and Ukraine, and finally to mobilisations in the liberated territories of Poland itself. As it evolved, organisationally and numerically, the Polish Army's personnel became progressively more multi-ethnic and of less defined civilian status. The resolution of these problems required joint solutions with the newly emerging left-wing political forces and the Polish military command. The article draws on published sources and materials from Russian archives, primarily the Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation, which have not previously been used in the study of Soviet-Polish military cooperation during the Second World War.

Keywords: World War II, Poland, armed forces, Polish Army, Red Army, mobilisation, ethnicity, nationality, USSR, foreign policy.

Формирование польской армии на территории СССР в 1943–1944 гг. и дальнейшее ее строительство на освобождаемой от немецких войск территории Польши в 1944–1945 гг. представляет собой интересный опыт сосредоточенных, хорошо слаженных усилий советских и польских государственных и военных органов, позволивших в кратчайшие сроки построить мощную, правильно организованную и современно оснащенную национальную армию. Главная заслуга в этом принадлежит организаторским усилиям Генерального штаба Красной армии и специального органа — Уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям в СССР, а также главных управлений Наркомата обороны, обеспечивших комплектование и снабжение польских войск всем необходимым. Опыт создания огромной иностранной армии на территории нашей страны заслуживает научного анализа и исторической оценки.

Истории Войска польского в советский период уделялось немало внимания как в советской, так и в польской литературе, но тема комплектования, и в частности мобилизационных призывов в польскую армию на территории Советского Союза и Польши, рассматривалась вскользь. Определенное исключение составляет кандидатская диссертация И.И. Шинкарева (1966 г.), подготовленная на закрытых в тот период источниках¹.

В современной Польше военная история страны не ассоциируется с советским наследием, в центре внимания — Армия крайова и ее политические органы управления². Консенсусной в Польше является концепция «двух оккупаций», согласно которой страна оказалась ареной борьбы двух тоталитарных режимов, к которым относят и нацистский, и советский государственный строй. Определение Войска польского в этой системе координат варьируется в довольно широком диапазоне — от полностью сервильного по отношению к советской власти полицейского института до патриотов, освобождавших свою землю в заданных им жестких исторических обстоятельствах. Первую позицию отстаивает Институт национальной памяти — государственное научное учреждение по исследованию тоталитарных практик. В рамках этой парадигмы усилия Войска польского по освобождению своей страны просто замалчиваются. Второй линии придерживался (по крайней мере, так было до недавних пор) достаточно широкий круг исследователей, представляющих университетскую науку, военные музеи и другие научно-исторические институции. Некоторые современные историографы Войска

¹ Шинкарев И.И. Роль Советского Союза в создании Вооруженных Сил стран Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

² Дурачински Э. Польская историография новейшей истории // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 28–57.

польского (К. Качмарек, Э. Коспат-Павловский и др.) ведут свою научную биографию еще из Народной Польши. Эти авторы справедливо указывают на то, что Войско польское было более многочисленным, чем все остальные польские войска, поддерживавшие западных союзников на различных театрах Второй мировой войны; на востоке полякам пришлось жестоко драться на родной земле и нести тяжелые потери³. Одно это вполне оправдывает внимание к этому историческому явлению. Труды последнего времени по истории Войска польского основаны на местной источниковой базе. В них раскрываются обстоятельства создания и комплектования польских войск личным составом, проблемы мобилизаций на территории Польши⁴. Хотя и немного, но продолжают публиковаться исторические источники, в том числе воспоминания и интервью с бойцами Войска польского⁵. К сожалению, не переизданы вышедшие лишь однажды в 1990–1991 гг. интересные и содержательные воспоминания командующего польскими войсками в СССР в 1943–1944 гг. генерала З. Берлинга⁶. Они стали библиографической ценностью, отсутствуют в российских библиотеках и в Сети интернет. Материалы российских архивов также привлекаются к выходящим в Польше исследованиям, но лишь эпизодически, что не позволяет польским авторам объективно оценить степень участия советской стороны в формировании и комплектовании польской армии.

В современной российской историографии – схожая картина. В ряде журнальных статей рассматриваются отдельные вопросы, связанные с формированием Войска польского⁷, комплектованием польских войск белорусами⁸, а Красной армии – поляками⁹. Опубликована содержательная биографическая статья о первом командующем польскими войсками в СССР З. Берлинге¹⁰. Отдельно следует упомянуть монографию В. Филиппова и Г. Ларина, посвященную участию в польских войсках советских военнослужащих. Авторы книги собрали и обобщили большой справочный материал по структуре и руководящему составу Войска польского¹¹.

В целом история Войска польского периода его создания и становления в настоящее время – маргинальный сюжет как в российской, так и в польской историографии. В данной статье рассмотрен один из малоизученных аспектов истории Войска польского: проблемы его комплектования рядовым и сержантским составом, а также проанализированы специфические особенности политико-правового статуса военнослужащих польских войск. С учетом

³ *Stańczyk H., Zwoliński S.* Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015. S. 351.

⁴ *Kospath-Pawłowski E.* Wojsko Polskie na Wschodzie, 1943–1945. Pruszków, 1993; *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Tadeusza Kościuszki w bitwie pod Lenino / red. nauk. S. Zwoliński.* Warszawa, 2003; *Kaczmarek K.* Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łaby i Wełtawy. Lublin, 2005; *Stańczyk H., Zwoliński S.* Op. cit.; *Nalepa E.J.* Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce, 2018.

⁵ *Dąbrowski T.* Żółte kaczęce czerwone jak maki. Warszawa, 2003; *Kaźmierska K., Pałka J.* Ludowego Wojska Polskiego. Historie mówione. Łódź, 2019; *Berlingowcy. Żołnierze tragiczni / red. C. Dominik.* Warszawa, 2021.

⁶ *Berling Z.* Wspomnienia. T. I–III. Warszawa, 1990–1991.

⁷ *Медведев А.* Польские авиационные формирования в СССР в годы Великой Отечественной войны // *История Авиации.* 2001. № 4. С. 26–29; *Петров Б.Н.* К созданию польских военных формирований на территории СССР // *Военно-исторический архив.* 2007. № 8. С. 162–163; *Зданович А.А.* «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // *Военно-исторический журнал.* 2011. № 2. С. 48–54.

⁸ *Грибовский Ю.В.* Уроженцы Беларуси в Народном Войске Польском (1944–1945 гг.) // *Военно-исторический архив.* 2005. № 6. С. 94–96.

⁹ *Сенявский А.А.* Поляки в Красной армии в 1944 г.: к проблеме национальной идентификации // *Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы международной научной конференции.* М., 2019. С. 353–363.

¹⁰ *Носкова А.Ф.* Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // *Профессор Московского университета И.М. Белявская: (к 90-летию со дня рождения)* М., 2005. С. 263–279.

¹¹ *Филиппов В., Ларин Г.* Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань, 2021.

того, что численность Войска польского к концу войны превысила 300 тыс. человек, эта тема представляется исторически значимой и актуальной.

В основу статьи положены редко используемые отечественными и польскими историками материалы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и прежде всего фонды Генерального штаба Красной армии, Главного управления формирования и укомплектования Красной армии, Уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранному формированию в СССР, войсковых объединений Красной армии, в состав которых в разное время входили польские войска, а также опубликованные документальные материалы. Значительная часть перечисленных материалов (прежде всего, центрального аппарата Народного комиссариата обороны (НКО)) была рассекречена в последние годы и вводится в научный оборот впервые.

6 мая 1943 г. Государственный комитет обороны (ГКО) своим постановлением № 3294сс удовлетворил ходатайство Союза польских патриотов в СССР о создании на территории Советского Союза польской пехотной дивизии¹². 9 мая 1943 г. в «Правде» было опубликовано соответствующее официальное сообщение. В газете отмечалось, что дивизия получила имя народного героя Тадеуша Костюшко и что «формирование польской дивизии уже начато»¹³.

Так, состоялось второе рождение польских воинских частей, сформированных на территории СССР для борьбы с германским нацизмом. Первая попытка создания в 1941–1942 гг. польской армии под руководством генерала В. Андерса в тесном взаимодействии с эмигрантским польским правительством в Лондоне и при посредничестве англо-американских союзников оказалась крайне неудачной. Потратив огромное количество материальных ресурсов и сформировав несколько дивизий, советская сторона так и не смогла добиться отправки ни одной польской части на фронт. Под давлением союзников армию Андерса пришлось летом 1942 г. эвакуировать на Ближний Восток, где она присоединилась к британским силам. Впрочем, для польского правительства было скорее ошибкой полностью исключить возможность своего участия в делах Восточного фронта, оказавшись на обочине дальнейших политических процессов антигитлеровской коалиции¹⁴.

После того как советское руководство «обожглось» на армии Андерса, оно более не желало выпускать из своих рук нити руководства процессом строительства и боевого использования польских, да и любых других иностранных воинских частей. Новые формирования осуществлялись под строжайшим контролем советской стороны и уже безо всякого участия союзных сил.

Одним из наиболее важных аспектов формирования польских войск в Советском Союзе в 1943–1945 гг. является процесс комплектования их личным составом, который сопровождался многочисленными трудностями, во многом вызванными самой экзотичностью ситуации, связанной с состоявшимся в 1939 г. присоединением части польских земель к СССР и репрессиями в отношении польских военнослужащих и части гражданского населения. Недавние обиды усугубляли сонм старых взаимных претензий, векового недоверия и неприязни между поляками и русскими. Теперь же общая беда потребовала от поляков плечом к плечу встать с бойцами Красной армии для освобождения родины и восстановления страны. Большинство офицеров армии Андерса не смогли переступить моральный барьер на пути к сотрудничеству с советскими властями. Несколько позднее эта позиция была сформулирована главнокомандующим польскими вооруженными силами при лондонском правительстве К. Соснковским: «Ни совместный враг, ни совместный союзник не могут преодолеть существующей идеологической разницы, вековой разницы политического мировоззрения...»¹⁵. Это стало главной причиной проволочек в подготовке польских формирований и дальнейшего исхода поляков из Советского Союза. В начале 1943 г. к старым претензиям добавилась «информационная

¹² Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сб. документов: в 4-х т. Т. 4. М., 2017. С. 406–407.

¹³ Правда. 1943. 9 мая.

¹⁴ Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku... S. 30.

¹⁵ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 233. Оп. 2307. Д. 30. Л. 18–19.

бомба», связанная с обнаружением нацистами массовых захоронений польских офицеров под Смоленском, расстрелянных органами НКВД в 1940 г. Разбор комплекса проблем в советско-польских отношениях не входит в задачи данной работы, подчеркнем лишь, что политическая атмосфера, в которой было объявлено о создании новой польской дивизии, была далеко не самой благоприятной.

После эвакуации армии Андерса в среде советского военно-политического руководства ощущалась определенная растерянность по поводу возможностей дальнейшего развития советско-польского военного сотрудничества. Создание новых воинских формирований не планировалось, тем более что количество оставшихся на советской территории польских офицеров, лояльных советской власти, измерялось единицами. Осенью 1942 г. обсуждалась возможность активизации партизанской борьбы на территории Польши с использованием тех немногочисленных проверенных кадров, которые остались в Советском Союзе. Однако дальнейшее, уже необратимое ухудшение отношений с эмигрантским правительством в связи с паспортизацией в СССР бывших польских граждан, развернутой в начале 1943 г., а затем и с международным скандалом, и последующим разрывом дипломатических отношений с польским правительством после обнародования катынского дела, фактически развязало руки советскому руководству, позволив ему радикально переформулировать польскую политику без оглядки на международное мнение, а также самому выбрать (и создать) союзную сторону в польских делах¹⁶. Разумеется, такой разворот в польском вопросе, особенно в вопросе определения послевоенной западной границы СССР, был возможен только на фоне стратегических побед Красной армии под Сталинградом и на Северном Кавказе, ясно обозначивших коренной перелом в войне с гитлеровским нацизмом¹⁷.

Партнером советской стороны стал организованный под плотной опекой советских органов госбезопасности Союз польских патриотов в СССР (СПП), который возглавила польская писательница левых взглядов В. Василевская и на правах заместителя полковник З. Берлинг — один из немногих офицеров, добровольно оставшихся в Советском Союзе после эвакуации армии В. Андерса¹⁸. Первым же заявлением Союза польских патриотов стал призыв к руководству Советского Союза о разрешении создать польскую воинскую часть для совместной борьбы на стороне Красной армии.

Запрашиваемое разрешение было немедленно получено. Вся работа по формированию и укомплектованию польских частей была возложена на Уполномоченного Ставки Верховного Главнокомандования по иностранным формированиям на территории СССР комиссара госбезопасности Г.С. Жукова. Он же перед этим курировал формирование частей армии В. Андерса и был хорошо осведомлен в польских делах. После неудачи с Андерсом Жуков активно продвигал Берлинга, сотрудничавшего с органами НКВД с 1939 г., на роль военного вождя оставшихся в Советском Союзе поляков. 21 апреля он лично дал Берлингу положительную характеристику, отметив, что тот «много работает над собой, изучая произведения тов. Ленина, Сталина и советскую военную литературу»¹⁹. Как и другие поляки в СССР, Берлинг был вынужден принять советское гражданство, и время от времени Жуков напоминал ему о его обязанностях как советского гражданина²⁰. Судя по всему, Берлинг искренне был настроен на сближение с восточным соседом, однако, как показано ниже, имел собственные взгляды на форму этого сотрудничества.

Постановление ГКО от 6 мая 1943 г. обязывало все главные управления Наркомата обороны, от которых зависело укомплектование дивизии людьми, транспортом, вооружением и всеми видами довольствия, немедленно выполнять заявки Жукова. Сосредоточение всей организационной деятельности в одних руках и избавление от необходимости утомительных

¹⁶ Носкова А. Ф. Сталин и Армия Крайова (к формированию позиции советского руководства) // Российские и славянские исследования: науч. сборник. Вып. 3. Минск, 2008. С. 320.

¹⁷ *Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku...* S. 29.

¹⁸ *Зданович А.А.* Указ. соч. С. 48–51.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 732. Л. 383.

²⁰ Носкова А. Ф. Генерал Сигизмунд Берлинг. С. 270.

согласований с польским правительством в Лондоне дали быстрый положительный эффект. Организационно и численно польские войска, формировавшиеся Советским Союзом, стремительно росли.

Формирование 1-й польской пехотной дивизии им. Тадеуша Костюшко под командованием полковника З. Берлинга началось в мае 1943 г., а уже 10 августа 1943 г. (вновь по инициативе Союза польских патриотов) 1-я пехотная дивизия развертывается в армейский корпус двухдивизионного состава, усиленного артиллерийской и танковой бригадами, авиационным полком и другими частями²¹. В конце декабря 1943 г. приступили к формированию 3-й польской пехотной дивизии²². 13 марта 1944 г. на основе 1-го армейского корпуса стала формироваться 1-я польская армия (командующий — З. Берлинг уже в звании генерал-лейтенанта), в состав которой, помимо прежних соединений и частей, вошли 4-я польская пехотная дивизия, две артиллерийских, кавалерийская, саперная бригада, два авиационных полка²³, а также части и подразделения боевого обеспечения и обслуживания (батальоны связи, автотранспортные, дорожно-строительные и дорожно-эксплуатационные батальоны, кабельно-шестовые роты, разного рода мастерские, склады, ремонтные базы, хлебопекарни, банные отряды, госпитали и многое другое), число которых насчитывало 72 единицы²⁴. К моменту окончания формирования и передачи 1-й польской армии в оперативное подчинение 1-му Белорусскому фронту в ее составе числились около 52 тыс. человек. К 20 июля 1944 г. — моменту вступления советских войск на территорию Польши — численность 1-й польской армии удвоилась и достигла 100 тыс. человек²⁵. С июля 1944 г. формировалась 2-я польская армия (командующий — генерал дивизии К.К. Сверчевский).

Нельзя не отметить в столь стремительном развитии польской армии личной роли генерала З. Берлинга — человека крайне инициативного и деятельного, при этом резкого, своенравного и надменного²⁶. Несмотря на то что с генералом В. Андерсом Берлинг расстался со скандалом и был даже символически осужден трибуналом Андерса, оставшись в СССР, Берлинг в целом продолжил линию, которую вел его предшественник: широкое строительство польских частей за счет материальных средств СССР, максимально возможное изыскание всех польских этнических ресурсов. Политические цели Берлинга принципиально мало чем отличались от устремлений основной массы польского офицерства, краеугольным камнем которых было восстановление независимого национального польского государства в границах 1939 г., а также формирование польского правительства национального согласия. По замыслу Берлинга это должен был быть Польский национальный комитет (ПНК), который бы формировался на основе привлечения всех демократических польских сил, в том числе эмигрантов (правда, за исключением представителей лондонского правительства). По вопросу о границах, о ПНК и персональном составе СПП (Берлинг считал, что в этом протоправительстве наблюдается засилье евреев) он остро конфликтовал с В. Василевской, которая была гораздо более лояльной к советскому руководству.

К декабрю 1944 г. созданные в СССР польские части насчитывали уже 10 пехотных дивизий, 5 танковых бригад, 1 авиадивизию и 3 авиабригады, 1 артиллерийскую дивизию и 12 артиллерийских, зенитных и минометных бригад, много других частей и соединений. 20 февраля 1945 г. в состав 1-го Белорусского фронта вошла 2-я польская армия в составе пяти пехотных дивизий и частей усиления²⁷. В октябре 1944 г. началось формирование 3-й польской армии и фронтового управления (правда, этот процесс не был завершен). К концу войны штатная

²¹ Документальная коллекция Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — Документальная коллекция НИИВИ). Ф. 202. Оп. 244. Д. 5. Л. 17–18.

²² Директива Генерального штаба Красной армии № Орг/2/139659сс от 27 декабря 1943 г.

²³ Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 224. Д. 5. Л. 6–67.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 7. Оп. 30. Л. 729. Л. 1–5.

²⁵ Там же. Ф. 233. Оп. 2338. Д. 65. Л. 25.

²⁶ *Jaczyński S. Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem.* Warszawa, 1993. S. 381.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 424. Л. 61.

численность польских частей достигла огромных величин — 446,2 тыс. человек²⁸, а списочная — 304 тыс. человек²⁹.

Заключенная в два календарных года история стремительного развития польской армии на территории Советского Союза имеет интересное для научного анализа измерение, связанное с комплектованием ее людским составом. Понятно, что все перечисленные формирования требовали изыскания огромного числа людских ресурсов. Комплектование их личным составом — офицерским, сержантским (подофицерским) и рядовым — стало одной из ключевых проблем, определявшей темпы и масштабы формирования польской армии. Каждый новый этап организационного строительства польских войск сопровождался резкими изменениями обстоятельств их комплектования людским составом. Принципиален был общий подход: памятуя недавний опыт с армией Андерса, и советская, и польская стороны были едины во мнении, что в вооруженную борьбу с нацизмом необходимо вовлечь максимальное число поляков.

В качестве благоприятного фактора комплектования следует отметить то обстоятельство, что до конца июля 1944 г. польские войска практически не участвовали в боевых действиях и не несли потерь, за исключением одного короткого, хотя и кровопролитного, эпизода — боя 12–13 октября 1943 г. 1-й польской дивизии в районе поселка Ленино Могилевской области. Многомесячную паузу можно назвать «политической» — ведь в ней явно читалось желание советского руководства «приберечь» польские формирования для освобождения родной земли. Это обстоятельство предоставило им уникальную возможность быстро развиваться в количественном и качественном отношениях.

Неблагоприятным фактором являлось само состояние польского населения на территории СССР, пригодного для военной службы. Его количество было ограничено, а физическое состояние, вследствие известных условий содержания, не лучшим. Единого мнения о численности бывших польских граждан на территории СССР в годы Великой Отечественной войны до сих пор не существует. С опорой на заявления советского правительства по итогам «освободительного похода» Красной армии в Польшу в сентябре 1939 г., в литературе широко распространено мнение о том, что было интернировано порядка 230–250 тыс. польских военнослужащих³⁰. На деле интернированных было существенно меньше. Согласно сводке Управления по делам военнопленных НКВД СССР от 19 ноября 1939 г., всего в распоряжение НКВД поступило 125 тыс. польских военнопленных. Часть из них (белорусы и украинцы по национальности) была распущена по домам (42,4 тыс. человек); другая часть (из числа жителей западных воеводств) была передана германским властям Польши (43 тыс. человек). Всего к ноябрю 1939 г. в лагерях НКВД и в рабочих подразделениях других наркоматов содержалось около 64,2 тыс. бывших польских военнослужащих³¹.

Кроме военнослужащих, еще около 320 тыс. гражданских лиц польской национальности были выселены в восточные районы СССР из Западной Белоруссии и Западной Украины в ходе четырех волн депортации, состоявшихся с 1939 по 1941 г.³² Около 22 тыс. поляков, в том числе несколько тысяч офицеров кадра и запаса, покоились под Катынью и в других местах массовых казней, осуществленных по решению советского правительства в 1940 г.

Согласно справке наркома внутренних дел Л.П. Берии, представленной И.В. Сталину 1 мая 1944 г., к сентябрю 1941 г. на территории СССР оставалось ранее арестованных

²⁸ Там же. Ф. 15а. Оп. 1917. Д. 7. Л. 1–95.

²⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 26. Д. 357. Л. 132–134. В польской литературе даются несколько иные цифры: на 1 мая 1945 г. штатная численность Войска польского составляла 426,3 тыс. человек, а списочная — 334,8 тыс. человек (*Kospath-Pawłowski E.* Op. cit. S. 321).

³⁰ Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: документы и материалы. Т. 14 (3–1). М., 1994. С. 13.

³¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997. С. 208–210.

³² *Сальков А.П.* «Польский вопрос» и западная граница СССР в советской внешней политике (сентябрь 1939 — июнь 1941 г.) // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Вып. 1. Минск, 2004. С. 216.

и высланных в тыловые районы СССР 389,4 тыс. поляков³³. До 12 августа 1941 г., когда по соглашению с польским правительством в Лондоне все поляки были амнистированы, эти люди были рассеяны по отдаленным уголкам Советского Союза, находились в ссылке, лагерях и рабочих командах. В 1942 г. с армией Андерса было эвакуировано 119,9 тыс. человек, в том числе 76,1 тыс. военнослужащих³⁴. Таким образом, запас лиц, годных к военной службе, которых можно было призвать под польские знамена, существенно сократился. Оценить оставшееся количество бывших польских граждан советские власти постарались заранее, проведя паспортизацию в соответствии с решением СНК СССР от 15 января 1943 г.

К этому времени паспортизации прошли 113 554 бывших польских гражданина, из которых призывного возраста — 39 753 человека³⁵. Всего же в 1943 г. советские паспорта были выданы 165 208 бывшим польским гражданам, 24 151 человек были признаны польскими гражданами, еще 1583 поляка были осуждены за отказ получить советский паспорт. Для советских властей было особенно важным выявление 63 050 лиц призывного возраста³⁶. Это позволяло рассчитывать на сформирование нескольких крупных воинских частей из поляков и, в конце концов, оказало влияние на принятие в начале мая 1943 г. соответствующего государственного решения.

Первые польские формирования — 1-ю польскую дивизию им. Т. Костюшко, а затем 1-й армейский корпус — удавалось в основном комплектовать этническими поляками, причем из числа бывших польских граждан. На комплектование 1-й польской дивизии постановлением ГКО № 3294сс от 6 мая 1943 г. надлежало обратить «бывших польских граждан, поляков по национальности», призыв которых следовало «начать из стройбатальонов всех наркоматов, включая и НКВД». Кроме этого контингента допускался прием добровольцев двух категорий: бывших польских граждан «непольских национальностей», а также поляков, «коренных жителей и граждан СССР»³⁷. Уже к концу мая в Селецкие лагеря в Рязанской области прибыло 15 594 человека при штатной потребности в 12 144 человека³⁸. Значительная часть добровольцев, среди которых было много «бывших осадников³⁹, чиновников и т.п.»⁴⁰, готовилась вступить еще в армию генерала Андерса, однако в связи с лимитированием ее численности в 1941—1942 гг. в ее состав были зачислены далеко не все желающие.

На развертывание дивизии в корпус в августе 1943 г. потребовалось еще 19 тыс. человек. О добровольцах здесь речи уже не шло. По постановлению ГКО № 3904сс от 10 августа 1943 г. призыв проводился «из числа бывших польских граждан польской национальности» в возрасте от 19 до 45 лет, а источником пополнений были названы «стройбаты всех наркоматов». Призыву подлежали все, в том числе забронированные за производствами лица⁴¹. Формировался запасный полк для сосредоточения в Селецких лагерях поляков со всех уголков страны.

Изыскание личного состава для 3-й польской пехотной дивизии, объявленной директивой Генерального штаба Красной армии № Орг/2/14337бсс от 7 декабря 1943 г., осуществлялось уже с заметным напряжением. Директива Генштаба определила не один, как прежде, а сразу пять источников для укомплектования дивизии: переменный состав 1-го польского пехотного запасного полка; сверхкомплектный состав 1-й и 2-й дивизий; военнослужащих поляков,

³³ Советско-польские отношения. Т. 4. С. 494.

³⁴ Там же.

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 11626. Д. 174. Л. 373.

³⁶ Филиппов В., Ларин Г. Указ. соч. С. 50.

³⁷ Советско-польские отношения. Т. 4. С. 406—407.

³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 325. Л. 7—7 об.

³⁹ Осадники (польск. *osadnicy*) — польские колонисты-переселенцы, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активной полонизации территорий, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г.

⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 11626. Д. 339. Л. 91.

⁴¹ Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны. Постановления и распоряжения. Т. 3. Кн. 2 (июль — декабрь 1943 г.). М., 2018. С. 105.

выписываемых из госпиталей; личный состав, прибывающий из лагерей военнопленных⁴²; граждан СССР, поляков по национальности, прибывающих в порядке мобилизации⁴³. Все это говорит о том, что свободные ресурсы лиц польской национальности на территории Советского Союза были на исходе.

При этом после формирования первых польских соединений в Селецких лагерях осталось несколько тысяч человек, отсеянных медицинской комиссией по состоянию здоровья. По мнению властей, они представляли собой «проблему», поскольку «домой вернуть их невозможно, потому что многие из них из лагерей и бывших пленных»⁴⁴. По предложению З. Берлинга этих людей обращали на укомплектование рабочих батальонов в составе польского корпуса и таким образом они оставались в расположении польского лагеря. Всего в 1944 г. числилось 7 таких батальонов по 600 человек в каждом.

В январе 1944 г. 1-й польский армейский корпус, еще не полностью доукомплектованный личным составом, был передислоцирован из лагерей в Сельцах в Смоленскую область. В связи с отправкой был подробно зафиксирован национальный, социальный и профессиональный состав корпуса. Соединение насчитывало 24 660 человек, большинство которых являлись поляками — 20 763 человека (84,1%). Остальные национальности были представлены русскими (553 человека), украинцами (925 человек), белорусами (672 человека), евреями (1737 человек). Офицеры-поляки составляли большинство (74,7%), однако по сравнению с рядовым составом (85,5%) ощущалась их нехватка. Примерно поровну были представлены те, кто служил в Красной армии и в довоенной польской армии (соответственно — 6684 и 6444 человека). 3172 человека воевали против германских или советских войск в сентябре 1939 г. В то же время 5610 человек являлись участниками Великой Отечественной войны — это советские поляки, отозванные с советско-германского фронта и зачисленные в части корпуса. Особенностью 1-го польского корпуса было значительное представительство в его личном составе женщин — 1684 человека. Из них даже сформировали женский пехотный батальон. Большинство женщин — родственницы командного состава, которым было разрешено сопровождать своих мужей и братьев из ссылки в место формирования корпуса. В социальном отношении преобладали крестьяне (37,5%) и рабочие (28,2%), но встречались и экзотические для советской действительности категории, например купцы (1,2%)⁴⁵.

На этапе формирования 1-й польской дивизии им. Т. Костюшко и 1-го польского корпуса в 1943 г. и в первые месяцы 1944 г. Генеральный штаб Красной армии требовал от Главупраформа Красной армии и главных управлений НКВД по возможности твердо соблюдать принцип комплектования польских частей именно поляками⁴⁶. Основная масса поляков призывалась на территории внутренних военных округов (Московский, Архангельский, Приволжский, Уральский, Южно-Уральский, Среднеазиатский, Сибирский), а также невоюющих фронтов (Дальневосточный, Забайкальский, Закавказский). Всего с мая 1943 г. до середины января 1944 г. отсюда было отправлено 34,3 тыс. человек. Это в основном бывшие польские граждане, высланные в отдаленные регионы Советского Союза в 1939—1941 гг. Но уже к 1944 г. этот источник заметно иссяк. В течение 1944 г. из перечисленных войсковых объединений удалось призвать только 10,1 тыс. человек⁴⁷. В начале 1945 г. число выявляемых поляков во внутренних округах Советского Союза сократилось уже до единиц.

Другим источником пополнения польских частей качественным, подготовленным в военном отношении рядовым и начальствующим составом польской национальности являлись части Красной армии, в которых в 1943—1944 гг. несколько раз проводились мероприятия по

⁴² В 1943 г. из лагерей НКВД было освобождено и направлено на формирование национальных частей 803 военнопленных поляка, в 1944 г. — 1130, в 1945 г. — 1 (Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы. М., 2000. Прил. 10).

⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 578. Л. 62, 82.

⁴⁴ Там же. Л. 137.

⁴⁵ Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 202. Оп. 244. Д. 14. Л. 20.

⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 729. Л. 5, 49.

⁴⁷ Там же. Оп. 881806. Д. 208. Л. 50—50 об., 51—51 об.

выявлению этнических поляков и передаче их в польскую армию. Правда, этот источник был относительно немногочисленным. В конце 1944 г. в польские войска из Красной армии было передано около 20 тыс. военнослужащих польской национальности⁴⁸.

Со вступлением советских войск в области Западной Белоруссии и Западной Украины состав пополнений для польских войск существенно изменился. Эти территории, до 1939 г. именовавшиеся в польской традиции «Восточные кресы» (польск. — «окраины»), в период Второй Речи Посполитой в 1920–1930-х годах подверглись интенсивной ассимиляционной политике (полонизации). Хотя значительное число поляков было выселено отсюда в 1939–1941 гг., тем не менее в 1944 г. польское командование рассчитывало призвать отсюда до 130 тыс. военнообязанных польской национальности возрастом до 1926 г. рождения⁴⁹. Освобождение этих земель началось в зимнюю кампанию 1943/1944 гг., и уже в феврале стали поступать первые мобилизованные поляки из Ровненской области УССР⁵⁰.

Имея в виду именно грядущее расширение мобилизационной базы для польских войск, в марте 1944 г. СПП в СССР обратился к советскому правительству с просьбой о дальнейшем расширении польских формирований. 24 марта 1944 г. Генеральный штаб Красной армии дал указание командующим войсками 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов о порядке мобилизации военнообязанных на освобожденной территории Западной Украины. В частности, предписывалось мобилизованных поляков направлять в Польский запасный полк в город Сумы, где разместилась польская учетно-призывная комиссия⁵¹.

Разумеется, провести мобилизацию самостоятельно в областях, присоединенных к СССР в 1939 г., советское правительство полякам не позволило. Военнообязанные призывались советскими местными органами военного управления (военкоматами) или полевыми армейскими органами комплектования. Уже по прибытии в запасные части новобранцы-поляки отделялись от основной массы призванных и направлялись в польские части⁵². Весной 1944 г. район формирования частей и соединений 1-й польской армии был перемещен ближе к месту комплектования людскими ресурсами — в район Новограда-Вольнского и Житомира⁵³. Допускалось участие в призывной кампании польских офицеров, которые должны были проводить разъяснительную работу с польскими призывниками и населением. Правда, эта деятельность советскими военными органами часто оценивалась негативно, поскольку, вербуя местных жителей, польские офицеры давали им несбыточные обещания по поводу послевоенного обустройства польского государства, и в частности восстановления его восточной границы с Советским Союзом. В начале 1945 г. от услуг польских офицеров отказались, но, как сообщалось, они «по-прежнему ходят по западным областям БССР и распространяют вражеские националистические слухи среди населения, направленные на отрыв Западной Белоруссии от Советского Союза»⁵⁴.

Оценивая политические настроения польского пополнения, заместитель начальника политуправления Белорусско-Литовского военного округа подполковник Я.И. Чистогов в своем донесении начальнику Главного политуправления РККА генерал-полковнику С.А. Щербаккову отмечал, что «значительная часть пополнения польской национальности заражена реакционно-националистической пропагандой»⁵⁵. Ходили слухи, что Польша как государство будет восстановлена в довоенных границах, что Красная армия в борьбе с немцами будет ослаблена, и тогда можно будет изгнать ее из страны.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Kospath-Pawłowski E.* Op. cit. S. 137.

⁵⁰ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 134.

⁵¹ Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы. 1943 г. Т. 23 (12–3). М., 2000. С. 116.

⁵² ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 42.

⁵³ Там же. Ф. 7. Оп. 30. Д. 729. Л. 200.

⁵⁴ Там же. Оп. 881806. Д. 208. Л. 164.

⁵⁵ Там же.

В свою очередь, польские офицеры отмечали, что мобилизация поляков проводилась часто без необходимой разъяснительной работы, грубо, по ночам. Даже несмотря на то что среди первых мобилизованных было много партизан, мотивированных на продолжение вооруженной борьбы с нацистами, а также с украинскими националистами, недоверие к советской власти было чрезвычайно глубоким. Призывники «думали, что, может быть, их опять арестовывают и хотят везти в Сибирь»⁵⁶. Эта ситуация повторялась и в дальнейшем. Во время мобилизации в Западной Украине, объявленной в конце июля 1944 г., польские представители отмечали, что мероприятие «идет туго», потому что «народ не знал, куда идет», и требовалось «ознакомление поляков с тем, что [они] идут [именно] в польскую армию»⁵⁷. Следствием недоверия местного населения к Красной армии было то, что многие жители уклонялись от мобилизации, дезертировали по пути в запасные части. Как отмечал в своем отчете офицер польской учетно-призывной комиссии Мазурек, лишь по прибытии в Сумы призывников оставило «угнетенное настроение»: «Польские мундиры, орлы и знамена, польская команда развеяли последние сомнения относительно характера нашей армии. Это настроение отражается в разговорах между ними и в письмах к семьям»⁵⁸.

Довольно вялая мобилизация поляков не позволяла рассчитывать на укомплектование всех запланированных новых формирований. К 1 мая 1944 г. с территории Западной Украины было мобилизовано и передано на укомплектование польских войск лишь 34,6 тыс. поляков⁵⁹. В связи с этим в апреле 1944 г. З. Берлинг предложил мобилизовать в польскую армию также всех военнообязанных поляков из числа коренных уроженцев и граждан Советского Союза, т.е. тех, кто до 1939 г. не проживал на территории Польши или западных областей Украины и Белоруссии. Но таковые по постановлению ГКО № 3294сс от 6 мая 1943 г. призывались в польскую армию только добровольно. К тому же поляков-граждан из числа коренных уроженцев Советского Союза в 1944 г. на воинском учете оставалось всего 3,6 тыс. человек. Поэтому Берлингу в его просьбе было отказано⁶⁰.

Между тем вопрос об укомплектовании польских частей личным составом становился все острее. Проблема была решена за счет вливания в их состав мобилизованных в 1944 г. уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии, именуемых в советской документации *западниками*. Вопрос об этническом составе этого пополнения непрост. В течение 1944 г. в западных областях Украинской и Белорусской ССР было призвано и направлено в польскую армию 156 770 человек⁶¹. В официальных документах они проходят как «лица польской национальности (граждане СССР и бывшие граждане Польши)»⁶². Однако в сохранившихся рабочих материалах Мобилизационного управления Главупраформа напротив многих цифровых показателей отчета о призыве в польскую армию стоят карандашные пометы: «*укр.*» (в сумме отмечено 100 497 человек) или «*бел.*» (в сумме отмечено 29 767 человек)⁶³, что может указывать на то, что 130,3 тыс. человек (83,1% призванных) не являлись этническими поляками. Направление западных белорусов и украинцев в польские части было вполне осознанной политикой в условиях острой нехватки пополнений для организационно стремительно растущих союзных Красной армии войск.

⁵⁶ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 135.

⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 172. Л. 565.

⁵⁸ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 135.

⁵⁹ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 231. Л. 18. Уполномоченный Ставки ВГК по иностранным формированиям комиссар госбезопасности 3 ранга Г.С. Жуков приводил еще меньшую цифру. По его данным к 13 июня 1944 г. в Западной Украине призвано лишь 30 350 поляков (ЦАМО РФ. Ф. 19. Оп. 11539. Д. 72. Л. 16).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 115. Всего с июня 1944 по май 1945 г. было мобилизовано 638 672 *западника* (Там же. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 919. Л. 221–222).

⁶² Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 115.

⁶³ Там же. Л. 50–50 об., 51–51 об.

В источниках сохранилось немало других косвенных указаний на то, что в этот период в польские войска в связи с нехваткой этнических поляков поступали именно украинцы и белорусы, мобилизованные в Львовском, Киевском и Белорусско-Литовском военных округах. Например, по Пинской области Белорусской ССР подлежало мобилизации 24 017 человек, из которых только 1571 человек являлись поляками. Между тем в центры формирования польских частей — на станции назначения Хелм, Люблин, Житомир — в августе 1944 г. из этого количества было направлено 10 863 человека⁶⁴.

При этом довольно часто украинское и белорусское население не только не противилось зачислению их в польские войска, но намеренно выдавало себя за поляков, чтобы не оказаться в Красной армии⁶⁵. Объяснений этому несколько. Главное из них — сохранявшееся недоверие к советской власти. Командование Красной армии было обескуражено сменой настроений населения Украины и Белоруссии по мере продвижения фронта на запад. *Западники*, хотя и не были обласканы немецкими оккупантами, но жили при них достаточно зажиточно, держали скот и птицу, возделывали поля. Они не подверглись тотальному террору, угону и разграблению, физическому уничтожению, подобно, например, населению восточных областей Белоруссии. Советской власти они почти не знали и советские войска встречали крайне настороженно. Всех поголовно волновал один вопрос: «будут ли брать в Красную армию всех мужчин от 14 до 70 лет?»⁶⁶.

Сказывались и другие факторы. В Белоруссии, в частности, это традиция полонизации местного населения в 1920–1930-е годы, которая, особенно среди белорусов-католиков, имевших слабую этническую, но сильную религиозную идентичность, имела заметный успех. Кроме того, с бытовой точки зрения население Западной Белоруссии было более привычно к польскому языку, менталитету, праву. Многие до войны служили в польской армии⁶⁷.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов вездесущие слухи и сведения от родственников, опираясь на которые, местные жители не без оснований полагали, что, попав в ряды Красной армии, они вскоре окажутся на линии фронта⁶⁸, а в польских частях новобранцы, напротив, месяцами оставались на формировании и занимались боевой учебой в глубоком тылу. Действительно, местное население могло заметить, что пополнение в запасных частях Красной армии не задерживалось, немедленно направляясь на фронт. Это объясняется тем, что непрерывно наступавшие части испытывали острую потребность в пополнении. Польские же части, напротив, придерживались и не вводились в бой до июля 1944 г.

Поэтому для определения национальности военнообязанных на местах приходилось создавать специальные комиссии, в которые включались представители райвоенкоматов, райисполкомов и райкомов партии. Пользуясь поселковыми книгами, паспортами и другими документами, они устанавливали действительную национальность местных жителей. При упрощенном подходе самым надежным маркирующим признаком считалось вероисповедание. Например, в Белоруссии католики записывались в «поляки», а православные — в «белорусы». Штаб Белорусско-Литовского военного округа дал этому процессу парадоксальное определение: «выявление поляков из числа белорусов»⁶⁹. Более глубокая экспертная работа по национальной идентификации военнообязанных требовала, чтобы в первую очередь «обращалось внимание не на вероисповедание (так как и настоящие белорусы имеют католическое вероисповедание), а на оседлость, быт, где родился и где проживал сам призывник и его семья»⁷⁰. При этом, уверял вышестоящее руководство командующий войсками БЛВО

⁶⁴ Там же. Ф. 56. Оп. 12214. Д. 596. Л. 239.

⁶⁵ Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 164.

⁶⁶ Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 7. Оп. 307. Д. 15. Л. 4.

⁶⁷ Грибовский Ю. В. Указ. соч. С. 94–96.

⁶⁸ Уже к началу 1945 г. большинство из почти 640 тысяч *западников*, призванных во второй половине 1944 г., были с маршевым пополнением отправлены на фронт (ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12236. Д. 919. Л. 221–222).

⁶⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 70–72.

⁷⁰ Там же. Д. 205. Л. 67.

генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев, при отсутствии у призывника необходимых для определения национальности документов комиссии руководствовались личным заявлением призываемых о национальности и «никаких мер, ...стесняющих военнообязанных в определении их национальности, не применялось»⁷¹. На деле далеко не всегда сжатые сроки, масштабы и массовость мобилизаций — а призывались одновременно десятки возрастов — позволяли проводить столь тщательное изучение призывного контингента. Командир польской кавалерийской дивизии генерал-майор В.А. Радзиванович свидетельствовал, что в лагерях в Сумах «прием, распределение и размещение людей осуществлялись по конвейерной системе, с упрощенной документацией»⁷². Не говоря о том, что повсеместно наспех собранные призывные комиссии обладали невысокой квалификацией в области учетно-мобилизационной работы и еще худшей экспертизой в этнолингвистических вопросах.

Польские офицеры, инспектировавшие польские части, в которых готовились мобилизованные из БССР и УССР, отмечали особенности этого контингента. Так, в 4-й бригаде противотанковой артиллерии в августе 1944 г. инспектор застал такую картину: «19-й и 20-й полки бригады преимущественно состоят из крестьян Тернопольской земли. В основном — украинцы. Статистически их тяжело выделить, поскольку они выдаются поляками. Представляют собой, как и все остальные солдаты из-за Буга, малограмотный элемент... Физически подготовлены хорошо, но наблюдается полное отсутствие военного воспитания...»⁷³.

Таким образом, в течение первой половины 1944 г. польские войска пополнялись в значительной степени непольскими рядовым составом. Однако современное состояние исторической базы не позволяет достоверно определить число и долю лиц с «вмененной» польской идентичностью. В целом же для укомплектования польских частей за 1943, 1944 и в начале 1945 г. в порядке выполнения шести директив⁷⁴ Главупраформа Красной армии военными округами и фронтами Красной армии было призвано на военную службу или выделено из воинских частей и отправлено на укомплектование польских войск 223 916 человек. Больше всего призвали гражданского населения или выделили из рядов военнослужащих Белорусско-Литовский, Киевский, Львовский военные округа, военкомат Литовской ССР и 1-й Украинский фронт, на которые в совокупности пришлось 77% пополнений для польской армии⁷⁵.

Кроме мобилизуемых жителей западных областей Белоруссии и Украины со «вмененной» польской идентичностью, в части польской армии поступали десятки тысяч рядовых красноармейцев и сержантов самых различных национальностей, передаваемых польскому командованию в составе своих воинских частей. Такие части (авиационные, танковые, технические) переименовывались в польские, получали новую нумерацию и переподчинялись польскому командованию, но по составу оставались прежними. Вопрос о смене такими военнослужащими гражданства не стоял. Они считались откомандированными в Войско польское и оставались военнослужащими Красной армии. В феврале 1945 г. таких красноармейцев и сержантов насчитывалось до 20 тыс. человек⁷⁶. Всего по состоянию на 1 января 1945 г. в числе 259 179 рядовых и подофицеров Войска польского числилось, кроме лиц, проходивших по учету как поляки, 10 832 русских, 3292 украинца, 1554 белоруса, 5135 евреев, 756 представителей других национальностей⁷⁷.

В 1944 г. военнообязанные поляки, обладавшие советскими паспортами, как и польские евреи, относились к категории «временно освобожденных от призыва до особого указания», т.е. не призывались в ряды Красной армии общим порядком. В частности, это положение

⁷¹ Там же.

⁷² Радзиванович В.А. Под польским орлом. М., 1959. С. 22.

⁷³ Цит. по: Грибовский Ю.В. Указ. соч. С. 103.

⁷⁴ Директивы ГУФ КА № М/1/1066, М/1/1436 за 1943 г., М/1/57, М/1/76, М/1/1825, М/1/1826 за 1944 г.

⁷⁵ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 50–50 об., 51–51 об.

⁷⁶ Там же. Л. 191–192.

⁷⁷ Филиппов В., Ларин Г. Указ. соч. С. 86.

было оговорено постановлениями ГКО № 6784сс и 6786сс от 25 октября 1944 г., объявлявшими порядок очередного военного призыва в Красную армию молодежи 1926 и 1927 гг. рождения⁷⁸. Но несмотря на то, что этнические поляки из западных областей Украины и Белоруссии должны были отправляться в польские запасные части, немало их попадало в запасные и боевые части Красной армии. Комплектование красноармейских частей отобюрокраженными в западных областях СССР поляками было достаточно массовым явлением, что видно из приведенной ниже таблицы, иллюстрирующей трехкратный прирост численности поляков в частях Красной армии именно в последний период войны.

Таблица

Численность поляков в рядах Красной армии в 1940–1945 гг.⁷⁹

Дата	1.7.40	1.1.41	1.7.42	1.1.43	1.7.43	1.1.44	1.7.44	1.1.45
Всего	2558	9886	7212	5603	6795	8228	18871	24180
В том числе начсостав	798	931	1704	1558	1610	1246	Нет данных	1069

Примечание. Статистические данные за первый год Великой Отечественной войны не выявлены.

С поляками, мобилизуемыми в советские войска, нередко возникали инциденты: они отказывались служить в Красной армии и требовали отправки именно в польские части. Они выражали свой протест тем, что «не берут оружия, не выходят на занятия и отказываются принимать военную присягу»⁸⁰. Если ситуация доходила до острого конфликта и поляки ультимативно требовали отчислить их из Красной армии, то, по специальному указанию Главупраформа, они изымались «из запасных частей округа и направлялись на лесозаготовки»⁸¹. Ситуация, когда областные военкоматы «под разными предлогами пытались направлять их [поляков] в запасные дивизии под видом белорусов»⁸², была не единичной и вызывалась прозаической причиной: военкоматам требовалось выполнить основной для них наряд на призыв в Красную армию, и поэтому «подчищались» все категории граждан, которые призывались особым порядком, в частности поляки.

Справедливости ради, следует отметить, что существовал и обратный поток: из польской армии — в Красную. Как правило, советские поляки из центральных областей страны, не знавшие польского языка, тяготились незнакомой им культурной и языковой средой и просили о переводе в части Красной армии. Такие просьбы рассматривались индивидуально⁸³.

Между тем с продвижением линии фронта на территорию Польши ситуация с комплектованием польских вооруженных сил коренным образом изменилась. Польше на заключительном этапе войны предстояло стать основным театром военных действий. По мере приближения государственной границы вопрос о польских воинских формированиях приобретал все более отчетливое политическое звучание. В январе 1944 г. стоявшие на левой платформе политические силы Польши провозгласили формирование представительного органа — Крайовой рады народной (председатель — Б. Берут) и ее вооруженных сил — Армии людовой, действовавшей нелегально на оккупированной территории страны. Крайова рада народа была признана советским правительством как представительный орган власти польского народа.

⁷⁸ Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг.: сб. документов. Алматы, 2010. С. 514.

⁷⁹ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234. Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

⁸⁰ Там же. Д. 207. Л. 163.

⁸¹ Там же. Д. 208. Л. 165.

⁸² Там же. Л. 163.

⁸³ Там же. Л. 154.

21 июля 1944 г. в только что освобожденном советскими войсками Люблине было объявлено решение Крайовой рады народной о создании временного органа исполнительной власти на освобожденной территории Польши — Польского комитета национального освобождения (ПКНО) (председатель — Э. Осубка-Моравский). Эмигрантское правительство в Лондоне и Армия крайова были объявлены вне закона. Новые органы власти Польши также немедленно были признаны Советским Союзом.

Одновременно было создано Главное командование польских вооруженных сил (Главкомандующий — М. Роля-Жимерский, заместители — З. Берлинг, А. Завадский, начальник штаба — М. Спыхальский), объединившее партизанскую Армию людову (насчитывавшую, по официальным данным, 60 тыс. человек⁸⁴) и 1-ю польскую армию в единое Войско польское. Строптивый генерал Берлинг постепенно был отодвинут на задний план, а в ноябре 1944 г. отправлен в Москву на курсы Академии Генерального штаба Красной армии и до весны 1947 г. не мог вернуться в Польшу, оставшись не у дел⁸⁵.

26 июля 1944 г. в Москве был подписан ряд соглашений с ПКНО, регулировавших пребывание советских войск на территории Польши как «независимого дружеского государства» и их взаимоотношения с польскими войсками. Советское правительство было подчеркнуто деликатным, заверив формирующиеся польские органы власти в том, что оно «не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа»⁸⁶. Главному командованию польских вооруженных сил передавались все полномочия «по дальнейшей организации и укомплектованию польского войска»⁸⁷. Теперь польские войска подчинялись советскому командованию лишь в оперативном отношении и должны были участвовать в боевых действиях только на территории Польши. По просьбе польской стороны советские войска уже в начале августа полностью были выведены из районов Хелм, Люблин, Красный Став. Первый освобожденный регион так называемой «Центральной Польши» (территории, лежащей к западу от Западного Буга) был демонстративно занят польскими гарнизонами; сюда из Житомира и Новограда-Волынского были переведены органы управления, тылы и запасные части Войска польского⁸⁸.

С возрождением польской государственности, острой политической борьбой между поддерживаемыми Москвой левыми силами и международнопризнанным польским правительством в эмиграции связан и новый этап в строительстве польских вооруженных сил. Документы советского военного ведомства однозначно указывают на то, что инициатором всех польских формирований в 1944 и 1945 гг. являлись ПКНО и польское командование, все больше обретавшие политическую субъектность. Хотя в материальном отношении польская армия абсолютно зависела от органов снабжения Красной армии, ее командование уже вовсе не ощущало себя безвольным исполнителем курса советского руководства. Напротив, правильно понимая геополитическое значение Польши на карте послевоенной Европы, поляки без труда добивались создания новых и новых формирований за счет советской стороны. Очевидно, заглядывая за уже хорошо различимый горизонт окончания войны, польская сторона намеревалась взять у советских союзников максимум возможного.

До июля 1944 г. двигателем развития польских войск был генерал З. Берлинг, а затем его сменил назначенный Главкомандующим Войском польским генерал М. Роля-Жимерский. Оба польских генерала неоднократно лично были приняты И.В. Сталиным, который, как правило, удовлетворял большинство их просьб. Роля-Жимерский продолжил линию Берлинга, настаивая на увеличении масштаба строительства польских войск.

Весной и летом 1944 г. польское командование буквально «бомбардировало» советское политическое и военное руководство проектами расширения воинских формирований.

⁸⁴ Шинкарев И.И. Указ. соч. С. 58.

⁸⁵ Носкова А.Ф. Генерал Зигмунд Берлинг. С. 275.

⁸⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1946. С. 154–155.

⁸⁷ Внешняя политика Советского Союза... Т. 2. С. 157–159.

⁸⁸ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 583. Л. 5.

В совокупности формировалось две польские армии и фронтовое управление («Польский фронт») с соответствующими средствами усиления и снабжения, а также восемь пехотных дивизий, артиллерийские, минометные и инженерно-саперные бригады, зенитные дивизии, танковые полки, авиационный корпус, военные училища различного профиля, части обслуживания и боевого обеспечения, тыловые учреждения⁸⁹. На встрече со Сталиным 6 июля 1944 г. М. Роля-Жимерский заверил, что готов создать миллионную армию, основываясь на предвоенных расчетах ежегодного призыва в 200 тыс. человек. Этот замысел представлялся ему вполне реалистичным, учитывая, что пять самых младших возрастов после 1939 г. не призывались в армию. К тому же Роля-Жимерский полагал возможным привлечь в Войско польское бойцов Армии крайовой, обескровив тем самым вооруженные силы эмигрантского правительства⁹⁰.

К осени количество одновременно формируемых войсковых единиц для Войска польского превысило четыре сотни — от центральных органов управления, дивизий и бригад до отдельных подразделений⁹¹. Масштаб развернутого в Польше военного строительства вызывал скептическое отношение в Генеральном штабе Красной армии. 1 сентября 1944 г. заместитель начальника Генерального штаба Красной армии А.И. Антонов направил Уполномоченному СНК СССР при ПКНО генерал-полковнику Н.А. Булганину телеграмму с просьбой «переговорить» с главнокомандующим Войска польского генерал-полковником М. Роля-Жимерским, уже «мечтавшим о миллионной армии»⁹², о нецелесообразности создания новых польских формирований. Антонов в довольно раздраженном тоне отмечал, что ходатайства о новых формированиях поступают в тот момент, когда уже существующие польские части имеют некомплект до 175 тыс. человек или 45% от штатной численности. Обеспечение новых боевых сухопутных войск (без учета ВВС, тыловых, обеспечивающих и обслуживающих частей) требовало 103,5 тыс. человек, не говоря о продолжающихся формированиях и необходимости пополнений действующих войск⁹³.

Таким образом, мобилизация на освобожденной территории «Центральной Польши» становилась краеугольным камнем дальнейшего развертывания военного строительства в Польше. Немедленно начать мобилизацию на освобождаемых землях нужно было не только для того, чтобы заложить основу польской национальной армии, но и чтобы выбить почву из-под ног Армии крайовой, руководство которой также рассчитывало на мобилизацию населения как на оккупированной, так и на освобожденной польской земле и даже планировало проведение «полной мобилизации» «по всей Польше»⁹⁴.

По соглашению между советским правительством и ПКНО была определена граница между СССР и Польшей по линии, в значительной степени повторявшей линию Керзона, разработанную Антантой в 1919 г.⁹⁵ и получившую свое название в 1920 г. По этой же линии определялись суверенные права двух государств на проведение мобилизаций для комплектования национальных вооруженных сил. Всего с территории восточных регионов Польши с населением примерно 6 млн человек польское правительство рассчитывало мобилизовать в Войско польское до 390 тыс. человек всех возрастов⁹⁶.

Между тем состояние военно-мобилизационного аппарата (военкоматов) польских вооруженных сил не соответствовало темпам организационного роста польской армии. Ее мобилизационные органы еще не имели опыта воинского учета населения и мобилизации военно-обязанных. В связи с этим Военный совет 1-й польской армии предлагал советской стороне

⁸⁹ Там же. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 25. Л. 1–4.

⁹⁰ *Stańczyk H., Zwoliński S.* Op. cit. S. 134.

⁹¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 175.

⁹² *Kospath-Pawłowski E.* Op. cit. S. 136.

⁹³ Русский архив. Т. 23 (12–4). С. 396–397.

⁹⁴ Там же. Т. 14 (3–1). С. 237, 330–331.

⁹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 198. Л. 340–342.

⁹⁶ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 341.

взять дело мобилизации польского населения на себя⁹⁷. Однако эта просьба сразу была отклонена И.В. Сталиным. Советский лидер резонно полагал, что одна только весть о мобилизации поляков силами Красной армии будет истолкована «силами реакции» и частью населения как насильственная мобилизация поляков в Красную армию. Поэтому Главному штабу польских формирований и Военному совету 1-й польской армии было предложено самим осуществить мобилизацию в польскую армию на всей освобожденной территории страны.

15 августа на освобожденной части Польши к востоку от Вислы была объявлена мобилизация. Советские военные власти демонстративно от нее дистанцировались. В инструкции советским военным комендантам специально оговаривалось, что «правом мобилизации военнообязанных на освобожденной территории Польши пользуется только ПКНО как правительственный орган суверенного государства». Правда, допускалось, что «по поручению» комитета мобилизация «может проводиться также командованием Красной армии»⁹⁸. Также отдельно для советских органов комплектования было оговорено, что на территории, подконтрольной польскому правительству, польские граждане — белорусы и украинцы по национальности — подлежали призыву в Красную армию только на добровольных началах⁹⁹. 31 июля 1944 г. специальной директивой Ставки Верховного Главнокомандующего за подписью И.В. Сталина было объявлено обращение ко всем гражданам Польши о порядке мобилизации. Командующие войсками фронтов, действующих в Польше, а также командующий 1-й польской армии обязаны были всеми мерами обеспечить доведение информации до широких слоев населения¹⁰⁰. Любые другие организации, прежде всего ассоциированные с эмигрантским правительством, мобилизовывать польское население не имели права под страхом «немедленного ареста, как агенты немцев».

В то же время, оставаясь в тени, советская сторона подробно и всесторонне разработала порядок мероприятий и документацию по проведению мобилизации: постановление Комитета национального освобождения, приказ о призыве, учетно-мобилизационные документы, инструкции. Все эти документы были согласованы и утверждены генералом М. Роля-Жимерским. Для обеспечения мобилизации 1-й Белорусский фронт выделил 150 тыс. комплектов обмундирования и 150 тыс. суточных пайков на 10 суток. Также было выделено 700 грузовиков¹⁰¹. Дополнительно была развернута сеть запасных частей¹⁰².

Первоначально призыву подлежали военнообязанные 1921–1924 гг. рождения и весь личный офицерский состав — всего 137 тыс. человек¹⁰³. Кроме того, одновременно с мобилизацией планировалась регистрация военнообязанных десяти возрастов от 1911 по 1920 г. рождения (24–33 лет). Генеральный штаб Красной армии, опираясь на свой опыт, оценивал возможности мобилизации более скромно — призыв четырех возрастов, по его оценке, мог дать 75–80 тыс. человек¹⁰⁴.

Реальные результаты оказались еще более скромными: к 15 сентября прошло процедуру призыва 68,3 тыс. человек, а было зачислено в войска только 45,9 тыс. человек¹⁰⁵. Сказалась поспешность в организации мобилизации, проявившаяся в слабой изученности польским командованием мобилизуемого контингента, «надуманности расчетов», а также неподготовлен-

⁹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 30. Д. 729. Л. 241.

⁹⁸ Документальная коллекция НИИВИ. Ф. 7. Оп. 307. Д. 15. Л. 10–11.

⁹⁹ Там же. Ф. 202. Оп. 244. Д. 7. Л. 280.

¹⁰⁰ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 333.

¹⁰¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 175.

¹⁰² К середине сентября в польской армии имелось четыре запасных пехотных полка, 4 отдельных запасных пехотных батальона, 1 запасный арtpолк, 1 запасный саперный полк, 1 запасный полк связи, 1 учебный танковый полк и 1 запасный кавалерийский полк. Для сравнения: в Красной армии на одну общевойсковую армию приходился один запасный полк (Там же. Ф. 7. Оп. 30. Д. 583. Л. 70).

¹⁰³ Там же. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 172.

¹⁰⁴ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 341.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 172.

ности инфраструктуры для приема десятков тысяч новобранцев: большинство намеченных к формированию боевых и запасных частей только начинали развертываться; обмундирование и пайки не были заготовлены¹⁰⁶. Списочная численность запасных частей была превышена вдвое по отношению к штатной (49 тыс. человек против 24,6) и была не готова к приему больших масс военнообязанных¹⁰⁷. «Чтобы не скомпрометировать правительственное мероприятие», по предложению советской стороны пришлось большую часть мобилизованных временно распустить по домам и вторично призвать уже в сентябре¹⁰⁸. 30 октября 1944 г. была объявлена вторая мобилизация старших возрастов рядового и сержантского состава. Общий результат двух мобилизаций в Восточной Польше составил 121 769 человек¹⁰⁹.

Комплектование Войска польского на территории Польши столкнулось с активным пропагандистским противодействием со стороны Армии крайовой, имевшей высокий авторитет среди населения как сила, которая вела подпольную борьбу с немецкими оккупантами на протяжении нескольких лет. «Аковцы» использовали жупел, действовавший на многих поляков безотказно: перспективу новой сибирской ссылки для мобилизованных вместо строительства польских вооруженных сил. При невозможности уклониться от призыва командование Армии крайовой официально разрешило полякам вступать в «армию Берлинга», рассчитывая на насыщение ее своей агентурой¹¹⁰. Достаточно многочисленные случаи уклонения от мобилизации и дезертирства из Войска польского — результат этой пропаганды.

В конце концов, в ноябре 1944 г. едва начатое формирование 3-й польской армии и управления Польского фронта с фронтовыми частями усиления пришлось отменить — не хватало ни людей, ни снаряжения, ни вооружений, ни боеприпасов¹¹¹.

Ситуация с комплектованием польской армии людьми принципиально изменилась лишь в январе 1945 г., когда в результате нового мощного наступления советские войска совместно с частями Войска польского вышли на польско-германскую границу. Немедленно развернувшаяся мобилизация на освобожденной территории Польши, значительно более населенной, чем восточная часть страны, и менее пострадавшей от войны, привела к быстрому переполнению штатной емкости запасных частей. К концу мая 1945 г. было мобилизовано 196,5 тыс. человек, а взято на воинский учет 1076,4 тыс. человек¹¹². Это позволило 10 марта 1945 г. окончательно прекратить призыв поляков и отправку их в польские запасные части из военных округов на территории СССР¹¹³, поток которых, впрочем, был уже совсем незначительным.

Именно с освобождением территории Польши к западу от Вислы была связана последняя мощная волна организационного развития польской армии. Главнокомандующий Войском польским М. Роля-Жимерский предлагал сформировать в течение 1945 г. без малого 17 новых пехотных дивизий, несколько корпусных управлений с комплектом частей усиления, обеспечения, снабжения. Общее число формирований на год по его плану составляло 245,8 тыс. человек¹¹⁴, т.е. численность польской армии фактически удваивалась по сравнению с уровнем начала 1945 г. 21 февраля 1945 г. И.В. Сталин согласовал большую часть плана, в том числе формирование 10 пехотных дивизий¹¹⁵. Его реализация пришлось уже на послевоенное время — на второе полугодие 1945 г. Вопросы строительства польской армии в мирное время не входят в задачи данной статьи, однако подчеркнем, что польская сторона уже полностью

¹⁰⁶ Там же. Л. 174. В польской литературе именно неготовность инфраструктуры называют причиной неудачи августовской мобилизации и последовавшего дезертирства мобилизованных (Stańczyk H., Zwoliński S. Op. cit. S. 140).

¹⁰⁷ Kospath-Pawłowski E. Op. cit. S. 140.

¹⁰⁸ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11456. Д. 808. Л. 174.

¹⁰⁹ Грибовский Ю.В. Указ. соч. С. 102.

¹¹⁰ Русский архив. Т. 14 (3–1). С. 467.

¹¹¹ Stańczyk H., Zwoliński S. Op. cit. S. 138.

¹¹² Kospath-Pawłowski E. Op. cit. S. 209.

¹¹³ ЦАМО РФ. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 208. Л. 119–120.

¹¹⁴ Штатный состав Войска польского по состоянию на 3 февраля 1945 г. насчитывал 305 738 человек, списочный состав — 292 952 человека (Там же. Оп. 30. Д. 252. Л. 149).

¹¹⁵ Там же. Л. 34–36.

рассчитывала на свои силы в части мобилизации военнообязанного населения и укомплектования формируемых частей, а также частично — и их материального оснащения. Характерно, что постановление ГКО № 7559сс от 21 февраля 1945 г. впервые за всю войну не содержало мер по изысканию людских ресурсов для новых формирований. Лишь недостающая материальная часть и оружие были получены из Советского Союза¹¹⁶.

Сложная, местами запутанная этнополитическая среда, в которой зарождалась армия Польской Республики, не могла в послевоенное время не создать проблем с размежеванием между ней и «материнской» Красной армией. Ведь длительное время Войско польское комплектовалось советскими гражданами, которым это гражданство фактически было навязано в порядке исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. «О приобретении гражданства СССР жителями западных областей Украинской и Белорусской Советских Социалистических Республик». Кроме того, в рядах польской армии были и добровольцы — советские граждане, поляки по национальности. Наконец, бывшие польские граждане служили и в Красной армии. Эти коллизии требовали правового разрешения, заключавшегося в определении гражданства для различных категорий личного состава Войска польского.

Еще 22 июня 1944 г., в преддверии крупномасштабного наступления Красной армии на территории Польши, был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О праве перехода в польское гражданство военнослужащих польской армии в СССР и лиц, помогавших ей в борьбе за освобождение Польши, а также членов их семей». «В порядке особого изъятия» из действия указа от 29 ноября 1939 г. разрешалось приобретение польского гражданства двум категориям граждан: во-первых, жителям западных областей БССР и УССР, приобретшим советское гражданство по указу от 29 ноября 1939 г.; во-вторых, военнослужащим польской армии польской национальности, являющимся советскими гражданами — уроженцами других областей СССР; в-третьих, лицам, оказывавшим активное содействие польской армии в ее борьбе за освобождение Польши от немецко-фашистских захватчиков; в-четвертых, членам семей первых трех указанных категорий. Дополнительным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1944 г. право получения польского гражданства было распространено на этнических поляков, приобретших советское гражданство по указу от 7 сентября 1940 г. после образования Литовской ССР¹¹⁷.

По указам от 22 июня и 14 июля 1944 г. большинство бывших польских граждан и советских этнических поляков, служивших в Войске польском, получили возможность приобрести польское гражданство и перевезти в Польшу свои семьи. Однако этим все спорные ситуации, касавшиеся гражданства, не исчерпывались. Обе армии начали демобилизацию, и вопросы о гражданстве возникали вновь и вновь.

6 июля 1945 г. между советским правительством и временным правительством национального единства Польской Республики (председатель — Э. Осубка-Моравский), образованным незадолго до этого, было заключено соглашение, согласно которому военнослужащие Красной армии — по национальности поляки и польские евреи, состоявшие в польском гражданстве до 17 сентября 1939 г., могли до 1 января 1946 г. по команде подать заявление о выходе из советского гражданства и принятии польского. Заявления через штаб округа направлялись в Главупраформ Красной армии, который затем направлял их на рассмотрение Комиссии Президиума Верховного Совета СССР по вопросам приема, выхода и лишения гражданства СССР¹¹⁸. Процедура доказательства для заявителей была предельно упрощена — требовалось предъявить любой документ, подтверждавший факт проживания, работы, учебы на территории Польши в границах до 17 сентября 1939 г.¹¹⁹ Большинство заявителей по межправительственному соглашению от 6 июля 1945 г. являлись польскими евреями, которым в свое время

¹¹⁶ Великая Отечественная. Государственный Комитет Обораны... Т. 5. Кн. 1. С. 170–172.

¹¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 60. Л. 356–356 об.

¹¹⁸ Там же. Л. 4.

¹¹⁹ Там же. Л. 315.

было отказано в зачислении в польскую армию. Заявления не принимались у представителей других национальностей (украинцев, белорусов, русских), даже если они являлись польскими гражданами до 1939 г. Этой категории граждан предлагалось подавать заявления о выходе из советского гражданства общим порядком через визовые отделы НКВД по месту жительства¹²⁰.

18 августа 1945 г. демобилизацию начало Войско польское. С этого момента через запасные полки Северной группы войск осуществлялся возврат на родину советских граждан. Демобилизации и оставлению в Польше (по желанию) подлежали этнические поляки, а также жители Западной Украины и Западной Белоруссии. Остальные возвращались в СССР, причём военнотрудовые моложе 1915 г. рождения распределялись в части Красной армии для продолжения службы, поскольку возраста младше 1915 г. рождения не демобилизовались.

Подводя итог анализу процессов комплектования польской армии, созданной в 1943–1945 гг. усилиями политического руководства страны и военного ведомства, следует отметить, что, несмотря на сложные условия комплектования польской армии рядовым и подофицерским составом, связанные с политическими и демографическими причинами, в целом эта задача была решена успешно. Сотни тысяч военнотрудовых Войска польского принимали участие в сражениях последнего периода Великой Отечественной войны в одном ряду с воинами Красной армии, разделив с ними тяжести и общую радость победы над германским нацизмом.

В процессе комплектования польских войск можно выделить три основных этапа (призывы из числа административно выселенных и интернированных; мобилизации среди населения западных областей УССР и БССР; мобилизации на территории Польши), каждый из которых усложнял национальный и социальный портрет личного состава. Ещё сложнее была ситуация с гражданством военнотрудовых, определение которого зависело от внешнеполитического курса Советского Союза на восстановление польской государственности. Следует отметить, что, исходя из интересов налаживания добрососедских отношений с новой Польшей (политическое и военное руководство которой, вопреки расхожему мнению, вовсе не представляется «попугавшей марионеткой Кремля»), советская сторона проявила большую уступчивость в этом вопросе, позволив в конечном итоге вернуться на родину большинству бывших граждан Польши, не по своей воле перед войной оказавшихся на территории Советского Союза, а также и пожелавшим приобрести польское гражданство советским полякам.

Библиография

- Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны. Постановления и распоряжения. Т. 3. Кн. 2 (июль – декабрь 1943 г.). М., 2018.
- Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1946.
- Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. М., 2000.
- Грибовский Ю. В. Уроженцы Беларуси в Народном войске Польском (1944–1945 гг.) // Военно-исторический архив. 2005. № 6. С. 94–96.
- Дурачински Э. Польская историография новейшей истории // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 28–57.
- Зданович А. А. «Польская воинская часть... высоко поднимет вес и авторитет поляков в ходе войны и в становлении послевоенной Европы». Рождение Войска польского (1942–1944 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 48–54.
- Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. М., 1997.
- Медведь А. Польские авиационные формирования в СССР в годы Великой Отечественной войны // История Авиации. 2001. № 4. С. 26–29.
- Носкова А. Ф. Сталин и Армия Крайова (к формированию позиции советского руководства) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 3. Минск, 2008. С. 315–328.
- Носкова А. Ф. Генерал З. Берлинг: штрихи к политическому портрету // Профессор Московского университета И. М. Белявская: (к 90-летию со дня рождения) М., 2005. С. 263–279.
- Петров Б. Н. К созданию польских воинских формирований на территории СССР // Военно-исторический архив. 2007. № 8. С. 162–163.

¹²⁰ Там же. Д. 62. Л. 65–67, 128–135.

- Радзиванович В.А.* Под польским орлом. М., 1959.
- Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг.: сб. документов. Алматы, 2010.
- Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: документы и материалы. Т. 14 (3–1). М., 1994.
- Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы: 1943 г. Т. 23 (12–3). М., 2000.
- Сальков А.П.* «Польский вопрос» и западная граница СССР в советской внешней политике (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Вып. 1. Минск, 2004. С. 215–227.
- Сенявский А.А.* Поляки в Красной армии в 1944 г.: к проблеме национальной идентификации // Россия и Польша: опыт тысячелетнего соседства: материалы международной научной конференции. М., 2019. С. 353–363.
- Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сб. документов. в 4 т. М., 2017. Т. 4.
- Филиппов В., Ларин Г.* Против общего врага. Советские воины в Войске Польском 1943–1968 гг. Рязань, 2021.
- Шинкарев И.И.* Роль Советского Союза в создании Вооруженных Сил стран Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1966.
- Berling Z.* Wspomnienia. T. I–III. Warszawa, 1990–1991.
- Berlingowcy.* Żołnierze tragiczni / red. C. Dominik. Warszawa, 2021.
- Dąbrowski T.* Żółte kaczęce czerwone jak maki. Warszawa, 2003.
- Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S.* Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945. Warszawa, 1993.
- Jaczyński S.* Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem. Warszawa, 1993.
- Kaczmarek K.* Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łaby i Wełtawy. Lublin, 2005.
- Każmierska K., Pałka J.* Ludowego Wojska Polskiego. Historie mówione. Łódź, 2019.
- Kospath-Pawłowski E.* Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945. Pruszków, 1993.
- Leszkowicz T.* Czy Ludowe Wojsko Polskie zasługuje na pamięć? // URL: <https://histmag.org/Czy-Ludowe-Wojsko-Polskie-zasluguje-na-pamiec-8538> (дата обращения: 10.02.2022).
- Nalepa E.J.* Oddani partii Lenina i Stalina : czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce, 2018.
- Stańczyk H., Zwoliński S.* Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015.
- Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział 1. Dywizji piechoty im. Ta-deusza Kościuszki w bitwie pod Lenino. Warszawa, 2003.

References

- Durachinski E.* Pol'skaya istoriografiya novejshey istorii [Polish Historiography of modern history] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2002. № 3. S. 28–57. (In Russ.)
- Filippov V., Larin G.* Protiv obshchego vraga. Sovetskie voiny v Vojske Pol'skom 1943–1968 gg. [Against a common enemy. Soviet soldiers in the Polish Army 1943–1968]. Ryazan', 2021. (In Russ.)
- Gribovskij Yu.V.* Urozhency Belarusi v Narodnom vojske Pol'skom (1944–1945 gg.) [Natives of Belarus in the Polish People's Army (1944–1945)] // Voенно-istoricheskij arhiv [Military historical archive]. 2005. № 6. S. 94–96. (In Russ.)
- Katyn'. Plenniki neob'yavlennoj vojny. Dokumenty i materialy [Katyn. Prisoners of undeclared war. Documents and materials]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Medved' A.* Pol'skie aviacionnye formirovaniya v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Polish aviation formations in the USSR during the Great Patriotic War] // Istoriya Aviacii [Aviation History]. 2001. № 4. S. 26–29. (In Russ.)
- Noskova A.F.* Stalin i Armija Krajova (k formirovaniyu pozicii sovetskogo rukovodstva) [Stalin and the Home Army (towards the formation of the position of the Soviet leadership)] // Rossijskie i slavyanskije issledovaniya: nauch. sb. [Russian and Slavic studies: a scientific collection]. Вып. 3. Минск, 2008. С. 315–328. (In Russ.)
- Noskova A.F.* General Z. Berling: shtrihi k politicheskomu portretu [General Z. Berling: strokes to a political portrait] // Professor Moskovskogo universiteta I.M. Belyavskaya: (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) [Professor of Moscow University I.M. Belyavskaya: (to the 90th anniversary of his birth)]. М., 2005. С. 263–279. (In Russ.)
- Petrov B.N.* K sozdaniyu pol'skih vojskih formirovanij na territorii SSSR [Towards the creation of Polish military formations on the territory of the USSR] // Voенно-istoricheskij arhiv [Military historical archive]. 2007. № 8. S. 162–163. (In Russ.)
- Radzivanovich V.A.* Pod pol'skim orlom [Under the Polish Eagle]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг.: сб. документов [Declassified war: “special folders” of the Central Committee of the CP (b) of Kazakhstan, 1941–1945: collection of doc.]. Алматы, 2010. (In Russ.)

Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya. General'nyj shtab v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dokumenty i materialy: 1943 g. [Russian Archive: The Great Patriotic War. The General Staff during the Great Patriotic War: documents and materials: 1943]. Vol. 23 (12–3). Moskva, 2000. (In Russ.)

Russkij arhiv: Velikaya Otechestvennaya. SSSR i Pol'sha: 1941–1945. K istorii voennogo soyuza: dokumenty i materialy [Russian Archive: The Great Patriotic War. USSR and Poland: 1941–1945. To the history of the military Union: documents and materials]. Vol. 14 (3–1). Moskva, 1994. (In Russ.)

Sal'kov A.P. “Pol'skij vopros” i zapadnaya granica SSSR v sovetskoj vneshnej politike (sentyabr' 1939 – iyun' 1941 g.) [The “Polish Question” and the Western border of the USSR in Soviet Foreign Policy (September 1939 – June 1941)] // Rossijskie i slavyanskie issledovaniya: sb. nauch. statej [Russian and Slavic studies: a scientific collection]. Iss. 1. Minsk, 2004. S. 215–227. (In Russ.)

Senyavskij A.A. Polyaki v Krasnoj armii v 1944 g.: k probleme nacional'noj identifikacii [Poles in the Red Army in 1944: on the problem of national identification] // Rossiya i Pol'sha: opyt tysyacheletnego sosledstva: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Russia and Poland: the experience of a millennial neighborhood: materials of the international scientific conference]. Moskva, 2019. S. 353–363. (In Russ.)

Shinkarev I.I. Rol' Sovetskogo Soyuz v sozdanii Vooruzhennykh Sil stran Yugo-Vostochnoj Evropy v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: dis. ... kand. ist. nauk [The role of the Soviet Union in the creation of the Armed Forces of the countries of South-Eastern Europe during the Great Patriotic War: dissertation of the candidate of historical sciences]. Moskva, 1966. (In Russ.)

Sovetsko-pol'skie otnosheniya v 1918–1945 gg.: sb. dokumentov: v 4-kh t. [Soviet-Polish relations in 1918–1945: collection of documents: in 4 vols]. Vol. 4. Moskva, 2017. (In Russ.)

Velikaya Otechestvennaya. Gosudarstvennyj Komitet Oborony. Postanovleniya i rasporyazheniya [The Great Patriotic War. The State Defense Committee. Resolutions and orders]. T. 3. Kn. 2 (Iyul' – dekabr' 1943 g.) [The Great Patriotic War. The State Defense Committee. Resolutions and orders. Vol. 3. Book 2 (July – December 1943)]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz v period Velikoj Otechestvennoj vojny [The foreign policy of the Soviet Union during the Great Patriotic War]. Vol. 2. Moskva, 1946. (In Russ.)

Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Zdanovich A.A. “Pol'skaya voinskaya chast'... vysoko podnimet ves i avtoritet polyakov v hode vojny i v stanovlenii poslevoennoj Evropy”. Rozhdenie Vojska pol'skogo (1942–1944 gg.) [“The Polish military unit... will raise the weight and authority of Poles high during the war and in the formation of post-war Europe”. The Birth of the Polish Army (1942–1944)] // Voенно-istoricheskij zhurnal [Military Historical Magazine]. 2011. № 2. S. 48–54. (In Russ.)

Berlingowcy. Żołnierze tragiczni / red. C. Dominik. Warszawa, 2021.

Dąbrowski T. Żółte kaczęce czerwone jak maki. Warszawa, 2003.

Grzelak Cz., Stańczyk H., Zwoliński S. Bez możliwości wyboru. Wojsko Polskie na froncie wschodnim 1943–1945. Warszawa, 1993.

Jaczyński S. Zygmunt Berling. Między sławą a potępieniem. Warszawa, 1993.

Kospath-Pawłowski E. Wojsko Polskie na Wschodzie 1943–1945. Pruszków, 1993.

Leszkowicz T. Czy Ludowe Wojsko Polskie zasługuje na pamięć? // URL: <https://histmag.org/Czy-Ludowe-Wojsko-Polskie-zasluguje-na-pamiec-8538> (access date: 10.02.2022).

Kaczmarek K. Polskie wojsko na Wschodzie: 1943–1945: od Mierei do Łaby i Wełtawy. Lublin, 2005.

Każmierska K., Pałka J. Ludowego Wojska Polskiego. Historie mówione. Łódź, 2019.

Nalepa E.J. Oddani partii Lenina i Stalina: czerwonoarmiści w Wojsku Polskim 1943–1968. Kielce, 2018.

Stańczyk H., Zwoliński S. Wojsko Berlinga i Żymierskiego 1943–1945. Warszawa, 2015.

Wojsko Polskie w ZSRR w 1943 roku wobec powstającego systemu władzy: udział I. Dywizji piechoty im. Ta-deusza Kościuszki w bitwie pod Lenino. Warszawa, 2003.

DOI: 10.31857/S013038640021035-6

© 2022 г. Я.В. ВИШНЯКОВ

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ» НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: ya.vishnyakov@inno.mgimo.ru

Scopus Author ID: 57211398436; ORCID: 0000-0002-2316-7116; Researcher ID: G-8615-2019

Аннотация. Проблема становления и развития государственных и общественных структур стран, возникших после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), тесно связана с вопросом формирования их нового национального самосознания. Немаловажную роль в этом процессе играет наличие в обыденном сознании народа образа враждебного «другого», что стало одним из главных способов внутренней консолидации новых балканских государств. Под воздействием трагических событий югославской войны 1991–1995 гг., Косовского кризиса 1999 г. на повестке дня оказались разнообразные мифы и концепции возрождения национальной самобытности этих народов, и как следствие — новые поиски собственной этнической идентичности. В контексте многозначного понятия «свой—чужой» образы империй далекого прошлого стали важным инструментом в формировании этнической идентичности стран постъюгославского пространства, призванные сформировать в обществе особое, отличное от других соседних народов восприятие «родины», подчеркнуть собственную уникальность и древность, тем более что в условиях исторического развития Западных Балкан совместить границы государств с границами наций оказалось невозможно, так же как соотнести понятия идентичности и территории. И в данном случае образы античности не являются предметом научного поиска или дискуссии, а представляются обществу как «неоспоримый» исторический аргумент и свершившийся факт в территориальных спорах со своими соседями. Таким образом, античное, древнее прошлое Балканского региона становится как важным инструментом своеобразной войны памяти, призванной уничтожить всякое упоминание о некогда проживавшем на данной территории «чужом» народе и о времени вынужденного с ним соседства, так и «бесспорным» доказательством принадлежности малого народа к Западу и его ценностям — наследию все той же античности.

Ключевые слова: примордиализм, распад Югославии, иллиризм, иллирийское движение, коллективная память, историческая политика, страны бывшей Югославии, албанцы, македонцы.

Ya. V. Vishnyakov

“Political Antiquity” in the Post-Yugoslav Space

Yaroslav Vishnyakov, Department World and Russian History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation (Moscow, Russia).

E-mail: ya.vishnyakov@inno.mgimo.ru

Scopus Author ID: 57211398436; ORCID: 0000-0002-2316-7116; Researcher ID: G-8615-2019

Abstract. The problem of the formation and development of state and social structures in the countries that emerged after the collapse of SFR Yugoslavia is closely related to the issue of the formation of their new national identities. An important role in this process is played by the image of a hostile “other” in the ordinary consciousness of the people, which has become one of the main means of internal consolidation of the new Balkan states. The tragic events of the 1991–1995 Yugoslav War and the 1998–1999 Kosovo Crisis brought a variety of myths and concepts about their national identities to the fore, resulting a new pursuit of their ethnic identities. In the context of the polysemous notion of “us and them”, images of empires from the distant past have become an important tool in the formation of ethnic identities of post-Yugoslav countries, designed to form a distinctive, different from neighbouring nations, perception of “homeland” in society, to emphasise its uniqueness and antiquity, especially as in the historical development of the Western Balkans it proved impossible to combine state borders with ethnic boundaries, as well as to correlate the concepts of identity and territory. Here too, the images of antiquity are not subject to scholarly inquiry or debate, but are presented to society as an “indisputable” historical argument and a fait accompli in territorial disputes with its neighbours. Thus, the ancient past of the Balkan region becomes an important instrument in a kind of memory war aimed at destroying any reference to the “strange” people who once lived on this territory and to the time of their forced neighbourhood, as well as “incontrovertible” proof that the small people belonged to the West and its values – the legacy of that same antiquity.

Keywords: primordialism, breakup of Yugoslavia, Illyrism, Illyrian movement, collective memory, history politics, countries of former Yugoslavia, Albanians, Macedonians.

ФЕНОМЕН ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТИЧНОСТЬ»

Толкования исторических фактов являются важным инструментом в построении государства и его последующих трансформациях¹. В конце XX в. заметным явлением в процессе становления новых балканских государств стало активное участие локальных политических элит в формировании этноисторического мифа как важного элемента в производстве исторического нарратива и политики памяти. Распад Югославии, сопровождавшийся жестокими межэтническими конфликтами, ярко проиллюстрировал, что в рамках балканского пространства особую роль играет тесно увязанное с этнической идентичностью микрорегиона многозначное понятие «свой–чужой». В процессе становления на территории бывшей Югославии новых государств и установления их новых границ «прочие» или «чужие» стали не менее важным элементом, чем сама идентифицируемая группа, поскольку формирование собственной этнической идентичности само по себе предполагает наличие того, от кого необходимо отделиться². В условиях исторического развития Западных Балкан совместить границы государств с границами наций, которые объединяют «этническое сообщество, а не граждан страны»³, оказалось недостижимо, так же как соотносить понятия этнической идентичности и территории. Не случайно для западного мира Балканы при попытке создать их устойчивый образ, вписывающийся в глобальный общеевропейский контекст⁴, всегда представляли собой некую трудноразрешимую загадку.

В этом смысле вопрос о том, как образы древних государств и империй связаны с этнической идентичностью жителей микрорегионов в рамках постъюгославского

¹ См подробнее: Историческая политика в 21 веке. М., 2002.

² *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 25.

³ *Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 362.

⁴ В рамках этого контекста на сегодняшний день в основном сформирована «идеальная» территория, «границы которой очерчены историей, традицией, семейными преданиями, коллективной памятью племени или общины и не подлежат обсуждению». См.: *Амелин В.В., Беван Я., Веттер Е. и др.* Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торривеллека. М., 2018. С. 65.

пространства, весьма актуален, когда «при языковой близости славян, одновременно входивших в состав католической Габсбургской и мусульманской империй, на передний план выступали этнотерриториальные и конфессиональные признаки»⁵. В.А. Шнирельман отмечает: «Казалось бы, родственные взаимоотношения между двумя и более этносами, их происхождение от единого предка, наконец, их языковая близость должны бы пробуждать у них особо теплые чувства друг к другу. На самом же деле развитие этнонационализма ведет к прямо противоположному эффекту. Ведь из рассмотренных выше характеристик со всей очевидностью вытекает, что в этой ситуации этносы вынуждены бороться за одно и то же культурное и политическое наследие, и в ситуации реальной этнической стратификации такая борьба может приобретать очень острые формы»⁶.

Обращение к античности свойственно еще периоду существования СФРЮ. Оправдывая историческую закономерность создания Югославии, ряд авторов руководствовались не только научными соображениями, проецируя понятия «Югославия» и «югославянские народы» на далекое прошлое — на первобытную эпоху и античные времена. Более сдержанные исследователи начинали «историю Югославии» с раннего средневековья⁷. В условиях отказа от идеологии «братства и единства» и от общего социалистического югославского прошлого именно античная и средневековая история также становится важным компонентом балканской национальной мобилизации, в том числе воспитательной и образовательной системы⁸.

На рубеже Средневековья и Нового времени этносы, в том числе в границах империи Габсбургов, имевшие сословную систему, объединялись через фигуру монарха. Кроме того, «до наступления эпохи национализма в различии подданных преобладал конфессиональный, а не этнический критерий (во всяком случае, они сочетались и варьировались)»⁹. Примечательной чертой как «долгого» XIX, так и «короткого» XX в.¹⁰ в контексте становления и развития новой индустриальной эпохи стали различные политические и общественные концепции национального самосознания и национальной идентичности. Именно национализм стал той идеологией, которая «играет принципиальную роль в создании существенных связей между людьми, объединяя их в активно действующее политическое единство»¹¹.

В этом смысле отметим, что обращение к образам древнего мира характерно для процесса образования национальных государств Германии и Италии в середине — второй половине XIX в. В то же время процессы, проходившие в Европе, особенно как итог революций 1848—1849 гг., повлияли и на народы Балкан. Так, например, в середине 40-х годов XIX в., после окончания войны за независимость от Османской империи, в Греции возникла «мегали идея» (великая идея) — ирредентистская концепция возрождения греческого государства на основе воссоздания Византии и включения в состав будущего

⁵ Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1991. С. 284.

⁶ Шнирельман В.А. Национальный миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 12.

⁷ См. подробнее: Ристић Д. Митови српске историје. Београд, 2019. «Наша страна в эпоху первобытного общества» — заголовок первой главы книги *Historija naroda Jugoslavije*. Zagreb, 1953. Эта «история» от античных времен прослеживается в работе «Историја Југославије» (Београд, 1972). С VII в. н.э. начинаются следующие работы: *Ђоровић В.* Историја Југославије. Београд, 1933; *Историја Југославије*. М., 1963.

⁸ Колосков Е.А. Образ Средневековья в школьном образовании стран Западных Балкан в начале XXI века // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 2 (5). С. 88–101. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-koloskov> (дата обращения: 01.05.2022).

⁹ Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007. С. 63.

¹⁰ В контексте исторического времени XIX в. можно отсчитывать с 1789 по 1914 г., а XX в. — с 1914 по 1991 г.

¹¹ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 3–13.

государства всех земель, принадлежавших грекам еще с античных времен. Данная идея оказала существенное влияние на идеологию национально-освободительных движений, находившихся под властью Порты славянских народов – болгар и сербов.

Как полагает Е.Г. Пономарева, «политическое пространство является важным элементом более общей системы аналогичных социальных пространств – экономического, идеологического, культурного, правового»¹². Однако если в XIX в. европейский национализм преследовал создание более крупных политических образований с идеей коллективной идентификации под эгидой общей политической администрации, что порождало различные панславистские концепции и их инверсии, то в конце XX в. большинство национальных движений на Балканах стали обращаться к политизированной архаике – проповедовать разделительную, а не интегративную цель. Для их деятельности нужны более компактные образования, оформление которых и произошло в ходе югославской войны 1991–1995 гг.

Для народов Балкан одним из итогов расчленения Югославии стали особенно востребованные в период острых межэтнических конфликтов разнообразные мифы и концепции возрождения национальной самобытности этих народов и, как следствие, новые поиски собственной этнической идентичности. И в этом смысле именно этноисторические мифы, говорящие об автохтонности народов бывшей Югославии, их великом историческом прошлом, сливаясь с культурой и традициями, призваны сформировать в обществе особое, отличное от других соседних народов восприятие «родины». Тем более что архаический компонент в жизни стран постъюгославского пространства и ее конвертация в самых разных сферах – от политических практик до социально-экономического и культурного пространства региона – имеют устойчивый, если не сказать больше, системный характер¹³.

В поисках «бесспорных» аргументов в доказательство своей правоты представители как новой политической элиты постъюгославского пространства, так и их оппоненты все больше и больше обращают внимание на античное наследие Балканского полуострова. В этом смысле обращение к иллирийскому прошлому дунайско-адриатического региона, распространение мифологических доктрин о сербах как самого древнего народа Европы, болгарская фракийская концепция, македонская «вергинская звезда» – внедрение этих символических образов в государственную символику, объявление именно «своих» народов наследниками великих античных культур служат не только цели подтверждения «исторического права» владения собственной территорией, но и обоснованием претензий на доминирование в регионе¹⁴.

Таким образом, «политическая античность» как современное примордиалистское воплощение глубокой древности, которой можно гордиться без всяких оговорок, когда совершались великие деяния и славные походы против врагов, становится важным инструментом своеобразной войны памяти, призванной уничтожить всякое упоминание

¹² Пономарева Е.Г. Политическое развитие постъюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М., 2007. С. 14.

¹³ В.А. Шнирельман разделит понятия националистический и этнонационалистический миф: «Националистический миф настаивает на исконности и естественности данной нации как политического единства. Его берет на вооружение государство, и он лежит в основе официальной исторической версии. Такой миф имеет две главные функции: он обязан, во-первых, обосновать внутреннее единство нации, т.е. основы ее лояльности государству, а во-вторых, утвердить данную нацию на равноправных началах в мировом сообществе. Этнонационалистический миф призван обосновать право народа на самобытность, помочь ему противостоять аккультурации и ассимиляции, а в конечном итоге оправдать его борьбу за политическую автономию или полную самостоятельность» (Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 6).

¹⁴ Подобные практики свойственны не только народам Балкан. В этом же контексте уместно вспомнить сарматизм как идеологию польской шляхты. В современной Румынии обращение к временам Дакийского царства и Римской империи призвано подчеркнуть не только древность румынского этноса, но и обозначить его историческое величие.

о некогда проживавшем на данной территории «чужом» народе и о времени вынужденного с ним соседства. В этом смысле в балканском регионе «политическая античность» превратилась в важный инструмент быстрой демонизации зачастую так похожего на себя «другого». Ясно, что в данном случае речь может идти в том числе и об очень давнем историческом периоде, от которого не сохранилось каких-либо устойчивых, достоверных сведений. В условиях трагического распада СФРЮ существенную роль стал играть именно этноисторический миф, который, согласно Э. Хобсбауму, принял характер «изобретения традиций», что, по его мнению, при фиктивной связи с прошлым представляет собой «ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»¹⁵. В этом смысле понятие политической античности становится важной частью широкого социального мифа, значение которого особенно возрастает в период обострения политических или межнациональных конфликтов¹⁶. При этом данное понятие является «не абсолютным превалированием истории или памяти, а их сложным взаимодействием в качестве двух конкурирующих и корректирующих друг друга форм обращения к прошлому, особенно травматическому прошлому, с учетом всех функций — мемориальной и моральной, которые соединяют историю с памятью, и научно-критической, отличающейся от обеих названных функций»¹⁷.

В разное время и в разных странах постъюгославского пространства эти восходящие к древней истории этноисторические мифы приобретали вполне осязаемые очертания, тем более что «бесспорное» свидетельство принадлежности малого народа к Западу и его ценностям — наследию все той же античности, служит понятным доказательством не только его уникальности и древности, но и позволяет элитам новых малых балканских стран внедрить в общественное сознание веру в то, что именно политические, экономические или социальные стандарты «большой» Европы способны изменить жизнь к лучшему. Речь о новом цивилизационном вызове архаическому социуму, «о творческой переработке архаики, ее трансформации и адаптации к цивилизационным институтам и ценностям и главное — инкорпорации в доминирующую, нормативную культуру»¹⁸.

Таким образом, обращение к концептуализированным образам античности связано с попытками правящих элит придать некую научность политическим практикам, с помощью которых можно было дать собственным гражданам простое и понятное объяснение роли и места своего маленького «компактного» народа в новом мировом порядке, а главное — его европейскости. Это, по словам А.А. Улуяна, нашло отражение «в публичном дискурсе в форме исторических концепций этногенеза и общегосударственного географического пространства», имея целью «подтвердить легитимность конкретного этноса в его споре с соседями и одновременно недвусмысленно указать на его европейскую принадлежность»¹⁹. Однако на деле готовность самих балканских элит следовать политическим и экономическим стандартам Запада выглядит весьма сомнительно. Представителей правящей верхушки стран постъюгославского пространства в большей или меньшей степени отличает партикуляризм, лояльность по принципу «кровной связи», которую они зачастую ставят выше общегосударственных целей. Именно поэтому очевиден факт бессмысленности попыток насаждения европейских достижений, если им не придаются институциональные формы и базовые функции, а поверхностное, во многом имитационное наложение ее ценностей, в том числе и как наследие древних культур античного мира, таит в себе немало опасностей.

¹⁵ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

¹⁶ См. подробнее: Гуревич П.С. Социальная мифология. М., 1983.

¹⁷ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 50.

¹⁸ Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики. Архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009. С. 145.

¹⁹ Улуян А.А. Балканы и «архаично-античное» пространство: исторические отражения в идеологической среде национальных дискурсов // Конструирование истории. Кто мы? СПб., 2019. С. 206.

ИЛЛИРИЙСКИЙ МИФ КАК КОМПОНЕНТА РАЗВИТИЯ КОСОВСКОГО КРИЗИСА

В течение XIX–XX вв. идейной базой национальных движений народов Западных Балкан – хорватов, черногорцев, бошняков и албанцев, являлись выдвинутые местными интеллектуалами концепции их автохтонного происхождения и их прямая связь с древним иллирийским населением Балканского полуострова²⁰. Именно иллирийская теория как зримое свидетельство преемственности проживания албанцев в Косове стала важной опорой албанского национализма, что в том числе нашло отражение в программных документах Призренской лиги (1878–1881 гг.). В середине и второй половине 90-х годов XX в. мифы о дославянском заселении края и иллирийском происхождении служили для косовских албанцев весомым аргументом в оправдании их борьбы за независимость, которая рассматривалась не просто как борьба за объединение албанских земель в унитарное государство, но и как идея воссоздания некоего мифического царства, которое должно было бы охватывать современные населенные балканскими албанцами земли. По словам М.Ю. Ломоносова, «в 1990-е годы представление о средневековом славянском нашествии, которому автохтонное албанское население, произошедшее от иллирийцев, вынуждено было сопротивляться, распространилось в массе печатных изданий»²¹.

Учитывая, что концентрация внимания на страданиях и понесенных жертвах является неотъемлемым инструментом любой исторической политики, что важно не только для внутренней мобилизации общества, но и для «экспорта вины» на международную арену²², в сознании косоваров внедряется тезис о том, что «сербский государственный террор над албанцами представляет собой особую главу сербской многовековой политики под русским покровительством еще со времен первых завоеваний албанских территорий. Перманентная стратегия сербских чудовищных проектов со второй половины прошлого и в течение всего нашего столетия – это этнические чистки албанских территорий и их славянизация»²³.

Таким образом, в глазах албанских националистов в рамках воображаемого расширенного албанского государства сербы априори лишены каких-либо исторических территориальных прав на данный регион. Тогда же широкое распространение получила версия, что современные косовары – потомки ветви древнего иллирийского племени дарданцев, а их страна – преемник Дарданского царства, существовавшего на территории Косова в IV–I вв. до н.э. Хотя не существует конкретных научных доказательств связи между иллирийцами и нынешними албанцами Косова, в современном постъюгославском пространстве контекст идеи конструирования мифа об этом царстве в том числе позволяет властям Приштины позиционировать свое квазигосударство как самостоятельный, отдельный от Албании этнос. Как заметил тот же М.Ю. Ломоносов, «политический бренд “Дардания” активно внедрялся в массовое сознание населения Косово. Был образован крупнейший в регионе “Дардания банк” с участием германского капитала. В Приштине появилась в FM диапазоне радиостанция “Дардания” и университет с тем же названием. Улицы городов и деревень Косово заполнили вывески заведений бытового обслуживания: “Иллирия”, “Дардания”, “Иллирийская гостиная”, “У Дардана”, “Тевта”, “Агрон” и т.п.»²⁴.

Однако драматизм проблемы, в том числе и в контексте «изобретения традиций» и наложения их на современные реалии региона, состоит в том, что Косово занимает особое место в исторической памяти сербов, а само это именование неразрывно связано с национальной самобытностью всего сербского народа. Именно здесь произошло зарождение основ сербской государственности. К тому же трагедия битвы на Косовом поле 1389 г.,

²⁰ Ломоносов М.Ю. Иллирийский миф в интерпретации славянских интеллектуалов Западных Балкан (XV–XXI вв.) // Вестник славянских культур. 2011. № 4 (22). С. 44–55.

²¹ Ломоносов М.Ю. Албано-славянские контакты: конфликты, исторические мифы и производство кризисов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 158.

²² Историческая политика в 21 веке. С. 296.

²³ Терзич С. Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015. С. 96.

²⁴ Ломоносов М.Ю. Возрожденная Дардания: история новопровозглашенного государства в экспозиции музея Косово // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 61.

массовый исход сербов с этой территории в конце XVII в. породили общие для национальной памяти сербов понятия — «косовский завет», «сербский исход», «сербская голгофа». По словам сербского историка Д. Батаковича, «для среднестатистического серба слово Косово, в национальной идеологии, означает святую землю, из которой сербов в течение нескольких последних столетий, а особенно в XX в., совместными усилиями систематически выдавливали и упорно преследовали, прежде всего албанцы-мусульмане, легальные или нелегальные иммигранты, поселившиеся здесь волнами в эпохи разных правителей: османских турок, итальянских фашистов и коммунистов Тито»²⁵.

Сербские историки в противовес именованию «Косово», вводят в обиход более широкое понятие «Старая Сербия», включающее в себя Косово и Метохию, Рашку и Скопско-Тетовскую область. В начале XX в. классик сербской науки Й. Цвич сформулировал представление о «Старой Сербии». Оно воспринимается как основа культурной и исторической территории сербского народа, родина Св. Савы и прародина великой средневековой сербской династии Неманичей. «Старая Сербия» рассматривается отдельно от возникшего в 30-е годы XIX в. и получившего окончательную независимость в 1878 г. княжества Сербия именно как области, не вошедшей в состав нового государства («новой Сербии») и оставшейся под управлением османов. Идея возвращения этих потерянных исторических территорий, «месть за Косово» стали одной из основ сербской национальной идеологии XIX — начала XX в., когда, по словам А.Ю. Тимофеева, в период с 1878 по 1912 г. (т.е. года ее освобождения) для сербской политики именно Старая Сербия стала «единственной актуальной сферой жизненных интересов»²⁶.

Этот драматизм играл не последнюю роль в формировании основанного на милитаризации повседневности особого типа мировоззрения сербского социума, что глубоко отразилось на сербской политической культуре и на развитии ее политических и общественных институтов²⁷. Не случайно известный американский журналист, автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир», Дж. Рид, будучи свидетелем событий, происходивших на сербском фронте Первой мировой войны, особо подчеркивал, что «каждый солдат из крестьян знает, за что он сражается. Еще когда он был маленьким ребенком, мать приветствовала его: “Здравствуй, маленький мститель за Косово”»²⁸. «Косово — это самый центр сербской истории, ее культуры и национальной памяти. Необходимо остановить террор в Косово и объединить Сербию» — эти слова, сказанные президентом Сербии С. Милошевичем в 1989 г. у монумента Газиместан в день 600-летия Косовской битвы, стали предвестником новых кровавых конфликтов, а косовский миф, таким образом, стал импульсом превращения этого региона в зону никогда не прекращающейся войны, переходящей из острой фазы в латентную и наоборот.

ИЛЛИРИЗМ НА ПОСТЬЮГОСЛАВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Древние обитатели Балканского региона как общая отправная точка для формирования этноисторических мифов балканских народов стали основой хорватского национального возрождения, в рамках которого к началу 40-х годов XIX в. собственно и оформляется имеющее яркую панславистскую окраску само понятие — иллиризм. Его представители выдвигали идею возрождения «Великой Иллирии», которая должна была охватить все южнославянские и частично неславянские области Балкан. О причинах возникновения этого движения, его развитии и особенностях написано немало фундаментальных

²⁵ Батакович Д. Косово и Метохия. История и идеология. Екатеринбург, 2014. С. 16.

²⁶ Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007. С. 9.

²⁷ Вишняков Я.В. Сербский социум в начале XX века. Милитаризация повседневности // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 6. С. 28–45; Его же. Сербия в начале первой мировой войны: 1914–1915 годы // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 53–65.

²⁸ Рид Дж. Вдоль фронта. М.; Л., 1928. С. 66.

исторических исследований²⁹. Ключевым годом в формировании этой концепции стал 1835 г., когда филолог и историк Л. Гай стал издавать первую политическую газету на хорватском языке *Novine horvatske* с литературным приложением *Danica Horvatska, Slavonska i Dalmatinska* (с 1836 г. — *Ilirske narodne novine* и *Danica Ilirska*).

Руководители движения особо подчеркивали сравнимую с европейцами древность и автохтонность славян, их важную роль в становлении европейской цивилизации. Таким образом, славяне полуострова рассматривались ими как происходящий от древних иллирийцев один народ, а первым шагом к созданию «Великой Иллирии», по мнению идеологов движения, должно было стать в противовес мадьяризации литературно-языковое объединение южных славян, прежде всего хорватов, сербов и словенцев. Не случайно П.А. Кулаковский в своей фундаментальной работе об иллиризме сосредоточил внимание именно на литературных и языковых аспектах этого течения, рассмотрев связи хорватов с другими славянами³⁰.

Однако с самого момента своего зарождения «при конструировании особой иллирской нации большое внимание уделялось историческим правам самого Хорватского королевства. При этом история хорватов была национализирована иллирами, создавался идеальный романтический образ прошлого, память о котором необходимо было возродить. Для пропаганды своего национального взгляда на историю иллиры не только начали выпускать газеты и писать литературные произведения, но и основали своего рода культурную лабораторию общехорватского масштаба, получившую название Матица иллирская³¹.

Однако это понятие как средство удовлетворения национальных амбиций хорватских интеллектуалов столкнулось с еще одной концепцией — «Великая Сербия», как идеи присоединения югославянских земель к уже существующему вассальному от султана сербскому княжеству, где была составлена первая внешнеполитическая сербская программа, получившая наименование «Начертание»³². Как заметила Л.В. Кузьмичева, «у сербов громадное преимущество — в уже имеющейся автономии, собственных государственно-политических и культурных институтах и программах. Есть ядро, стало быть, возможна и роль Пьемонта. Поэтому обострение и началось не просто после поражения революции 1848—1849 гг., а после общеевропейского движения к объединению вокруг одного центра распыленных земель (Пруссия, Италия). Сербия была единственным вполне реальным центром югославянского объединения»³³.

Данное состояние не ускользнуло от внимательного взгляда имевших славянофильские убеждения русских путешественников, которые мечтали в том числе и о возможности объединения славян под крылом державного двуглавого орла. Русский публицист Ф.В. Чижов, совершивший в 1843—1845 гг. путешествие по славянским землям и разговаривавший с многими известными общественными и политическими фигурами Балкан, отмечал: «Здесь иллиризм исключает сербов, исключает всех других южных славян и приписывает себе средоточие славянского света. Его предводитель Гай, человек очень

²⁹ *Лещиловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968; *Ее же.* Хорватия в XVII—XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013; *Чуркина И.В.* Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986; *Ее же.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. М., 2017.

³⁰ *Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. Варшава, 1894.

³¹ *Дронов А.М.* От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // *Славяноведение.* 2018. № 1. С. 64.

³² О программе «Начертание» см. подробнее: *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958; *Лушич Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993; *Белов М.В.* Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2007. № 1. С. 205—211; *Никифоров К.В.* «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842—1853 гг. М., 2015.

³³ *Кузьмичева Л.В.* Сербо-хорватские сближения и конфликты в XIX — начале XX в. // *Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций.* М., 2009. С. 176.

умный, сильно деятельный и, должно думать, с сильной волей. Его не так легко прочесть, то он всеславянин, то исключительно илир. Последнее же, я думаю, нужно для минутного вызова народности, для того, чтобы отстоять ее от нападения маджарства»³⁴. А видный государственный деятель Сербии того времени А. Петрониевич говорил ему: «Вот теперь илиры хотят непременно составлять свои слова и удалять нас от России под тем предлогом, что мы берем слова русские. ... Они толкуют о панславизме; это составлено из греческого слова “пан” — весь. Я знаю эллинский язык — какой же тут панславизм, когда они хотят своего?»³⁵. Эта концепция могла стать не только противовесом политическому преобладанию Венгрии, но и идеологическому влиянию Сербии на южных славян монархии. Таким образом, распространение и развитие в регионе илиризма могло бы перехватить инициативу у сербского национального движения, перенести центр югославянства из Белграда в Загреб.

Именно на основе илиризма к началу XX в. оформилась доктрина югославизма — движения, в основе которого лежало создание единого югославянского народа с особым местом Хорватии. Не случайно в начале XX в. на фоне развития боснийского кризиса 1908—1909 гг. и в канун Первой мировой войны в центре внимания политических и общественных деятелей Загреба стояла вынашиваемая правящими кругами дуалистической монархии идея «централизованного федерализма» или «триализма», в том числе как один из главных способов решения хорватского вопроса. Один из соратников австрийского престолонаследника Франца Фердинанда князь К. фон Шварценберг «в 1910 г. охарактеризовал триализм как “путь, представляющий золотую середину между централизмом и федерализмом”. Он выступал за создание югославянской государственной единицы — “Королевства Илирии”, включающей Хорватию, Боснию, Герцеговину, Далмацию и Приморье с Триестом (Воеводина должна была остаться в венгерской части)»³⁶.

В этом же контексте илиризм рассматривался и словенской элитой, когда «лидеры словенских католиков в течение десятилетия перед Первой мировой войной сформулировали свою концепцию преобразования Австро-Венгерской монархии на основе триализма, предусматривавшую включение в эту программу всех объединенных словенских земель. При реформе монархии словенцы, по их мнению, должны были войти вместе с хорватами в состав югославянской федеративной единицы. Главными идеологами словенской разновидности триализма были И. Шуштершич и Я.Е. Крек»³⁷.

Первая мировая война внесла в эти планы существенные коррективы. К тому времени у хорватов уже укоренилась идеология «хорватского государственного права», сформулированная А. Старчевичем и его последователями. В начале XX в., по словам сербского историка Г. Милорадовича, «австро-венгерское и германское общественное мнение, ничтоже сумняшеся, величало сербов “государственными изменниками”, “балканскими разбойниками”, “народом-убийцей”, “балканскими стервятниками”»³⁸. Таким образом, уже в период создания Первой Югославии (королевства СХС), «заглушаемая “трескотней” официальной риторики и взаимных заверений в “братстве и единстве”, неслышно тикала та самая мина хорвато-сербских противоречий, которая после более чем семидесятилетних попыток ее разрядить рванула на наших глазах»³⁹, поскольку в едином государстве югославы так и не смогли стать единым народом. Можно констатировать, что курс на создание на Балканском полуострове искусственной наднациональной конструкции,

³⁴ Козьменко И.В. Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. М., 1958. С. 146—147.

³⁵ Открытие «братьев славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018. С. 429—430.

³⁶ Цит. по: Кирилина Л.А. Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2016. № 5. С. 20.

³⁷ Там же. С. 23.

³⁸ Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016. С. 135.

³⁹ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 198.

в основе которой помимо других факторов лежал в том числе и иллиризм, попытки строительства нового «югославского» народа обратились в трагедию двух Югославий XX в.

На излете XX в. и в начале нынешнего века иллирийский миф был воспринят стремившейся к обособлению от «сербского прошлого» черногорской академической элитой, группирующейся вокруг созданной в противовес «просербской» ЧАНУ – Дуклянской академии наук и искусств (DANU). Так, например, в переведенной на русский язык и адресованной широкому читателю «Истории Черногории» – ее авторы Ж. Андрияшевич и Ш. Растодер поставили своей целью «через объективный обзор исторического прошлого» объяснить понятие «черногорский вопрос». В этом ключе они напрямую указывают иллирийцев как прямых предков черногорцев. «В период раннего железного века (1000–500 гг. до н.э.) иллирийцы на территории Черногории имели племенную организацию, которая позже переросла в государство». Таким образом, угоду черногорскому сепаратизму, который особенно громко заявляет о себе в последние годы, авторы опровергают тезис о сербском этническом происхождении черногорцев⁴⁰. Эта формулировка позволяет внедрять в общественное сознание страны тезис об исключительности черногорцев, их глубоком отличии от сербской идентичности.

АЛЕКСАНДР (НЕ) МАКЕДОНСКИЙ

Каждый турист, побывавший в столице Македонии Скопье, поражается обилию находящихся на небольшом пространстве центра города монументальных скульптур и впечатляющих воображение своими размерами памятников, которые выглядят как откровенный китч. Перед взором путешественника предстанут и окруженная мраморным фонтаном 22-метровая конная статуя Александра Македонского, и триумфальная арка Porta Macedonia, и памятники древнему болгарскому царю Самуилу и византийскому императору Юстиниану I, свв. Кириллу и Мефодию, Клименту и Науму, и средневековому албанскому правителю Скандербегу, и героям Внутренней македонской организации (ВМРО) Гоце Делчеву, Даме Груеву, и др.

Эти монументальные и архитектурные «миксы» как визуализированные очертания глубокой древности, соединенные в некое целое с героями македонского национально-освободительного движения начала XX в., как нельзя лучше иллюстрируют вульгаризацию понятия «политическая античность». Приватизация образов античной греческой Македонии весьма причудливо вписалась в символику возникшей после 1991 г. новой независимой Македонии, а античные цари Филипп и его сын Александр Великий призваны стать, наряду с героями ВМРО и Илинденского восстания 1903 г., национальными символами отличной от албанской, сербской, греческой и болгарской новой нации со всеми ее атрибутами – от оспариваемого болгарами болезненного вопроса о самостоятельности македонского языка, сербо-македонского церковного вопроса до греко-македонского спора о названии страны и решения острейшего «албанского национального вопроса», тем более что албанская диаспора имеет в Македонии вторую по величине численность после Косова. И надо отметить, что албанское население страны отнюдь не воспринимает себя как этническое меньшинство, активно ретранслируя свои национальные символы, язык и стремясь занять ведущие позиции в управлении страной⁴¹. Кризис и вооруженный конфликт 2001 г. между македонской армией и боевиками Освободительной национальной армии, завершившийся подписанием рамочного Охридского соглашения, явился именно такой попыткой албанцев стать государственно-образующим элементом в республике⁴². И в этом смысле «македонские ученые вынуждены были отстаивать не

⁴⁰ История Черногории с древнейших времен до 2006 г. М., 2010. С. 9.

⁴¹ Если в 2001 г. число занятых на госслужбе албанцев составляло 3,6%, то в 2014 г. – 19,5%. См.: Третьякова М. Македония 2001. Новый виток кризиса: исторические предпосылки и политические последствия. М., 2021. С. 310–311.

⁴² См. подробнее: Клименко З.В. Албанский вопрос в Македонии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 38–47.

только право на конституционное название своего государства», но и переходить в наступление, «заявляя о своем происхождении от античных македонян, подразумевая при этом преобладание в этногенезе современных македонцев неславянского компонента и, таким образом, о родстве с Александром Великим»⁴³. Обращение к более древнему периоду античности становится важным инструментом, с помощью которого подвергается сомнению иллирийский миф, а следовательно, и автохтонность албанского населения, и их претензии на территорию страны⁴⁴.

По мнению Е.Г. Пономаревой, «важнейшей функцией микросоциальных государств является чисто инструментальная роль формального самоопределения территорий, которые по разным причинам не могут находиться под прямым контролем мега- или макросоциальных государств»⁴⁵. Оговоримся в этом смысле, что государственная граница современной Македонии не совпадает ни с границами античного македонского царства, ни с римской и византийской провинциями с тем же названием⁴⁶. К тому же для самих греков понятие Македония неразрывно связано с их древней античной историей. В канун распада СФРЮ в 1988 г. так называемые «северные территории» Греции были переименованы в Македонию и Фракию. В свою очередь, позиция научной македонской элиты сводится к тому, что изучение македонской истории должно происходить в рамках всей Македонии, в том числе и той, которая сегодня входит в состав Албании, Болгарии и Греции⁴⁷. Не случайно дипломат и македонский государственный деятель Р. Никовский, называя принятие республики в ООН с именованием БЮРМ⁴⁸ черным пятном позора для всемирной организации, связывал греко-македонский спор о названии ни много ни мало с геноцидом македонского народа. По его словам, «македонцы, живущие в Греции, до сегодняшнего дня не признаны меньшинством и не имеют никаких прав. В течение долгого времени они подвергались настоящему геноциду»⁴⁹. В подобном же ключе пишет и македонская исследовательница М. Третьякова (Цветановская): «Греция по-прежнему оспаривает у македонцев право называть свою страну Македонией и пытается присвоить себе эксклюзивность на историческое (античное) македонское наследие, Болгария продолжает оспаривать македонскую этническую и языковую самобытность, а сербские клерикалы — церковную независимость»⁵⁰. Преспанское соглашение 2018 г., которое, казалось бы, урегулировало давний греко-македонский спор о названии страны и тем самым устранило формальное препятствие вступления бывшей югославской республики в НАТО⁵¹ и Европейский союз, тем не менее вызвало резкое неприятие со стороны значительной части населения как Македонии, так и Греции, усмотревшей в нем угрозу потери национальной идентичности⁵².

Особую роль здесь сыграла обнаруженная в 1977 г. археологом М. Андроникосом во время раскопок в городе Вергине в Северной Греции золотая «вергинская звезда» из 16 лучей, украшавшая гробницу одного из царей древней Македонии. Данная находка была воспринята греками как символ глубокой преемственности традиций античности и

⁴³ Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001). М., 2013. С. 74.

⁴⁴ См. подробнее: Колосков Е.А. От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207–232.

⁴⁵ Пономарева Е.Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 198.

⁴⁶ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 71.

⁴⁷ Там же. С. 77.

⁴⁸ Бывшая югославская республика Македония.

⁴⁹ Никовский Р. США и независимая Македония (1991–2013). М., 2017. С. 49.

⁵⁰ Третьякова М. Указ. соч. С. 198.

⁵¹ Уже в следующем 2019 г. Македония вступила в НАТО.

⁵² На состоявшихся в октябре 2021 г. местных выборах, по сообщениям ЦИК Северной Македонии, наибольшее количество мест получила самая крупная оппозиционная партия страны ВМРО — ДПМНЕ (Внутренняя македонская революционная организация — Демократическая партия за македонское национальное единство).

современной Греции. Именно она стала официальной эмблемой трех областей, расположенных в северной Греции на территории исторической Македонии. Но она же была запечатлена и на первом государственном флаге новой Македонии, что вызвало ожидаемый и решительный протест греческой стороны, сказавшись на твердой позиции Афин в 1991 г. по непризнанию именованию Македония как названия страны. В ставших кульминацией конфликта 1994–1995 гг. Греция использовала экономическое давление, введя торговое эмбарго. В 1995 г. власти Республики Македонии были вынуждены видоизменить свой флаг, тем не менее на аверсе македонских монет чеканится стилизованное изображение солнца с 16 лучами.

И в этой связи именно сомнительные с художественной точки зрения символы, размещенные в центре македонской столицы, как раз и были призваны дать зримый, визуализированный ответ на существующие у соседних государств сомнения в македонской идентичности, став важной компонентой в определении моноэтничности страны или «македонизации». И в данном случае античное прошлое не является предметом научного поиска или дискуссии, а представляется обществу в споре с соседями как «неоспоримый» исторический аргумент и свершившийся факт. В сознание македонцев инкорпорируются «неопровержимые» тезисы об уроженцах «греческих» (иначе македонских) Салоник братьях Кирилле и Мефодии как создателях древнейшего славянского, т.е. македонского, языка, о царе Самуиле как о первом македонском правителе и даже об албанском правителе Скандербеге, который именно на македонской земле успешно сражался с османскими завоевателями в середине XV в. «Подобная позиция ставит македонскую культуру в глазах македонского общества едва ли не на первое место среди православных славянских культур и требует соответственного к ней отношения»⁵³. Несмотря на заключенное македонским премьером З. Заевым в 2018 г. соглашение со своим греческим коллегой А. Ципрасом об изменении названия страны на «Северная Македония», предусматривающее в том числе пересмотр статуса памятников и общественных зданий, если они соотносятся с античным периодом – неотъемлемой частью культурного наследия Греции, а также требование убрать все изображения Вергинской звезды с государственных и общественных учреждений, до согласия в данном вопросе еще далеко. Заключение этого соглашения, проведение по данному вопросу референдума вызвали политический кризис в стране и массовые беспорядки. Значительная часть македонской элиты и оппозиция (ВМРО – ДПМНЕ) считают заключенные соглашения национальным предательством, в том числе и по использованию албанского языка как официального.

Таким образом, античные мифологемы народов региона как один из ключевых факторов исторической политики позволяют адекватно и более объективно оценить современные балканские реалии и увидеть глубинную причину столь серьезных противоречий и кровавых конфликтов, иногда близких, на первый взгляд, но столь различных по существу народов Балкан.

Библиография

- Амелин В.В., Беван Я., Веттер Е. и др. Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / под ред. Е.И. Филипповой, К. Ле Торревеллека. М., 2018.
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
- Батакович Д. Косово и Метохия. История и идеология. Екатеринбург, 2014.
- Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII – середина 30-х гг. XIX века). СПб., 2007.
- Белов М.В. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 1. С. 205–212.
- Вишняков Я.В. Сербский социум в начале XX века. Милитаризация повседневности // Вестник МГИМО–Университета. 2019. №6. С. 28–45.
- Вишняков Я.В. Сербия в начале первой мировой войны: 1914–1915 годы // Новая и новейшая история. 2013. №2. С. 53–65.

⁵³ Колосков Е.А. Страна без названия... С. 77.

- Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. М., 2016.
- Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983.
- Козьменко И.В.* Дневник Ф.В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник // Славянский архив. Сборник статей и материалов. М., 1958. С. 127–260.
- Дронов А.М.* От иллиризма к хорватизму в Австрийской империи первой половины XIX века // Славяноведение. 2018. № 1. С. 55–69.
- Кирилина Л.А.* Идеи триализма (югославянский вариант) в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны // Славяноведение. 2016. № 5. С. 18–30.
- Клименко З.В.* Албанский вопрос в Македонии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 38–47.
- История Черногории с древнейших времен до 2006 г. М., 2010.
- Историческая политика в 21 веке. М., 2002.
- Колосков Е.А.* От Бухареста до Преспы: греко-македонский спор о государственном наименовании Македонии в 2008–2018 гг. // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 207–232.
- Колосков Е.А.* Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001). М., 2013.
- Колосков Е. А.* Образ Средневековья в школьном образовании стран Западных Балкан в начале XXI века // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). С. 88–101. URL: <http://voxmediiaevi.com/2019-2-koloskov> (дата обращения: 01.05.2022).
- Кулаковский П.А.* Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. Варшава, 1894.
- Кузьмичева Л.В.* Сербо-хорватские сближения и конфликты в XIX – начале XX в. // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. М., 2009.
- Курпьянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.
- Лециловская И.И.* Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
- Лециловская И.И.* Хорватия в XVII–XIX веках: культурные аспекты исторического развития. М., 2013.
- Ломоносов М.Ю.* Иллирийский миф в интерпретации славянских интеллектуалов Западных Балкан (XV–XXI вв.) // Вестник славянских культур. 2011. № 4 (22). С. 44–53.
- Ломоносов М.Ю.* Албано-славянские контакты: конфликты, исторические мифы и производство кризисов // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 1 (15). С. 156–162.
- Ломоносов М.Ю.* Возрожденная Дардания: история новопровозглашенного государства в экспозиции музея Косово // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 59–68.
- Мартынова М.Ю.* Балканский кризис: народы и политика. М., 1998.
- Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1991.
- Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015.
- Никовский Р.* США и независимая Македония (1991–2013). М., 2017.
- Открытие «братьев славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб., 2018.
- Пономарева Е.Г.* Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 195–203.
- Рид Д.* Вдоль фронта. М.; Л., 1928.
- Терзич С.* Старая Сербия (XIX–XX вв.). Драма одной европейской цивилизации. М., 2015.
- Третьякова М.* Македония 2001. Новый виток кризиса: исторические предпосылки и политические последствия. М., 2021.
- Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда 1878–1912 гг. СПб., 2007.
- Улуян А.А.* Балканы и «архаично-античное» пространство: исторические отражения в идеологической среде национальных дискурсов // Конструирование истории. Кто мы? СПб., 2019. С. 205–236.
- Хачатурян В.М.* «Вторая жизнь» архаики. Архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М., 2009.
- Чуркина И.В.* Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М., 1986.
- Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914г. М., 2017.
- Шнирельман В.А.* Национальный миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. № 6. С. 3–13.
- Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.
- Historija naroda Jugoslavije. Zagreb, 1953.
- Историја Југославије. Београд, 1972.
- Лушич Р.* Књига о Начертанију. Београд, 1993.
- Ристић Д.* Митови српске историје. Београд, 2019.
- Горовић В.* Историја Југославије. Београд, 1933.
- Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србије XIX в. Београд, 1958.

References

- Amelin V.V., Bevan Ya., Vetter E. i dr. Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoce i zapade Evropy* [Own and others. Metamorphoses of identity in Eastern and Western Europe] / pod red. E.I. Filipovoi, K. Le Torrivelleka. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Politics]. Moskva, 2014. (In Russ.)
- Batakovich D. Kosovo i Metokhiya. Istoriya i ideologiya* [Kosovo and Metohija. History and ideology]. Ekaterinburg, 2014. (In Russ.)
- Belov M.V. U istokov serbskoi natsional'noi ideologii: mekhanizmy formirovaniya i specifika razvitiya (konec XVIII – sredina 30-kh gg. XIX veka)* [At the Origins of Serbian National Ideology: Mechanisms of Formation and Specificity of Development (late 18th – mid-19th)]. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Belov M.V. Manifest serbskoj nacional'noj byurokratii (istoriograficheskie zametki o "Nachertanii" I. Garashanina 1844 g.)* [Manifesto of the Serbian national bureaucracy (historiographical notes on the "Inscription" by I. Garashanin, 1844)] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2007. № 1. S. 205–212. (In Russ.)
- Churkina I.V. Russkie i slovency. Nauchnye svyazi konca XVIII v. – 1914 g.* [Russians and Slovenes. Scientific connections of the end of the 18th century – 1914]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Churkina I.V. Rossiya i slavyane v ideologii slovenskikh natsional'nykh deyatelei XVI v. – 1914* [Russia and the Slavs in the Ideology of Slovenian National Figures of the 16th – 1914]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Gurevich P.S. Social'naya mifologiya* [Social mythology]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Dronov A.M. Ot illirizma k khorvatizmu v Avstrijskoj imperii pervoi poloviny XIX veka* [From Illyrianism to Croatianism in the Austrian Empire in the first half of the 19th century] // Slavyanovedenie. 2018. № 1. S. 55–69. (In Russ.)
- Istoriya Chernogorii s drevnejshih vremen do 2006 g.* [History of Montenegro from ancient times to 2006]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Istoricheskaya politika v 21 veke* [Historical politics in the 21st century]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Kirilina L.A. Idei trializma (yugoslavjanskii variant) v Avstro-Vengrii nakanune Pervoi mirovoj voiny* [Ideas of trialism (Yugoslav version) in Austria-Hungary on the eve of the First World War] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 2016. № 5. S. 18–30. (In Russ.)
- Klimenko Z.V. Albanski vopros v Makedonii* [Albanian question in Macedonia] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2015. № 4. S. 38–47. (In Russ.)
- Khachatryan V.M. "Vtoraya zhizn'" arkhaini. Arhaiziruyushchie tendencii v civilizatsionnom processe* [The "second life" of the archaic. Archaizing tendencies in the civilization process]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Koloskov E.A. Ot Bukharesta do Prespy: greko-makedonskij spor o gosudarstvennom naimenovanii Makedonii v 2008–2018 gg.* [From Bucharest to Prespa: Greek-Macedonian dispute over the state name of Macedonia in 2008–2018] // Slavyanskiy al'manah [Slavic Al'manac]. 2021. № 1–2. S. 207–232. (In Russ.)
- Koloskov E.A. Strana bez nazvaniya: vneshnepoliticheskii aspekt stanovleniya makedonskogo gosudarstva (1991–2001)* [Untitled Country: Foreign Policy Aspect of the Macedonian State (1991–2001)]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Koloskov E.A. Obraz Srednevekov'ya v shkol'nom obrazovanii stran Zapadnykh Balkan v nachale XXI veka* [The image of the Middle Ages in school education in the Western Balkans at the beginning of the 21st century] // Vox medii aevi. 2019. Vol. 2 (5). S. 88–101. URL: <http://voxmediiavei.com/2019-2-koloskov> (access date: 01.05.2022). (In Russ.)
- Koz'menko I.V. Dnevnik F.V. Chizhova "Puteshestvie po slavyanskim zemlyam" kak istochnik* [Diary of F.V. Chizhov "Journey through the Slavic lands" as a source] // Slavyanskii arhiv. Sbornik statej i materialov [Slavic archive. Collection of articles and materials]. Moskva, 1958. S. 127–260. (In Russ.)
- Kulakovskij P.A. Illirizm. Issledovanie po istorii horvatskoj literatury perioda vrozozhdeniya* [Illyrianism. A study of the history of Croatian literature of the Renaissance]. Varshava, 1894. (In Russ.)
- Kuz'micheva L.V. Serbo-horvatskie sblizheniya i konflikty v XIX – nachale XXI v.* [Serbo-Croatian rapprochements and conflicts in the 19th – early 21st century] // Konflikty i kompromissy v istorii mirovykh tsivilizatsii [Conflicts and compromises in history of world civilizations]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Kupriyanov P.S. Predstavleniya o narodakh u rossijskikh puteshestvennikov nachala XIX v.* [Representations of the peoples of Russian travelers in the early 19th century] // Etnograficheskoe obozrenie [Epigraphic Review]. 2004. № 2. S. 21–37. (In Russ.)
- Leshchilovskaya I.I. Illirizm. K istorii horvatskogo natsional'nogo Vozrozhdeniya* [Illyrianism. On the History of the Croatian National Revival]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Leshchilovskaya I.I. Horvatiya v XVII–XIX vekakh: kul'turnye aspekty istoricheskogo razvitiya* [Croatia in the 17th–19th centuries: cultural aspects of historical development]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. Illirijiskij mif v interpretacii slavyanskikh intelektualov Zapadnykh Balkan (XV–XXI vv.)* [Illyrian myth in the interpretation of Slavic intellectuals in the Western Balkans (15th–21st centuries)] // Vestnik Slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]. 2011. № 4 (22). S. 44–53. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. Albano-slavyanskije kontakty: konflikty, istoricheskie mify i proizvodstvo krizisov* [Albanian-Slavic Contacts: Conflicts, Historical Myths and the Production of Crisis Owls] // Vestnik Permskogo universiteta [Perm University Herald]. Ser. "Istoriya". 2011. Vyp. 1 (15). S. 156–162. (In Russ.)

- Lomonosov M.Yu.* Vozrozhdenneya Dardaniya: istoriya novoprovozglashennogo gosudarstva v ekspozitsii muzeya Kosovo [Revived Dardania: the history of the newly proclaimed state in the exposition of the Museum of Kosovo] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2010. № 4. S. 59–68. (In Russ.)
- Martynova M.Yu.* Balkanskii krizis: narody i politika [The Balkan crisis: peoples and politics]. Moskva, 1998. (In Russ.)
- Myl'nikov A.S.* Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoi Evropy. Predstavleniya ob etnicheskoj nominatsii i etnichnosti XVI – nachala XVIII veka [The picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe. Representations of ethnic nomination and ethnicity of the 16th – early 18th century]. Sankt-Peterburg, 1991. (In Russ.)
- Nikiforov K.V.* “Nachertanie” IIIi Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg. [Elijah Garasanin’s “Outline” and Serbian Foreign Policy in 1842–1853]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Nikovskij R.* SShA i nezavisimaya Makedoniya (1991–2013) [United States and Independent Macedonia (1991–2013)]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Otkrytie “brat’ev slavyan”: russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka. [Discovery of the “brothers of the Slavs”: Russian travelers in the Balkans in the first half of the 19th century] / sost, predislovie biograficheskoe spravki, kommentarii i zaklyuchitel’naya stat’ya M.V. Belova. Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Ponomareva E.G.* Aktual’nyi diskurs o tipah i tendentsiyah razvitiya nacional’nogo gosudarstva [Current discourse on the types and tendencies of development of the national state] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2013. № 4. S. 195–203. (In Russ.)
- Rid D.* Vdol’ fronta [Along the front] Moskva; Leningrad, 1928. (In Russ.)
- Shnirel’man V.A.* Natsional’nyi mif: osnovnye harakteristiki (na primere etnogeneticheskikh versii vostochnoslavyanskikh narodov) [National myth: main characteristics. (on the example of ethnogenetic versions of the East Slavic peoples)] // Slavyanovedenie [Slavic Studies]. 1995. № 6. S. 3–13. (In Russ.)
- Terzich S.* Staraya Serbiya (XIX–XX vv.). Drama odnoj evropeiskoi civilizatsii [Old Serbia (19th–20th centuries). A drama of a European civilization]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Timofeev A.Yu.* Krest, kinzhal i kniga. Staraya Serbiya v politike Belgrada 1878–1912 gg. [Cross, dagger and book. Old Serbia in the politics of Belgrade 1878–1912]. Sankt-Peterburg, 2007. (In Russ.)
- Tret’yakova M.* Makedoniya 2001. Novyi vitok krizisa: Istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviya [Macedonia 2001. A new round of the crisis: Historical background and political consequences]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Ulunyan A.A.* Balkany i “arhaichno-antichnoe” prostranstvo: istoricheskie otrazheniya v ideologicheskoi srede nacional’nykh diskursov [The Balkans and the archaic-ancient space: historical reflections in the ideological environment of national discourses] // Konstruirovaniye istorii. Kto my? [Institutionalization of History. Who are we?] Sankt-Peterburg, 2019. S. 205–236. (In Russ.)
- Vishnyakov Y.V.* Serbskij socium v nachale XX veka. Militarizatsiya povsednevnosti [Serbian society at the beginning of the 20th century. Militarization of everyday life] // Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2019. № 6. S. 28–45. (In Russ.)
- Vishnyakov Y.V.* Serbiya v nachale pervoi mirovoi voyny: 1914–1915 gody [Serbia at the beginning of the First World War: 1914–1915] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2013. № 2. S. 53–65. (In Russ.)
- Vmeste v stoletii konfliktov. Rossiya i Serbiya v XX veke [Together in a century of conflict. Russia and Serbia in the 20th century]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Yugoslaviya v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii [Yugoslavia in the 20th century. Essays on political history]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Chubrilovich V.* Istorija politichke misli u Srbije XIX v. [History of political thought in Serbia in the 19th century]. Beograd, 1958. (In Serbian)
- Istorija naroda Jugoslavije [History of the people of Yugoslavia]. Zagreb, 1953. (In Serbian)
- Istorija Jugoslavije [History of Yugoslavia]. Beograd, 1972. (In Serbian)
- Rustich D.* Mitovi srpske istorie [Myths of Serbian History]. Beograd, 2019. (In Serbian)
- Љbushich R.* Књига о Nachertaniju [A book about Nacertani]. Beograd, 1993. (In Serbian)
- Ђorovich V.* Istorija Jugoslavije [History of Yugoslavia]. Beograd, 1933. (In Serbian)

DOI: 10.31857/S013038640021036-7

© 2022 г. М.В. МИНАЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ 2019 года

Минаев Максим Викторович – кандидат политических наук, заместитель руководителя Центра политических исследований Фонда развития гражданского общества (Москва, Россия).

E-mail: minaev@civiltfund.ru

ORCID: 0000-0001-8497-1995

Аннотация. В статье показаны ведущие политические стратеги и специалисты по политическим коммуникациям (спин-доктора) британской Консервативной партии в контексте их участия в избирательных кампаниях 2019 г. Цель статьи – продемонстрировать вклад пула политических стратегов в избрание Бориса Джонсона лидером тори, а затем в победу Консервативной партии на досрочных выборах в Палату общин. В центре исследования находятся два основных аппаратных объединения политтехнологов – «австралийский» пул и «британский» пул. Ведущим лицом «австралийской» группы выступал Линтон Кросби, а «британской» – Доминик Каммингс. В статье рассмотрена роль всех ведущих представителей обеих групп в кампании по выборам лидера Консервативной партии и кампании по досрочным парламентским выборам, в том числе Линтона Кросби, Доминика Каммингса, Марка Фуллброка, Айзека Левидо, Майкла Брукса, Эдварда Листера и Ли Кэйна. Отмечается, что в 2019 г. Консервативная партия располагала сильнейшим подбором политических стратегов и технологов в своей новейшей истории. Именно они обеспечили сохранение за тори статуса главной политической силы Великобритании. Основные источники статьи – публикации в британской и австралийской прессе, официальные документы Консервативной партии, включая предвыборные манифесты кампании 2019 г., оригинальные работы британских политиков (прежде всего, Бориса Джонсона), интервью с британскими и австралийскими политическими стратегами.

Ключевые слова: Великобритания, электоральная история, политические технологии, политический стратег, избирательная кампания, Борис Джонсон, Линтон Кросби, Доминик Каммингс, Консервативная партия Великобритании, выборы, британский парламент.

M.V. Minaev

UK Conservative Party's Political Strategists in 2019 Election Campaigns

Maxim Minaev, Center for Political Studies, Foundation for Civil Society Development (Moscow, Russia).

E-mail: minaev@civiltfund.ru

ORCID: 0000-0001-8497-1995

Abstract. In this article, the author examines the leading political strategists and spin doctors of the Conservative Party in the context of their involvement in the 2019 United Kingdom election campaigns. The purpose of the article is to demonstrate the political strategists' contribution in Boris Johnson's Tory leadership election victory and in the United Kingdom general election Conservative triumph. The focus of the article is on two main strategist groups, namely the Australian pool and the British

pool. The major figure among Australians was Lynton Crosby, among British - Dominic Cummings. The article considers the role of both strategists' leading representatives in the Conservative Party leadership election campaign and United Kingdom general election campaign, including Lynton Crosby, Dominic Cummings, Mark Fullbrook, Isaac Levido, Michael Brooks, Edward Lister, and Lee Cain. The author demonstrates that in 2019, the Conservative Party had the strongest Political Strategists Corps in its recent history. They ensured that the Tories retained their position as the main political force in the UK. The main sources of this article are publications in the British and Australian media, official Conservative Party documents, including the 2019 general election campaign manifestos, original writings of British politicians and policy-makers, especially those of Boris Johnson, and interviews with both British and Australian political analysts.

Keywords: United Kingdom, electoral history, political technology, political strategist, election campaign, spin doctor, Boris Johnson, Lynton Crosby, Dominic Cummings, UK Conservative Party, elections, UK Parliament.

Вторая половина 2019 г. в политической жизни Великобритании ознаменовалась триумфом политика-консерватора Бориса Джонсона. 22 июля бывший мэр Лондона и экс-министр иностранных дел победил на выборах лидера Консервативной партии. Этот успех обеспечил ему пост премьер-министра, на который он был официально назначен королевой Елизаветой II 24 июля. А 12 декабря 2019 г. руководимая Б. Джонсоном Консервативная партия добилась убедительной победы на досрочных выборах в Палату общин¹. Результат, продемонстрированный тори в ходе голосования, оказался лучшим для них с 1987 г.²

За победами Б. Джонсона и возглавляемой им партией стоял достаточно широкий круг политических стратегов, технологов и спин-докторов³. Именно они отвечали за разработку и последующее воплощение в жизнь сначала предвыборной стратегии и тактики самого политика на внутривыборных выборах, а затем уже партии в целом на досрочных выборах в Палату общин.

В персональном плане этот круг можно условно разделить на две самостоятельные группы. В первую из них входили преимущественно партнеры и соратники видного австралийского политического технолога Линтона Кросби. Причем часть из них являлась выходцами из Австралии и Новой Зеландии. Данное обстоятельство позволяет условно обозначить первую группу как «австралийскую». Ее отличительные черты – консолидированный характер и наличие ярко выраженного лидера.

Второй пул политических технологов являлся куда менее целостным объединением, лишенным общего предводителя. Его участников объединял опыт сотрудничества с Б. Джонсоном и другими политиками, продвигавшими идею выхода Британии из Европейского союза (ЕС). К ним относились политтехнологи, в разное время работавшие под руководством Б. Джонсона в аппарате мэрии Лондона и центральном аппарате Форин-офис. Кроме того, выделялись специалисты, работавшие в 2015–2016 гг. в штабе кампании «Голос за выход» (Vote Leave). Она проводилась группой политиков-евроскептиков (во главе со все тем же Б. Джонсоном и его тогдашним политическим партнером Майклом Гоувом) за выход Британии из ЕС. Доминирование в этой группе представителей Соединенного Королевства позволяет обозначить ее как «британскую».

Условный статус второй группы подчеркивало отсутствие единства в ее рядах – в ней выделялись два обособленных образования: подгруппа, объединенная принадлежностью

¹ Тори смогли получить в нижней палате парламента 365 голосов. Их главный оппонент – Лейбористская партия – заняла второе место, завоевав 202 мандата.

² Тогда на выборах, прошедших 11 июня 1987 г., Консервативная партия, ведомая Маргарет Тэтчер, получила 376 мест.

³ Спин-доктор (spin doctor) – специалист по политической пропаганде и политическому PR, занимающийся регулированием информационной политики партии или правительства. См.: Jones N. Sultans of Spin: The Media and the New Labour Government. London, 1999; Бодрунова С.С. Современные стратегии британской политической коммуникации. М., 2010. С. 122–126.

к аппарату Vote Leave, и подгруппа, вышедшая из мэрии Лондона (так называемая «фракция Сити-холл»⁴). Лидером подгруппы Vote Leave выступал Доминик Каммингс. Во главе «фракции Сити-холл» находился Эдвард Листер. При этом вторая подгруппа во многом примыкала к пулу Л. Кросби. В преддверии и уже в ходе кампании по выборам в Палату общин между альянсом из группы Л. Кросби и «фракции Сити-холл», с одной стороны, и Vote Leave – с другой, шла аппаратная борьба⁵.

На институциональном уровне представительство обеих фракций в избирательных штабах сначала Б. Джонсона, а затем Консервативной партии заметно разнилось. В кампании по выборам лидера тори большая часть специалистов из объединения, возглавляемого Л. Кросби, составляла основу официального штаба Б. Джонсона («Команда Бориса» – Team Boris). На досрочных же выборах в Палату общин положение «австралийского» пула изменилось. Часть его представителей составила так называемое «неофициальное» крыло предвыборного штаба тори, работая в частных консалтинговых структурах. Другая же часть группы, напротив, находилась на видных позициях в официальной предвыборной штаб-квартире Консервативной партии (Conservative Campaign Headquarters – CCHQ). В то же время ни один из крупных представителей «австралийцев» не занимал постов в аппарате премьер-министра на Даунинг-стрит, 10 (Office of the Prime Minister), который в ходе предвыборной кампании де-факто являлся еще одним крылом штаба консерваторов.

Представители «британской» группы весьма ограниченно присутствовали в «Команде Бориса» в ходе состязания по определению лидера тори – лишь немногие из них работали на победу бывшего мэра Лондона. Напротив, некоторые из членов данного пула сотрудничали со штабами прямых конкурентов Б. Джонсона. Вклад этой группы в конечную победу действующего премьера оказался не столь ощутимым, как у объединения Л. Кросби. Зато после победы на внутрипартийных выборах именно политтехнологи из штаба кампании Vote Leave, Форин-офис и мэрии Лондона заняли ведущие должности в офисе премьер-министра.

В кампании по выборам в парламент «британская» группа представляла в основном ту часть предвыборного штаба тори, которая ассоциировалась с аппаратом кабмина и не входила в предвыборную партийную структуру. Ее представители занимались не только вопросами кампании, но и актуальной повесткой Б. Джонсона как действующего премьера.

Значимость «австралийской» группы политтехнологов не в последнюю очередь определялась весом и влиянием Л. Кросби. Не будет большим преувеличением сказать, что он – ведущий политический технолог британской Консервативной партии последнего десятилетия, имеющий при этом опыт работы на парламентских выборах и с политиками в Австралии, Новой Зеландии и Шри-Ланке⁶. О статусе австралийского специалиста говорят такие данные ему неформальные прозвища, как «мастер темных политических наук», «австралийский Карл Роув» и «Волшебник страны Оз»⁷.

Историю сотрудничества с британскими тори Л. Кросби ведет с 2005 г., когда он уже был известным австралийским политтехнологом. На всеобщих выборах 2005 г. Л. Кросби входил в число главных стратегов избирательной кампании консерваторов, возглавляемых Майклом

⁴ От Сити-холл (City Hall) – здания в Лондоне, где располагается штаб-квартира мэра города и администрация Большого Лондона.

⁵ Mason R. Veteran Boris Johnson aide quits as Downing Street adviser // The Guardian. 2019. September 30. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/sep/30/veteran-boris-johnson-aide-quits-as-downing-street-adviser> (дата обращения: 17.02.2022).

⁶ Л. Кросби тесно связан с Либеральной партией Австралии и регулярно работает в ее избирательных штабах, начиная с выборов 1996 г. Также был советником премьер-министра Новой Зеландии Джона Ки. Работал на парламентских выборах в Шри-Ланке в 2015 г.

⁷ Карл Роув – американский политический стратег, занимавший посты старшего советника президента и заместителя главы аппарата Белого дома по политике в администрации президента США Джорджа Буша-мл. Провел успешную кампанию 2000 г. по избранию Дж. Буша-мл. президентом.

«Волшебник страны Оз» – обыгрывание неформального прозвища австралийцев «оззи» (aussie).

Говардом⁸. Добиться победы тори тогда не смогли. После этого Л. Кросби был одним из руководителей кампаний Консервативной партии на всеобщих выборах в 2015 и 2017 гг. Его несомненный успех — победа консерваторов во главе с Дэвидом Кэмероном на голосовании 2015 г. Тори смогли получить 330 мест в Палате общин, улучшив свои показатели по сравнению с выборами 2010 г. на 25 мандатов. Поражение лейбористов (потеряли 26 мест) и низкие результаты либеральных демократов (лишились сразу 49 мандатов) позволили консерваторам сформировать кабинет министров без ограничивающих свободу политического маневра коалиций.

Также в актив Л. Кросби можно занести и победу консерваторов на досрочных выборах в июне 2017 г. Невзирая на неблагоприятные электоральные оценки и начавшийся кризис лидерства, тори сохранили за собой большинство в Палате общин, получив 317 мест (потеряв по сравнению с выборами 2015 г. 13 мандатов). В этой кампании Л. Кросби был главным политическим стратегом предвыборного штаба Консервативной партии, о чем официально заявляла тогдашний лидер тори и глава кабинета министров Тереза Мэй⁹.

Сотрудничество Л. Кросби с Б. Джонсоном началось достаточно давно. Причем их связывают как продуктивный опыт работы, так и личные отношения. Австралийский политстратег руководил избирательными кампаниями политика на выборах мэра Лондона в мае 2008 и в мае 2012 г.¹⁰ Оба голосования закончились победой Б. Джонсона, одержавшего верх над своим конкурентом от Лейбористской партии Кеном Ливингстоном. Избрание и переизбрание на пост мэра британской столицы закрепили за Б. Джонсоном репутацию победителя.

О значимости Л. Кросби как персонального консультанта Б. Джонсона говорит его роль в выработке модели позиционирования политика в ходе кампании по выборам мэра Лондона в 2007—2008 гг. Осенью 2007 г., согласно данным соцопросов, у Б. Джонсона не было шансов победить тогдашнего мэра британской столицы К. Ливингстона. Но пришедший в конце того же года в штаб консервативного кандидата Л. Кросби качественно трансформировал его имидж. Из эксцентричного весельчака и баламута Б. Джонсон стал постепенно превращаться в ответственного, волевого и энергичного политика. Резко возрос уровень его узнаваемости горожанами. Лондонцы стали идентифицировать его просто по имени. Общественность и СМИ заговорили о Б. Джонсоне как о «Бренде Борис» (Brand Boris).

Среди оригинальных разработок, приписываемых австралийскому политтехнологу, следует выделить информационно-политическую концепцию «мертвой кошки» (Dead cat theory). Она была описана Б. Джонсоном в статье для *The Daily Telegraph*¹¹: когда одна из сторон начинает проигрывать политический спор или информационную кампанию, необходимо поднять резонансный и острый вопрос, не имеющий к ней отношения. Он должен привлечь широкое внимание общественности и СМИ, заставив политических оппонентов также переключиться на его обсуждение. Такой вопрос или тема выступают в роли «мертвой кошки», которую в нужной ситуации «бросают на стол». Сформулированная

⁸ *Tu Thanh Ha*. Who is Lynton Crosby, the 'master of dark arts' now behind Harper's campaign? // *The Globe and Mail*. 11.IX.2015. URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/politics/who-is-lynton-crosby-the-evil-genius-behind-harpers-campaign/article26331033/> (дата обращения: 17.02.2022).

⁹ *Swinford S*. Sir Lynton Crosby — aka The Wizard of Oz — to play key role in Theresa May's election campaign // *The Telegraph*. 19.IV.2017. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/04/18/sir-lynton-crosby-play-key-role-theresa-mays-general-election/> (дата обращения: 17.02.2022).

¹⁰ *Oliver Jh., Oakeshott I*. Onward Tory soldiers // *The Times*. 4.V.2008; Tories hire Boris Johnson's strategist Lynton Crosby // *BBC News*. 18.XI.2012. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-20382666/> (дата обращения: 17.02.2022).

¹¹ *Johnson B*. This cap on bankers' bonuses is like a dead cat — pure distraction // *The Telegraph*. 3.III.2013. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/9906445/This-cap-on-bankers-bonuses-is-like-a-dead-cat-pure-distract.html> (дата обращения: 17.02.2022).

Л. Кросби стратегия в последующем регулярно применялась в информационном поле как консерваторами, так и лейбористами¹².

В отличие от остальных политтехнологов, связанных с тори, Л. Кросби обладает явной политической субъектностью и ведет себя на британском политическом поле во многом как самостоятельный игрок. Его сотрудничество с Б. Джонсоном в кампаниях 2019 г. было продиктовано не только историей их предшествующих взаимоотношений, но и политическими трениями между австралийским стратегом и руководством консервативного кабинета министров. Сделав Л. Кросби главным лицом предвыборного штаба в 2017 г., Т. Мэй рассчитывала на убедительную победу на выборах. От этого зависела в том числе реализация ее сценария по выходу страны из Европейского союза. Однако по итогам голосования фракция тори в палате общин сократилась с 330 до 317 депутатов. Формально этот результат был лучше, чем в 2010 г. Тогда консерваторы получили 306 мест в нижней палате парламента. Но в реалиях 2017 г., определявшихся переговорами с ЕС и процедурой брексита, политического потенциала такой фракции оказалось недостаточно.

Публикации о том, что Л. Кросби провел «провальную» и «ужасную» кампанию с негативным результатом, появились в британской прессе сразу после выборов в июне 2017 г.¹³ И это было в том числе следствием утечек с Даунинг-стрит, говорящих о недовольстве его работой. Показательно, что на партийной конференции тори, состоявшейся в октябре 2017 г., стало известно, что Л. Кросби намерен консультировать тогдашнего министра внутренних дел Эмбер Радд, которая планировала побороться за пост лидера партии¹⁴, т.е. выступить прямым конкурентом Т. Мэй.

А спустя почти год, в сентябре 2018 г., стало известно об открытой конфронтации между Л. Кросби и тогдашним премьер-министром. По данным влиятельной *The Times*, австралийский политический стратег, обвиненный в неудовлетворительных результатах на выборах 2017 г., решил сорвать реализацию плана Т. Мэй по выходу из Евросоюза¹⁵. Как отмечало издание, Л. Кросби поручил своим партнерам расширить сотрудничество с той частью консерваторов-евроскептиков в Палате общин, которые выступали за выход из ЕС без сделки, с тем чтобы инициировать и провести национальную кампанию против плана Т. Мэй по брекситу. По данным газеты, свое решение Л. Кросби объяснял тем, что стратегия премьера по выходу из союза предают тех, кто изначально поддерживал брексит, а также может негативно отразиться на результатах Консервативной партии на следующих выборах в парламент. Также *The Times* отмечала, что Л. Кросби восстановил свое сотрудничество с Б. Джонсоном и намерен сделать на него ставку, содействуя избранию лидером тори и премьер-министром.

Еще одна отличительная черта Л. Кросби – в политических кампаниях 2019 г. он не занимал какой-либо формальной должности в штабах тори, оставаясь теневым стратегом и официально находясь на руководящих постах в своих компаниях *Crosby Textor Group* и *CTF Partners*, специализирующихся на политическом консалтинге, PR, электоральных технологиях и лоббизме.

В ходе гонки по выборам лидера Консервативной партии летом 2019 г. Л. Кросби выступал неофициальным советником Б. Джонсона по вопросам кампании и оценке электоральных

¹² Впрочем, Л. Кросби принадлежит не столько авторство, сколько переосмысление ранее сложившейся техники манипуляции информацией. Она известна как «прерывание огня» и впервые была сформулирована в конце 1990-х годов тогдашними спин-докторами Лейбористской партии Питером Мандельсоном и Алистером Кэмпбеллом. См.: *Бодрунова С.С.* Указ. соч. С. 244–245.

¹³ *Parkinson H.J.* Lynton Crosby isn't a genius – and five other lessons the election taught us // *The Guardian*. 9.VI.2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/09/lynton-crosby-isnt-genius-five-other-lessons-election-taught-us> (дата обращения: 17.02.2022).

¹⁴ Send for Lynton! Is calling in Crosby proof that Amber Rudd wants to be PM? // *The Guardian*. 3.X.2017. URL: <https://www.theguardian.com/politics/shortcuts/2017/oct/03/amber-rudd-lynton-crosby-pm-leadership-bid> (дата обращения: 17.02.2022).

¹⁵ *Shipman T.* Theresa May's election boss Lynton Crosby tries to scupper her Brexit deal // *The Sunday Times*. 2.IX.2018.

исследований. В его компетенцию входило консультирование Б. Джонсона по общей линии проведения кампании, а также по ситуации, связанной с динамикой рейтинга его популярности среди членов партии. Именно Л. Кросби определял стратегию гонки, анализировал результаты социологических опросов, формировал модель позиционирования Б. Джонсона в ходе встреч с партийным активом. Также Л. Кросби курировал работу политтехнологов из STF Partners, занимавших официальные позиции в штабе Б. Джонсона. Наконец, он отвечал за коммуникации с противниками Т. Мэй — сторонниками жесткого брексита в парламентской фракции тори. Во многом именно их поддержка принесла Б. Джонсону победу в первых пяти турах внутрипартийного голосования.

Летом 2019 г. Л. Кросби был главным «теневым» стратегом кампании. Значение австралийского технолога в рядах Team Boris СМИ оценивали как весьма высокое¹⁶. И во многом благодаря именно его усилиям Б. Джонсон смог стать главой тори. За него проголосовали 51,3% членов консервативной фракции в Палате общин и 66,4% рядовых членов партии.

На досрочных парламентских выборах значение Л. Кросби оказалось заметно скромнее. Согласно британским медиа, с момента назначения еще одного политического стратега — Доминика Каммингса — главным специальным советником премьер-министра в июле 2019 г. последний повел наступление на позиции своего австралийского коллеги-конкурента¹⁷. И в ходе новой избирательной гонки роль Л. Кросби оказалась преимущественно консультационной. Он смог делегировать в предвыборную штаб-квартиру Консервативной партии своего человека Айзека Левидо, но сам при этом был далеко не первым лицом в том, что касалось планирования и реализации кампании¹⁸. В его ведении оставались в основном вопросы общего порядка и те направления (например, социологические исследования), которые ССНҚ делегировала STF Partners.

Сохранив статус теневого политического консультанта, Л. Кросби выступал как негласный куратор всего неформального блока избирательного штаба Консервативной партии¹⁹. Его прикладная компетенция сводилась к координации усилий работавших на штаб тори специалистов STF Partners и других частных компаний, привлеченных к участию в выборах. Особняком стояло персональное консультирование Б. Джонсона по вопросам кампании, связанным с предвыборным позиционированием премьер-министра и работой с избирателями.

Помимо Л. Кросби ведущими лицами «австралийской» группы политических технологов были Марк Фуллброк и Айзек Левидо.

М. Фуллброк — близкий соратник Л. Кросби и его партнер по компаниям Crosby Textor Group и STF Partners. Основная специализация М. Фуллброка — работа с первичными партийными организациями и ведение кампаний в конкретных избирательных округах, в том числе тех, что являются предметом спора между партиями.

¹⁶ *Rentoul Jh.* Boris Johnson: The team trying to shepherd the wayward Conservative frontrunner into No 10 // *The Independent*. 11.VI.2019. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/boris-johnson-tory-leadership-race-james-wharton-lee-cain-carrie-symonds-a8953976.html> (дата обращения: 17.02.2022); *Leeuwen van H.* Why Boris' bid for the top is a big deal for Lynton Crosby // *The Australian Financial Review*. 28.VI.2019. URL: <https://www.afr.com/world/europe/why-boris-bid-for-the-top-is-a-big-deal-for-lynton-crosby-20190628-p5223b> (дата обращения: 17.02.2022).

¹⁷ *Dunn T.N.* Boris Johnson's allies accused him of shutting them out to listen to Leave guru Dominic Cummings and girlfriend Carrie Symonds // *The Sun*. 29.IX. 2019. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/10031075/boris-johnson-accused-shutting-out/> (дата обращения: 17.02.2022); *Mason R.* Veteran Boris Johnson aide quits as Downing Street adviser.

¹⁸ *Cole H.* 'Wizard of Oz' Australian election king Sir Lynton Crosby has lost his magic for Boris Johnson as he loses out on running General Election campaign // *The Mail On Sunday*. 12.X.2019. URL: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-7566535/Australian-election-king-Sir-Lynton-Crosby-loses-running-Johnsons-General-Election-campaign.html> (дата обращения: 17.02.2022).

¹⁹ *Leeuwen van H.* Antipodeans beef up Boris' campaign, but Crosby isn't centre stage // *The Australian Financial Review*. 2019. November 1 // URL: <https://www.afr.com/world/europe/antipodeans-beef-up-boris-campaign-but-crosby-isn-t-centre-stage-20191101-p536f9> (дата обращения: 17.02.2022).

М. Фуллброк относится к числу наиболее опытных политтехнологов, связанных с консерваторами. Впервые он получил известность в ходе всеобщих выборов 1992 г., когда провел кампанию тори по борьбе за целевые места²⁰. Эта кампания обеспечила победу Консервативной партии и ее тогдашнему лидеру Джону Мейджору, хотя прогнозы прочили успех лейбористам. Тори победили четвертый раз подряд и сохранили контроль над кабинетом министров, несмотря на завершение в 1990 г. политической карьеры своего многолетнего лидера Маргарет Тэтчер.

Имеет М. Фуллброк и опыт работы с Б. Джонсоном. В 2012 г. он был заместителем директора избирательной кампании политика на выборах мэра Лондона, работая в команде Л. Кросби²¹. Б. Джонсон, мэр британской столицы с 2008 г., шел тогда на переизбрание. М. Фуллброк вместе с другими политическими специалистами обеспечили ему повторную победу над оппонентом-лейбористом К. Ливингстоном.

В ходе гонки по выборам лидера тори М. Фуллброк был главным политтехнологом в команде Б. Джонсона. Он занимал пост руководителя его избирательного штаба (campaign chief executive). В этом качестве М. Фуллброк отвечал за все технологические вопросы кампании своего подопечного. В его компетенцию входили: разработка и реализация общей стратегии кампании, планирование ее политической повестки, контроль за воплощением в жизнь ежедневных мероприятий. На заключительном этапе гонки главной задачей М. Фуллброка была борьба за поддержку кандидатуры Б. Джонсона большинством из 160 тыс. рядовых членов Консервативной партии. Она свелась к полевой работе специалистов команды начальника штаба с активом региональных партийных организаций²².

Именно усилия группы М. Фуллброка на низовом партийном уровне принесли Б. Джонсону победу. Агитация и пропаганда, развернутые в регионах, позволили склонить рядовых тори на сторону бывшего мэра Лондона. В ходе партийного волеизъявления свои голоса за Б. Джонсона отдали 92 153 человека (66,4%). Его конкурент Дж. Хант смог заручиться поддержкой 46 656 членов партии (33,6%). Результаты внутрипартийных выборов 2019 г. упрочили реноме М. Фуллброка как одного из ключевых консервативных политтехнологов.

После назначения Б. Джонсона на пост премьер-министра М. Фуллброк, как и Л. Кросби, не вошел в официальный штат аппарата премьер-министра, предпочтя остаться в коммерческом секторе. Он сохранил статус партнера Л. Кросби по Crosby Textor Group и STF Partners, находясь в дирекции данных фирм.

В кампании по выборам в Палату общин М. Фуллброк относился уже к неофициальному крылу предвыборного штаба Консервативной партии. Наряду с Л. Кросби он был одним из его главных лиц. В новой гонке М. Фуллброк отвечал за выработку общей стратегии и тактики продвижения кандидатов тори в мажоритарных округах, выстраивание коммуникации с электоратом, персонифицированную политическую рекламу и пропаганду. Другое дело, что если летом 2019 г. он был фигурой, концентрировавшей практически всю работу на низовом уровне в своих руках, то осенью—зимой вместе с М. Фуллброком за это направление также отвечал и аппарат ССНҚ.

Еще одним видным лицом, представляющим «австралийскую» группу политтехнологов, являлся Айзек Левидо. Как и Л. Кросби, он выходец из Австралии и свою карьеру политического консультанта начинал именно там. А. Левидо — специалист компании STF Partners,

²⁰ *Blitz J.* Team Boris: the four people behind Johnson's bid for power // The Financial Times. 26.VI.2019. URL: <https://www.ft.com/content/6de86084-9760-11e9-9573-ee5cbb98ed36> (дата обращения: 17.02.2022).

²¹ *Hattenstone S.* 'It's ugly and dangerous': the inside story of the battle to be London mayor // The Guardian. 30.IV.2016. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/apr/30/battle-london-mayor-dirtiest-fight-zac-goldsmith-sadiq-khan> (дата обращения: 17.02.2022).

²² *Parker G., Pickard J., Payne S.* Johnson shakes up Conservative leadership campaign team // The Financial Times. 25.VI.2019. URL: <https://www.ft.com/content/b44dae22-9741-11e9-8cfb-30c211dcd229> (дата обращения: 17.02.2022).

ставленник и протеже Л. Кросби²³. Под началом последнего он работал на парламентских выборах в Великобритании в 2015 и 2017 гг. Тогда в штабе консерваторов А. Левидо входил в число ведущих специалистов, отвечавших за политические вопросы.

Также в его активе значится работа на выборах мэра Лондона в 2016 г. А. Левидо трудился в избирательном штабе кандидата от тори Зака Голдсмита, который позиционировался как преемник Б. Джонсона²⁴. Несмотря на то, что штаб консервативного кандидата возглавлял сам Л. Кросби, а Лондон после мэрской легислатуры Б. Джонсона воспринимался едва ли не как вотчина тори, добиться победы им не удалось. З. Голдсмит уступил своему оппоненту от лейбористов Садику Хану. За консервативного кандидата в первом туре проголосовало 35% избирателей, а во втором — 43,2%. В свою очередь, С. Хан в первом раунде голосования набрал 44,2%, а во втором — 56,8%.

В то же время у А. Левидо есть успешный опыт работы на федеральных выборах в Австралии. Весной 2019 г. он был заместителем директора кампании Либеральной партии, политического стратега Эндрю Хёрста²⁵. В гонке Либеральная партия выступала как часть Либерально-национальной коалиции вместе с Национальной партией Австралии. Усилия команды во главе с Э. Хёрстом и А. Левидо принесли альянсу, возглавляемому Скоттом Моррисоном, победу. По итогам выборов, прошедших 18 мая, он получил 41,44% и 77 мест в нижней палате парламента. А сам С. Моррисон сохранил за собой пост премьер-министра страны. За оппонентов коалиции, местных лейбористов, проголосовало 33,34%, что обеспечило им 68 мандатов.

Как и некоторые другие представители двух групп политтехнологов, сотрудничавших с Б. Джонсоном и Консервативной партией, А. Левидо в ходе электорального цикла 2019 г. участвовал лишь в одной кампании — досрочных выборах в Палату общин. После австралийских федеральных выборов он до августа 2019 г. был заместителем директора аппарата Либеральной партии Австралии. И лишь в начале августа, по согласованию со своим старшим партнером Л. Кросби, покинул этот пост, чтобы присоединиться к предвыборному штабу британских консерваторов²⁶.

Несмотря на отсутствие в числе творцов победы Б. Джонсона на выборах лидера тори, А. Левидо занял в кампании по досрочным выборам в Палату общин одну из руководящих позиций. В штабе Консервативной партии он был назначен директором по политике и проведению кампании²⁷. В отличие от своих коллег по группе, А. Левидо, не будучи интегрированным в аппарат премьер-министра, в то же время занял официальную должность в партийной машине тори. Тем самым он оказался главным лицом группы Л. Кросби в ССНҚ.

²³ *Mason R. Lynton Crosby protege positioned at heart of Tory election machine // The Guardian. 30.X.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/oct/30/lynton-crosby-isaac-levido-protege-conservative-election-machine> (дата обращения: 17.02.2022).*

²⁴ *Wilkinson M. Zac Goldsmith announces bid for London Mayor // The Telegraph. 8.VI.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/conservative/11661880/Zac-Goldsmith-announces-bid-for-London-Mayor.html> (дата обращения: 17.02.2022).*

²⁵ *Magnay Jc. Isaac Levido brings Aussie style to Johnson campaign // The Australian. 2.XI.2019. URL: <https://www.theaustralian.com.au/world/isaac-levido-brings-aussie-style-to-johnson-campaign/news-story/5326f25197cab94a1d981efef2c666dc> (дата обращения: 17.02.2022).*

²⁶ *Bourke L. Australian Liberal Party strategist to run Boris Johnson's election campaign // The Sydney Morning Herald. 7.VIII.2019. URL: <https://www.smh.com.au/world/europe/australia-liberal-party-crosby-textor-strategist-to-run-boris-johnson-s-election-campaign-20190802-p52dh3.html> (дата обращения: 17.02.2022).*

²⁷ *Wright O., Swinford S. Dominic Cummings passes election baton to softly spoken Australian Isaac Levido // The Times. 2.XI.2019. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/dominic-cummings-passes-election-baton-to-softly-spoken-australian-isaac-levido-t8lpmp0c> (дата обращения: 17.02.2022).*

А. Левидо — один из основных архитекторов победы Консервативной партии на досрочных выборах²⁸. Он курировал вопросы детализации и практического воплощения общей стратегии и тактики кампании тори, отвечал за анализ социологических исследований и определение мотивации избирателей, курировал продвижение кандидатов партии в сети Интернет. Кроме того, в ходе гонки А. Левидо выступал и как проводник инициатив и предложений Л. Кросби.

Также в ведение А. Левидо входила популяризация слоганов агитационной кампании консерваторов. Включая распространение и тиражирование главного из них — «Завершим брексит» («Get Brexit Done»), — сформулированного Д. Каммингсом²⁹. Вокруг этого лозунга было построено подавляющее большинство партийных агитационных роликов. Фраза активно использовалась в предвыборных мероприятиях и заявлениях Б. Джонсона (включая публикации в Twitter), а также роликах с его участием³⁰. Консультировал А. Левидо действующего премьера и по вопросам общения с прессой, а также по форматам поведения в публичной плоскости.

В случае с А. Левидо довольно непросто определить грань, разделяющую в его работе собственные инициативы от воплощения мыслей и идей Л. Кросби. Влияние австралийского гуру политических технологий в ходе парламентской кампании было на него весьма ощутимым. Тем не менее высокая позиция в штабе Консервативной партии, личный опыт и качества политического стратега позволяют рассматривать А. Левидо как вполне самостоятельную фигуру, внесшую более чем ощутимый вклад в победу тори на досрочных выборах³¹.

Едва ли не ключевую роль в парламентской кампании играли социологические исследования. Они позволили предвыборному штабу тори выявить новые для себя электоральные группы сторонников. Включая и тех, кто раньше регулярно отдавал предпочтение лейбористам. Консервативную партию в декабре 2019 г. во многом поддержали те же избиратели, которые в июне 2016 г. голосовали за выход страны из Евросоюза. Речь идет об электоральной коалиции сторонников разных партий, скептически относящихся к своим лидерам, политико-экономическому истеблишменту страны в целом и затянувшемуся процессу выхода из ЕС³².

Курирование социологического направления работы в штабе консерваторов находилось в ведении Майкла Брукса. Он также относился к группе политтехнологов во главе с Л. Кросби. М. Брукс — руководитель отдела исследований в компании STF Partners. Как и А. Левидо, он участвовал в федеральных выборах в Австралии в мае 2019 г., работая в штабе Либеральной-национальной коалиции. А после этого вслед за А. Левидо вошел в официальный штат ССНУ, заняв должность партийного специалиста по опросам общественного мнения³³. Здесь М. Брукс отвечал за весь спектр социологических исследований — от оценки уровня

²⁸ *Karp P.* Isaac Levido: the Australian political strategist credited with Boris Johnson's victory // The Guardian. 15.XII.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/dec/16/isaac-levido-the-australian-political-strategist-credited-with-boris-johnsons-victory> (дата обращения: 17.02.2022).

²⁹ *Perrigo B.* "Get Brexit Done". The 3 Words That Helped Boris Johnson Win Britain's 2019 Election // Time. 13.XII.2019. URL: <https://time.com/5749478/get-brex-it-done-slogan-uk-election/> (дата обращения: 17.02.2022).

³⁰ *Adam K.* 'Get Brexit done': Boris Johnson's effective but misleading slogan in the British election // The Washington Post. 12.XII.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/get-brex-it-done-boris-johnsons-effective-but-misleading-slogan-in-the-uk-election/2019/12/12/ec926baa-1c62-11ea-977a-15a6710ed6da_story.html (дата обращения: 17.02.2022).

³¹ *Swinford S.* Election 2019: Isaac Levido secured Tory triumph with skill and sharp slogan // The Times. 14.XII.2019. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/election-2019-isaac-levido-secured-tory-triumph-with-skill-and-sharp-slogan-ddg2h0t5g> (дата обращения: 17.02.2022).

³² *Malnick E.* How strategy borrowed from Dominic Cummings's Vote Leave wooed voters to Tories // The Telegraph. 14.XII.2019. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2019/12/14/strategy-borrowed-vote-leave-wooed-voters-tories/> (дата обращения: 17.02.2022).

³³ *Dunn T.N., Dathan M.* Election: How two unknown gurus masterminded Boris Johnson's victory with a charm offensive that wooed the nation // The Sun. 13.XII.2019. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/10549830/conservative-party-gurus-boris-johnson-election/> (дата обращения: 17.02.2022).

популярности ведущих лиц партии и кандидатов в отдельных округах до целевых опросов фокус-групп и анализа привлекательности партийной программы³⁴.

В руководстве Консервативной партии крайне неудовлетворительно оценили работу предвыборного штаба в сети Интернет в ходе парламентской кампании 2017 г. Тогда пул политтехнологов тори во главе с Л. Кросби не смог адекватно противодействовать интернет-усилиям лейбористов³⁵. В сети консерваторы потерпели поражение, оказавшись неспособными использовать ее ресурсы для агитации и привлечения избирателей. Напротив, лейбористы, несмотря на общее поражение, доминировали в Интернете. В аппарате партии учили данный факт и в ходе кампании 2019 г. приняли решение активизировать работу по данному треку. Для этого в предвыборном штабе было создано специальное подразделение. Основным куратором работы во Всемирной сети стал директор по политике А. Левидо.

Для продвижения партии в Интернете последний пригласил в избирательный штаб двух молодых специалистов по работе в социальных медиа — новозеландцев Шона Топхэма и Бена Герина. Они возглавляют SMM-агентство TG, базирующееся в Лондоне. Их профессиональный бэкграунд включает работу вместе с А. Левидо в штабе Либеральной-национальной коалиции на федеральных выборах в Австралии в мае 2019 г., сотрудничество с крупной трейдинговой компанией Glenscore International AG (со штаб-квартирой в Швейцарии)³⁶ и др. Победный опыт в австралийской гонке, а также знакомство с А. Левидо, являющегося их деловым партнером, обеспечили Ш. Топхэму и Б. Герину участие в избирательной кампании британских консерваторов.

Во Всемирной сети технологи тори сделали основной акцент на работе в Facebook. В Великобритании это наиболее популярная социальная платформа с широким общественно-политическим содержанием.

Предвыборная тактика консерваторов в Интернете была построена на использовании разветвленной сетки подлинных и поддельных аккаунтов. Их задачей являлось распространение «вирусных» роликов, мемов, GIF-изображений, кратких сообщений и прочего упрощенного контента. В частности, важное место занимали так называемые «бумер-мемы» — простые картинки с объяснением позиции тори по тому или иному актуальному вопросу повестки кампании и критикой взгляда на эту же тему лейбористов и других партий³⁷. Для привлечения внимания интернет-пользователей широко использовались заимствования из популярных в Британии телевизионных программ и сериалов. Например, из американского сериала «Игра престолов». Показательно, что основная часть подобных приемов была апробирована Ш. Топхэмом и Б. Герином на выборах в Австралии.

Упрощенный контент ориентировался на продвижение Консервативной партии и лично Б. Джонсона, создание позитивного образа проводимой им кампании и рекламу остальных кандидатов-тори. Отдельным направлением онлайн-усилий выступала дискредитация оппонентов, прежде всего лейбористов. Основной огонь критики был нацелен на верхушку Лейбористской партии и ее тогдашнего главу Джереми Корбина. По мнению британских СМИ, Facebook и его дочерняя платформа Instagram стали в ходе гонки главным полем электоральной онлайн-битвы³⁸.

³⁴ Payne S. UK election: how the Tories 'got it done' // The Financial Times. 22.XII.2019. URL: <https://www.ft.com/content/ab3692b0-2317-11ea-92da-f0c92e957a96> (дата обращения: 17.02.2022).

³⁵ Waterson J. Tories hire Facebook propaganda pair to run online election campaign // The Guardian. 23.X.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/oct/23/tories-hire-facebook-propaganda-pair-to-run-online-election-campaign> (дата обращения: 17.02.2022).

³⁶ Ibidem.

³⁷ Workman M., Hutcheon S. Topham Guerin: The team that helped Scott Morrison win is now working for Boris Johnson and Brexit // ABC News. 8.XI.2019. URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-11-08/topham-guerins-boomer-meme-industrial-complex/11682116> (дата обращения: 17.02.2022).

³⁸ Swinford S., Wright O. Election 2019: meet the whizzkids fighting the social media war // The Times. 18.XI.2019. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/election-2019-meet-the-whizzkids-behind-the-battle-for-social-media-jkpkz88rn> (дата обращения: 17.02.2022).

Что касается второй, «британской» группы политтехнологов, то ключевым и наиболее известным ее представителем являлся Доминик Каммингс. Он относился к числу самых влиятельных политических стратегов, связанных с Консервативной партией. Наибольшую известность Д. Каммингсу принесла именно кампания *Vote Leave*. Он присоединился к ее штабу сразу после старта данной инициативы в октябре 2015 г., заняв пост директора кампании³⁹. Примечательно, что основным идеологом и вдохновителем *Vote Leave* оказался другой видный британский стратег и политический лоббист Мэтью Эллиотт, также связанный с консерваторами. В штабе кампании он занимал должность главного исполнительного директора.

Как отмечалось выше, ведущими лицами данной инициативы выступали Б. Джонсон и М. Гоув (в 2019–2021 гг. — канцлер герцогства Ланкастерского, с 2021 г. — министр ЖКХ, общин и местного самоуправления). Кроме них видную роль играла Гизела Стюарт, бывшая тогда членом Лейбористской партии.

В аппарате *Vote Leave* Д. Каммингс отвечал за разработку всех основных составляющих стратегии кампании и их практическую реализацию. Он сформулировал ведущие слоганы кампании, определил повестку и темы общения ее основных персоналий с населением, задавал направления их публичной активности. В частности, авторству Д. Каммингса принадлежит главный слоган кампании «Вернуть контроль» (*Take back control*)⁴⁰. К заслугам Д. Каммингса относится и то, что именно он выявил те электоральные группы, которые, не будучи политически активными, скептически оценивали членство страны в ЕС. Голоса именно этих избирателей и определили в итоге результаты референдума.

Вклад Д. Каммингса в положительный для евроскептиков итог плебисцита (за выход из Евросоюза высказалось 51,89% британцев, против — 48,11%) британские эксперты и СМИ оценивают как едва ли не решающий⁴¹. Референдум сделал Д. Каммингсу имя крупного политтехнолога и идейного противника членства страны в Европейском союзе. После референдума он получил неофициальное прозвище «архитектор брексита» (*Brexit architect*)⁴².

Интрига ситуации с фигурой Д. Каммингса заключалась в том, что, входя в штаб *Vote Leave*, он в то же время не имел опыта персонального сотрудничества с Б. Джонсоном. Один из ведущих консервативных стратегов большую часть своей карьеры проработал в политической команде М. Гоува. Так, директором кампании *Vote Leave* Д. Каммингс стал именно как политический консультант М. Гоува. И их официальное и неофициальное партнерство продолжалось вплоть до назначения Б. Джонсона на пост премьер-министра.

В этом плане не случайно, что летом 2019 г. Д. Каммингс не входил в предвыборный штаб Б. Джонсона и не участвовал в кампании по его избранию лидером тори. Как указывалось выше, ключевые роли в окружении будущего главы кабинета играли австралийские политические стратеги. Были в «команде Бориса» и выходцы из аппарата кампании *Vote Leave*, в частности Ли Кэйн. Но главный «архитектор брексита» отсутствовал. Прежде всего, потому что одним из конкурентов Б. Джонсона в борьбе за пост лидера партии был давний патрон Д. Каммингса М. Гоув.

В ходе фракционных голосований в Палате общин последний смог навязать Б. Джонсону серьезную конкуренцию. М. Гоув оставался в числе соперников будущего премьера все пять

³⁹ *Bagehot*. An interview with Dominic Cummings // *The Economist*. 21.I.2016. URL: <https://www.economist.com/bagehots-notebook/2016/01/21/an-interview-with-dominic-cummings> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴⁰ *Merrick R., Kentish B.* Who is Dominic Cummings and was he really responsible for Brexit? // *The Independent*. 24.VII.2019. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/dominic-cummings-brexit-the-uncivil-war-channel-4-vote-leave-eu-benedict-cumberbatch-a8716346.html> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴¹ *Parker G.* Dominic Cummings has “done” Brexit. Now he plans to reinvent politics // *FT Magazine Life & Arts*. 16.I.2020. URL: <https://www.ft.com/content/0bf8a910-372e-11ea-a6d3-9a26f8c3cba4> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴² *Roper M.* How did ‘Brexit architect’ Dominic Cummings persuade a nation to vote for Leave? // *Daily Mirror*. 29.III.2019. URL: <https://www.mirror.co.uk/news/uk-news/how-brexit-architect-dominic-cummings-14197955> (дата обращения: 17.02.2022).

туров. Лишь в пятом, заключительном раунде фракционного голосования он выбыл из борьбы, оставив Б. Джонсона один на один с Д. Хантом. За М. Гоува тогда проголосовало 75 депутатов-тори, за Д. Ханта — 77. В то же время за Б. Джонсона свои голоса отдали 160 членов консервативной фракции.

Однако долгое сотрудничество с прямым конкурентом премьера не помешало назначению Д. Каммингса в аппарат Даунинг-стрит, 10. Уже 24 июля, в один день с назначением Б. Джонсона премьер-министром страны, он занял пост его старшего специального советника. Тем самым действующий глава кабинета признал ощутимый вклад Д. Каммингса в успешное проведение кампании по выходу Британии из Евросоюза, подтвердив статус одного из самых талантливых политтехнологов, связанных с тори⁴³.

В то же время в структуре аппарата премьер-министра потенциал Д. Каммингса был ограничен еще одним видным политическим технологом Эдвардом Листером, имеющим давний опыт работы с Б. Джонсоном⁴⁴. Э. Листер занял на Даунинг-стрит пост старшего советника премьер-министра по стратегическим вопросам. И в официальной иерархии офиса главы кабинета должность Э. Листера оказалась выше позиции, занимаемой Д. Каммингсом.

В парламентской кампании Д. Каммингс участвовал как ведущий сотрудник аппарата премьера. Офис на Даунинг-стрит по традиции выступал в качестве одного из официальных крыльев предвыборного штаба правящей Консервативной партии⁴⁵. В компетенцию «архитектора брексита» входил широкий круг вопросов, связанных с формированием и реализацией предвыборной стратегии консерваторов. Он, в частности, курировал процесс разработки и последующего воплощения отдельных составляющих стратегии, планирование ее ежедневной политической повестки, контролировал претворение в жизнь основных мероприятий кампании. Также Д. Каммингс, наряду с А. Левидо, отвечал за формирование и реализацию моделей предвыборного позиционирования Б. Джонсона.

Несмотря на то, что одним из ключевых лиц гонки по досрочным выборам в Палату общин британские СМИ признали А. Левидо, Д. Каммингс также сыграл в ней немаловажную роль. Прежде всего, как один из ведущих разработчиков концептуальной составляющей стратегии кампании консерваторов. К ее планированию он приступил в сентябре 2019 г., когда стало очевидно, что тори не смогут провести сделку по выходу страны из ЕС с текущим составом парламента⁴⁶. Причем именно Д. Каммингс был в числе тех политических консультантов с Даунинг-стрит, кто настаивал на необходимости проведения именно досрочных выборов в Палату общин. Как и в штабе Vote Leave, он вновь выступал в роли ведущего автора смыслов и идеологем. Британский политтехнолог определил и модель позиционирования консерваторов в ходе гонки. Они предлагали избирателям закончить затянувшийся и вызывающий у них усталость и раздражение процесс выхода страны из Евросоюза⁴⁷. Авторству Д. Каммингса принадлежит главный слоган предвыборной кампании тори: «Завершим брексит» (Get Brexit Done)⁴⁸.

⁴³ Parker G. Op. cit.

⁴⁴ Hill D. Edward Lister: Boris's Thatcherite? // The Guardian. 8.VI.2011. URL: <https://www.theguardian.com/politics/davehillblog/2011/jun/08/boris-johnson-edward-lister-thatcherite-conservatism> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴⁵ Например, в таком качестве на парламентских выборах 2001 и 2005 гг. выступал аппарат лейбористского премьер-министра Тони Блэра, возглавляемый Джонатаном Пауэллом. См.: Пауэлл Дж. Новый Макиавелли. М., 2013. С. 242–245. Аналогичную роль играл и аппарат консервативного премьера Терезы Мэй, руководимый Ником Тимоти и Фионой Хилл, на выборах 2017 г. См.: McTague T. Welcome to Theresa May's campaign war room // Politico. 5.IV.2017. URL: <https://www.politico.eu/article/theresa-may-campaign-war-room-conservative-stephen-gilbert-lynton-crosby/> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴⁶ Malnick E. Op. cit.

⁴⁷ Frayne J. "Get Brexit done": the three words uttered by ordinary people that spelled messaging gold // The Sunday Telegraph. 15.XII.2019. URL: <https://www.telegraph.co.uk/politics/2019/12/14/get-brexit-done-perhaps-greatest-example-golden-slogan-lifetime/> (дата обращения: 17.02.2022).

⁴⁸ Perrigo B. Op. cit.

Благодаря Д. Каммингсу предвыборная платформа консерваторов оказалась социально ориентированной. Будущий кабмин, который предстояло сформировать по результатам досрочных выборов, позиционировался как «Правительство народа» (The People's Government). По сути, в ходе кампании тори удалось перехватить у лейбористов социальную повестку. Обеспечение социальной справедливости и опеки граждан, расширение обязательств государства перед обществом, повышение уровня общественной безопасности — вот та тематика, с которой консерваторы участвовали в гонке и которая была зафиксирована в их предвыборной программе⁴⁹.

Принципиально важно и то, что Д. Каммингс, курировавший опросы фокус-групп, выявил актуальные политические настроения части корневого электората лейбористов, так называемых «убежденных». Последние выражали недовольство курсом Д. Корбина и блокированием верхушкой партии процесса выхода страны из ЕС⁵⁰. Благодаря пропагандистским усилиям Д. Каммингса и предвыборного штаба тори в целом эту категорию сторонников лейбористов удалось склонить на сторону консерваторов. И их голоса сыграли не последнюю роль в том, что партия во главе с Б. Джонсоном добилась такого впечатляющего успеха. Ее кандидаты победили в тех округах, которые десятилетиями считались электоральными оплотами лейбористов.

Также кампания Консервативной партии была четко персонифицирована. Она строилась вокруг фигуры Б. Джонсона. Таким образом, ведущие политические стратеги партии, включая Д. Каммингса, старались конвертировать личное превосходство премьер-министра над его главным оппонентом — лидером Лейбористской партии Дж. Корбином. На протяжении всей гонки рейтинг Б. Джонсона был выше уровня популярности Дж. Корбина. Как следствие, стратегия кампании основывалась на четкой ассоциативной линии между премьером и Консервативной партией. Б. Джонсон выступал как от ее лица в целом, так и от лица отдельных кандидатов-тори.

Кроме Д. Каммингса, к «британской» группе политических технологов относилось еще восемь специалистов. Часть из них принимала участие в кампании по выборам лидера Консервативной партии в штабе Б. Джонсона, часть присоединилась к нему уже на Даунинг-стрит, 10 и была вовлечена в борьбу за Палату общин. При этом после назначения Б. Джонсона премьер-министром почти все они получили должности в его аппарате.

Среди этого пула можно отметить упомянутого уже старшего советника главы кабинета по стратегическим вопросам Э. Листера, начальника Оперативного отдела Шелли Уильям-Уокер, директора по коммуникациям Л. Кэйна, пресс-секретаря Даунинг-стрит Роба Оксли, директора по политике Муниру Мирзу и политического эксперта Оливера Льюиса⁵¹. Из их числа Э. Листер, Ш. Уильям-Уокер, Л. Кэйн и М. Мирза представляют личную команду Б. Джонсона⁵². Они работали с ним в мэрии Лондона и аппарате МИД королевства. Остальные имели отношение к штабу кампании Vote Leave.

Ли Кэйн занимал среди перечисленных фигур особое место. Он имел опыт работы как в качестве журналиста, так и в статусе партийного специалиста по стратегическим коммуникациям (спин-доктора). В частности, Л. Кэйн писал в *The Mail on Sunday* — воскресном

⁴⁹ Our Plan. Conservative Party manifesto 2019 // URL: <http://web.archive.org/web/20220401074957/https://www.conservatives.com/our-plan> (дата обращения: 01.05.2022); Our manifesto gets Brexit done and unleashes the potential of the whole country // *The Conservative Party news*. 24.XI.2019. URL: <http://web.archive.org/web/20220120174220/https://www.conservatives.com/news/2019/our-manifesto-gets-brexit-done-and-unleashes-the-potential-of-th/> (дата обращения: 01.05.2022).

⁵⁰ *Malnick E.* Op. cit.

⁵¹ *Mason R.* Boris Johnson ushers in radical new era of special advisers // *The Guardian*. 5.VIII.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/aug/05/boris-johnson-ushers-in-radical-new-era-of-special-advisers> (дата обращения: 17.02.2022).

⁵² *Wilcock D.* The backroom boys (and girls) behind Boris Johnson's landslide win // *Daily Mail*. 13.XII.2019. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7790007/The-24-hour-meme-machines-classic-Dom-Cummings-backroom-team-Boriss-win.html> (дата обращения: 17.02.2022).

издании газеты Daily Mail, — специализируясь на освещении политических процессов в Палате общин. В 2015–2016 гг. был специалистом по информационной политике в штабе Vote Leave. В этом качестве он подчинялся Д. Каммингсу, бывшему тогда директором кампании⁵³.

В штате сотрудников аппарата Даунинг-стрит, 10 Л. Кэйн по праву считался полноценным членом «ближнего круга» Б. Джонсона. После того как в июле 2016 г. Б. Джонсон занял пост главы Форин-офис, Л. Кэйн был назначен в аппарат МИД специальным советником по медиаполитике. В этом качестве он вошел в небольшую группу помощников Б. Джонсона, ключевым среди которых был специальный советник министра иностранных дел Дэвид Фрост⁵⁴. Как и Д. Каммингс, Л. Кэйн успел посотрудничать и с М. Гоувом. Непродолжительный период он работал советником по медиа в аппарате Министерства окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства, возглавляемого М. Гоувом в 2017–2019 гг.⁵⁵

В предвыборном штабе Б. Джонсона как кандидата на пост лидера Консервативной партии Л. Кэйн занимал должность главы пресс-службы. В его компетенцию входили все вопросы, связанные с обеспечением информационного сопровождения кампании. Это разработка и реализация стратегии действий в информационном поле, проработка техники спинирования в СМИ отдельных вопросов, связанных с персоной Б. Джонсона, медиапланирование, поддержание связей с органами печатной прессы и телевидения, продвижение политика в социальных медиа. Также Л. Кэйн отвечал за контакты с представителями медиахолдинга News Corp, принадлежащего австралийскому магнату Руперту Мёрдоку. Это принципиально важно для кандидата на пост лидера тори, так как Р. Мёрдок с 1990-х годов оказывает посредством своих СМИ существенное влияние на британскую общественно-политическую жизнь.

Уже в ходе внутрипартийной кампании было понятно, что в случае победы Б. Джонсона и его назначения главой кабинета Л. Кэйн окажется главным претендентом на пост директора по коммуникациям аппарата премьер-министра (Downing Street Director of Communications). Лицо, занимающее эту должность, — одна из ключевых фигур политтехнологического пула в офисе на Даунинг-стрит, 10. Это главный спин-доктор не только премьера, но и кабинета министров в целом.

И прогнозы по поводу карьерных перспектив Л. Кэйна, в конечном счете, полностью оправдались. В один день с назначением Б. Джонсона премьер-министром он занял позицию директора по коммуникациям. Тем самым Л. Кэйн по праву занимаемой им должности стал продолжателем (хотя и с поправкой на партийную принадлежность) Алистера Кэмпбелла, советника по информационной политике лейбористского премьер-министра Тони Блэра в 1997–2003 гг.⁵⁶ Именно «под А. Кэмпбелла», с санкции Т. Блэра, в штате аппарата Даунинг-стрит, 10 в 2000 г. была создана должность директора по коммуникациям⁵⁷. Помимо этого, Л. Кэйн встал в один ряд с такими не менее видными спин-докторами, как Дэвид Хилл (работал в аппарате Т. Блэра после отставки А. Кэмпбелла, в 2003–2007 гг.) и Крейг Оливер (директор по коммуникациям в аппарате премьера Дэвида Кэмерона в 2011–2016 гг.).

В кампании по досрочным выборам в Палату общин Л. Кэйн принял участие как спин-доктор Даунинг-стрит. В этом качестве он был одной из ключевых фигур той части официального крыла избирательного штаба тори, которая представляла аппарат премьер-министра. Л. Кэйн отвечал за весь комплекс вопросов, связанных с определением содержания

⁵³ *Blitz J. Op. cit.*

⁵⁴ Дэвид Фрост — ключевой помощник Б. Джонсона по вопросам внешней политики и отношениям с ЕС. С 2019 по 2021 г. занимал пост советника премьер-министра по Европе, а в 2021 г. — должность государственного министра канцелярии кабинета. Все это время возглавлял британскую делегацию на переговорах с ЕС.

⁵⁵ *Blitz J. Op. cit.*

⁵⁶ *Бодрунова С.С. Указ. соч. С. 197–199.*

⁵⁷ *Fawcett P., Rhodes R.A.W. Central government // Blair's Britain, 1997–2007 / ed. A. Seldon. Cambridge, 2007. P. 82.*

и контролем за реализацией присутствия Б. Джонсона в информационном поле⁵⁸. Эта деятельность включала разработку и воплощение стратегии действий премьера в медиапространстве, проработку и осуществление техники спинирования в СМИ отдельных вопросов и тем, представляющих интерес для Консервативной партии, воздействие на формирование информационной повестки в интересах тори, купирование негативных последствий от информационных кампаний и атак оппонентов и пр. Кроме того, Л. Кэйн традиционно отвечал за доверительные связи с печатной прессой и телевидением, включая контакты со структурами медиахолдинга News Corp, принадлежащего Р. Мёрдоку.

Значение Л. Кэйна в контексте кампании по выборам в парламент трудно переоценить. Он выступал в роли классического спин-доктора, модератора всей медиаполитики не только кабинета и его главы, но и Консервативной партии. Важность Л. Кэйна лично для премьер-министра подчеркивало его тогдашнее прозвище «человек Джонсона на земле» (*Boris's man on earth*)⁵⁹.

В ходе парламентской гонки ведущие представители обеих групп политических стратегов составили «боевой командный пункт» (*war room*) Б. Джонсона. Только четыре политических советника имели в этот период прямой и регулярный доступ к главе правительства. Ими были Д. Каммингс, Л. Кэйн, А. Левидо и М. Брукс⁶⁰. Интересно, что в этом квартете соблюдалась пропорция представительства «британского» и «австралийского» пулов политтехнологов, а также двух основных структур официального штаба тори. Д. Каммингс и Л. Кэйн представляли аппарат премьер-министра, а А. Левидо и М. Брукс — ССНҚ.

Окончание избирательного цикла 2019 г. завершило существование диархии групп политтехнологов в Консервативной партии. Представители пула Л. Кросби, интегрированные в предвыборные структуры тори, после успешного выполнения поставленных перед ними задач вернулись в частный сектор. Члены «британской» группы продолжили работать в офисе премьер-министра. Однако пребывание на Даунинг-стрит, 10 продолжительным для наиболее видных из них не оказалось. Д. Каммингс покинул команду Б. Джонсона в ноябре 2020 г., Л. Кэйн ушел с Даунинг-стрит в декабре того же 2020 г. Э. Листер в ноябре 2020 г. стал начальником аппарата премьер-министра (*Downing Street Chief of Staff*), но уже в январе 2021 г. покинул этот статусный пост. Соавторы побед 2019 г. не смогли принять долгосрочного участия в разработке и реализации курса того консервативного правительства, которое они же и привели к власти.

* * *

Период с 2015 по 2019 г. стал временем абсолютного доминирования в политических процессах Британии стратегов и технологов, близких к Консервативной партии. Сначала команда политических специалистов во главе с М. Эллиоттом и Д. Каммингсом сыграла решающую роль в победе евроскептиков на референдуме о выходе королевства из ЕС. Затем видный стратег тори Л. Кросби содействовал срыву реализации плана Т. Мэй по выходу из Евросоюза в Палате общин, что в конечном счете привело к отставке возглавляемого ею кабинета. Наконец, после этого широкий пул политтехнологов, главными лицами которого были Л. Кросби, М. Фуллброк, А. Левидо, Д. Каммингс и др., сначала обеспечил победу Б. Джонсона на внутрипартийных выборах лидера консерваторов, а затем и беспрецедентный триумф самой партии тори на досрочных выборах в Палату общин. Ставший премьером Б. Джонсон получил не только удобную для себя конфигурацию кабинета министров, но и такой состав парламента, который уже в декабре 2020 г. без затруднений ратифицировал его вариант сделки с Евросоюзом.

⁵⁸ *Payne S., Pickard J.* The campaign teams behind Jeremy Corbyn and Boris Johnson // *The Financial Times*. 11.XI.2019. URL: <https://www.ft.com/content/6de86084-9760-11e9-9573-ee5cbb98ed36> (дата обращения: 17.02.2022).

⁵⁹ *Blitz J.* *Op. cit.*

⁶⁰ *Dunn T.N., Dathan M.* *Op. cit.*

В то же время с точки зрения своего влияния на политическую элиту консерваторов политстратегии и технологи абсолютных величин добиться не смогли. В этом плане они повторили судьбу политтехнологов, содействовавших приходу к власти лейбористов на парламентских выборах в 1997 г. Причем верхушка консерваторов продемонстрировала стремление к ограничению их потенциала намного быстрее, чем команда Т. Блэра. Сказались как интуитивное желание тори снизить возросшее политическое влияние политтехнологов, так и издержки кадровой политики Б. Джонсона, не проявившего способности сохранять в своем окружении сильных советников.

Л. Кросби и М. Фулброк изначально не получили каких-либо официальных назначений на Даунинг-стрит, 10. Эпоха Д. Каммингса, Э. Листера и Л. Кэйна в офисе премьера продолжалась всего около года. А Левидо на протяжении нескольких месяцев 2020 г. лишь временно замещал болевшего Д. Каммингса, но так и не получил официального назначения в аппарате главы правительства. К будущей кампании по выборам в Палату общин (пройдут не позднее 24 января 2025 г.) консерваторам предстоит собрать новый пул политических специалистов.

Библиография / References

- Бодрунова С.С.* Современные стратегии британской политической коммуникации. М., 2010.
- Джонсон Б.* Мне есть что вам сказать. М., 2012.
- Пауэлл Дж.* Новый Макиавелли. М., 2013.
- Bodrunova S.S.* Sovremennye strategii britskoy politiceskoy kommunikacii [British Political Communications Modern Strategies]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Johnson B.* Mne est' chto vam skazat' [Have I Got Views For You]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Powell J.* Novyi Machiavelli [The New Machiavelli]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Bagehot.* An interview with Dominic Cummings // The Economist. 21.I.2016. URL: <https://www.economist.com/bagehots-notebook/2016/01/21/an-interview-with-dominic-cummings> (дата обращения: 17.02.2022).
- Blair's Britain, 1997–2007 / ed. A. Seldon. Cambridge, 2007.
- Johnson B.* This cap on bankers' bonuses is like a dead cat – pure distraction // The Telegraph. 3.III.2013. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/9906445/This-cap-on-bankers-bonuses-is-like-a-dead-cat-pure-distraction.html> (access date: 17.02.2022).
- Jones N.* Sultans of Spin: The Media and the New Labour Government. London, 1999.
- Our manifesto gets Brexit done and unleashes the potential of the whole country // The Conservative Party news. 24.XI.2019. URL: <http://web.archive.org/web/20220120174220/https://www.conservatives.com/news/2019/our-manifesto-gets-brexite-done-and-unleashes-the-potential-of-th/> (access date: 01.05.2022).
- Our Plan. Conservative Party manifesto 2019 // URL: <http://web.archive.org/web/20220401074957/https://www.conservatives.com/our-plan> (access date: 01.05.2022).
- Parker G.* Dominic Cummings has “done” Brexit. Now he plans to reinvent politics // FT Magazine Life & Arts. 16.I.2020. URL: <https://www.ft.com/content/0bf8a910-372e-11ea-a6d3-9a26f8c3cba4> (access date: 17.02.2022).
- Perrigo B.* “Get Brexit Done”. The 3 Words That Helped Boris Johnson Win Britain's 2019 Election // Time. 13.XII.2019. URL: <https://time.com/5749478/get-brexite-done-slogan-uk-election/> (access date: 17.02.2022).

DOI: 10.31857/S013038640021037-8

© 2022 г. А.В. ГЛАДЫШЕВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ БЕЗ ИСТОРИИ СРАЖЕНИЙ

Гладышев Андрей Владимирович — доктор исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

E-mail: gladav2002@mail.ru

Scopus Author ID: 57194947557; ORCID: 0000-0001-6935-3048; Researcher ID: D-6297-2013
Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

Аннотация. Становление военно-исторической антропологии как самостоятельного направления в историографии изменило традиционный образ войны. На место истории стратегических планов операций, сражений, маршалов и генералов, подсчета потерь пришла история повседневной жизни солдат, фронтового быта, эмоций втянутых в конфликт гражданских лиц и военных. «Человеческое измерение» войны стало актуальной темой, о чем свидетельствуют публикации последних двух десятиков лет российских и зарубежных исследователей по истории революционных и наполеоновских войн. Пример тому — недавно изданная книга профессора из Йорка Алана Форреста «За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн». Эта работа, как в свое время галерея арт-нуво, своеобразная коллекция образцов новых подходов и постановок проблемы в области военной истории. Войны эпохи Революции и Империи рассматриваются как первый в современной истории опыт «тотальной войны», затронувшей все слои общества и послужившей катализатором для процессов национальной самоидентификации. Такой подход позволяет ответить на ряд новых в военной истории вопросов: как формировались представления о мужественности, о гражданском долге, о патриотизме, какую роль в этих процессах играли женщины, какова была «культура войны» по отношению к военнопленным, как менялось отношение к рекрутским наборам, какова была судьба ветеранов после окончания войны, и т.д. Как показывает анализ современной историографии, поворот от чисто позитивистских подходов к конструктивизму, от истории сражений к презентациям личного жизненного опыта сопровождается стремлением соединить изучение прошлого с изучением исторической памяти об этом прошлом.

Ключевые слова: военно-историческая антропология, история повседневности, история эмоций, наполеоновские войны, А. Форрест, военная история.

A.V. Gladyshev

A Military History Without the History of Battles

Andrey Gladyshev, Chernyshevsky Saratov State University (Saratov, Russia).

E-mail: gladav2002@mail.ru

Scopus Author ID: 57194947557; ORCID: 0000-0001-6935-3048; Researcher ID: D-6297-2013
This research was funded by the Russian Science Foundation (Project № 20-18-00113).

Abstract. The emergence of military-historical anthropology as an independent trend in historiography has changed the traditional image of war. In place of the history of strategic operation plans, battles, marshals and generals, and casualty counts, came the story of the everyday life of soldiers, front-line life, and the emotions of the civilians and servicemen embroiled in the conflict. The “human dimension” of the war has become a topical subject, as evidenced by the publications of Russian

and international researchers on the history of the Revolutionary and Napoleonic Wars over the last two decades. An example of this is a book by Alan Forrest, Professor Emeritus at the University of York, *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*, recently published in Russian. This work, like an Art Nouveau gallery in its day, is a peculiar collection of examples of new approaches and problem formulations in the field of military history. The Revolutionary and Imperial Wars are viewed as the first experience of "total war" in modern history, affecting all sections of society and serving as a catalyst for processes of national self-identification. This approach allows one to answer a number of questions which are new to military history: how perceptions of manhood, civic duty, and patriotism were formed, what role women played in these processes, what the "culture of war" was like towards prisoners of war, how attitudes to recruitment changed, what the fate of veterans was after the war, etc. As the analysis of contemporary historiography demonstrates, the turn from purely positivist approaches to constructivism, from the history of battles to presentations of personal life experiences, is accompanied by a desire to link the study of the past with the study of the collective memory of that past.

Keywords: military-historical anthropology, history of everyday life, history of emotions, Napoleonic Wars, Alan Forrest, military history.

Военная история в последние годы сильно изменилась. Перемены в первую очередь связаны с антропологизацией изучаемых сюжетов: новые вопросы требуют новых измерений, новых методов. История битв, стратегических планов сторон и тактических приемов на поле боя все более становится уделом компиляторов и популяризаторов. Рядом с историей полководцев уверенно занимает свое место история солдат, история их повседневности. Наглядный пример — недавно увидевшая свет книга признанного специалиста по истории Революции и Империи Алана Форреста «За кромкой поля боя»¹, где речь идет о наполеоновских солдатах, о скучной рутине, бледной по сравнению с опасностями в ходе сражений или другими исключительными моментами. Форрест обращается к нетрадиционной для военных историков стороне — к изучению жизненного опыта во время войны и путей его усвоения национальной памятью, соединяя, таким образом, историю повседневности и историю памяти².

В основу книги, как признается сам автор, легли статьи, главы монографий и неопубликованные доклады, подготовленные им с 2005 по 2019 г. Но не лишним будет напомнить, что еще в 2002 г. у него вышла новаторская для того времени монография «Солдаты Наполеона»³, в которой уже были определены интонации более поздних исследований. Новая книга А. Форреста — это не просто переиздание на русском языке статей за последние 15 лет: многое было автором скорректировано, существенно дополнено (в том числе за счет архивных документов), что-то публикуется впервые. Тем ценнее появление этой работы в России: почитателям таланта А. Форреста и всем интересующимся военно-исторической антропологией революционных и наполеоновских войн пора задуматься над изучением русского языка.

Данная статья не является в полном смысле рецензией на книгу А. Форреста, это в большей степени наблюдения, навеянные некоторыми поднятыми в ней дискуссионными вопросами.

Первое, что притягивает к себе внимание в подходе А. Форреста, — объединение под одной обложкой истории революционных и наполеоновских войн (что касается фактологического материала, то революционный период у него доминирует над имперским). Такой подход в принципе не нов, и А. Форрест не слишком заботится об его обосновании. Конечно, характер войн, которые вела Франция в рассматриваемый период, менялся, эволюционировали как представления о тактике, так и сами военные институты, изменялось законодательство и т.п. Но в то же время с точки зрения военной истории, как это сегодня

¹ Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2021. Об авторе см.: Чудинов А. В. Наш добрый друг Алан Форрест (К 75-летию со дня рождения) // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 429–439.

² Аналогичный подход мы обнаружим в сборнике статей, изданном по итогам конференции 2007 г. в Университете Северной Каролины, в котором одна глава принадлежит перу А. Форреста. См.: Gender, War and Politics: Transatlantic Perspectives, 1775–1830 / eds K. Hagemann, G. Mettele, J. Rendall. Springer, 2010.

³ Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire*. London; New York, 2002.

позиционируют Жан-Ив Гуйомар, Дэвид Белл, а вслед за ними и А. Форрест с М. Броэрсом (при всех их разногласиях по этому вопросу), главное, что отличает революционные и наполеоновские войны от войн предшествующего периода, — не технологии и способ ведения войны, а их масштаб: обслуживание массовых армий требует общенациональных усилий. Революционные и наполеоновские войны были первой «тотальной войной» в современной истории⁴. Война представляется как этап в формировании государственной и национальной идентичности, что, в свою очередь, и дает логическую возможность соединить изучение массового опыта повседневных практик с изучением параллельной вселенной — коммуникативной и историко-культурной памяти.

Большая часть книги А. Форреста посвящена, если говорить обобщенно, различным феноменам сознания комбатантов или исторической памяти их потомков. Это показатель антропологического поворота в современной военной истории⁵. Исследование начинается с поиска ответа на вопрос: что означало «быть солдатом» для молодых людей? Эта тема была одной из главных в книге А. Форреста 2002 г. Некоторые пассажи автора об умонастроениях новобранцев прямо перекликаются с сантиментами Ж.-П. Берто, писавшего в своей книге «Когда дети говорят о славе» о не достигших еще призывного возраста учащихся школ и лицеев, детей клерков или торговцев, которые добровольцами отправлялись на поля сражений. Это были искатели славы. На полях сражений они присоединились к миллионам новобранцев из детей крестьян и ремесленников, чей энтузиазм был далеко не столь велик. Но и тем и другим (в отличие от уклонистов и дезертиров) суждено было стать профессионалами войны, которыми восхищаются писатели и поэты⁶. Патриотический пыл, заставлявший добровольцев в 1791 г. братья за оружие, давно остыл, и с принятием закона о воинской повинности («закон Журдана» 1798 г.) стало ясно, что рекрутский набор уже лишился романтики и превратился в повседневную реальность, в тягостную ношу. Конечно, еще оставались те, кого манил блеск военного мундира, солдатское жалование и надежда на наживу и brutальные развлечения; те, кто мечтал сделать военную карьеру или сбежать от семейных дряг. Как писал Ж.-П. Берто, не надо все сводить к принуждению к службе, не надо сбрасывать со счетов привлекательность военной карьеры как для дворян, так и для части буржуазии и простолюдинов. Имперская пропаганда усиленно навязывала обществу военные ценности, слава оружия представлялась едва ли не высшим благом, военная доблесть была мерой характера, служба в армии, казалось, предлагала средства социального продвижения⁷. Согласно официальным источникам, многое видится именно так.

Однако остается вопрос об эффективности имперской пропаганды в традиционном сельском обществе. Одно дело — дворяне, другое — крестьяне, одно дело — бравата парижских газет, громогласно цитируемых в парижских кофейнях, другое — раздумья при свече в глуши западных или юго-западных департаментов Франции. Все, как всегда, окажется весьма индивидуально. Уже во времена Директории идеализм сменился прагматизмом, массовый призыв больше не был добровольным, а при Наполеоне ситуация еще более усугубилась: «ни одна сторона существования имперской Франции не вызывала столь сильного негодования среди населения и не играла такой важной роли

⁴ *Guiomar J.-Y.* L'invention de la guerre totale, XVIII–XX siècle. Paris, 2004; *Bell D.A.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Boston, 2007. См. также по этому вопросу: *Броэрс М.* Концепция «тотальной войны» в период Французской революции и Первой империи // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 213–226.

⁵ *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.

⁶ *Bertaud J.-P.* Quand les enfants parlaient de gloire. Paris, 2006. P. 347. Форрест со своей стороны пишет о крайнем нежелании сельских парней служить в армии или вообще покидать свои родные края: «Мало кто был от природы искателем приключений или мечтал оставить знакомую жизнь своей деревни». См.: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 21.

⁷ *Bertaud J.-P.* Travaux récents sur l'armée de la Révolution et de l'Empire // Bulletin de la Société d'histoire moderne et contemporaine. 1986. № 3. P. 4.

в административном механизме государства, как проблема призыва на военную службу»⁸. Форрест, не забывая о мотивации славой, склоняется все же к тому, что рекрутские наборы давно перестали быть добровольными и вызывали у большинства недовольство и даже сопротивление⁹. Опыт войны заключен не только в событиях и действиях, но и в пережитых чувствах. Ситуация психологического стресса обнажает эмоции экзистенциального характера, меняющие человека. Принято считать, что первым, кто призвал историческую науку изучать эмоции, был в 1938 г. Люсьен Февр, предложивший «фактор амбивалентности чувств». Потом были Клиффорд Гирц, Жан Делюмо, Теодор Зельдин, Питер Стернс, Барбара Розенвейн и Уильям Редди: история эмоций становится в историографии XXI в. новой модной темой¹⁰. А. Форрест не теоретизирует по поводу «эмоциологии», «эмотивов», «аффективного поворота» и т.п., но в его текстах анализ чувств солдат занимает свое важное место. «Бурю эмоций» солдата А. Форрест начинает описывать с момента «судного дня» — жеребьевки в коммуне, определяющей, кто будет оторван от семейного очага и расстанется с привычным миром (может быть, навсегда), а кто пока останется. Ежегодность жеребьевки в коммуне придает этому акту ритуальный характер. Напрашивается сравнение с обрядами инициации юношей, на что обратила внимание и современный крупнейший французский специалист по социокультурной проблематике рекрутских наборов во Франции Анни Креппен¹¹. Второй момент расставания — день отъезда новобранца в армию: в духе Арнольда Генеппа А. Форрест акцентирует акт перехода из гражданского состояния в военное¹². К сожалению, автор лишь декларирует важность первого боевого опыта, первого контакта с врагом для формирования памяти о войне в целом¹³.

Структура книги А. Форреста, в основу которой положены ранее уже опубликованные статьи, заставляет автора отвлекаться от развития сюжета, что неизбежно приводит к смысловым повторам. Описывая суровость армейской дисциплины и практику военной юстиции в годы Революции, А. Форрест опять обращается к эмоциям. Он констатирует, что казнь провинившегося сослуживца не вызывает у товарищей (за исключением идеологизированных революционеров) «ни ужаса, ни чувства протеста; солдаты принимали ее так, как они принимали тяготы войны, упражнения, котел с едой»¹⁴. Видимо, дело здесь

⁸ *Blanton H.D. Conscription in France during the era of Napoleon // Conscription in the Napoleonic Era / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. London, 2009. P. 6. Цит. по: Форрест А. За кромкой поля боя. С. 21. Подробнее о последовательно внедрявшихся в 1790-е годы методах рекрутского набора см.: Forrest A. Soldiers of the French Revolution. Durham, 1990. P. 58–88. О нарастании протестных настроений французов также см.: Гладышев А.В. Закат империи Наполеона: «общественный дух» французов и сопротивление властям // История и историческая память. Вып. 22/23. Саратов, 2021. С. 121–135.*

⁹ А. Форрест на протяжении книги несколько раз возвращается к теме мотивации призывников и уклонистов. См.: Форрест А. За кромкой поля боя. С. 21, 29, 42–43, 47–49, 52, 177. Этому же сюжету по большому счету посвящена большая часть главы о мотивации солдат Революции (с. 54–68).

¹⁰ Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001; Plamper J. The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // History and Theory. 2010. № 49. P. 237–265; Кобылин И.И., Николаи Ф.В. Нужен ли историкам «поворот к аффекту»? // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 37–48.

¹¹ Crépin A. Défendre la France. Les Français, la guerre et le service militaire de la Guerre de Sept Ans à Verdun. Rennes, 2005. P. 125–139.

¹² «Многие авторы мемуаров и дневников вспоминали день отбытия в армию как решающий и самый катастрофический момент в своей жизни». Или: «Отбытие новобранца представляло собой нечто вроде социального апартеида, учрежденного государством во имя так называемой революционной традиции». Или: «Эти празднества стали ритуалом инициации для юношей, сознательно светским ритуалом, отмечающим момент, когда молодой человек покидает свою семью и становится частью мужского общества». См.: Форрест А. За кромкой поля боя. С. 50, 53–54, 114.

¹³ Ср.: Гладышев А.В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.

¹⁴ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 86. Относительно нравов, царящих в революционных армиях, и релятивности наказаний см.: Чудинов А.В. Террор Французской революции на земле Египта 1798–1801 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42; Еео же. Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог

не только в том, что французы времен Трора уже пресытились картинами публичных казней. Это война модифицирует привычную шкалу эмоций: обыденность смерти — неотступной спутницы войны — вызывает больше тоску, чем страх. Утрата большинством солдат идеологической мотивации в условиях бесконечной войны вызывала чувство безысходности, образ потерянного поколения, принесенного в жертву на алтарь имперских амбиций Наполеона.

А. Форрест, пытаясь определить эмоции представителей традиционного замкнутого мира сельских новобранцев, попавших в новый, «большой» мир¹⁵, берется за анализ такого специфического источника как солдатские письма¹⁶. Сам масштаб войн той эпохи определил «беспрецедентное множество писем из всех европейских армий». Отчаянное стремление сохранить контакт с прошлым, убедиться, что твоя судьба все еще кому-то небезразлична, — показатель эмоционального стресса комбатантов: «это был крик о помощи и утешении, и он исходил от огромного множества солдат. Это была отдушина для печалей, пережитых за долгие месяцы вдали от родных. ... Написание писем — ценное оружие в борьбе со скукой, ностальгией по дому и потерей жизненных ориентиров»¹⁷. Командование переписку поощряло, считалось, что она поднимает боевой дух солдат. А долгое отсутствие писем с родины, напротив, могло привести и к дезертирству: «тоска по родному краю (*mal du pays*), ностальгия (*nostalgie*) были признанными медицинскими терминами в армиях, и генералы справедливо опасались того, что эти болезни могли обескровить их армию»¹⁸. Годились любые средства против тоски и эмоционального голода; не случайно многие солдатские письма содержат мольбы о хоть какой-то информации с родины. Что касается заниженной эмоциональности с точки зрения содержания солдатских писем и шаблонности, с точки зрения их формы, так это было следствием ограниченного владения языком и норм маскулинности: переписка не носила исключительно личного характера.

В полном соответствии с последними тенденциями в военно-исторической антропологии А. Форрест принимается за рассмотрение, как он выражается, «деликатного вопроса» о взаимоотношениях военных и гражданского населения. Делается это на примерах изучения военной оккупации¹⁹ и жизненного опыта пленных.

А. Форрест исходит из тезиса, что оккупация как таковая «была средством, она редко являлась самоцелью». Оккупацию Наполеоном европейских государств, если судить по ее стратегическим целям, А. Форрест вообще сгоряча называет «культурным проектом», неким подобием цивилизаторской миссии²⁰. Вопрос, что было в голове Наполеона, весьма дискуссионный, масса мнений по этому поводу свидетельствует о том, как легко можно спутать цель и средства; не случайно выражение «наполеоновские планы» стало нарицательным²¹. В то же время надо признать, что, когда А. Форрест ведет речь о наполеоновских оккупациях, его «взгляд из Йорка» четче акцентирует сопровождавшее французскую оккупацию непрерывное насилие, чем это обычно получается при «взгляде из Парижа». К чести автора, он видит не только жестокости французов, но и обратную сторону медали — ожесточенность сопротивления французам (например, на Пиренейском полуострове): «план Веллингтона был поистине дьявольским в своей

цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁵ «Война сыграла важнейшую роль, открыв французской деревне дорогу к новому опыту и поставив под вопрос традиционные взгляды и систему ценностей среди молодых сельских жителей». См.: Форрест А. За кромкой поля боя. С. 119.

¹⁶ Эта проблематика разработана и в отечественной историографии. См.: Промыслов Н. В. Война 1812 года в письмах французских солдат // Французский ежегодник. 2006. М., 2006. С. 219–231; *Его же*. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016. Рецензия на эту книгу, см.: Гладышев А. В. Образ России во французской прессе и письмах солдат наполеоновской Великой армии // Новая и новейшая история. 2019. № 6 (63). С. 199–201.

¹⁷ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 122, 125.

¹⁸ Там же. С. 126.

простоте и в своей жестокости»²². При этом наказание за грабежи и мародерство с обеих сторон (наполеоновской армии и армии союзников) было непоследовательным и зависело от конкретного социально-политического контекста, носило не систематический, а показательный характер. Сопровождавшие передвижения армий эксцессы не были чем-то принципиально новым, скорее, это было традиционным явлением, оставшимся в народной памяти со времен Тридцатилетней войны. Революционные войны в этом отношении не отличаются от наполеоновских. А. Форрест лишь бегло касается требующего более тщательной проработки вопроса о дихотомии «цивилизация – варварство» в дискурсивных практиках противоборствующих сторон²³ и столь же бегло рассуждает об оккупации Парижа в 1815–1818 гг., оставляя вообще за рамками внимания оккупацию 1814 г.²⁴ «Только по числу пленных судили о победе, – писал граф Сегюр. – Убитые же доказывали скорее мужество побежденных». Вопрос об отношении к военнопленным А. Форрест трактует в рамках «культуры ведения войны». На практике эта «культура» выражалась во все тех же обвинениях (главным образом со стороны

¹⁹ Этому вопросу был посвящен специальный сборник, изданный в том числе и под редакцией А. Форреста. См.: *Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820* / eds A. Forrester, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009. А. Форрест в этом сборнике является соавтором «Введения». См. также: *Haynes C. The Allied Occupation of France, 1815–1818* // *War, Demobilization and Memory. War, Culture and Society, 1750–1850* / eds A. Forrester, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016. Об оккупации в эпоху революционных и наполеоновских войн существует отдельная и довольно обширная историография, которая уже сама является предметом анализа исследователей. Например: *Гладышев А. В.* Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации.* М., 2018. С. 10–21; *Еремин В. С.* Современная англоязычная историография оккупации Франции 1815–1818 гг. // *Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции.* М., 2021. С. 324–347. Феномену оккупации посвящен специальный выпуск 2018 г. «Французского ежегодника».

²⁰ *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 133–134.

²¹ О геополитических проектах Наполеона см., например: *Безотосный В. М.* Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017.

²² *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 135. «Грабежи, воровство, изнасилования, жестокость по отношению к местному населению – все эти факты отнюдь не были случайными и не являются прискорбным исключением» (с. 138). Филипп Дуайер посвятил специальную статью свидетельствам о массовых убийствах и зверствах в годы революционных и наполеоновских войн, совершенных солдатами Великой армии по отношению к гражданским лицам. Его интересуют не столько причины эксцессов, сколько их презентация в мемуарах. По его мнению, французские мемуаристы описывают насилие, часто оправдывая их, чтобы подчеркнуть ужас не самого акта насилия, а ужас войны в целом, чтобы акцентировать те трудности, с которыми им пришлось столкнуться, «оцивилизывая» Европу. См.: *Dwyer P. G.* “It still makes me shudder”: Memories of massacres and atrocities during the Revolutionary and Napoleonic Wars // *War in History.* 2009. Т. 16. № 4. Р. 381–405.

²³ См.: *Ададунов В.* Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации.* М., 2018. С. 141–164; *Гладышев А. В.* 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

²⁴ Из недавних работ отечественных авторов об оккупации Франции см.: *Болт В. С.* Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815–1818 гг. // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации.* М., 2018. С. 205–217; *Таньшина Н. П.* Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814–1818 гг. // *Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации.* М., 2018. С. 218–239; *Гладышев А. В.* Страсти по Авену: иностранная оккупация северо-восточной Франции в 1814 г. // *Французский ежегодник. 2020.* М., 2020. С. 56–184; *Его же.* Как французские роялисты-патриоты русских казаков полюбили // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 10.05.2022).

французов) противника в «варварских методах» ведения войны и лицемерии. Также этот вопрос может рассматриваться с точки зрения взаимоотношений военнопленных и гражданского населения. Если о военнопленных Великой армии Наполеона в России отечественный читатель найдет массу исследовательской литературы и сможет узнать по этому вопросу больше А. Форреста, то относительно долгой истории взаимных пленений западноевропейцев известно гораздо меньше²⁵. Несомненно, главное чувство, которое вызывал плен, — страх, но страх перед пленом, можно предположить, зависел от парижезистского понимания цивилизованности: одно дело — находиться в английской тюрьме, другое — быть этапированным на берега Волги, за которой, по ментальным картам французов, начиналась Сибирь, что означало бы не просто неизбежную, но и мучительную гибель. Конечно, «нарративы плена»²⁶ пишутся по законам своего жанра, они построены на контрасте, в них много вымысла и плагиата, но они дают, по крайней мере, представление и о трудностях межкультурной коммуникации, и о возможностях кросс-культурных отношений.

Логика истории войн без описания собственно боевых действий и тактических маневров, но с акцентированием повседневности за кромкой битвы и феноменов сознания солдат подводит нас к рассмотрению проблем, с которыми столкнулись вернувшиеся домой с полей войны или из плена комбатанты. Эта тематика привлекла в свое время внимание профессора истории из университета Авиньона Натали Петито, автора около десятка монографий и массы статей по истории Империи во Франции и памяти о ней. Занимаясь в 1990-е годы преимущественно историей имперских элит и имперской мифологией, в 2003 г. она выпустила книгу «Завтрашний день Империи: солдаты Наполеона в XIX веке»²⁷. Вместе с книгой А. Форреста 2002 г. «Солдаты Империи» эта работа стала вехой историографии, маркирующей стремление преодолеть мифологизацию наполеоновских ветеранов. После Ватерлоо около миллиона мужчин (3,7% французов) имели право на признательность и благодарность за военные заслуги перед отечеством. Это не была гетерогенная социoproфессиональная группа: разный возраст, разный опыт, разные заслуги. Поэтому методы традиционной социальной истории здесь едва ли эффективны. Отставные военные не могли даже создать свое формальное объединение, чтобы как-то влиять на совершенствование пенсионного законодательства. Правительство же Реставрации, исходя из «логики благотворительности», требующей контроля над пожертвованиями, и политического реваншизма к солдатам «узурпатора», оставило их в забвении. Только в 1869 г. пенсия, ошибочно названная «пенсией Святой Елены», стала выплачиваться тем, кто для ее получения в любом случае еще должен был доказать недостаточность личных средств. Пути реинтеграции наполеоновских солдат в послевоенное общество были разнообразны (через брак, через продолжение службы, через переподготовку и т.п.). Что касается их политической ориентации при новом режиме, то лишь меньшинство оказалось в рядах бонапартистов, большинство же, проявляя политическое безразличие, смирилось с Бурбонами, а некоторые даже стали роялистами.

Стефан Кальве из того же университета Авиньона, что и Натали Петито, защитил в 2009 г. диссертацию по истории постимперского будущего более 500 офицеров из Шаранта — центра бонапартизма²⁸. Описывая военные карьеры офицеров Шаранта, Кальве смещает исследовательский акцент в сторону изучения чувствительности: что важнее

²⁵ См., например: Arrachés et déplacés: réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789–1918 / eds N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016.

²⁶ Выражение Линды Колли. См.: *Colley L. Captives: Britain, Empire and the World. 1600–1850.* New York, 2002.

²⁷ *Petiteau N. Lendemain d'Empire: Les soldats de Napoléon dans la France du dix-neuvième siècle.* Paris, 2003. См. также: *Petiteau N. Survivors of War: French Soldiers and Veterans of the Napoleonic Armies // Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820* / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009. P. 43–58; *Eadem. Guerriers du Premier Empire: expériences et mémoires.* Paris, 2011.

²⁸ *Calvet S. Les officiers charentais de Napoléon au dix-neuvième siècle.* Paris, 2010.

для военного — способность терпеть, выносливость или склонность к героизму, какой отпечаток военное насилие наложило на комбатантов, и т.п. Но главное внимание уделяется опять-таки вопросу реинтеграции демобилизованных в поствоенное общество. Кальве приходит к выводу, что классовая принадлежность оказывается важнее корпоративного духа, принадлежности к «боевому братству». Помимо чисто материальных вопросов (о трудоустройстве, о пенсиях) Кальве касается и ментальных вопросов: как ветераны добивались признания, наград, места в истории. Для этого автор использует самый разнообразный круг источников: от кладбищенских эпитафий до метрик о рождении. В целом подтверждаются те выводы, которые сделала ранее Н. Петито (отсутствие групповой гетерогенности, различная политическая ориентация и т.д.).

Наконец, в 2016 г. под редакцией А. Форреста вышел специальный сборник статей «Война, демобилизация и память: наследие войны в эпоху атлантических революций», в котором специальный раздел отведен военному и культурному наследию войны; к рассматриваемому вопросу имеет отношение статья Джеймса Лейтона, который на основе мемуаров исследует опыт демобилизации в германских государствах²⁹.

Французы и в XVIII в. видели ветеранов в отставке. Судьбы возвращающихся к мирной жизни военных, конечно, были разными. Кто-то сумел интегрироваться, другие превратились в сомнительные или даже маргинальные элементы общества. За годы Революции и Империи количество ветеранов резко выросло. Военная служба уже стала делом привычным, даже своеобразным «ритуалом инициации»³⁰. Теперь ветераны — элемент повседневности французского общества. А в Англии так вообще возникла «культура восхищения войной». В целом в Европе, принимая во внимание усилия пропаганды, общественный статус ветерана вырос: «политический дискурс ... играл важную роль: он подарил солдатам почетное место в иконографии нации, в особенности воюющей нации, и они считали, что это место дает им право рассчитывать на благодарность сограждан и после окончания войны»³¹. Рискнем предположить, что в сознании комбатантов шел закономерный и хорошо известный по временам всяческих радикальных пертурбаций процесс: от идеализации гражданского долга (во времена Революции) к стремлению монетизировать заслуги (в годы Империи и Реставрации). Но надежды ветеранов часто разбивались о реалии жизни. Политический дискурс первых лет Реставрации был направлен на защиту в первую очередь тех, кто пострадал в борьбе с революционерами и «узурпатором». Солдатам, сражавшимся под знаменами Наполеона и не имевшим никаких официальных ветеранских организаций, оставалось негодовать и предаваться воспоминаниям, встречаясь со своими сослуживцами на ярмарках или в трактирах. Их пенсии были минимальными и обрекали на бедность или даже попрошайничество. Особенно тяжело было инвалидам и переживающим военный невроз: А. Форрест со ссылкой на Н. Петито обращает внимание на определенное число тех, кто получил диагноз «безумие» или «слабоумие» и окончил свои дни в сумасшедшем доме³². Трудоустроиться отставники могли учителями фехтования, конной езды, егерями, сторожами, лесничими, таможенниками, землепашцами. Кому повезло — удачно женились в «обезмужичевшей» Франции. Но не сама по себе служба в армии, а в первую очередь

²⁹ Leighton S.J. The Experience of Demobilization: War Veterans in the Central European Armies and Societies after 1815 // War, Demobilization and Memory. War, Culture and Society, 1750—1850 / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016. См. также введение к этому сборнику: Forrest A., Hagemann K., Rowe M. Introduction: War, Demobilization and Memory in the Era of Atlantic Revolutions // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016. P. 3—29.

³⁰ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 176.

³¹ Там же. С. 177. В основе главы о демобилизации лежит его же статья «Почетные злодеи: ветераны революционных и наполеоновских войн». См.: Forrest A. Honourable Villains: Veterans of the Revolutionary and Napoleonic Wars // Mittelweg: Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung. 2015. № 36. P. 32—45.

³² Форрест А. За кромкой поля боя. С. 181.

социальное происхождение и в отдельных случаях дружественные связи помогали устроиться в новом мире.

В оформлении обложки упомянутого выше сборника 2016 г. «Война, демобилизация и память» использована картина Морица Даниэля Оппенгейма «Возвращение добровольца с освободительных войн к своей семье, все еще живущей в соответствии со старыми обычаями». Сам Оппенгейм в силу молодости в наполеоновских войнах участия не принимал, но своей картиной 1833–1834 гг. обратился к памяти об участии молодых еврейских добровольцев в борьбе за свободу и обещанную им эмансипацию. Так от истории демобилизованных ветеранов, развлекавших публику своими похождениями, совершается символический переход к исторической памяти.

Последние три главы книги А. Форреста посвящены проблематике исторической памяти о войне³³.

Начинает эту тему А. Форрест с анализа школьных учебников времен Третьей республики — времени, когда правительство взялось за систематическое формирование республиканской памяти о революционном прошлом: «воспевание Революции всегда означало воспевание и ее военных побед»³⁴.

Если при Старом порядке история еще не рассматривалась как обязательная и необходимая дисциплина, а само слово «история» до 1780 г. вообще употреблялось во множественном числе в связи с какими-то вполне конкретными объектами³⁵, то в 1795 г. революционеры включили историю в программы центральных школ³⁶. К середине XIX в. наступает «золотой возраст» исторического образования во Франции. В годы Второй Республики изучение истории (в том числе Революции и Империи) становится обязательным. Власти тщательно контролировали эту сферу образования. Правительство Третьей республики воспользовалось оружием своих предшественников и также не пренебрегло контролем за идеологией образования³⁷. Совершенно очевидно, что школьные учебники по истории долгое время были самым массовым инструментом формирования исторической памяти и национальной самоидентификации. Битва идей вокруг содержания исторического образования стала явлением перманентным³⁸.

Историография преподавания истории во французской школе весьма обширна и разнообразна по сюжетам³⁹. Составлен полный перечень учебников и различных учебных книг по истории,

³³ Проблематика исторической памяти стала едва ли не визитной карточкой современной французской историографии. Даже если объектом диссертационного исследования является оккупация Франции войсками союзников, обоснование актуальности темы делается через проблематику исторической памяти. См. по этому поводу: *Гладышев А. В.* Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5–25.

³⁴ *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 194. См.: *Forrest A.* La représentation de la guerre et des armées de la Révolution dans les manuels scolaires français // Entre enseignement et recherche: L'histoire de la Révolution française / ed. A.M. Rao. Naples, 2015. P. 57–77.

³⁵ Подробнее см.: *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.

³⁶ По истории школы в годы Революции см.: *Ozouf M.* L'École de la France, Essai sur la Révolution, l'utopie et sur l'enseignement. Paris, 1984.

³⁷ «После войны 1870 г. власти Третьей республики, решив, что военное поражение Франции во многом было обусловлено тем, что французский школьный учитель уступал немецкому, сделало приоритетом программу начального образования, которое стало действительно всеобщим, бесплатным и обязательным для всех». См.: *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 195.

³⁸ «Путешествие по Франции» Ж. Бруно (писательницы Огюстины Фуйе) с 1877 по 1901 г. издано тиражом в 6 млн. О значении школьных учебников по истории для конструирования памяти и прославления республиканских ценностей во Франции см.: *Lecuir J.* Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective, UER de didactique des disciplines, Université de Paris 7. Verne, 1984. P. 217–225; *Гладышев А. В.* Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. 2010. Вып. 9. С. 46–51.

изданных с середины XVII в. до 60-х годов XX в. во Франции⁴⁰. Коллективное исследование под общим руководством Алена Шопена о школьных учебниках, увидевших свет с 1789 по 1989 г., издал Национальный институт педагогических исследований Франции⁴¹. Естественно, что исследователи просто не могли не обратить внимание на отражение в учебниках столь знаковых для французов исторических событий, как Французская революция и императорство Наполеона⁴². Эта тематика затрагивалась на коллоквиумах, посвященных общим вопросам отражения истории в школьных учебниках⁴³. 200-летие Революции отмечено в том числе и коллоквиумом «Школьные учебники и Французская революция»⁴⁴. Пусть и небольшое, но отдельное исследование посвящено образу Робеспьера в школьных учебниках различных стран мира и, естественно, самой Франции⁴⁵. Есть ряд публикаций по этому сюжету и в российской историографии⁴⁶.

Подход А. Форреста на фоне этой историографической традиции отличают три момента, хотя он и не был их первооткрывателем. Профессор из Йорка, с одной стороны, сосредоточился на Франции последней трети XIX в., вписывая школьные учебники в широкий исторический контекст политики памяти властей Третьей Республики. С другой стороны, он акцентирует внимание на формировании культа героев, подчеркивает борьбу между светскими и церковными дискурсами по школьной истории, что, видимо, было актуально для конца XIX – начала XX в.: и та и другая сторона создавали культ героев, только герои были у каждого свои (сам А. Форрест ведет речь главным образом о светской литературе). Наконец, А. Форрест интересуют не образы Революции и Империи вообще, а именно их армий и солдат. Положительный образ армии и культ солдата (и революционного, и наполеоновского) был принципиально важен после франко-прусской войны и для республиканцев, и для монархистов (последние просто от фанатиков-революционеров отделяли символизирующих гражданское самопожертвование солдат). Патриотизм создавал «общий вектор» и побуждал всех к согласию.

От анализа республиканского и католического дискурса в учебной литературе А. Форрест переходит к рассмотрению образа битвы при Ватерлоо в исторической памяти англичан

³⁹ К основоположникам этого направления в 1960-е годы можно отнести П. Жербо, Ж. Озуф, Ж. Фрейссине-Доминьона. См.: *Gerbod P.* La place de l'histoire dans l'enseignement secondaire de 1802 à 1880 // *L'information historique.* 1965. № 3. P. 125–130; *Ozouf J.* L'École, l'Église et la République: 1871–1914. Paris, 1963; *Idem.* Nous, les maîtres d'école. Paris, 1967; *Freyssinet-Domingon J.* Les Manuels d'histoire de l'école libre, 1882–1959, de la loi Ferry à la loi Debré. Paris, 1969.

⁴⁰ *Amalvi C.* Répertoire des auteurs de manuels scolaires et de livres de vulgarisation historique de langue française: de 1660 à 1960. Paris, 2001. Подробнее о французской историографии школьных учебников см.: *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // *История и историческая память.* Вып. 2. Саратов, 2010. С. 30–60.

⁴¹ *Manuels scolaires, Etats et sociétés: XIXe–XXe siècles* / ed. A. Choppin. Paris, 1993. Это исследование было продолжено: *Les manuels scolaires en France de 1789 à nos jours.* 7, Bilan des études et recherches / eds A. Choppin, B. Pinède. Paris, 1995. Работой в этом направлении занимается и университет Поля Валери: *Manuels et apprentissages au fil des siècles.* Montpellier, 1997.

⁴² См., например: *Humbert R.* Il était un fois la Révolution les manuels scolaires rencontrent: 1789–1799. Paris, 1989; *Casin R.* Napoléon 1er: et les bicentennaires des grandes institutions de la République. Montsûrs, 2002; *Idem.* Napoléon et les manuels d'histoire. Paris, 2008. Причем не только во французских учебниках, но и в учебниках других стран. См., например: *La Révolution française expliquée aux petits Anglais: dans leurs manuels scolaires d'histoire.* Epinal, 1989.

⁴³ Выступающие, в частности, отметили принципиальный вклад школьных учебников в формирование исторической памяти общества. См., например: *Lecuir J.* Op. cit.

⁴⁴ *Manuels scolaires et Révolution française.* Messidor; Paris, 1989.

⁴⁵ *L'Image de Robespierre dans les manuels scolaires d'Europe et du monde:* Arras. 3 décembre 1989, colloque international. Lille, 1989.

⁴⁶ *Поскоин В.С.* Французская революция в учебниках школ Франции // *Новая и новейшая история.* 1989. № 3. С. 200–207; *Гладышев А.В.* Формирование исторической памяти; *Его же.* Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Монопотаме // *История и историческая память.* Вып. 3. Саратов, 2011. С. 37–57; *Бовыкин Д.Ю.* Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // *Французский ежегодник.* 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 340–360.

и французов. За основу взята его статья 2016 г.⁴⁷, но этот вопрос рассматривался им более детально и в книге 2015 г.⁴⁸

Топоним «Ватерлоо» давно уже имеет символическое значение. Понятно, что распропагандировали Ватерлоо как символ своей победы в первую очередь англичане и немцы. Немцы в XIX в. упорно называли это сражение «сражением при Бель-Альянсе» и настаивали на своем решающем победном вкладе. Улицы с названием «Бель-Альянс» до сих пор можно встретить в немецких городах. Дело в том, что на одноименном постоялом дворе после завершения битвы поздно вечером встретились Веллингтон и Блюхер. Но в этой гонке за славой победили англичане. Притом, что лишь 36% армии Веллингтона были британцами — остальные были немцами, голландцами или фламандцами и валлонами из тех мест, где сейчас расположена Бельгия. Именем Ватерлоо в Лондоне названы вокзал и мост через Темзу. Кроме того, в англосаксонском мире (от Австралии до Канады) около 120 городов и селений носят имя Ватерлоо⁴⁹.

Для британцев победа при Ватерлоо стала символом национального триумфа: есть о чем вспомнить, есть как сплотить англичан, шотландцев, ирландцев... А для французов? За исключением отъявленных роялистов и эмигрантов? Когда Алейда Ассман писала о роли в массовом сознании памяти-славы и памяти-травмы, то она имела в виду вовсе не французов. Зачем бы французам использовать память-травму о поражении при Ватерлоо для формирования национальной идентичности или поднятия патриотических настроений? «Франции было особенно нечего праздновать, кроме облегчения от того, что тяготы Наполеоновских лет остались позади»⁵⁰. Конечно, принесенные жертвы нельзя было предать забвению: вопрос не в том, чтобы помнить, а о том, как вспоминать. А. Форрест много рассуждает о роли для французов памяти о Наполеоне и наполеоновских войнах, но это несколько иной сюжет. Поражение памяти о Наполеоне в национальную историю, даже если это «славное поражение». А. Форрест ограничивается констатацией, что в ходе юбилейных коммемораций, посвященных битве, французы всегда проявляли «сдержанность»⁵¹. «Сдержанность» — проявление дипломатичности А. Форреста. При обновлении музея-панорамы в Ватерлоо к 200-летней годовщине сражения французские историки поспешили выразить озабоченность, настаивая, чтобы мемориал Ватерлоо отражал разнообразие взглядов на битву⁵². А когда бельгийцы отчеканили двухевровую монету в память о Ватерлоо, французы подали протест в создании «излишней» напряженности в Европе и послали на юбилейные торжества второстепенных чиновников своего МИДа.

В процессе превращения «Ватерлоо» в символ национального триумфа британцев есть любопытный нюанс, который отражен в книге А. Форреста 2015 г. Революционная и наполеоновская эпоха, по его мнению, была «символом надежды европейцев на равенство и свободу».

⁴⁷ Forrest A. *Contrasting Memories: Remembering Waterloo in France and Britain* // *War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions* / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 353–368.

⁴⁸ Forrest A. *Waterloo: Great Battles*. Oxford, 2015.

⁴⁹ Гладышев А. В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // *Историческая память и культурные символы национальной идентичности: матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.)*. Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134–139; Гладышев А. В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // *История и историческая память*. Вып. 18. Саратов, 2018. С. 167–182.

⁵⁰ Форрест А. За кромкой поля боя. С. 219.

⁵¹ Ср.: Гладышев А. В. Наполеоновские войны 1812–1815 гг.: современные коммеморации французов // *Французский ежегодник*. 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 336–354; Гладышев А. В. 200-летний юбилей событий Большой европейской войны 1812–1815 годов: Российский вариант // *История и историческая память*. Вып. 13–14. Саратов, 2016. С. 69–81.

⁵² Boudon J.-O. Editorial // *Revue de l'Institut Napoléon*. 2013. № 207. P. 5.

Конечно, не для Бёрка. Но для Байрона. Эта надежда и погибла на полях Ватерлоо⁵³. С этой точки зрения Ватерлоо — своеобразный апогей противостояния принципиально антагонистичных друг другу систем ценностей, это ключевая веха не только в военной, но и в социокультурной истории человечества.

Сам Наполеон, оценивая битву при Ватерлоо, если верить опубликованному в 1823 г. Эмманюэлем Лас Казом «Мемориалу Святой Елены», предсказывал, что «память побежденного переживет его поражение, а память победителя, возможно, будет погребена его же триумфом». И в общем-то предсказание оказалось пророческим. В памяти поколений 18 июня 1815 г. сохранился как «непонятный день», когда гарантированная победа гениального полководца превратилась в поражение.

От наполеоновского образа Ватерлоо — поражения, достойного уважения, оставившего славу и репутацию полководца в неприкосновенности, — А. Форрест переходит к рассмотрению другого образа — «славного поражения» 1812 г.

Речь идет опять об исторической памяти об эпохе революционных и наполеоновских войн. Тема эта А. Форресту очень близка. Не случайно он выступил одним из редакторов международного сборника «Воспоминания о войне: революционные и наполеоновские войны в современной европейской культуре»⁵⁴, в котором международный коллектив авторов исследовал вопросы пересечения опыта и памяти, частного и общественного, истории и художественной литературы или изобразительного искусства и, что наиболее важно, пересечения между воспоминаниями индивида, группы, региона, нации и в целом европейцев. Сюжеты представлены самые разнообразные: личные воспоминания (австрийского кавалериста, британских солдат и гражданских лиц, немецких путешественников и участников Египетского похода), исторические романы (об английских моряках, о немецких патриотах Рейнской области, о русских героинях 1812 г.), о частных вопросах государственной политики памяти (британцев и немцев), о визуализации исторической памяти (в английских и русских карикатурах, в музейных экспозициях, литографиях, картинах Гойи и немецких художественных фильмах межвоенного периода). Одновременно с выходом сборника А. Форрест выступил на международном симпозиуме в Пенсильванском университете в Филадельфии с докладом «Россия, Московская кампания и создание наполеоновской легенды». Доклад не был опубликован, его расширенная версия стала главой русскоязычной монографии А. Форреста, и в ней мы найдем следы идей из вышеуказанного сборника.

Не вдаваясь в подробности становления Наполеона как величайшего пропагандиста и его перманентных усилий по созданию собственной легенды⁵⁵, А. Форрест обращается к рассмотрению места русской кампании 1812 г. в наполеоновской легенде: как полководец использовал военную кампанию 1812 г. для своей пропаганды?⁵⁶ Позиционируя кампанию в целом как «войну за французскую честь», бывший император Франции в «Мемориале» старается представить дело как не «бегство из России», а «стратегический вывод войск», битву на Березине не как «катастрофу», а как героическое деяние французов и даже победу. Обратившись

⁵³ Forrest A. Waterloo: Great Battles. P. 179. О притягательности образа Наполеона, который завладел умами целого поколения в век романтизма, см.: Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995.

⁵⁴ War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture / eds A. Forrest, E. François, K. Hagemann. Basingstoke, 2012.

⁵⁵ Литература по этому вопросу весьма обширна, и ее обзор занял бы слишком много места. Отмечу лишь новаторскую для своего времени работу профессора из Луизианского университета Роберта Холтмана: Holtman R. B. Napoleonic propaganda. Baton Rouge, 1950. См. также исследование Уэйна Хенли, продемонстрировавшего, что в наполеонистике еще есть малоизученные области, и защитившего в 1998 г. диссертацию об истоках наполеоновской пропаганды: Hanley W. The genesis of Napoleonic propaganda, 1796 to 1799. New York, 2002.

⁵⁶ По этому вопросу см.: Промыслов Н.В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Выпуск 1 (17). URL. <https://history.jes.su/s207987840000003-2-5/> (дата обращения: 10.05.2022). О наполеоновской легенде в целом см.: Танышина Н.П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. М., 2020.

к письмам французских солдат из России, мы увидим, что их волновали не стратегические замыслы и тактические маневры, а наступившие морозы, голод, болезни, простые бытовые вопросы. Эти сетования укрепляли наполеоновскую легенду: все было хорошо, пока не вмешался «генерал Мороз». Но тут А. Форрест сбивается на едва ли уместное здесь опровержение этой пропагандистской установки. То он ссылается на новаторскую точку зрения Д. Ливена о причинах поражения Наполеона⁵⁷, то пересказывает впечатления французов от казаков⁵⁸.

В заключение А. Форрест переходит к обсуждению очень важного, актуального и мистифицированного вопроса о стереотипах восприятия России в XVIII в. и в ходе кампании 1812 г. Речь идет об этнических характеристиках и общем концепте «цивилизованности». Оставим в стороне дискуссию о существовании «национального характера» и степени отражения реальности в образе «другого»: стереотипы восприятия важны независимо от того, соответствуют ли действительности, ибо они определяют наши действия.

Рассуждения о наполеоновском проекте Европы приводят некоторых историков, как М. Брозера, к выводу, что император Франции хотел вслед за императорами прежних лет видеть в Европе единую культуру и единую цивилизацию, рамки которой зададо некогда христианство⁵⁹. А. Форрест, развивая эту мысль, выдвигает гипотезу, что Наполеон ни много ни мало «хотел покончить с давним разделением на Восток и Запад, на православие и католицизм, гармонично объединив всю Европу в общем государственном образовании»⁶⁰. В этом свете Русская кампания приобретала новый смысл — «цивилизаторский». Сложно говорить, насколько эта идея была искренней и насколько глубоко она была внедрена в сознание императора Франции. А вот о чем с уверенностью следует говорить, так это о том, что наполеоновская пропаганда всячески старалась придать войне с Россией мессианский характер: англичанам после 1812 г. следовало бы подумать, на чьей они стороне — цивилизованной европейской Франции или варварской азиатской России, ведущей свои орды в Западную Европу⁶¹.

Наполеоновская пропаганда опиралась на распространенные в предшествующее столетие на Западе стереотипические представления о России. Этот вопрос исследовал Марк Белисса: и французская пресса, и энциклопедисты XVIII в. характеризовали российское общество как дикое, воинственное, склонное к масштабному насилию и грабежу⁶². «Сама идея того, что одни народы более цивилизованны, чем другие, что может существовать нечто вроде турнирной таблицы народов, выстроенных в порядке, заданном их культурой и ценностями, очень соответствовала высокомерному самомнению XVIII в.», — пишет А. Форстер. Отсюда и его вывод о смысле кампании 1812 г.: «образ России, господствовавший в то время во Франции и в большей части Западной Европы, неизбежно наводил на мысль, что речь идет еще и о культурной миссии, о необходимости навязать ценности более цивилизованного Запада жестокому и порой варварскому Востоку»⁶³.

Но для меня вопрос остается открытым: каких же конкретно ценностей цивилизованного Запада была столетиями лишена Россия и что же это такое, с точки зрения самих французов эпохи Революции и Империи, — «цивилизованность»? Французские военные в письмах из России на родину возмущались «нецивилизованными» методами ведения противником войны (казаками, партизанами)⁶⁴. Но и Наполеон в 1814 г. очень сильно

⁵⁷ Заключение Ливена весьма категорично: «Одной из главных причин, по которой Россия одолела Наполеона, было то, что российские политические деятели оказались дальновиднее его». См.: *Ливен Д.* Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.

⁵⁸ *Гладышев А. В.* 1814 год... С. 20–24.

⁵⁹ *Broers M.* Napoleon, Charlemagne and Lotharingia: Acculturation and the Boundaries of Napoleonic Europe // *The Historical Journal.* 2011. № 44 (1). P. 135–154.

⁶⁰ *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 247.

⁶¹ Подробнее см.: *Гладышев А. В.* «Казачьи» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.

⁶² *Belissa M.* La Russie mise en Lumière: Représentations et débats autour de la Russie dans la France du 18e siècle. Paris, 2010.

⁶³ *Форрест А.* За кромкой поля боя. С. 143, 247–248.

⁶⁴ *O'Rourke S.* The Cossacks. Manchester, 2007. P. 139–140.

рассчитывал именно на народное сопротивление французам войскам оккупантов⁶⁵. Никто же не пишет, что это из соображений «цивилизованности» французские крестьяне весьма вяло прореагировали на призывы корсиканца взяться за оружие и остались сидеть по домам. А о тех случаях народного сопротивления, которые все же в 1814 г. имели место и среди которых встречались и убийство фуражиров противника, и добивание после боя раненых солдат, пишут в оправдательных тонах⁶⁶. Грань между обыкновенным разбоем и «народной войной» не всегда была четкой.

Иностранцы, когда писали о России, отделяли элитарное столичное общество от народного провинциального. Можно даже проследить связь между цивилизацией и городской жизнью и нецивилизованной отсталостью и сельской нищетой. Но это уже не имеет никакого отношения к этническим образам, подобные контрасты можно было обнаружить хоть в округе Стамбула, хоть Парижа. Луи-Филипп де Сегюр, посетив Петербург в 1784 г. и говоря о нецивилизованности России, указывал на весьма запутанное сочетание азиатских *манер* (курсив мой. — А.Г.) с западноевропейскими. Неужели все дело в манерах, в обходительности, куртуазности?

Видимо, даже после Эдварда Саида и Ларри Вульфа⁶⁷ с их стремлением к обобщениям все же необходим неторопливый семантический анализ ряда привычных, постоянно встречающихся в дискурсе западноевропейцев XVIII—XIX вв. и от того кажущихся само собой разумеющимися лексем «цивилизация», «варварство», «невежество», «справедливость»⁶⁸.

Война, описанная в учебниках, и война, отраженная в письмах и воспоминаниях солдат, — разные дискурсы о войне со своими ключевыми событиями. Для массы рекрутов это была не только возможность «поучаствовать в истории», но и жестокая инициация, открывшая для них мир, о котором они прежде знали так мало. Восприятие новой системы ценностей привело к тому, что в итоге они стали лучше понимать ту нацию, к которой принадлежали. В то же время национальной самоидентификации и консолидации способствовало через создание национальных мифов и нарративов конструирование отцензурированной версии памяти. Изучение повседневного опыта жизни в условиях войны (как самих комбатантов, так и гражданских) и памяти о войне, включая масштабные коммеморации — перспективное направление современной военно-исторической антропологии.

Библиография/ References

Ададуров В. Контакты между военнослужащими армии Наполеона и крестьянами во время русской кампании // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 141—164.

Безотосный В.М. Наполеоновские планы. Проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М., 2017.

Бовыкин Д.Ю. Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России // Французский ежегодник. 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. М., 2014. С. 340—360.

Болт В.С. Способы разрешения конфликтов между французами и военнослужащими русского оккупационного корпуса 1815—1818 гг. // Французский ежегодник 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 205—217.

Брозэс М. Концепция «тотальной войны» в период Французской революции и Первой империи // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 213—226.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁶⁵ *Petiteau N.* Les Français et l'Empire (1799—1815). Paris, 2008. P. 230. См. также: *Hantraye J.* Les prises d'armes de 1814—1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 2011. № 4. P. 47—61; *Forrest A.* Les partisans de la campagne de France: mythe ou réalité // 1814. La campagne de France. Troyes, 2016.

⁶⁶ «Но если они так и поступают, то только, чтобы защитить свои хижины и отразить насилие со стороны врага, а не из-за чувства бонапартизма, затонированного под патриотизм». См.: *Ber-taud J.-P.* Quand les enfants parlaient de gloire. P. 373.

⁶⁷ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁶⁸ Гладышев А.В. Социальная справедливость как маркер «цивилизованности»: от истории представлений к информационным войнам // История и историческая память. Вып. 16. Саратов, 2018. С. 20—30.

- Гладышев А. В. Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 30–60.
- Гладышев А. В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. 2010. Вып. 9. С. 46–51.
- Гладышев А. В. Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Монопотаме // История и историческая память. Вып. 3. Саратов, 2011. С. 37–57.
- Гладышев А. В. «Казачи» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.
- Гладышев А. В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5–25.
- Гладышев А. В. 200-летний юбилей событий Большой европейской войны 1812–1815 годов: Российский вариант // История и историческая память. Вып. 13–14. Саратов, 2016. С. 69–81.
- Гладышев А. В. Наполеоновские войны 1812–1815 гг.: современные коммеморации французов // Французский ежегодник. 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М., 2016. С. 336–354.
- Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.
- Гладышев А. В. Ватерлоо как место памяти: мемориально-музейный ландшафт и политика преодоления прошлого // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: матер. междунар. науч. конф. (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). Ставрополь; Пятигорск, 2017. С. 134–139;
- Гладышев А. В. Великие сражения в исторической памяти или Почему машут кулаками после драки // История и историческая память. Вып. 18. Саратов, 2018. С. 167–182.
- Гладышев А. В. Первая встреча населения Франции с «варварами Севера»: 1814 г. // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 182–204.
- Гладышев А. В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М., 2018. С. 10–21.
- Гладышев А. В. Социальная справедливость как маркер «цивизованности»: от истории представлений к информационным войнам // История и историческая память. Вып. 16. Саратов, 2018. С. 20–30.
- Гладышев А. В. Образ России во французской прессе и письмах солдат наполеоновской Великой армии // Новая и новейшая история. 2019. Т. 63. № 6. С. 199–201.
- Гладышев А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.
- Гладышев А. В. Как французские роялисты-патриоты русских казаков полюбили // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Гладышев А. В. Страсти по Авену: иностранная оккупация северо-восточной Франции в 1814 г. // Французский ежегодник. 2020: Войны и революции в Новое время. М., 2020. С. 156–184.
- Гладышев А. В. Закат империи Наполеона: «общественный дух» французов и сопротивление властям // История и историческая память. Вып. 22/23. Саратов, 2021. С. 121–135.
- Еремин В. С. Современная англоязычная историография оккупации Франции 1815–1818 гг. // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 324–347.
- Кобылин И. И., Николаи Ф. В. Нужен ли историкам «поворот к аффекту»? // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 37–48.
- Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.
- Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012.
- Посконин В. С. Французская революция в учебниках школ Франции // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 200–207.
- Промыслов Н. В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 1 (17). URL: <https://history.jes.su/s207987840000003-2-5/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Промыслов Н. В. Война 1812 года в письмах французских солдат // Французский ежегодник. 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). М., 2006. С. 219–231.
- Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М., 2016.
- Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
- Таньшина Н. П. Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. М., 2020.
- Таньшина Н. П. Русско-французский диалог в годы оккупации Франции союзными войсками. 1814–1818 гг. // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М. 2018. С. 218–239.
- Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2021.
- Чудинов А. В. Террор Французской революции на земле Египта 1798–1801 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 27–42.
- Чудинов А. В. Французы в Египте 1798–1801 гг.: неудавшийся диалог цивилизаций // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (дата обращения: 10.05.2022).
- Чудинов А. В. Наш добрый друг Алан Форрест (К 75-летию со дня рождения) // Французский ежегодник. 2021: Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 429–439.
- Adadurov V. Kontakty mezhdru voennosluzhashchimi armii Napoleona i krest'yanami vo vremya russkoj kampanii [Contacts between soldiers of Napoleon's army and peasants during the Russian campaign] // Francuzskij

- ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoĭ okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 141–164. (In Russ.)
- Bezotosnyĭ V.M.* Napoleonovskie plany. Proekt zavoevaniya Indii Napoleona Bonaparta [Napoleonic plans. The project of the conquest of India by Napoleon Bonaparte]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Bolt V.S.* Sposoby razresheniya konfliktov mezhdu francuzami i voennosluzhashchimi russkogo okkupacionnogo korpusa 1815–1818 gg. [Ways of resolving conflicts between the French and the servicemen of the Russian occupation corps of 1815–1818] // Francuzskii ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoĭ okkupatsii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 205–217. (In Russ.)
- Bovykin D.Y.* Francuzskaya revolyuciya XVIII v. v shkol'nykh uchebnikakh Rossii [The French revolution of the 18th century in school textbooks of Russia] // Francuzskij ezhegodnik. 2014: Zhizn' dvora vo Francii ot Karla Velikogo do Lyudovika XIV [French Yearbook. 2014: The life of the court in France from Charlemagne to Louis XIV]. Moskva, 2014. S. 340–360. (In Russ.)
- Broers M.* Konceptsiya “total'noj vojny” v period Francuzskoj revolyucii i Pervoj imperii [The concept of “total war” during the French Revolution and the First Empire] // Francuzskij ezhegodnik. 2021: Epidemii v istorii Francii [French Yearbook. 2021: Epidemics in the history of France]. Moskva, 2021. S. 213–226. (In Russ.)
- Chudinov A.V.* Francuzy v Egipte 1798–1801 gg.: neudavshijsya dialog civilizacij [The French in Egypt 1798–1801: the Failed Dialogue of Civilizations] // Elektronnyĭ nauchno-obrazovatel'nyĭ zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2021. T. 12. Vyp. 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840015129-0-1/> (access date: 10.05.2022). (In Russ.)
- Chudinov A.V.* Nash dobryĭ drug Alan Forrest (K 75-letiyu so dnya rozhdeniya) [Our good friend Alan Forrest (On the 75th anniversary of his birth)] // Francuzskij ezhegodnik. 2021: Epidemii v istorii Francii [French Yearbook. 2021: Epidemics in the history of France]. Moskva, 2021. S. 429–439. (In Russ.)
- Chudinov A.V.* Terror Francuzskoj revolyucii na zemle Egipta 1798–1801 gg. [The terror of the French Revolution in the land of Egypt 1798–1801] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki [News of the Ural Federal University. Ser. 2. Humanities]. 2020. T. 22. № 3 (200). S. 27–42. (In Russ.)
- Ermin V.S.* Sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya okkupacii Francii 1815–1818 gg. [Modern English – language historiography of the occupation of France 1815–1818] // Francuzskij ezhegodnik. 2021: Epidemii v istorii Francii [French Yearbook. 2021: Epidemics in the history of France]. Moskva, 2021. S. 324–347. (In Russ.)
- Forrest A.* Za kromkoj polya boya. Zhizn' voennykh vo vremena Revolyucionnykh i Napoleonovskikh vojn [Beyond the edge of the battlefield. Military life during the Revolutionary and Napoleonic Wars]. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* 1814 god: “Varvary Severa” imeyut chest' privetstvovat' francuzov [1814: “The Barbarians of the North” have the honor to welcome the French]. Moskva, 2019.
- Gladyshev A.V.* 200-letnij yubiley sobytij Bol'shoj evropejskoj vojny 1812–1815 godov: Rossijskij variant [200th anniversary of the events of the Great European War of 1812–1815: Russian version] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 13–14. Saratov, 2016. S. 69–81. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Antropologicheskij povорот v voennoj istorii [Anthropological turn in military history] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2017. T. 59. S. 136–150. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Formirovanie istoricheskoy pamyati: shkol'nye uchebniki i Francuzskaya revolyuciya [Formation of historical memory: school textbooks and the French Revolution] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 2. Saratov, 2010. S. 30–60. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Kak francuzskie royalisty-patrioty russkikh kazakov polyubili [How French royalist patriots fell in love with Russian Cossacks] // Elektronnyĭ nauchno-obrazovatel'nyĭ zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2020. T. 11. Vyp. 4 (90). URL: <https://history.jes.su/s207987840009213-3-1/> (access date: 10.05.2022). (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Kazaki vo Francii v 1814 g.: obraz i kollektivnaya pamyat' [“Kazaki” i antiruskaya napoleonovskaya propaganda v 1814 g.] // Ural'skij istoricheskij vestnik [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2014. № 4 (45). S. 5–25. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Konstruirovaniye istoricheskoy pamyati i shkol'nye uchebniki (opyt Francii) [Constructing historical memory and school textbooks (French experience)] // Evropa [Europe]. 2010. Vyp. 9. S. 46–51. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Konstruirovaniye pamyati: možhno li zabyt' Napoleona, no pomnit' o Monopotame [Constructing memory: is it possible to forget Napoleon, but remember the Monopotamus] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 3. Saratov, 2011. S. 37–57. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Napoleonovskie vojny 1812–1815 gg.: sovremennyye kommemoracii francuzov [The Napoleonic Wars of 1812–1815: modern commemorations of the French] // Francuzskij ezhegodnik. 2016: Protestnyye dvizheniya v epohu Francuzskoj revolyucii i Pervoj imperii [French Yearbook. 2016: Protest movements in the era of the French Revolution and the First Empire]. Moskva, 2016. S. 336–354. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Obraz Rossii vo francuzskoj presse i pis'mah soldat napoleonovskoj Velikoj armii [The image of Russia in the French press and letters of soldiers of Napoleon's Great Army] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. T. 63. № 6. S. 199–201. (In Russ.)
- Gladyshev A.V.* Okkupaciya kak predmet voenno-antropologicheskikh issledovanij [Occupation as a subject of military anthropological research] // Francuzskij ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoĭ okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. C. 10–21. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Pervaya vstrecha naseleniya Francii s “varvarami Severa”: 1814 g. [The first meeting of the population of France with the “barbarians of the North”: 1814] // Francuzskij ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoĭ okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 182–204. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Social'naya spravedlivost' kak marker “civilizovannosti”: ot istorii predstavlenij k informacionnym vojnjam [Social justice as a marker of “civility”: from the history of ideas to information wars] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 16. Saratov, 2018. S. 20–30. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Strasti po Avenu: inostrannaya okkupaciya severo-vostochnoj Francii v 1814 g. [The Aven Passion: the foreign occupation of northeastern France in 1814] // Francuzskij ezhegodnik. 2020: Voiny i revolyucii v Novoe vremya [French Yearbook. 2020: Wars and Revolutions in Modern Times]. Moskva, 2020. S. 156–184. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Vaterloo kak mesto pamyati: memorial'no-muzejnij landschaft i politika preodoleniya proshlogo [Waterloo as a place of memory: memorial and museum landscape and the policy of overcoming the past] // Istoriicheskaya pamyat' i kul'turnye simvol'y nacional'noj identichnosti: mater. mezhdunar. nauch. konf. (Pyatigorsk, 18–20 oktyabrya 2017 g.) [Historical memory and cultural symbols of national identity: materials of the international scientific conference (Pyatigorsk, October 18–20, 2017)]. Stavropol'; Pyatigorsk, 2017. S. 134–139. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Velikie srazheniya v istoricheskoy pamyati ili Pochemu mashut kulakami posle draki [Great battles in historical memory or Why they wave their fists after a fight] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 18. Saratov, 2018. S. 167–182. (In Russ.)

Gladyshev A.V. Zakat imperii Napoleona: “obshchestvennyĭ duh” francuzov i soprotivlenie vlastyam [The decline of Napoleon's Empire: the “public spirit” of the French and resistance to the authorities] // Istoriya i istoricheskaya pamyat' [History and historical memory]. Vyp. 22/23. Saratov, 2021. S. 121–135. (In Russ.)

Kobylina I.I., Nikolai F.V. Nuzhen li istorikam “povorot k affektu”? [Do historians need a “turn to affect”?] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2020. Vyp. 72. S. 37–48. (In Russ.)

Kozellek R. Mozhem li my rasporyazhat'sya istoriej? [Can we dispose of history?] // Otechestvennye zapiski [Domestic notes]. 2004. № 5. S. 226–241. (In Russ.)

Liven D. Rossiya protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807–1814 [Russia against Napoleon: The Struggle for Europe, 1807–1814]. Moskva, 2012. (In Russ.)

Poskonin V.S. Francuzskaya revolyuciya v uchebnikah shkol Francii [The French Revolution in textbooks of French schools] // Novaya i novejšhaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 1989. № 3. S. 200–207. (In Russ.)

Promyslov N.V. Francuzskaya propaganda o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda [French propaganda about Russia on the eve and during the war of 1812] // Elektronnyĭ nauchno-obrazovatel'nyĭ zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational magazine “History”]. 2013. T. 4. Vyp. 1 (17). URL: <https://history.jes.su/s207987840000003-2-5/> (access date: 10.05.2022). (In Russ.)

Promyslov N.V. Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda [French public opinion about Russia on the eve and during the War of 1812]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Promyslov N.V. Voina 1812 goda v pis'mah francuzskih soldat [The War of 1812 in the letters of French soldiers] // Francuzskij ezhegodnik. 2006: Napoleon i ego vremya. K 100-letiyu A.Z. Manfreda (1906–1976) [Francuzskij ezhegodnik. 2006: Napoleon and his time. To the 100th anniversary of A.Z. Manfred (1906–1976)]. Moskva, 2006. S. 219–231. (In Russ.)

Said E.V. Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concepts of the East]. Sankt-Peterburg, 2006. (In Russ.)

Tanshina N.P. Napoleon Bonapart: mezhdru istoriej i legendoj [Napoleon Bonaparte: Between History and Legend]. Moskva, 2020. (In Russ.)

Tanshina N.P. Russko-francuzskij dialog v gody okkupacii Francii soyuznymi vojskami. 1814–1818 gg. [Russian-French dialogue during the occupation of France by Allied troops. 1814–1818] // Francuzskij ezhegodnik. 2018: Mezhhkul'turnye kontakty v period inostrannoĭ okkupacii [French Yearbook. 2018: Intercultural contacts during the period of foreign occupation]. Moskva, 2018. S. 218–239.

Vulf L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta civilizacii v soznanii epohi Prosveshcheniya [Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment]. Moskva, 2003. (In Russ.)

Amalvi C. Répertoire des auteurs de manuels scolaires et de livres de vulgarisation historique de langue française: de 1660 à 1960. Paris, 2001.

Arrachés et déplacés: réfugiés politiques, prisonniers de guerre, déportés, 1789–1918 / eds N. Beaupré, K. Rance. Clermont-Ferrand, 2016.

Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995.

Belissa M. La Russie mise en Lumières: Représentations et débats autour de la Russie dans la France du 18e siècle. Paris, 2010.

Bell D.A. The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. Boston, 2007.

Bertaud J.-P. Travaux récents sur l'armée de la Révolution et de l'Empire // Bulletin de la Société d'histoire moderne et contemporaine. 1986. № 3. P. 2–7.

Bertaud J.-P. Quand les enfants parlaient de gloire. Paris, 2006.

Blanton H.D. Conscription in France during the era of Napoleon // Conscription in the Napoleonic Era / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. London, 2009.

Broers M. Napoleon, Charlemagne and Lotharingia: Acculturation and the Boundaries of Napoleonic Europe // The Historical Journal. 2011. № 44 (1). P. 135–154.

Calvet S. Les officiers charentais de Napoléon au dix-neuvième siècle. Paris, 2010.

- Casin R.* Napoléon 1er: et les bicentennaires des grandes institutions de la République. Montsûrs, 2002.
- Casin R.* Napoléon et les manuels d'histoire. Paris, 2008.
- Colley L.* Captives: Britain, Empire and the World. 1600–1850. New York, 2002.
- Crépin A.* Défendre la France. Les Français, la guerre et le service militaire de la Guerre de Sept Ans à Verdun. Rennes, 2005.
- Dwyer P.G.* “It still makes me shudder”: Memories of massacres and atrocities during the Revolutionary and Napoleonic Wars // *War in History*. 2009. T. 16. № 4. P. 381–405.
- Forrest A.* Soldiers of the French Revolution. Durham, 1990.
- Forrest A.* Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. London; New York, 2002.
- Forrest A.* Honourable Villains: Veterans of the Revolutionary and Napoleonic Wars // *Mittelweg: Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung*. 2015. № 36. P. 32–45.
- Forrest A.* La représentation de la guerre et des armées de la Révolution dans les manuels scolaires français // *Entre enseignement et recherche: L'histoire de la Révolution française* / ed. A.M. Rao. Naples, 2015. P. 57–77.
- Forrest A.* Waterloo: Great Battles. Oxford, 2015.
- Forrest A.* Contrasting Memories: Remembering Waterloo in France and Britain // *War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions* / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 353–368.
- Forrest A.* Les partisans de la campagne de France: mythe ou réalité // 1814. La campagne de France. Troyes, 2016.
- Forrest A., Hagemann K., Rowe M.* Introduction: War, Demobilization and Memory in the Era of Atlantic Revolutions // *War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions* / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 3–29.
- Freyssinet-Domingon J.* Les Manuels d'histoire de l'école libre, 1882–1959, de la loi Ferry à la loi Debré. Paris, 1969.
- Gender, War and Politics: Transatlantic Perspectives, 1775–1830* / eds K. Hagemann, G. Mettele, J. Rendall. Springer, 2010.
- Gerbod P.* La place de l'histoire dans l'enseignement secondaire de 1802 à 1880 // *L'information historique*. 1965. № 3. P. 125–130.
- Guiomar J.-Y.* L'invention de la guerre totale, XVIII–XX siècle. Paris, 2004.
- Hanley W.* The genesis of Napoleonic propaganda, 1796 to 1799. New York, 2002.
- Hantraye J.* Les prises d'armes de 1814–1815, signe et facteur de la politisation des ruraux // *Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest*. 2011. № 4. P. 47–61.
- Haynes C.* The Allied Occupation of France, 1815–1818 // *War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions* / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. Basingstoke, 2016. P. 51–67.
- Holtman R.B.* Napoleonic propaganda. Baton Rouge, 1950.
- Humbert R.* Il était un fois la Révolution les manuels scolaires rencontrent: 1789–1799. Paris, 1989.
- La Révolution française expliquée aux petits Anglais: dans leurs manuels scolaires d'histoire. Epinal, 1989.
- Lecuir J.* Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // *Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective, UER de didactique des disciplines, Université de Paris 7. Berne, 1984. P. 217–225.*
- Leighton S.J.* The Experience of Demobilization: War Veterans in the Central European Armies and Societies after 1815 // *War, Demobilization and Memory. War, Culture and Society, 1750–1850* / eds A. Forrest, K. Hagemann, M. Rowe. London, 2016.
- Les manuels scolaires en France de 1789 à nos jours. 7, Bilan des études et recherches / eds A. Choppin, B. Pinhède. Paris, 1995.
- L'Image de Robespierre dans les manuels scolaires d'Europe et du monde: Arras. 3 décembre 1989, colloque international. Lille, 1989.
- Manuels scolaires et Révolution française. Messidor; Paris, 1989.
- Manuels scolaires, Etats et sociétés: XIXe–XXe siècles / ed. A. Choppin. Paris, 1993.
- O'Rourke S.* The Cossacks. Manchester, 2007.
- Ozouf J.* L'Ecole, l'Eglise et la République: 1871–1914. Paris, 1963.
- Ozouf J.* Nous, les maîtres d'école. Paris, 1967.
- Ozouf M.* L'Ecole de la France, Essai sur la Révolution, l'utopie et sur l'enseignement. Paris, 1984.
- Petiteau N.* Lendemain d'Empire: Les soldats de Napoléon dans la France du dix-neuvième siècle. Paris, 2003.
- Petiteau N.* Les Français et l'Empire (1799–1815). Paris, 2008.
- Petiteau N.* Survivors of War: French Soldiers and Veterans of the Napoleonic Armies // *Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820* / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009. P. 43–58.
- Petiteau N.* Guerriers du Premier Empire: expériences et mémoires. Paris, 2011.
- Plamper J.* The History of Emotions: An Interview with William Reddy, Barbara Rosenwein, and Peter Stearns // *History and Theory*. 2010. № 49. P. 237–265.
- Reddy W.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions, Cambridge, 2001.
- Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820* / eds A. Forrest, K. Hagemann, J. Rendall. Basingstoke, 2009.
- War Memories: The Revolutionary and Napoleonic Wars in Modern European Culture* / eds A. Forrest, E. François, K. Hagemann. Basingstoke, 2012.

DOI: 10.31857/S013038640019547-9

© 2022 г. Г.Ф. МАТВЕЕВ, Е.Ю. МАТВЕЕВА

МЕЖДУ КЕМ СОБИРАЛСЯ БАЛАНСИРОВАТЬ И БАЛАНСИРОВАЛИ ЛИ ВООБЩЕ Ю. ПИЛСУДСКИЙ В 1926–1935 годах

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: gmatveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Матвеева Елена Юрьевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

Аннотация. Опубликованная в 2021 г. монография польского исследователя К. Рака «Пилсудский между Сталиным и Гитлером» не может не заинтересовать специалистов по истории международных отношений в межвоенный период. Хотя бы в силу анализируемой в ней проблематики не двух-, а трехсторонних отношений, масштаба хронологического охвата (1924–1935 гг.), богатейшей источниковой основы, представленной материалами из архивов Германии, Польши и России и публикациями документов, использования обширной литературы, в том числе на русском языке. Наш критический разбор не претендует на показ всего разнообразия поставленных или затронутых в работе вопросов, наша задача иная: дать представление о состоянии прежде всего польской историографии таких знаковых для международных отношений межвоенного периода событий, как Локарнские соглашения 1925 г., советско-польский договор о ненападении 1932 г. и польско-германская декларация о неприкосновенности силы 1934 г., польская политика балансирования. Работа К. Рака не историографическая, а сугубо исследовательская, в ней много новых интересных фактов, наблюдений, утверждений и гипотез, с которыми можно полемизировать, но нельзя просто отбросить. Демонстрируя новаторский подход к анализу ряда вопросов, Рак в своих построениях не всегда свободен от влияния стереотипов, особенно когда это касается таких вопросов, как угрожающий для Польши характер советско-германского соглашения 1922 г. в Рапалло, объяснение причин длительного нежелания Польши реагировать на советское предложение заключить договор о ненападении, подмена этими стереотипами научных доказательств, при этом его выводы в должной степени обоснованы, хоть и не всегда бесспорны.

Ключевые слова: К. Рак, международные отношения, Локарнские договоры 1925 г., Польша, Германия, СССР, Франция, внешняя политика, историография, Ю. Пилсудский, международные договоры, Версальская система международных отношений.

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

Who Was J. Piłsudski Going to Balance Between and Did He Balance in Fact in 1926–1935

Gennadij Matveev, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: gformatveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Elena Matveeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

The reported study was funded by RFBR and the National Science Foundation of Bulgaria (NSFB), project № 20-59-18007.

Abstract. The monograph “Piłsudski Between Stalin and Hitler” by the Polish researcher Krzysztof Rak published in 2021 cannot but interest specialists in the history of international relations in the interwar period, not least because of its analysis of tripartite rather than bilateral relations, its chronological scope (1924–1935), the wealth of source material from German, Polish and Russian archives, and the extensive bibliography, including works in Russian. Our critical analysis does not purport to show the diversity of the issues raised or addressed in the book. Our task is a different one: to provide an insight into the state of Polish historiography, first and foremost, of such landmark events in international relations of the interwar period as the 1925 Locarno Treaties, the 1932 Soviet-Polish Non-Aggression Pact, the 1934 Polish-German declaration of non-aggression, and the Polish policy of balancing. Yet Rak’s book is not a historiographical one, but is purely research-oriented, containing many new and intriguing facts, observations, assertions, and hypotheses, which can be debated, but cannot be dismissed. While demonstrating an innovative approach to the analysis of a number of issues, Rak is not always free of stereotypes, especially when it comes to matters such as the threat to Poland posed by the 1922 Soviet-German Treaty of Rapallo, the explanation of Polish longstanding reluctance to respond to the Soviet proposal for a non-aggression treaty, the substitution of scholarly evidence for these stereotypes, yet his conclusions are well grounded, though not always incontrovertible.

Keywords: international relations, 1925 Locarno Treaties, Poland, Germany, USSR, France, foreign policy, historiography, Józef Piłsudski, international treaties, Versailles system of international relations.

В 2021 г. независимый польский исследователь Кшиштоф Рак опубликовал монографию «Пилсудский между Сталиным и Гитлером», не оставшуюся незамеченной в Польше уже хотя бы в силу вынесенных на обложку книги фамилий трех политиков, сыгравших судьбоносную роль в судьбе поляков в первой половине XX в. Это не первая работа К. Рака, в 2019 г. из печати вышла его книга «Польша – несостоявшийся союзник Гитлера»¹. Анализируемый объемный труд К. Рака, насчитывающий около 1000 страниц текста, хронологически охватывает период от преддверия Локарно до начала 1935 г. Он затрагивает множество сюжетов, каждый из которых тянет на самостоятельное исследование. В центре внимания автора – взаимоотношения в треугольнике Варшава – Берлин – Москва, но немало места занимает и анализ французского фактора в польской внешней политике.

Задача исследования обозначена предельно кратко: «Описать историю трех несостоявшихся союзов: советско-германского (1924–1925 гг.), польско-советского (1933–1934 гг.) и польско-германского (1933–1935 гг.)»². Сразу поясним, что в двух последних случаях К. Рак имеет

¹ Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.

² Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021. S. 12–13 (далее ссылки на эту книгу даются в тексте).

в виду вовсе не хорошо изученные советско-польский пакт о ненападении 1932 г. и польско-германскую декларацию о неприменении силы, а именно проекты союзов, о чем особенно в нашей историографии есть скорее лишь упоминания, чем серьезные исследования.

Несомненное достоинство труда К. Рака — источниковая база. Ее составили как новые документы из архивов Польши, Германии и США, так и основные публикации архивных материалов, появившиеся в Польше и России в последние десятилетия как на бумажных, так и электронных носителях. Это тысячи листов документов, до сих пор ждущие своих исследователей. Не пренебрег автор и хорошо известными изданиями документов. Весьма полно использована литература предмета на польском, немецком, русском, английском, французском языках. При этом, что встречается крайне редко у зарубежных авторов, сноски на русскоязычную литературу и источники даются на кириллице. Мы не случайно обращаем на это внимание, поскольку современные польские исследователи далеко не всегда знают кириллицу, из-за чего испытывают трудности с поиском русскоязычных публикаций. Важно и то, что К. Рак предпочитает пространно цитировать, а не пересказывать источники. Из-за этого работа временами напоминает хрестоматию, но это отнюдь не недостаток, особенно сейчас, когда доступность зарубежных архивов ограничена.

Несомненное достоинство работы и в том, что Рак анализирует трехсторонние, а не как это обычно делается, двусторонние отношения. Один из авторов статьи руководил диссертантами, работавшими в аналогичном ключе³, поэтому представляет возможности и сложности такого подхода. Достаточно сказать, что масштабность исследования обусловила его ограничение лишь сферой политических отношений, из-за чего экономические, военные и другие не менее важные для внешней политики факторы иногда лишь обозначаются.

Структурно книга построена в расчете на коммерческий успех. Название только первой из ее четырех частей, «От Локарно до Берлина», звучит почти научно. А вот заголовки трех остальных частей: «Пилсудский», «Сталин», «Гитлер», как и 35 глав, на которые делится монография, заинтриговывают. Например, глава 17 «Сталин заканчивает партию» или 34 — «Пилсудский пытается вознаградить Сталина за соглашение с Гитлером». При этом по своему содержанию — это строго научная работа.

Избранный нами жанр ознакомления российской аудитории с монографией К. Рака не предусматривает скрупулезного показа всех ее сильных и слабых мест. Вместо этого мы решили на ее примере показать, как работают хорошие современные польские историки.

Монография начинается с сюжета, достаточно традиционного для польской историографии, — внешней политики II Речи Посполитой и международных отношений в первой половине 1920-х годов. Это Локарно, формально понимаемое как совокупность действий и соглашений великих держав с целью ревизии западноевропейского сегмента Версальской системы безопасности путем интеграции в нее Германии. Хорошо известно, что Локарно затронуло, хотя и не прямо, и восточноевропейский сегмент Версальской системы, прежде всего Польшу и Чехословакию. Их безопасность до октября 1925 г. базировалась не на решениях Лиги Наций, а на военно-политических союзах с Францией, направленных против Германии. В Локарно вопросы их безопасности перепоручили Лиге Наций и международному арбитражу. Если до 1925 г. Франция имела возможность оказать прямую помощь прийти на помощь Польше и Чехословакии в случае нападения на них Германии, то после 1925 г. при возникновении подобной коллизии Франция оказывалась бы в состоянии конфликта с гарантами Рейнского пакта Великобританией и Италией. После Локарно более или менее устоявшийся региональный миропорядок терял устойчивость, на первый план вновь выступала задача обеспечения безопасности Восточной Европы.

³ О продуктивности такого подхода свидетельствуют, к примеру, монографии М.С. Павловой «Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах». (М., 2016) и Д.А. Коротковой «Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг.» (М., 2019).

История поиска польским руководством формулы безопасности для Польши и Восточной Европы в постлокарнском мире и составляет основное содержание труда К. Рака. Для этого недостаточно было союза с Чехословакией или государствами Прибалтики, поскольку они, равно как и Польша, самостоятельной роли в европейской политике не играли. Примечательно, что Рак пытается не завышать статус Польши в мировом рейтинге стран, неоднократно указывая, что согласно критериям державности Польша с трудом могла претендовать на статус даже среднего государства. Это достаточно нетрадиционная для польской историографии и публицистики позиция, как и игнорирование К. Раком насаждаемого в польской историографии мифа о существовании в Восточной Европе Версальско-Рижской системы безопасности, стержнем которой считается Польша. Поэтому у II Речи Посполитой оставались две возможности: или полностью положиться на Францию, как это сделала Чехословакия, или же менять к лучшему отношения с Советским Союзом и Германией, для которых Восточная Европа также была жизненно важным регионом.

К. Рак, в отличие от предыдущей своей работы о германо-польских отношениях, на этот раз больше внимания уделяет польско-советским и советско-германским отношениям. Автор исходит из того, что локарнский поворот в европейских отношениях таил угрозу не только Польше, но и СССР. Ведь по замыслу Лондона и Парижа, полагает Рак, одним из последствий Локарно должно было стать ухудшение отношений Берлина с Москвой и, возможно, даже полная международная изоляция Советского Союза (с. 26). Несомненно, Локарно беспокоило советское руководство, но вряд ли оно в 1925 г. опасалось международной изоляции. На тот момент Москва установила дипломатические отношения со всеми крупными государствами Европы, и ничто не предвещало их разрыва. Реальная опасность для нее возникла бы лишь в том случае, если бы Германия, вступая в Лигу Наций, безоговорочно признала ст. 16 ее Статута, предусматривавшую солидарное противодействие «всякой специальной мере», направленной против одного из членов организации. Ибо в этом случае она должна будет или принять участие в совместной с другими членами Лиги акции, или пропустить через свою территорию их войска. Иначе говоря, Германия перестала бы служить препятствием для агрессии Запада против СССР, которую в Кремле считали в высокой степени вероятной. К тому же Локарно могло иметь негативные последствия для СССР в сфере не только политики, но и экономики. Гарантийный договор в совокупности с планом Дауэса облегчали бремя репарационных платежей для Германии и тем самым могли уменьшить ее заинтересованность в торговле с Советским Союзом. На такой вывод Москву могли натолкнуть трудности, с которыми ей приходилось сталкиваться в ходе проходивших в 1925 г. советско-германских переговоров о торговом договоре. К сожалению, этот сюжет в советско-германских отношениях Рак не затронул⁴.

Среди возможных негативных последствий для СССР готовившегося Францией, Великобританией и Германией гарантийного договора К. Рак особо выделяет то, что договор подрывал «дух Рапалло» в советско-германских отношениях. Для него Рапалло — это «символ взаимодействия, угрожавшего народам и государствам Центральной и Восточной Европы в XX веке». Заявление более чем сомнительное, если учесть, что Германия в 1922 г. была предельно ослабленным победителями демократическим государством, не способным отстоять собственный территориальный суверенитет. Никаких аргументов в пользу своего утверждения Рак не приводит. Вряд ли таковым можно считать использованное К. Раком типичное *highly likely*: «хотя он (договор. — Г.М.) и не содержал секретных постановлений, он вне всякого сомнения косвенным образом создавал основу для тайных германо-советских отношений на военной почве. Хотя соглашение и было направлено против Польши, Берлин, несмотря на усилия советской стороны, не намеревался заключать с Москвой ни военного союза, ни формальных соглашений, целью которых были бы совместные действия против Варшавы» (с. 27). Если вспомнить, что Польша в 1921 г. заключила политический договор и военную

⁴ Матвеева Е.Ю., Матвеев Г.Ф. Советский Союз и подготовка Локарнских соглашений 1925 года (по материалам советских официозов «Известия» и «Правда») // Polska i Niemcy. Od odzyskania niepodległości do Rapallo i Lokarno 1918/1922 — 1926/1934. Warszawa, 2020. S. 51–70.

конвенцию с Румынией, прямо направленные против советских республик, и в том же году аналогичные соглашения с Францией против Германии, то это просто нелепый аргумент.

Столь же неубедительно объяснение К. Раком причин отказа Польши от советского предложения заключить пакт о ненападении. В условиях фактического отказа Франции в Локарно от предоставления прямой военной помощи Польше в ее эвентуальном вооруженном конфликте с Германией такой договор был выгоден Варшаве хотя бы потому, что подтверждал незыблемость ее границы с СССР и позволял сконцентрировать внимание на границе с Германией. Оказывается, полагает К. Рак, этому мешал «ревизионизм» СССР. Если принять во внимание, что до сентября 1939 г. Москва ни разу официально не ставила под сомнение окончательный характер советско-польской границы, то отстоять этот тезис практически невозможно. Вряд ли таковым аргументом, вслед за К. Раком, можно считать слова советского полпреда в Лондоне Х.Г. Раковского в 1924 г. о несправедливом территориальном устройстве, возникшем на основании Версальского и связанных с ним договоров, а также о готовности СССР добиваться и реализовать путем долгосрочных дипломатических усилий политику пересмотра государственных границ на этнографической основе с применением плебисцита во всех случаях, когда это будет необходимо. Ведь слова Раковского ни в чем не противоречили ст. 19 Статута Лиги Наций, предусматривавшей, что «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». К тому же Раковский говорил о границах в Европе вообще, а не о советских границах, ни одна из которых не была установлена на Парижской мирной конференции.

И еще одной причиной, объясняющей нежелание Варшавы в 1924–1926 гг. рассматривать Москву в качестве партнера в деле создания системы безопасности в Восточной Европе, К. Рак называет то, что стратегической целью СССР было революционизирование Польши и включение ее в качестве «советской республики» в свой состав. Это типичное для польской историографии смешение внешней политики Советского Союза с пропагандой Коминтерна. На самом деле советская внешняя политика с марта 1919 г. служила не идее мировой революции, а государственным интересам Советской России⁵.

Показательно, что положением о ревизионизме СССР и мировой революции как его стратегической цели Рак активно оперирует только в первой части монографии, а в последующих частях вспоминает их все реже, а вместо этого анализирует советскую внешнюю политику исключительно с позиций государственных интересов Советского Союза, т.е. аналогично тому, как польские или французские внешнеполитические действия. Чем можно объяснить такую «забывчивость» польского исследователя? Скорее всего разницей во внешней политике Польши до и после государственного переворота 1926 г. Если в период подготовки и подписания Локарнских договоров, когда эту политику практически единолично проводил А. Скиншинский, она была чрезвычайно пассивной, то после мая 1926 г., когда у руля внешней политики встал Ю. Пилсудский, она заметно активизировалась. Причем активность развивалась по нарастающей как на советском, так и на германском направлении.

Второй сквозной проблемой в первой части монографии является история советско-германских отношений в 1924–1926 гг., точнее, до подписания сторонами 24 апреля 1926 г. Берлинского договора о нейтралитете и ненападении. И в этом сюжете К. Рак вновь вступил в противоречие с самим собой. Казалось бы, инициированное Англией и Францией возвращение Германии в группу великих держав на условиях выгодного для нее компромисса в вопросе о границах должно было еще больше сблизить Берлин с Москвой на антипольской

⁵ См., например: *Матвеев Г.Ф.* Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир: научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисёнка, М., 2018; *Его же.* «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Труды исторического факультета МГУ. Серия II. Исторические исследования. Т. 1. Вып. 108 (60). М., 2019. С. 414–428.

основе. На самом же деле, и это отметил К. Рак, в конце 1924 г. обнаружилось расхождение внешнеполитических приоритетов СССР и Германии. Берлин интересовала не новая формула германо-советского политического взаимодействия, а прочное соглашение с Парижем и Лондоном, чтобы «тем самым определить свой западный вектор, а затем согласовать с ним восточный вектор» (с. 51). А Москву интересовало азиатское направление. Из-за этого несовпадения приоритетов СССР в поисках партнера против Великобритании был не против сближения с Францией. И чтобы сделать ее более сговорчивой, был не прочь нормализовать отношения с Польшей с помощью пакта о ненападении и подтверждения незыблемости их общей границы.

Следует согласиться с К. Раком, что своеобразным тестом на глубину расхождений внешнеполитических приоритетов Москвы и Берлина стала негативная реакция немецкой дипломатии на неожиданное для нее предложение о союзе, которое 22 февраля 1925 г. германскому послу в Москве У. Брокдорф-Ранцау сделал председатель СНК СССР А.И. Рыков. Причем, как показалось послу, Рыков имел в виду и военный союз. В этом предложении странно все: и адресант с адресатом, и немедленное дезавуирование Г.В. Чичериным самой возможности подобного предложения, ведь Рыков, по словам наркома, был уполномочен только повторить его собственные предложения конца декабря 1924 г. Брокдорф-Ранцау о неучастии сторон во враждебных друг другу политических или экономических блоках и о координации усилий в вопросе вступления в Лигу Наций. К. Рак прав, когда делает вывод, что советская сторона, предлагая в 1925 г. Германии более тесное сотрудничество, старалась предотвратить будущую экспансию Германии на восток, которая угрожала бы ее интересам в Восточной Европе (с. 59). То есть объективно СССР мог быть если не союзником, то партнером Польши, чью позицию в противостоянии с Германией гарантийный договор существенно ослаблял, особенно что касалось порядка исполнения франко-польской военной конвенции 1921 г.

На вопрос о том, почему же Польша не согласилась на заключение пакта о ненападении, идею которого в 1925 г. очень активно продвигала советская дипломатия, Рак отвечает неожиданным образом. Оказывается, Скшиньского отпугивало вовсе не опасение, что Советский Союз революционизирует Польшу (а именно это он ранее назвал одним из мешавших сотрудничеству факторов), а убеждение, «что если Советы захотят изменить территориальное статус-кво [в Восточной Европе], то сделают это на границе не с Польшей, а с балтийскими государствами. Поэтому значение для него имело только многостороннее соглашение» (с. 105). В этом месте явно не хватает пространного авторского комментария причин немотивированного опасения польского министра. Но это не значит, что К. Рак не задумывается о мотивах, по которым Варшава отказывалась от выгодного ей в тот момент предложения Москвы. Научный, а не политизированный ответ он дает 28 страницами ниже. Оказывается, «польские политики опасались, что Советский Союз, стремясь с начала 20-х годов к заключению двусторонних политических договоров с соседними государствами на западе (так называемыми лимитрофами), стремится к созданию международной системы, конкурентной Версальской. Они полагали, что если бы Советы добились успеха в этом отношении, то в Центральной и Восточной Европе возникла бы система, в центре которой была бы Москва, постепенно подчиняющая себе в экономическом и политическом отношениях страны региона. Они опасались, что возникновение такого порядка де-факто не позволило бы Варшаве проводить самостоятельную региональную политику, что означало бы ее полное подчинение державам» (с. 133). Это очень интересное наблюдение, свидетельствующее, что польские руководители считали свою страну вовсе не малым или средним государством, как утверждает К. Рак, а державой, обладающей правом на обладание собственной политической периферией, а в СССР видели конкурента, а не источник революционной опасности. Именно это несовпадение ощущения великодержавности и реальной силы Польши, как справедливо отмечает К. Рак, подводя итоги Локарно для Польши, стало причиной крупнейшего поражения польской дипломатии в межвоенный период. Локарно показало, что «Польша не была равноправным партнером за столом переговоров для Франции, Великобритании и Италии, потому что не была европейской державой; даже трактовка ее как средней страны представляется

преувеличением, учитывая огромные хозяйственные, социальные и национальные проблемы. А проблемой Скшиньского было, конечно же, непонимание этого факта, что вело к чрезмерному оптимизму относительно позиции собственной страны и в отношении политики западных держав» (с. 179). Можно добавить, что это же непонимание вело к нежеланию принять руку, протянутую Москвой, которая также рассматривала Локарно как долговременную для себя угрозу.

В последних двух главах первой части речь идет, в частности, о значении советско-германского политического договора 1926 г. для каждого из участников треугольника. Автор монографии сделал несколько интересных наблюдений и выводов относительно целей договора и степени их достижения подписавшими его, а также о польской на него реакции. К чести автора, он не заикливается на доказательстве его преимущественно антипольского содержания, хотя и не отвергает до конца такой оценки.

Примерно в таком же ключе К. Рак рассматривает еще одну проблему. Общеизвестен факт, что пилсудчики, готовившие государственный переворот, вели с польскими коммунистами переговоры о его поддержке. Поэтому советское руководство о приближающемся государственном перевороте в Польше знало. Вопрос в том, был ли у Кремля расчет на то, что переворот откроет польским коммунистам дорогу к власти в своей стране, и это радикально изменит международное положение СССР. Несомненно, расчета не могло не быть. Но то, что он не оправдался, в Москве стало понятно уже через неделю после переворота, а 30 мая лидер германских коммунистов Э. Тельман, только что приехавший в Москву через Польшу, написал в «Известиях», что там произошел не мелкобуржуазный, а контрреволюционный переворот⁶. А это означало признание того, что российская ситуация 1917 г. не повторится. К тому же нет достоверных свидетельств подготовки СССР к военной поддержке коммунистического переворота в Польше. Закономерен вопрос, а зачем вообще К. Раку нужен этот сюжет? Ответ на него дан в последующих частях работы.

В целом первая часть книги, в центре внимания которой подготовка и заключение пакета Локарнских соглашений и их значение для Польши, Германии и СССР, получилась достаточно противоречивой. Свой анализ событий К. Рак строит на основании как достоверных источников, так и не подтвержденных репрезентативными источниками утверждений. Он обращается к ним, правда, реже и в последующих частях работы, и там они на фоне серьезного анализа смотрятся инородным телом.

Вторая часть работы «Пилсудский» начинается презентацией авторского видения перемен в польской внешней политике после государственного переворота в мае 1926 г., когда ее единоличным демиургом вплоть до своей кончины в мае 1935 г. стал Ю. Пилсудский. К. Рак не считает перемены поворотом, ибо цель внешней политики осталась прежней — сохранять статус-кво в Европе как главное условие безопасности Польши. Но Пилсудский отказался от прежнего курса послушного следования за западными державами и пошел на нормализацию отношений с Германией и СССР. В результате этого сутью внешней политики Варшавы, утверждает К. Рак, стало балансирование между Парижем, Лондоном, Берлином и Москвой, которое должно было в ближайшие годы привести к усилению позиции Польши в отношении каждой из этих четырех держав. В связи с этим сутью перемены К. Рак считает появление двух новых опций в польской внешней политике (с. 221). Это, несомненно, заявка на новый тезис — в историографии принято говорить о балансировании Варшавы между Берлином и Москвой. Правда, высказав этот тезис, К. Рак не счел нужным заняться его углубленным анализом, даже если он этого заслуживает. Хотя тезис сомнителен уже потому, что до мая 1926 г. Польша не балансировала между Парижем и Лондоном. Она, что К. Рак многократно признает, послушно следовала в фарватере французской политики, а последнюю до Локарно нельзя считать зависимой от Англии. К тому же в Польше Великобритания со времени Парижской мирной конференции воспринималась как не очень дружественная страна.

⁶ *Matwiejew G.F.* Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały.* T. XIII. Warszawa, 1976. S. 133–135.

Начало реализации перемены во внешней политике Польши К. Рак датирует 1926–1927 гг., когда маршал попытался нормализовать отношения с Германией и вроде бы даже был готов на некоторые уступки, естественно, не территориальные. Но Г. Штреземана не интересовали мелкие уступки поляков, он хотел решить все спорные проблемы (Данцигский коридор, Верхняя Силезия) одновременно в тот момент, когда Польша окажется в глубоком кризисе. И сделать это без применения силы, политическим путем, ведь Статут Лиги Наций такую возможность допускал.

Если датировать поворот 1926–1927 гг., то почему до начала 1930-х годов не наблюдалось подобной же польской активности на советском направлении? Ведь Москва предложила Варшаве заключить пакт о ненападении уже в 1926 г. К. Рак объясняет этот парадокс тремя причинами. Две из них вполне правдоподобны и были следствием опасения Пилсудского, что от пакта о ненападении СССР выиграет больше, чем Польша. Во-первых, как и Скиншинский, Пилсудский полагал, что в этом случае Москва может создать в Восточной Европе систему, альтернативную Версальской, на которой держалась безопасность Польши. Во-вторых, заключив договор, советское руководство будет меньше опасаться эвентуальной агрессии Запада, и это поспособствует наращиванию им военной мощи с целью подчинения себе Восточной Европы.

А вот третья причина явно из области *highly likely* (зато объясняет, зачем нужно было так много внимания уделять переговорам людей из окружения Пилсудского с польскими коммунистами в начале 1926 г.): возможно, Пилсудский опасался, что его политические противники узнают о его близких контактах 1926 г. с компартией Польши и огласят факт переговоров с представителями враждебного государства о поддержке готовившегося им государственного переворота. И это могло бы иметь для будущего лагеря санации некие невероятные последствия. Поэтому Пилсудский начал серьезные разговоры со Сталиным только после разгрома оппозиции осенью 1930 г. (с. 409)⁷. Никаких доказательств в пользу своей гипотезы Рак не приводит, потому что их не существует. А поскольку в третьей части монографии причиной перелома в тянувшемся пять лет процессе обсуждения пакта о ненападении он называет встревожившие Варшаву усилия Парижа сблизиться с Берлином и Москвой, то сомнения в третьей причине переходят в уверенность.

Истории заключения Варшавой и Москвой двустороннего пакта о ненападении 1932 г. посвящена третья часть монографии «Сталин». К. Рак серьезно обогащает историографию этой проблемы, привлекая новые источники и формулируя новые исследовательские гипотезы. Одна из таких гипотез касается якобы существовавших разногласий между Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД СССР по вопросу об отношениях с Польшей и Германией. К. Рак полагает, что НКВД продолжал ориентироваться на взаимодействие с Берлином, а Политбюро (т.е. Сталин) считало нужным расширить круг внешнеполитических партнеров, в том числе за счет Варшавы. Сталина, полагает Рак, к этому склоняло и демонстрировавшееся в 1931 г. Парижем намерение сблизиться с Берлином, что было одинаково опасно и для СССР, и для

⁷ К. Рак почему-то игнорирует цитируемое им самим объяснение неторопливости Варшавы в вопросе о пакте, данное польским военным атташе в Москве Я. Ковалевским, а оно заслуживает внимания: Пилсудский «советское предложение пакта в 1926 г. не считал искренним, потому что в то время, особенно в период пятилетки, Советы проводили такую интенсивную политику вооружений и такую пропагандистскую кампанию в стране, что никто не мог верить в искренность их мирных намерений. Подписание тогда пакта о ненападении создало бы нереальную, более того, ложную ситуацию, потому что он опирался бы только на одностороннюю волю. Маршал такую ситуацию не переносит, но уже с конца 1931 г. советское экономическое и внутреннее положение переживали столь сильный кризис, что маршал увидел в нем нужную ему реальную гарантию того, что СССР вести авантюрную войну с серьезным противником не в состоянии, и такое состояние продолжится какое-то время. С другой стороны, мы заинтересованы, чтобы ситуация в Советах не слишком ухудшилась, так как мог бы настать момент отчаянного шага à la известное “хлопнуть дверь” Троцкого. Эти два обстоятельства предопределили пакт. Это решение маршал принял именно потому, что вследствие снижения военного потенциала Советов по причине их внутренней ситуации появилась достаточно конкретная гарантия, что Советы будут соблюдать свою подпись» (с. 639).

Польша. Пилсудский же, видя эти попытки французов, а также их нежелание привлечь Варшаву в планируемую ось Париж — Берлин, также посчитал, что настал момент для реализации его идеи балансирования Польши между Францией, Германией и СССР (с. 523). Иначе говоря, для маршала сближение с Москвой имело не экзистенциальный, а инструментальный характер. Что же касается Сталина, то, признает К. Рак, его готовность ускорить нормализацию отношений с Польшей стимулировалась также нарастанием угрозы со стороны Японии, вторгшейся в сентябре 1931 г. в Маньчжурию. Но, в отличие от других польских исследователей, он не находит доказательств решающего значения этого фактора для поворота польской политики Сталина.

Показательно, что в этих своих размышлениях о повороте польской стороны к сближению с СССР К. Рак как-то «забыл» свое же утверждение, что прежде этому мешала приверженность советской стороны идее мировой революции. Он решил выйти из возникшей щекотливой ситуации, сославшись на утверждение анонимных японских стратегов, что «нынешняя внешняя политика СССР носит пассивный, обусловленный пониманием собственной слабости характер. Помочь этому могла ускоренная индустриализация, благодаря которой СССР приобрел бы сильную державную позицию, смог бы активизировать свою внешнюю политику и перейти к агрессивной (военной) реализации империалистических целей. Иначе говоря, Сталин нуждался в 10 годах спокойствия, в ходе которых СССР обрел бы экономическое, военное и политическое могущество. Это была главная причина его мирной политики 30-х годов» (с. 536)⁸. Но это объяснение ничего не проясняет. Как мог СССР создать способную конкурировать с Версальской региональную систему безопасности, чего опасался Пилсудский, не ведая активной внешней политики? А выход из этого противоречия прост. Для этого К. Раку достаточно было признать, что по крайней мере с 1923 г. СССР в своей официальной внешней политике ориентировался не на мировую революцию, а на обеспечение собственной безопасности, в том числе и налаживая конструктивное взаимодействие с соседями и великими державами. В противном случае внешнюю политику Польши в отношении СССР следует считать всего лишь драпировкой проводившейся на государственном уровне политики «прометеизма», целью которой было расчленение восточного соседа по национальным швам и свержение советского правительства⁹. Но ни советская, ни современная российская историография этого не делали и не делают. И еще ремарка относительно расхождений между НКВД и Политбюро. Правильнее говорить о различиях во мнениях, нежели о разногласиях между ними, тем более что советское дипломатическое ведомство в это время уже возглавлял М.М. Литвинов, которого трудно отнести к германофилам. К тому же НКВД был самостоятелен во внешнеполитической деятельности не более, чем польский МИД при Пилсудском. С момента своего учреждения НКВД работал под непосредственным руководством ЦК партии. Все важные решения принимались в Кремле, а не на Кузнецком Мосту.

Другая развиваемая К. Раком в третьей части гипотеза исходит из характерного для Пилсудского способа решать важные государственные вопросы с помощью негласных эмиссаров. Таким образом, например, он с помощью своего личного представителя капитана И. Бёрнера заключил почти полугодовое негласное перемирие с РСФСР в конце 1919 г.¹⁰ В 1927 г. его негласным эмиссаром на переговорах с немцами был социалист Х. Либерман (что не помешало

⁸ Правда, 60 страницами ниже К. Рак, характеризуя реакцию Сталина на попытку канцлера Ф. фон Папена сблизить Германию с Францией, опять вспомнит о мировой революции: «Сталин не мог смотреть на это безразлично, поскольку ось Берлин — Париж могла стать основой континентального блока, которая сделала бы невозможной экспансию Советов на Запад и затруднила бы планы мировой революции» (с. 597).

⁹ Подробнее о «прометеизме» см., например: *Матвеев Г.Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 116—129; *Симонова Т.М.* «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919—1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47—63.

¹⁰ Советско-польские отношения в 1918—1945 гг. Сборник документов: в 4-х т. Т. 1. М., 2017. С. 38—49.

Пилсудскому в сентябре 1930 г. арестовать его вместе с другими деятелями легальной оппозиции и заключить в военной тюрьме в Брестской крепости). А в 1931 г. задание довести до сведения Сталина весть о его готовности подписать пакт, разговоры о котором вяло велись уже пять лет, якобы было поручено И. Матушевскому, входившему в близкое окружение маршала. Правда, прямых доказательств в пользу этой гипотезы у К. Рака нет, он строит ее на совпадении дат: Матушевский находился в Москве на рубеже июля—августа 1931 г., а в конце августа того же года Сталин принял решение о скорейшем завершении переговоров о пакте о ненападении с Польшей, которое Политбюро ЦК ВКП(б) формализовало своей директивой от 20 сентября. Приводит К. Рак и некоторые другие косвенные свидетельства. А в последующих разделах работы он подает свою гипотезу как бесспорный факт.

Сюжет о негласных эмиссарах Пилсудского и Сталина обретает плоть и кровь после введения в канву повествования фигуры К.Б. Радека, считавшегося в СССР ведущим экспертом по польским делам. В 1932 г. именно ему было поручено возглавить вновь созданное Бюро международной информации ЦК ВКП(б), параллельный НКВД орган анализа международной ситуации, но не ведения практической внешней политики. Польша была включена в перечень стран, интересовавших руководство СССР.

Назвав целью политики Пилсудского создание условий для балансирования Польши между Францией, Великобританией, Германией и СССР, К. Рак отдал предпочтение берлинскому и московскому векторам. И только в третьей части он вспомнил о французском направлении, процитировав слова Пилсудского в передаче польского дипломата А. Высоцкого: «Мы всегда готовы выполнить наши обязательства перед Францией, если возникнет такая потребность, и я считаю союз с ней одной из основ моей национальной политики. Он приобретает актуальность в случае агрессии Германии в отношении Франции или нас, но оставляет сторонам полную свободу действий» (с. 628). К сожалению, в работе нет подробного разбора этого высказывания маршала, дающего представление о видении им в 1933 г. политики балансирования на французском направлении. А ведь Пилсудский ясно дал понять, что отправляется в свободное плавание по бурным волнам европейской политики и союз с Францией нужен ему только на случай агрессии Германии. Что это, балансирование или отдаление от главного союзника? Ответа в монографии нет.

Конечно, виновата в происшедшем дрейфе Польши прежде всего Франция. Это она пыталась усилить свою слабеющую позицию в Европе сближением с Германией и Советским Союзом, которых Варшава считала своими врагами, и тем самым стимулировала поиск ею дополнительных гарантий безопасности. Но не был ли излишне самонадеян Пилсудский, полагая, что Польша, которую К. Рак не считает державой, сумеет «с помощью удачного дипломатического маневра» использовать «полную свободу действий» в интересах безопасности Польши и мира в Европе? Этот вопрос в монографии не поставлен, а он очень перспективен.

В третьей части много интересных, в том числе новых, сведений о подготовке и заключении польско-советского пакта о ненападении в 1932 г. и особенно о перспективах углубления двусторонних отношений в первой половине 1933 г. К. Рак даже задался вопросом, почему благоприятная атмосфера в отношениях, сложившаяся в конце 1932 г., не вылилась в союз этих стран? Особенно учитывая январскую 1933 г. победу на выборах в Германии национал-социалистов, таившую пока еще скрытую угрозу им обоим. Автор подробно анализирует предпринимавшиеся сторонами по официальным и неофициальным каналам действия сторон, которые могли бы завершиться их переходом от политики нейтралитета к взаимодействию на германском направлении. Советский Союз даже предложил Польше совместно гарантировать безопасность государств Прибалтики. Но окончательный вывод о том, чем завершились эти многообещающие контакты, предпочел сделать в последнем, четвертом разделе книги.

Впрочем, если вспомнить суждение К. Рака, что сутью внешней политики Варшавы Пилсудский сделал балансирование между Парижем, Лондоном, Берлином и Москвой с целью усиления позиции Польши в отношении каждой из этих четырех держав, то союз с восточным соседом вообще не принимался маршалом в расчет. В этом случае ему нужно было бы

отказаться от свободы действий во внешней политике, восстановить прежний уровень отношений с Францией против Германии. Поэтому демонстрация якобы имевшегося у него намерения продолжить сближение с СССР была не более чем дипломатическим блефом.

Рак это подтверждает в четвертой части монографии с названием «Гитлер», констатируя: «Пилсудский, благодаря блефу в игре как со Сталиным, так и Гитлером, получил очень выгодную позицию. Не только существенно улучшил отношения с обоими врагами, не только вбил клин между ними, но и довел до того, что с каждым из этих государств у Польши отношения были лучше, чем между ними» (с. 842). К стати сказать, заключительная часть труда наиболее проработана, в ней меньше гипотез, убедительнее источниковая база. Это легко объясняется тем, что в ее основе лежат результаты диссертации и монографии К. Рака, дополненные материалами по польско-советским и германо-советским отношениям.

В завершающей части К. Рак достаточно детально восстанавливает дипломатические перипетии трехсторонних отношений в 1933 – начале 1935 г., когда Пилсудский, как казалось, сумел реализовать свой план, целью которого было «превратить Польшу в субъект европейской политики» (с. 930). Имея в активе договор о ненападении с СССР и его готовность идти на дальнейшее сближение с Варшавой, маршал, воспользовавшись фактическим отказом Гитлера от следования курсом Рапалло, пошел на подписание польско-германской декларации о неприменении силы в двусторонних отношениях. Дождавшись момента, когда отношения Варшавы и с Москвой, и с Берлином стали лучше, чем отношения между Берлином и Москвой, Пилсудский, по мнению К. Рака, «в международных играх мог теперь использовать три возможности: французскую, советскую и немецкую» (с. 981).

Однако закономерен вопрос, а способствовал ли этот успех Пилсудского сохранению статус-кво в Европе как главного условия безопасности Польши? К. Рак признает, что в первой половине 1930-х годов Польша влияла на баланс сил в Европе, но в силу не ловкости маршала, а благоприятствовавшей этому конstellации великих держав. Этот свой вывод он обобщил так: «Пилсудский не мог бы маневрировать без Сталина и Гитлера» (с. 981).

Но такую политику можно было вести лишь до тех пор, пока континентальные державы не сориентировались, что их расчет превратить Польшу в своего сателлита и намерения Пилсудского диаметрально противоположны. И вот тут К. Рак делает важное признание, которое порождает сомнение в самом существовании политики балансирования. Он пишет: «Сталин первым понял, что его попытки подчинить себе Польшу не имеют шансов на успех, и после визита Бека в Москву [в феврале 1934 г.] приказал Литвинову постепенно сворачивать политический диалог с Варшавой. Это решение вождя де-факто лишило Польшу свободы маневра и покончило с политикой балансирования» (с. 982). Эта констатация превращает высказанное выше сомнение в уверенность, что если она и была, то кратковременной. Ведь в период между заключением советско-польского пакта о ненападении в 1932 г. и подписанием польско-германской декларации о неприменении силы в 1934 г. формально и фактически Варшава вела не политику балансирования, а обычную дипломатическую игру, если только не считать, что она балансировала между Парижем и Москвой, но это другое балансирование. Если эта политика и имела место, то только в промежутке между подписанием январской 1934 г. декларации с Германией и посещением Беком Москвы, т.е. меньше месяца. В пользу этого нашего вывода говорит и констатация К. Раком факта, что после февраля 1934 г. у Польши осталась только одна возможность влиять на дела Европы – вступить в фактический союз с Германией, и что Бек шел по этому пути до октября 1938 г., когда Гитлер предложил ему союз против СССР. И только в этот момент Бек, понимавший, как и вся польская элита, суверенитет как полную независимость от других субъектов международной сцены, сменил направление своей политики.

С этим общим выводом трудно не согласиться, но без ответа остался вопрос, а как балансирование Пилсудского влияло на Версальскую систему и европейскую безопасность в целом? Ведь именно в этом Рак видел основную задачу польской дипломатии.

Таким образом, К. Рак не формально, но фактически признает, что вряд ли следует считать вкладом Польши в укрепление европейского статус-кво ее отказ от вступления в

антигерманский союз. Ведь сближение Польши с СССР не противоречило интересам Франции, которая и при Пилсудском оставалась ее главным союзником. Это очень нетрадиционный для современной польской историографии вывод, пусть и косвенный.

К. Рак, несомненно, серьезный и нестандартно мыслящий исследователь. Своей монографией он не только вносит вклад в изучение истории европейских международных отношений, особенно в треугольнике Варшава – Берлин – Москва, но и ставит перед исследователями новые вопросы, ответы на которые еще больше приблизят нас к пониманию всех причин кратковременности существования Версальского миропорядка. Назовем лишь некоторые из них:

1. Остается открытым вопрос о времени появления у Пилсудского плана превращения Польши в субъект европейской политики путем балансирования между европейскими полюсами силы. Если план сложился в течение полугода или чуть большего времени после государственного переворота 1926 г., то Пилсудский – гений предвидения, о чем так любят писать и говорить в Польше. Если же в 1931 г., то тогда мы имеем дело с удачным тактическим, но не стратегическим ходом Пилсудского, и только на советском направлении. На германском направлении с 1927 по 1933 г. не было даже намека на сближение позиций.

2. Существовала ли реально политика балансирования Польши между СССР и Германией, учитывая выход из нее СССР в феврале 1934 г.? Может, мы имеем дело всего лишь с пропагандистским прикрытием провалившегося проекта.

3. Как быть с утверждением, что с 1934 г. Пилсудский в международных играх мог использовать три возможности: французскую, советскую и немецкую, если согласиться, что Сталин в феврале 1934 г. перестал доверять Пилсудскому? В этом случае остаются только французская и немецкая возможности, и тогда Гитлер в январе 1935 г. не случайно предложил Пилсудскому военный союз против СССР. Ведь у Польши военный союз с Францией уже был.

4. Как выглядело балансирование в отношениях с Великобританией, главной в межвоенной Европе державой? Во второй части работы Рак назвал ее в качестве одного из векторов польской политики балансирования, а в заключение почему-то даже не вспомнил, перечислив лишь французское, советское и германское направления (с. 982).

И последняя ремарка. Не все у К. Рака получилось одинаково убедительно, особенно в тех случаях, когда предметный анализ он подменяет заимствованиями из литературы. Но, как известно, идеальных трудов не бывает.

Библиография

Короткова Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М., 2019.

Матвеев Г.Ф. Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 116–129.

Матвеев Г.Ф. Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Многоликий и беспокойный славянский мир: научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка. М., 2018. С. 425–443.

Матвеев Г.Ф. «Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах // Столетие Революции 1917 года в России. Труды исторического факультета МГУ. Сер. II. Исторические исследования. Т. 1. Вып. 108 (60). М., 2019. С. 414–428.

Матвеева Е.Ю., Матвеев Г.Ф. Советский Союз и подготовка Локарнских соглашений 1925 года (по материалам советских официозов «Известия» и «Правда») // Polska i Niemcy. Od odzyskania niepodległości do Rapallo i Lokarno 1918/1922–1926/1934. Warszawa, 2020. S. 51–70.

Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.

Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов: в 4-х т. Т. 1. М., 2017.

Matwiejew G.F. Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. T. XIII. Warszawa, 1976. S. 133–135.

Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.

Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021.

References

Korotkova D.A. Belorusskie zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniakh. Razmennaiia karta v protivostoianii dvukh derzhav. 1918–1921 [Belorussian Territories in the Soviet-Polish Relations. The Change Cart in the Conflict between Two Powers. 1918–1921]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Mesto mirovoi revoliutsii vo vneshnei politike RSFSR b 1919–1920 godakh [The Role of the World Revolution in the Foreign Policy of the RSFSR in 1919–1920] // *Mnogolikii slavianskii mir: nauchnyi sbornik v chest' 50-letiiia Yuriiia Arkadievlcha Borisionka* [Collection of scientific articles the 50s anniversary of Yurii Arkadievlch Borisionok. The Many-Sided and Restless Slavic World: Collection of Scientific Articles]. Moskva, 2018. S. 425–443. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Rossiisko-ukrainskii konflikt v planakh pol'skoi diplomatii i voiennykh krugov v mezhoiennii period [Russian-Ukrainian conflict in the plans of Polish diplomacy and military circles in the interwar period] // *Rossiiia – Ulkraina: istoriia vzaimootnoshenii* [Russia – Ukraine: history of relations]. Moskva, 1997. S. 116–129. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Sovietizatsia Pol'shi vo vneshnei politike RSFSR v 1919–1920 godakh [“Sovietization of Poland” in the foreign policy of the RSFSR in 1919–1920] // *Stoletiie Revoliutsii 1917 goda v Rossii. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU (108). Ser. II. Istoricheskie issledovaniia (60)* [Centenary of the Revolution of 1917 in Russia. Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University (108). Ser. II. Historical studies (60)]. T. I. Vyp. 108 (60). Moskva, 2019. S. 414–418. (In Russ.)

Matwiejew G.F., Matweeva E.Yu. Sovetskii Soiuz i podgotovka [The Soviet Union and the preparation of the Locarno agreements of 1925 (based on the materials of the Soviet officialdoms *Izvestia* and *Pravda*)] // *Polska i Niemcy. Od odzyskania niepodległosci do Rapallo i Lokarno 1918/1922–1926/1934*. Warszawa, 2020. S. 51–70. (In Russ.)

Pavlova M.S. Litva v politike War Warszawy i Moskvy v 1918–1926 godakh [Lithuania in the politics of Warsaw and Moscow in 1918–1926]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Simonova T.M. “Prometeizm” vo vneshnei politike Pol'shi. 1919–1924 gg. [“Prometheism” in Poland's foreign policy. 1919–1924] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and contemporary history]. 2002. № 4. S. 47–63. (In Russ.)

Sovetsko-pol'skie otnosheniia v 1918–1945 gg. Sbornik dokumentov: v 4-kh t. [Soviet-Polish relations in 1918–1945. Collection of documents: in 4 vols]. T. I. M., 2017. (In Russ.)

Matwiejew G.F. Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej // *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały*. T. XIII. Warszawa, 1976. S. 133–135.

Rak K. Polska – niespełniony sojusznik Hitlera. Warszawa, 2019.

Rak K. Piłsudski między Stalinem a Hitlerem. Warszawa, 2021.

DOI: 10.31857/S013038640021038-9

© 2022 г. А.П. ЧЕРНЫХ

ОРДОНАНС 1760 года

Черных Александр Петрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: signumivi@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211014097

Аннотация. Закат западноевропейской исторической геральдики в XVIII в. характеризуется появлением несостоявшейся геральдической регламентации — Ордонанса 1760 г. Людовика XV. Согласно Ордонансу, знать делилась на категории. За право обладания гербом предлагалось заплатить. Ордонанс приводил возможные цены, различные для отдельных лиц и корпораций. Определенные запреты предусматривались в отношении гербов незнатных лиц. Неблагородным, по сути, запрещалось иметь гербы, за исключением тех, кто находился на военных, судебных, фискальных и придворных должностях, и всей городской администрации. Парламент Парижа запретил исполнение королевского Ордонанса и подверг его резкой критике. Ордонанс был истолкован как беззаконие и попытка ввести новый налог. Признание права обладать гербом только за благородными было слишком радикальной переменой в геральдическом праве. В целом это королевское законодательство — яркое свидетельство понимания гербов в Новое время, а судьба его — дополнительная черта в характеристике французского абсолютистского государства. Читателю предлагается полный перевод этого документа.

Ключевые слова: геральдика, геральдическое законодательство, Франция, указы, Людовик XV, XVIII век.

A.P. Tchernik

The Ordinance of 1760

Alexander Tchernik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: signumivi@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211014097

Abstract. Louis XV's Ordinance of 1760 is an example of unsuccessful heraldic regulation, which marked the general decline of Western European historical heraldry in the eighteenth century. The document required the nobility to be divided into categories, and the right to a coat of arms had to be paid for. The Ordinance laid down potential prices, different for individuals and corporations, and even imposed certain restrictions on coats of arms for non-nobles. The latter were essentially barred from having coats of arms, with the exception of those who held military, fiscal, judicial, and municipal offices. The Parliament of Paris banned the execution of the Royal Ordinance and subjected it to harsh criticism. It was interpreted as a lawless act and an attempt to impose a new tax. The reservation of the coat of arms to the nobility alone was too radical a change in heraldic legislation. On the whole, this attempt at royal legislation is a clear indication of how coats of arms were treated in the Modern Era, and its fate is an additional feature of the nature of the French absolutist state. The reader is offered a full translation of the document.

Keywords: heraldry, heraldic law, France, ordinances, Louis XV, eighteenth century.

XVIII в. — это закат западноевропейской исторической геральдики, во Франции характеризующийся противоречивой позицией Энциклопедии Дидро и д'Аламбера и почти полным отсутствием книг о геральдике, порожденным незыблемым авторитетом отца французской геральдики К.-Ф. Менетрье. Трудно не обратить внимания на попытку несостоявшейся геральдической регламентации, предпринятой в Ордонансе Людовика XV от 29 июля 1760 г., — нетривиальном документе, повествующем о представлениях королевской власти о гербах.

Ордонанс из 25 статей начинается с декларации целей: «убрать нестроение и возвратить знатности ее древнее сияние, оставляя в ее полном владении самые прекрасные знаки чести, которые она сохранила с незапамятных времен»; предполагалось учредить Суд маршалов Франции, ведающий вопросами знатности и гербов¹. Все это давало возможность создать общий регистр гербов и точно посчитать всю французскую знать.

Но дальше неожиданное: за право обладания гербом следует заплатить (ст. V). Знать должна быть поделена на категории (природная, должностная, наградная, ст. VI–VIII), что само по себе не могло понравиться, поскольку вся аристократия хочет быть просто знатью без всяких перерегистраций. Помимо создания общего регистра гербов (ст. I–II), корона желала иметь точное исчисление всей французской знати, для чего в течение шести месяцев следовало представить сведения с указанием, обретена знатность до или после 1700 г. (ст. IV). Перерегистрация превращалась в явное новое доказательство прав. За уклонение грозил штраф 1 тыс. ливров (ст. XIII) и ограничения на принятие в ордены, капитулы и на придворную службу (ст. XV), что было весьма чувствительно для стремившейся к этому небогатой знати. Притом в середине XVIII в. бо́льшая часть французской знати была не старинной родовитой знатью, а состояла из аноблированных — две трети ее стали благородными лишь в XVII–XVIII вв.

Отдельные запреты предусматривались в отношении гербов незнатных лиц: запрет иметь гербы со шлемом, наметом и шлемовыми эмблемами. Все одобрено угрозами штрафов от 3 до 6 тыс. ливров (ст. XVI–XVII).

Неблагородным, не связанным с военной, придворной или государственной службой, по сути, запрещалось иметь гербы (ст. XIX–XX). Список исключал мелких буржуа, торговцев, ремесленников — всех, кто до сего времени мог носить гербы и оставлял геральдическую правоспособность только за привилегированными. Одновременно устанавливалась — как королевская — привилегия иметь гербы всем, находящимся на военных, судебных, фискальных и придворных должностях, кроме того, всей городской администрации. После регистрации они не только становились наследственными, но и могли быть помещаемы там, где будет угодно их обладателям. Как будто раньше было иначе! Инновацией оказывалось то, что ротюрье это отныне было запрещено (ст. XXI). Горожане Парижа, несмотря на свою привилегию, под угрозой штрафа в 2 тыс. ливров все равно должны были платить (ст. XVIII). Нарушители, а в их число попадали все, кто не оплатил и не перерегистрировал свое право на герб (в том числе и те, кто обрели знатность после 1700 г. и не узаконили своих гербов), рассматривались по старинной норме как узурпаторы гербов (ст. XXIII).

Одновременно запрещалось всем неблагородным подданным короля под угрозой штрафа в 3 тыс. ливров носить в будущем гербы со шлемом и наметом; они становились свойственными только знати. Само замечание в Ордонансе о том, может или не может регистрация гербов служить в качестве подтверждения знатности, при всей его практической важности — свидетельство того понимания сущности гербов, что было характерно уже для Нового времени.

¹ Ordonnance concernant les Armoiries. Du 29 Juillet 1760. De par le Roi [Enregistrée au tribunal des Maréchaux de France le 5 août 1760] // Bibliothèque nationale de France. P. 1–16. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86134160.image#> (дата обращения: 03.10.2012).

В Ордонансе есть ламентации на недостаток власти у гербового судьи Франции, в силу чего он якобы и не может навести порядок. Попытка использовать судебную инстанцию суда маршалов для дел по знатности и гербам была не первой. Но Ордонанс исходит из уверенности, что есть «дома, семейства и лица, имеющие право на гербы» (ст. I), и есть, соответственно, лишённые этого права.

Далее следует презабавнейший с точки зрения геральдики запрет знати менять что-либо в эмалях, делениях и фигурах гербов (ст. XXIV). Исключения допускались для бракосочетаний и частных обстоятельств, и то по разрешению гербового судьи. Высказанный запрет переменять что-либо не в ранговой, а в содержательной части герба — это забавно, как будто герб принадлежит не роду или лицу, а королю.

Завершается это законодательное мечтание списком цен за регистрацию гербов. Цены не очень отличаются от цен Эдикта 1696 г.: для провинций и земель со Штатами — 600 ливров; для городов — от 100 до 300 ливров; для сеньорий с титулом — 80—100 ливров; для простых фьефов — от 20 до 30 ливров. Архиепископства, ордены и университеты должны заплатить 200 ливров; епископства и аббатства — 100 ливров; другие конфессиональные структуры и бенефиции — от 30 до 50 ливров. Для городских корпораций, компаний, братств и сообществ плата составляла от 10 до 50 ливров².

Реакция общества не заставила себя ждать. Парламент Парижа, ссылаясь на старинное геральдическое равенство, немедленно отреагировал и 22 августа 1760 г. запретил исполнение Ордонанса. Члены Высшего податного суда 7 сентября подали королю Представление — еще один любопытнейший документ, в котором подвергли Ордонанс критике со всех сторон. Старая знать увидела, что ее хотят заставить платить за ее права по рождению; новоаноблированные — за службу и по должности возмутились тем, что их, «кто заслужил милость исполняемыми обязанностями», приравнивали к тем, «кто купил знатность за цену денег»³; буржуа Парижа усмотрели покушение на их право носить гербы. Весь Ордонанс был истолкован как беззаконие: искушенные юристы нашли путаницу в юрисдикциях, покушение на прерогативы существующих судов, обнаружили противоречия в статьях самого Ордонанса⁴.

Ордонанс гласил, что регистрация гербов ни в коем случае не может быть принимаема доказательством знатности (ст. XVI), но Представление напомнило короне, что такого никогда и не было и что «знатность дает право носить гербы, а не право гербов дает знатность»⁵.

Представление оценивало Суд маршалов Франции как древний и уважаемый институт, но считало, что не их дело наведение порядка в Хранилище гербов, не их «тягостная функция судить о вопросах знатности, разыскивать титулы и обсуждать факты генеалогии»⁶. Суд Ордонанса квалифицировали как новый и учреждаемый неправовым способом. Авторы Представления трудно упрекнуть в неграмотности: они знакомы с эдиктом 1615 г., учредившим должность гербового судьи, и с эдиктом 1696 г., ликвидировавшим ее, и с восстанавливающим ее эдиктом 1701 г.; они привели ряд эдиктов и деклараций XVI—XVII вв., касающихся узурпаций знатности, экойе, права носить те или иные гербы.

Французский исследователь правовых аспектов геральдики Р. Матьё полагал, что Ордонанс не имел фискальных притязаний⁷, но еще в Представлении проницательно замечалось, что «под вуалью реформирования гербов — это настоящее обложение налогом»⁸.

² Ibid. P. 15—16.

³ Remontrances de 1760 au sujet de l'Ordonnance concernant les Armoiries // Mémoires pour servir à l'histoire du droit public de la France en matière d'impôts, ou Recueil de ce qui s'est passé de plus intéressant à la Cour des Aides depuis 1756 jusqu'au mois de juin 1775... Par Auger. Bruxelles [Paris, s.a.], 1779. P. 78.

⁴ Ibid. P. 79—80.

⁵ Ibid. P. 81, 83.

⁶ Ibid. P. 80.

⁷ Mathieu R. Le système héraldique français. Paris, 1946. P. 89.

⁸ Remontrances... P. 84.

Вообще Представление — при всех полагающихся формулах («Смирнейшие и многоуважительные Представления нашему многопочитаемому и суверенному Сеньору Королю») — документ довольно дерзкий: «посланцы парижских горожан», например, характеризуют королевский Ордонанс как «нагромождение инноваций», как «проектируемый химерическим воображением финансистов», как документ «сколь обременительный по своим положениям, столь же неправильный по своей форме»⁹. Мало почтительным выглядит высказывание: «Плата, накладываемая [Ордонансом]... никогда не будет иметь исполнения»¹⁰. Или такое: «Да будет нам дозволено, Сир, напомнить Вашему Величеству положение этой статьи, примечательной суровостью столь непомерной, что невозможно, чтобы она когда-либо исполнялась»¹¹.

«Опыт научил нас, — писали создатели Представления за подписью канцлера Франции Г. де Ламуаньона, — что большинство этих разорительных для государства систем не производят той поддержки, которой от них ожидают»¹². И в целом они правы — их замечания были не придирками, а довольно здравыми рассуждениями.

Зачем и кем был создан такой странный проект? В 1760 г. во Франции было два гербовых судьи: внук д'Озье-старшего Луи Пьер д'Озье (Louis Pierre d'Hoziere) (1685–1767), пятый на этой должности, назначенный в 1710 г. и пребывавший на ней до своей кончины, и его младший сын Антуан Мари д'Озье де Сериньи (Antoine Marie d'Hoziere de Sérigny) (1721–1801), назначенный в 1734 г. и ставший шестым гербовым судьей, исполнявшим ее вплоть до ликвидации в 1789 г. В 1738–1768 гг. судьи издавали *Armorial de France* (Гербовник Франции) в 10 томах, включавший большую часть семейств французской знати. Говорить о конкретном авторстве этого Ордонанса затруднительно. Не решусь судить о финансовой составляющей Ордонанса, но в том, что касалось гербов, на мой взгляд, не требовалось участия герольда-специалиста. Инициаторами Ордонанса были люди, придерживавшиеся в отношении социальной иерархии крайних точек зрения. За основу мог быть взят текст эдикта 1696 г., а с его адаптацией справился бы любой грамотный чиновник.

Ордонанс подтверждал, что гербы являются знаками для распознавания, различительными знаками. Эта старая и очень правильная мысль в Новое время периодически заменялась утверждением, что это знаки благородства. Признание герба только за благородными и малым количеством привилегированных ротюрье было слишком радикальной переменной в геральдическом праве, явно несправедливой и невозможной в применении. В переучете знати нет ничего нового — практика контрольных визитаций известна с XV в.¹³, но предполагаемое разделение знати нивелировало социальные усилия многих. Декларированная цель пронизанного сословным духом Ордонанса — «уничтожение злоупотреблений, просочившихся в ношении гербов, и упреждений их впоследствии» — понятна, но остался вопрос, что же действительно было предметом Ордонанса: деньги или королевская узурпация права на герб? Искушенный в юридических аспектах геральдики Р. Матьё искренне недоумевал по поводу этого нереализованного проекта закона.

Депутаты отправились в Версаль, где были приняты королем, представили свои недоумения, услышали в ответ: «Я велю посмотреть ваши Представления и дам вам знать о моих намерениях»¹⁴. Но от короля никакого ответа не последовало. И в исполнение этот Ордонанс никогда приведен не был. Проект королевского закона, отпечатанный в Королевской типографии в Париже, остался на бумаге. Парижский парламент, отвергая Ордонанс, ссылаясь на старинное геральдическое равенство и, запретив исполнение оно, сохранил таким образом *status quo*¹⁵. И это абсолютистское государство, в котором парламент так

⁹ Ibid. P. 85–86.

¹⁰ Ibid. P. 79.

¹¹ Ibid. P. 84.

¹² Ibid. P. 85.

¹³ Mathieu R. Op. cit. P. 87–88.

¹⁴ Remontrances... P. 86.

¹⁵ Mathieu R. Op. cit. P. 89.

обращается с королевским проектом! Этим Ордонанс и интересен, потому что предлагаемый короной геральдический порядок оказался совсем не связанным с жизнью — это не более чем греза о том, какой должна быть геральдика и как ее надо правильно регулировать. Все происходит на излете существования геральдики. Репрессивное в отношении гербов законодательство Французской революции оказалось своего рода зеркальным отражением Ордонанса, с той лишь разницей, что за 30 лет сознание общества поменялось на противоположное¹⁶ и разрешенное стало запрещенным.

Перевод выполнен по изданию: Ordonnance concernant les Armoiries. Du 29 Juillet 1760. De par le Roi [Enregistrée au tribunal des Maréchaux de France le 5 août 1760] // Bibliothèque nationale de France. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86134160.image#> (дата обращения: 03.10.2012).

ОРДОНАНС КОРОЛЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ГЕРБОВ ОТ 29 июля 1760 года

Гербы, что по происхождению были не более чем простыми знаками или распознаваниями, которые древние французские воители, когда находились на службе их государя, носили на своих доспехах в битвах и прочих схватках для того, чтобы быть лучше различаемыми в толпе сражающихся, были затем восприняты по наследованию их детьми и потомками, как [для того] чтобы сохранить память о высоких деяниях их предков, так и чтобы подвигнуть их в подражании оным. И, став преемственными, они поэтому стали различительным знаком разных домов и благородных семейств. И в царствование Филиппа-Августа, чтобы поддержать порядок и правильность в ношении упомянутых гербов, дабы не допустить узурпаций и сумятицы, что, бывает, от того следуют, была введена [должность] Гербового короля Франции, чьей функцией среди прочих было под надзором и попечением коннетабля и маршалов Франции¹⁷ вести списки всех благородных семейств и их блазонированных гербов, имен, родовых имен и достоинств всех тех, кто имели право их носить, чтобы быть в состоянии дать отчет королю о знати его королевства. Затем Карл VIII, убежденный в том, что ничто не могло бы более способствовать блеску знатности, чем уничтожение злоупотреблений, просочившихся в ношение гербов, и дабы упредить их впоследствии, создал в 1487 г. [должность] Гербового маршала Франции и придал ей те функции, исполнением коих пренебрегал старинный Гербовый король¹⁸. В том же духе и по тому же самому побуждению наследовавшие Карлу VIII короли учинили различные регламенты, дабы поддержать порядок в этой области и помешать узурпациям, а именно — Карл IX статьей XC Орлеанского ордонанса, Генрих III статьей CCLVII [ордонанса] в Блуа, Генрих IV своей декларацией от 23 августа 1598 г. Когда вольности времен оставили упомянутые установления без результата, знать Франции почувствовала, как ее древнее великолепие страдает от подобного небрежения, и вследствие того в 1614 г. нижайше умолила короля Людовика XIII повелеть сделать разыскание о тех, кто узурпировал гербы в ущерб чести и положению (rang) больших домов и старинных семейств. [В ответ] на их вышеупомянутые представления он повелел создать по эдикту от

¹⁶ Митрофанов А.А. Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789–1794) // Signum / Центр гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН / отв. ред. А.П. Черных. Вып. 9. М., 2016. С. 177–196.

¹⁷ Суд коннетабля и маршалов Франции (Cour de la Connétable et Maréchaussée de France) — юрисдикция королевской Франции, с конца XIV в. ведавшая тем, что касалось гражданских и военных противоречий между благородными людьми. Полномочия распространялись на все королевство. После упразднения должности коннетабля в 1627 г. юрисдикция теоретически отошла к маршалу Франции, ранее его заместителем, а после этого первым крупным должностным лицам короны. Суд ликвидирован в 1791 г.

¹⁸ Гербовый король (Roi d'armes) — глава корпорации герольдов, старший герольд исторической гербовой провинции или королевства.

июня месяца 1615 г. [должность] Гербового судьи знати Франции¹⁹, придав ей всю юрисдикцию, чтобы знать, что происходит с гербами, и [передал в ведение судьи] спорные вопросы, которые от того могли бы произойти, с обязанностью апелляции в последней инстанции перед маршалами Франции²⁰, и он был в то же время обязан вести всеобщие списки, куда вносил бы родовые имена благородных лиц, каковые для этого должны будут предоставлять бальи²¹ и сенешали²² гербы и блязоны (*blasons et armes*) их домов, чтобы быть ему отправленными, с запретом также тем, кто [лишь] в будущем будут почтены именем знати носить гербы, пока они не будут получены и присуждены им упомянутым Гербовым судьей, как это полагается по его должности. Покойный король Людовик XIV, признав, что наделенные упомянутой должностью по недостатку власти над бальи и сенешалими не могли составить списки достаточно достоверные, чтобы сохранить блеск (*lustre*) гербов больших и старинных Домов и фиксировать тех из других лиц, кто были вправе их носить; и рассудив, что было бы [достойно] величия Его царствования завершить это дело, надо сказать, не завершённое донныне, в нем усмотрел средство ликвидации должности Гербового судьи Франции во введении общественного Хранилища, где были бы зарегистрированы все гербы, и в создании разных местных управлений²³, которые, каждое в своем округе, ведали бы всем, что имеет к тому отношение, с обязанностью апелляции в последней инстанции перед генеральным и суверенным Главным управлением²⁴ в Париже. Но должности, созданные, чтобы составить упомянутое управление, общие и частные, вовсе не были поддерживаемы по малости результатов и функций, им приданных; сие учреждение не могло иметь места, и по эдикту от апреля месяца 1701 г. должность Гербового судьи была упразднена. Какое бы рвение не привнесли те, кто был к тому во исполнение своих обязанностей предназначен, Его Величество был осведомлен, что злоупотребления умножились настолько, что стало необходимым принять меры, чтобы каждый, не имея ни права, ни титула, не брал гербы, какие ему заблагорассудится; многие даже под предлогом сходства имени, часто не будучи благородными, узурпировали оные [имена] старинных благородных семейств — то ли чтобы заставить поверить, что

¹⁹ Гербовый судья знати Франции (*Juge d'armes de la Noblesse de France*) — гербовое должностное лицо королевской администрации в ведении которого находилось все, что относилось к гербам. В 1615 г. заменил должность Гербового маршала. Должность Гербового судьи ликвидирована в 1696 г., взамен была создана должность главы Общего гербовника (*grand-maître de l'armoirie général*) с правами суда в последней инстанции. Восстановлена в 1707 г.

²⁰ Гербовый маршал (*Maréchal d'Armes*) — должность главы герольдов во Франции, практически аналогичная гербовому королю, но с элементами судебных полномочий, которых у гербового короля не было. Создана Карлом VIII в 1487 г.

²¹ Балый (*bailli*) — в Северной Франции должность представителя сеньора, епископа или короля с административными, судебными и военными полномочиями на территории соответствующего бальяжа, аналогичная должности сенешаля в Южной Франции. Должность учреждена в XII в. В XVII в. — королевское должностное лицо в провинциях королевства. Различались бальи с военными функциями принятия оммажа, всегда из знати (*baillis de robe courte*); и бальи с функциями отправления правосудия, преимущественно уголовного, и фискальными функциями, отвечавшие за уплату штрафов и регальных сборов, не обязательно происходившие из знати (*baillis de robe longue, petits baillis*).

²² Сенешаль (*sénéchal*) — должность на территории Южной Франции, в Нормандии и Артуа, Бельгии, Савойи и Швейцарии, аналогичная должности бальи с административными, судебными и фискальными функциями в пределах сенешальства (*sénéchaussée*). В X–XII вв. относительно высокая придворная должность (Великий сенешаль или Сенешаль Франции), упраздненная в 1191 г. из-за большой концентрации власти в одних руках. С XII в. — королевские судебные чиновники, ведавшие гражданскими и уголовными делами. Ликвидирована во время Французской революции.

²³ Местные управления (*Maîtrises particulières*) — юрисдикции первой инстанции, ведавшие вопросами охоты, рыболовства, частично гражданскими и уголовными преступлениями; в данном случае региональные подразделения для осуществления мероприятий по исполнению Эдикта 1696 г.; ликвидированы в августе 1700 г.

²⁴ Главное управление (*Maîtrise generale d'Armoiries*) — головная бюрократическая структура по реализации Эдикта 1696 г., ведавшая вопросами перерегистрации гербов.

они происхождения более древнего и более знаменитого, то ли чтобы заставить принимать себя за благородных по прошествии времени, что равным образом противно власти Его Величества, благу государства, чести и статусу больших домов и знатности в целом. Чтобы подавить это нестроение и возратить знатности ее древнее сияние, оставляя в ее полном владении самые прекрасные знаки чести, которые она сохранила с незапамятных времен, ее службы, ее ценность и обретенный ею статус, Его Величество не нашел ничего более целесообразного, чем осуществить восстановление планировавшегося покойным королем [создания] главного Хранилища, где будут зарегистрированы все гербы; приказать об исполнении эдиктов и регламентов, изданных по делу оных [гербов] королями его предшественниками, и чтобы оное [предприятие] сделать более уверенным, доверить тщание о нем Суду маршалов Франции²⁵ — прирожденных судей [в деле] знатности и гербов. И поскольку по преобладающему обыкновению ношение гербов не ограничено одной знатью, Его Величество посчитал не должным лишать этого различия лиц, пусть и незнатных, но в чьем владении они есть, или тех, кто желал бы их носить, ограничив тем не менее ее теми, кто облечен должностями или почетными положениями (états), и кроме того, сохраняя за знатностью знаки почета (marques d'honneur), полагающиеся ее статусу (rang) и достоинству (qualité). В связи с чем Его Величество, желая позаботиться об этом, установил следующее:

Статья первая

Будет создано в городе Париже Хранилище гербов и блазонов, где гербы Его Величества, оные [гербы] королевы и королевского семейства, принцев и принцесс [королевской] крови и главным образом оные [гербы] всех домов, семейств и лиц, имеющих право на гербы; а также [гербы] Провинций, Провинций со Штатами, Правлений городов, земель и сеньорий; [гербы] архиепископств, епископств, капитулов, аббатств, приоратов²⁶ и других бенефициев, компаний, братств, корпораций и сообществ, имеющих подобным образом право на гербы, будут зарегистрированы в списках, которые будут вестись в порядке и по форме, предписанных Его Величеством.

II

Его Величество желает, чтобы списки гербов, по мере того, как они будут сделаны и утверждены, были помещены в его библиотеку в Париже, вместе с титулами, хартиями и генеалогиями, что там хранятся, к каковым спискам Гербовый судья сможет обратиться в случае нужды, и в чем ему будет дана [возможность] отнестись к хранителям библиотеки Его Величества, и, в частности, к тому, кто будет обязан хранить упомянутые списки, подчиняясь библиотекарю Его Величества.

III

Дабы поощрить упомянутую регистрацию, перейти к преобразованию и поддержать порядок в деле гербов, будет создана комиссия, к которой будут заранее прикреплены маршалы Франции; составленная, кроме того, из комиссаров Совета, кого Его Величество сочтет целесообразным назначить, в числе которых всегда будет докладчик по

²⁵ Суд маршалов Франции (Tribunal des maréchaux de France, Tribunal du point d'honneur) — юрисдикция королевской Франции с компетенцией в том, что касалось противоречий между благородными людьми как в гражданской, так и в военной области. Созданный с целью воспрепятствовать дуэлям среди знати, запрещенным в 1566 г., он структурировался всю первую половину XVII в. Его юрисдикция как суда чести распространялась на все королевство. Маршалы принимали также жалобы от женщин и клириков, происходивших из знати. Ликвидирован в 1793 г. Его архивы не сохранились, и трудно судить, чем он руководствовался в своих решениях.

²⁶ Приорат — монастырь, подчиненный аббатству, а также должность и достоинство приора.

прошениям²⁷, исполняющий функции докладчика в Суде маршалов Франции, один генеральный прокурор, направленный для этой цели, и один секретарь.

IV

Его Величество, желая иметь детальное представление и точное исчисление всех домов и благородных семейств своего королевства, приказывает, чтобы все те, кто составляет сословие знати, какого бы положения и качества (*état & qualité*) они ни были, а именно: те, кто постоянно находится при дворе и в свите Его Величества или в городе, в предместьях и пригородах Парижа, были обязаны в течение шести месяцев, начиная со дня опубликования настоящего ордонанса, представить или прислать сирам комиссарам²⁸, назначенным для исполнения предшествующей статьи; а те, кто проживают в провинциях и генералитетах королевства, — сирам интендантам²⁹ и комиссарам Его Величества, которые туда будут направлены, подлинные памятки, ими подписанные и удостоверенные и содержащие их родовые имена, имена, титулы и достоинства (*qualités*) и тех из их детей, что рождены в законном браке, блазон герба, который они носят, и относятся ли они к знати по происхождению³⁰ или она [знатность] достигнута до или после 1700 г. в силу грамот аноблирования или обязанностей и должностей, по которым привилегия знатности была дана как им присущая.

V

Все благородные в целом, будь то по происхождению, будь то те, кем знатность была достигнута до 1700 г., платят за свои гербы только простой регистрационный взнос (*droit d'enregistrement*). Те, кто был аноблирован после 1700 г. с каким бы то ни было титулом, если они получили решение или упорядочивание (*règlement*) для их гербов, не будут

²⁷ Докладчик по прошениям (*Maître des Requêtes*) — должность в юрисдикции запросов (*Requêtes*). Мэтры по прошениям были приданы Совету короля или Палате запросов Парламента. Начало существования восходит к XIII в. и первоначально это было правосудие, осуществляемое королем лично. Докладчики по прошениям, вначале обязанные получать жалобы и запросы, адресованные королю, в XVII—XVIII вв. аккумулировали функции судей и докладчиков на Государственном совете и в управлении финансов.

²⁸ Комиссар (*commissaire*) — должность исполнительной власти с временными функциями, каковыми преимущественно финансовых, но также и административных, правовых и военных (*commissarius armorum*) вопросов. Именование должности известно с XVI в. применительно к агентам королевской власти с обязанностями миссий в провинциях королевства; назначались повелением (ордонансом) короля и его совета временно, в отличие от постоянных официальных держателей должностей, которые назначались по закону или по эдикту.

²⁹ Интендант (*intendant*) — должность с большими полномочиями представителя королевской власти в генералитете с административными, финансовыми и судебными функциями, созданная в XVI в. Официально эта должность функционера высокого уровня конкретизировалась — интендант юстиции, интендант полиции, интендант финансов, строений короля и другие. Это был комиссар, делегированный в провинции для исполнения приказов короля.

³⁰ Знать по происхождению (*Noblesse d'extraction*) — категория знати, признаваемая благородными, но с неизвестными обстоятельствами возвышения и включения в сословие знати (среди мужских предков в течение 100 лет или четырех поколений отсутствуют свидетельства об аноблировании). Подразумевала присущие знати титулование в приходских регистрах и официальных актах, статус рыцаря, оммаж за фьеф, личную военную службу, благородное наследование в пользу старших, особое налогообложение, различные изъятия и льготы, отсутствие занятия торговлей, исполнения низших юридических должностей. В целом более древняя, чем аноблированная, хотя аноблированная появляется уже при Филиппе III Смелом (1270—1285), сохранялась вплоть до конца XVIII в. Иногда различали знать рыцарского происхождения (*noblesse d'extraction chevaleresque*) — с доказанным происхождением с XIV в. и ранее; знать древнего происхождения (*noblesse d'ancienne extraction*) — с благородным происхождением с XV в.; собственно знать по происхождению (*noblesse d'extraction*) — с благородным происхождением сроком не менее века до момента расследования, в основном ранее XVII в. В 1666 г., когда начались большие разыскания о знати (*Grande enquête sur la noblesse*, 1666—1727 гг.), надо было подтвердить принадлежность минимум с 1560 г.

платить [ничего], кроме регистрационного взноса, но те из этого класса, кто будет не в состоянии произвести упорядочивание своих гербов, предшествующее настоящему ордонансу, будут кроме регистрационного взноса платить за упорядочивание (*droit de règlement*) так, как это установлено ниже; каковые права они должны будут оплатить в Париже генеральному казначею «нерегулярных доходов» (*Trésorier général des Parties casuelles*), в провинциях и генералитетах — уполномоченным или облеченным полномочиями упомянутого казначея.

VI

Предвидя, что направленные сирсы интенданты и комиссары не могут знать всех благородных людей (*Gentilshommes*) и других лиц, что имеют право на гербы, и что они могут быть вовлечены в частые неожиданности, Его Величество, желая, кроме того, избежать, насколько это возможно, ввергать знать в бесполезные траты, назначит в каждом бальяже, сенешальстве или прево³¹ или их заместителей по местопребыванию с двумя благородными людьми, перед которыми лица заявленного достоинства, обозначенного в статье IV настоящего ордонанса, смогут сделать свои декларации в предпочитаемой ими форме, чтобы из них составить категорию (*état*) упомянутых деклараций, куда они смогут включить только благородных лиц или относящихся к знати в силу обязанностей и должностей, которым она надлежит.

VII

Они составят их категории (*états*) по отдельным разрядам (*chapitres*); первый будет составлен из знатных по происхождению (*Nobles d'extraction*); следующий из тех, кто относился к знати до 1700 г. в силу грамот аноблирования или обязанностей и должностей, которым они надлежат; и третий — из тех, кто относится к ней с теми же титулами после 1700 г. И они не включают в свою категорию никакой особы, какого бы класса она ни была, не представившей им своей квитанции об уплате регистрационного взноса за гербы, из тех, кто будет обязан только этим простым правом; и тем же правом и кроме того [правом] регламентации гербов, что будут оплачены в пользу Его Величества теми из класса, кто в том будет подведомственен в соответствии со статьей V настоящего ордонанса, с упомянутыми квитанциями, должным образом зарегистрированными в Генеральном финансовом контроле³².

VIII

После того как уже определены, подписаны (*signé*) и парафированы (*paraphé*) упомянутые категории (*états*) и подтверждено (*certifié*), что квитанции об оплате вышеупомянутых прав были представлены всеми, кто в этом участвует, они их передадут или направят сирам интендантам и комиссарам, а те, после того как оценят их и дадут свои замечания или же, если никто их не сделает, составят общую категорию (*état général*) упомянутых деклараций, которые, подписанные ими, отправят сирсу генеральному контролеру финансов, чтобы быть затем им переданными сирам комиссарам Совета или генеральному прокурору комиссии. Из памятных записок, что будут предъявлены напрямую или отправлены упомянутым сирам комиссарам Совета и которые они получают после предъявления квитанций за вышеупомянутые права, должным образом зарегистрированные

³¹ Прево (*prevot*) — во Франции в XI–XVIII вв. представитель сеньора, впоследствии короля, до V в. с судебными, фискальными и военными функциями на вверенной территории превоства; с XV в. только судебными.

³² Генеральный контроль финансов (*Contrôle general des finances*) — министерское ведомство королевской Франции для управления государственными финансами. Один из наиболее известных глав — Ж.-Б. Кольбер (1665–1683 гг.). В отличие от других министерств было организовано по коллегиальному принципу из шести финансовых интендантов. Состояло из многочисленных департаментов. В 1759–1763 гг. ведомство возглавлял А.-Л. Бертэн (*Bertin*).

в Генеральном контроле финансов, также будут сделаны категории (états), разделенные на классы, и они будут представлены сиру генеральному контролеру финансов.

IX

Все категории (états), что будут отправляемы в комиссию, и те из деклараций, что будут туда сданы напрямую, будут сообщены генеральным прокурором упомянутой комиссии Гербовому судье, а тот выберет копии или выдержки из них, если посчитает нужным; и в случае, когда он находит необходимым сделать изменения в некоторых представленных гербах, он будет делать доклад упомянутым сирам комиссарам о преобразованиях или изменениях, что будут сделаны Гербовым судьей, дабы регистрация утвердила упомянутые гербы, если соответствуют.

X

Когда гербы лиц, включенные в категории, которые будут отправлены упомянутыми сирами интендантами и комиссарами, будут зарегистрированы, они будут о том проинформированы одним из сиров комиссаров Совета или генеральным прокурором комиссии, и затем они, каждый в своем генералитете, смогут уведомить включенных в упомянутые категории о регистрации, каковая будет сделана [в отношении] их гербов: такими, какими они их объявили, или переделанными и с изменениями, что будут установлены. В связи с этим упомянутые сирсы интенданты будут с тщанием хранить дубликат категорий, которые они направят сиру генеральному контролеру финансов.

XI

Желает и повелевает Его Величество в отношении тех, кто после упомянутого августа месяца 1700 г., после ликвидации Главного и местных гербовых управлений, обрел наследственную знатность и в соответствии с этим взял гербы, представить регламентацию (règlement) полученных ими гербов упомянутым сирам интендантам или бальи, сенешалям, прево или их заместителям в месте пребывания и двум благородным людям, что будут назначены Его Величеством. А что касается тех, кто будет не в состоянии предъявить какое-либо решение или урегулирование гербов, для них будут сделаны особые категории, в которых будут участвовать только те, кто сможет подтвердить, что оплатил и регистрационный взнос, и за урегулирование, и упомянутые категории, переданные упомянутым сирам интендантам, ими сделанные и определенные в целом, они отправят подобным образом сиру генеральному контролеру финансов.

XII

По поводу категории особ достоинства, обозначенного в предшествующей статье, переданной упомянутой комиссии, генеральному прокурору по ее поводу потребуется связаться с Гербовым судьей, и тот выдаст без [дополнительных] сборов свою регламентацию гербов по каждому из предметов, какие там потребуются; и после того, как доклад и регистрация этого будут [сделаны] по установлению упомянутых сиров комиссаров, по запросу генерального прокурора комиссии (Procureur général de la Commission) упомянутые регламенты будут отправлены им или одним из упомянутых сиров комиссаров упомянутым сирам интендантам, чтобы быть ими выданы тем, кого они касаются. Его Величество оставляет за Гербовым судьей согласование такого вознаграждения, какое он сочтет нужным для своей работы, издержек оной и своего вознаграждения относительно упомянутых решений, регламентов, копий и выписок из категорий за изготовление [свидетельств] прав, что будут оплачены в пользу Его Величества.

XIII

Его Величество запрещает всем лицам, кто обрел знатность после 1700 г., и тем, кто вовсе не в состоянии произвести урегулирование (règlement) гербов, или тем, кто не

озаботится о том, чтобы обрести его в срок, предписанный статьей IV настоящего ордонанса, продолжать носить гербы под страхом наказания в тысячу ливров штрафа в пользу Его Величества, применяемого: треть — донесшему, прочее на расходы комиссии; и они будут преследуемы как узурпаторы гербов и осуждаемы как таковые решениями комиссии, каковые будут обнародованы и объявлены повсюду, где будет необходимо.

XIV

Также будут направлены сирами интендантами и комиссарами в провинции и генералитеты королевства, сиру генеральному контролеру финансов гербы земель со Штатами³³, провинций, правлений, городов, земель и сеньорий, вместе с оными [гербами] архиепископств, епископств, капитулов, аббатств, приоратов и других бенефициев, компаний, братств, корпораций, сообществ, имеющих право на гербы, чтобы быть затем зарегистрированными по ордонансу сиров комиссаров Совета. И в случае пропуска упомянутого срока в шесть месяцев для уплаты регистрационного взноса, следуя тому, что будет здесь отмечено ниже, Его Величество желает, чтобы упомянутое право на гербы было отозвано, и решение об упомянутом отзывании, которое будет передано в комиссию, было соответствующим образом опубликовано повсюду, где будет необходимо.

XV

Его Величество предусматривает, что в будущем никакое лицо не может быть допущено к предоставлению доказательств знатности (*preuve de Noblesse*) для принятия в какой-либо орден, капитул, на должность в Доме Его Величества или на другую, для которой надлежат наследственная знатность и титул экойе³⁴, если заранее их гербы не были зарегистрированы в предписанный настоящим ордонансом срок; в связи с чем всем желающим того сирами интендантами и комиссарами будут выданы удостоверения, а именно в провинциях, чтобы подтвердить, что они включены в категории, представленные в комиссию. Что касается тех, кто постоянно пребывает при дворе и в свите Его Величества или в городе, предместье или пригороде Парижа, то удостоверения им будут предоставлены секретарем (*Greffier*) комиссии бесплатно, подписанные одним из сиров комиссаров и генеральным прокурором упомянутой комиссии.

XVI

Повелевает Его Величество в отношении тех, кто, не будучи принят в сословие знати, может велеть выправить и зарегистрировать свои гербы, как будто они были благородными ранее августа месяца 1700 г. или после сказанного времени, упомянутую регистрацию не принимать в качестве подтверждения знатности ни в каком случае. Желает же Его Величество, чтобы они были преследуемы сирами комиссарами Совета по запросу генерального прокурора упомянутой комиссии как узурпаторы знатности и были присуждены как таковые к шести тысячам ливров штрафа, каковой [штраф] не может быть ни отменен, ни уменьшен, и был бы применяем таким образом: одну треть донесшему и две другие — на расходы комиссии, а их гербы будут перечеркнуты (*bâtonnées*) с упоминанием судебного решения, которое воспоследует.

XVII

Подтверждая настолько, насколько будет в том нужда, предшествующие эдикты, декларации, постановления и регламенты, созданные по поводу гербов, и, в частности, эдикты от сентября месяца 1577 г. и мая 1579 г., регламент от 21 августа 1598 г., эдикты от

³³ Провинции со Штатами (*pays d'Etats*) — до Французской революции отдельные регионы Франции с традиционными местными сословно-представительными учреждениями (*États provinciaux*), где представителями трех сословий обсуждались с королевскими комиссарами и интендантами преимущественно вопросы налогов. Генеральные штаты с 1614 по 1789 г. не созывались.

³⁴ Экойе (*écuyer*) — первоначально оруженосец, иногда должностное лицо короля или крупного сеньора; впоследствии низшая категория знати.

января месяца 1634 г., декабря 1656 г. и 9 марта 1706 г., Его Величество делает нарочитые ограничения и запреты всем его неблагородным подданным [в том, чтобы] брать и носить в будущем гербы со шлемовыми эмблемами³⁵ — со шлемом и наметом, которые являются свойственными только знати, под угрозой штрафа в три тысячи ливров. И в отношении тех, кто в последующем обретет знатность по хартиям аноблирования³⁶ или по обязанностям и должностям, которым упомянутая привилегия присвоена в первом или втором поколении, Его Величество устанавливает все те же наказания, и они не смогут носить гербы со шлемовыми эмблемами, если они заблаговременно не выправлены (régliées) Гербовым судьей Франции, которому Его Величество определил сумму в сто ливров, каковая зафиксирована как его право в будущем для каждого исправления гербов (règlement d'Armoiries), если регистрация не была сделана по спискам, что должны быть помещены в Хранилище в библиотеке Его Величества, для каковой регистрации будет уплачена сумма в тридцать ливров генеральному казначею текущих дел (Trésorier général des Parties casuelles).

XVIII

Не следует считать, что Его Величество в предшествующей статье относительно того, что касается запрета носить гербы со шлемовыми эмблемами, понимает и буржуа города Парижа, и Его Величество поддерживает и подтверждает их право и привилегию их носить; однако с обязанностью придерживаться в них регламента и заплатить за это право казначею текущих дел, следуя тому, как это будет здесь ниже зафиксировано, и обратиться в комиссию, которая будет создана для этой цели, для регистрации их гербов, после того как уплатят тому же казначею регистрационный взнос. Ни регламенты не могут быть выданы Гербовым судьей, если ему не будет представлена квитанция [об оплате] упомянутых прав, ни регистрация, сделанная в комиссии, а лишь после представления упомянутых квитанций. На них наложены нарочитые ограничения и запреты носить их по-другому под угрозой трех тысяч ливров штрафа в пользу Его Величества; упомянутый штраф применяется [так]: треть донесшему и две другие трети на издержки упомянутой комиссии. И будут полностью лишены привилегии носить гербы те упомянутые буржуа, кто в срок в шесть месяцев, считая со дня опубликования настоящего ордонанса, не озаботится тем, чтобы получить регламентации, и кто в течение упомянутого срока не оплатит вышеупомянутые права.

XIX

В отношении неблагородных лиц в остальной части королевства Его Величество устанавливает, что различие (distinction), [состоящее в том, чтобы] иметь гербы, пребудет в будущем ограничено теми, кто служит в качестве офицеров в войсках, должностных лиц Дома Его Величества, королевы и королевских домов, и другими, кто в силу их обязанностей пользуется титулом экюйе, [а также] президенты, заместители и советники, адвокаты, прокуроры Его Величества и старшие секретари судебных инстанций и королевских юрисдикций, ординарных и экстраординарных, генеральные откупщики³⁷, директора, казначеи и сборщики (Receveurs) королевских налогов (deniers royaux), генеральные и

³⁵ Герб со шлемовой эмблемой (armoiries timbrées) — герб с внешними элементами — шлемом, наметом и нашлемником. Внешние элементы герба, в отличие от изображения в щите, в XVI—XVIII вв. пытались использовать для обозначения сословной и внутрисословной иерархии.

³⁶ Хартия аноблирования (lettre d'anoblissement) — документ, подтверждающий факт аноблирования ротюрье вместе со всеми его родившимися и будущими детьми.

³⁷ Генеральные откупщики (fermiers généraux) — руководители и акционеры сообществ финансистов, бравшие на откуп (à ferme) сбор косвенных налогов, таможенных сборов, прав регистрации. Система возникла в начале XVI в. (см.: *Hamon Ph. L'argent du roi: Les finances sous François Ier*. Paris, 1994. P. 77–81); попытку упорядочить ее представляла собой реформа Сюлли в 1598–1604 гг.; окончательно сложилась после реформы Кольбера в 1680–1681 гг., просуществовала до 1790 г. Подробнее см.: *Bayard Fr. Le Monde des finances au XVIIe siècle*. Paris, 1988.

местные сборщики финансов (*Receveurs généraux & particuliers des finances*) и их контролеры, уполномоченные (*Subdélégués*) направленных сиров интендантов и комиссаров, мэры, заместители мэров, эшеваны³⁸, адвокаты и прокуроры Его Величества в городах. Его Величество желает, чтобы гербы были дарованы всем тем вышеупомянутым лицам, которые о том попросят, при их обязанности уплатить в Париже генеральному казначею текущих дел, а в провинциях и генералитетах — его уполномоченным или облеченным полномочиями регистрационный взнос и оное [право] регламента таким образом, как это определено настоящим ордонансом, в упомянутый срок в шесть месяцев и в виде, предписанном для благородных, принимая во внимание, кроме того, в отношении гербов то, что они не могут быть со шлемовыми эмблемами и что щит их будет украшен только одним картушем, и что для неблагородных семейств не смогут быть выправлены те же самые гербы, что и оные для благородных семейств того же имени.

XX

Его Величество запрещает по истечении упомянутых шести месяцев всем неблагородным лицам пользоваться какими-либо печатями, что им свойственны, чтобы запечатывать публичные акты; брать и носить публично какие-либо гербы, которые не были исправлены и зарегистрированы в соответствии с предшествующей статьей.

XXI

Гербы лиц, домов и семейств, зарегистрированные таким образом, будут им наследственным и отеческим достоянием и соответственно смогут быть помещаемы на здания, строения, могилы, часовни, витражи и літры приходских церквей, где почетные права принадлежали погребенным на момент их кончины, нарисованными на каретах и в их жилищах, вышитыми на их снаряжении и перевязях, гравированными на их печатях, печатках, посуде и на всем прочем. Упомянутое дозволение Его Величества запрещает это всем ротюрье и другим, кто не в состоянии подтвердить право на это, под страхом наказаний, содержащихся в статье XVII настоящего регламента.

XXII

Все те, кто окажется вынужденным исправлять свои гербы, смогут просить, чтобы они были теми же, какие они всегда носили, объявляя, однако, что это вовсе не будут гербы благородных семейств того же имени, под страхом для нарушителей штрафа в три тысячи ливров в пользу Его Величества, применяемого так, как предписано предшествующими статьями.

XXIII

Те, кто относится к знати любого титула и кто получил решение или регламентацию гербов, будут освобождены от нового их получения и будут подлежать только простому регистрационному взносу, так же как все другие знатные. Но в отношении неблагородных лиц, кто будет присваивать гербы без того, чтобы их выправить, притом что тех из этого сословия, что облечены должностями, кому придана привилегия знатности и кто подобным образом взял те гербы, какие он хотел, не будут более заставлять их выправлять по истечении упомянутого срока в шесть месяцев.

Его Величество запрещает Гербовому судье после упомянутого времени давать какое-либо урегулирование (*règlement*) гербов каким-либо лицам, наделенным до дня опубликования настоящего ордонанса обязанностями, местами или должностями, что могут позволить носить гербы без приказа или разрешения, исходящего от Его Величества. Они, напротив, будут денонсированы в Суде маршалов Франции как узурпаторы гербов и будут преследуемы как таковые, если продолжают носить их без того, чтобы велеть

³⁸ Эшевен (*echevin*) — магистрат, избираемый горожанами для занятия коммунальными делами, член муниципалитета.

их выправить и зарегистрировать за время упомянутого срока в шесть месяцев. После упомянутого обозначенного срока только Гербовый судья сможет давать свои урегулирования тем, кто будет наново облечен обязанностями, которым по знатности или по праву [ношение] гербов атрибутировано, или тем, кто получит хартии аноблирования, каковые урегулирования тем не менее ничуть не освобождают от представления квитанции об уплате регистрационного взноса, каковую они равным образом будут обязаны представить.

XXIV

Его Величество запрещает всем знатым, какого бы ранга в сословии знати они ни были, что-либо менять в их гербах, щитках, эмалях, делениях и фигурах оных, за исключением [как] по причине бракосочетания или других частных обстоятельств, когда они обнаружат себя обязанными добавить [что-либо] в свои гербы, а также носить оные [гербы] других Домов, в каковых случаях они будут обязаны отнестись к Гербовому судье, чтобы получить свое урегулирование. И затем, чтобы Его Величество мог бы знать о новых гербах, которые будут исправлены, или изменениях, что будут сделаны в старых [гербах], Гербовый судья возвращает в конце каждого года Его Величеству, начиная с конца 1761 г., подписанный и удостоверенный им список (*état*) всех новых урегулирований гербов, которые будут даны в течение года, его копию он представит в Суд маршалов Франции, чтобы упомянутые новые урегулирования были внесены в регистры гербов, и один — сиру генеральному контролеру финансов.

XXV

Различия и спорные случаи, что могут произойти в связи с настоящим ордонансом, главным образом от всего того, что содержит исполнение одного, будут представлены на Суд маршалов Франции. Соответственно Его Величество устанавливает, что нарушения, о которых будет доложено упомянутому Суду, или же те, о которых он будет извещен Гербовым судьей, будут расследованы по запросу и тщанием генерального прокурора комиссии, учреждаемой во исполнение статьи III, и рассмотрены в Суде упомянутых маршалов Франции по обращению, что будет об этом сделано докладчиком по прошениям (*Maître des Requêtes*), обвинителем³⁹ перед упомянутым Судом. Суждения, которые там будут вынесены в последней инстанции, будут исполнены властью сиров маршалов Франции, следуя тому, что содержится в упомянутой статье III настоящего ордонанса, давая для этой цели полномочия и специальные поручения всем стражам и лучникам коннетабля⁴⁰ и лучникам маршалов, и сделаны все определения, обозначения и другие для того необходимые действия. Приказывает и устанавливает Его Величество сирам маршалам Франции и всем его должностным лицам, к кому это относится, споспешествовать сему, каждый в [пределах] своего права к исполнению и соблюдению настоящего ордонанса, который будет зарегистрирован в регистрах Суда маршалов Франции и в оных [регистрах] комиссии, прочитанный, опубликованный и обнародованный повсюду, где в том будет необходимость, с тем чтобы никто не мог заявить причиной [неисполнения] его незнание.

Сделано в Версале двадцать девятого июля тысяча семьсот шестидесятого года.

[подписано] Людовик

Фелипо⁴¹

³⁹ Докладчик прошений (*conseiller-rapporteur*) — должность обвинителя в юстиции по гражданским делам с начала XIV в., подчиненная Трибуналу маршалов.

⁴⁰ Стражи и лучники коннетабля (*Gardes et Archers de la Connétable*) — военизированные подразделения в распоряжении коннетабля и маршалов; в XII—XIII вв. низшие полицейские должности из вооруженных мечом и алебардой, обязанные поддерживать порядок в городе и осуществление правосудия.

⁴¹ *Фелипо Луи* (*Louis de Phélypeaux*) (1705—1777), маркиз и герцог де Ля Врийер, граф де Сэн-Флорентэн — государственный секретарь Дома Короля (1749—1775 гг.) при Людовике XV, канцлер и хранитель печати Ордена Святого Духа.

Его Величество, желая упорядочить права, за которые будет уплачено в руки генерального казначея текущих дел или его уполномоченных или облеченных полномочиями для регистрации, урегулирования и подтверждения гербов, установил и устанавливает, что простой регистрационный взнос в настоящем и будущем пребудет фиксированным в размере тридцати ливров, от которого лицо, имеющее право носить гербы, какого бы положения и качества оно ни было, не может быть освобождено.

Для права урегулирования (*règlement*) или решения (*jugement*) по гербам в отношении тех, кто будет обязан об оных получить в соответствии с настоящим ордонансом в срок шесть месяцев, считая со дня опубликования оного, Его Величество определил сумму в сто двадцать ливров, кроме оной в тридцать ливров регистрационного взноса, каковая уплата, будучи сделана отцами, не будет [действительна] для их детей и потомков.

И что до регистрации и подтверждения гербов земель со Штатами, провинций, городов и других, упомянутых в статье XIV настоящего ордонанса, за каковое право будет уплачено, Его Величество определил,

а именно:

Для регистрации гербов провинций, земель со Штатами и больших Правлений (*Gouvernements*) – сумма шестьсот ливров.

Для оных [гербов] городов, где есть Высший суд, Финансовое бюро (*Bureau des finances*), архиепископство или епископство – триста ливров.

Для оных [гербов] других городов – сто ливров.

Для оных [гербов] герцогств-пэрств – сто ливров.

Для оных [гербов] графств, маркизатов, виконств, баронств и видамий⁴² – восемьдесят ливров.

Для оных [гербов] фьефов и земель, что имеют высшую, среднюю и низшую юрисдикции, – тридцать ливров.

Для оных [гербов] простых фьефов – двадцать ливров.

Для оных [гербов] архиепископств, домов глав орденов и университетов – двести ливров.

Для оных [гербов] епископств, капитулов, кафедральных соборов и аббатств – сто ливров.

Для оных [гербов] других капитулов, приоратов и домов монастырского и регулярного клира и других бенефициев, что имеют право номинации и другие публичные права, – пятьдесят ливров.

Для оных [гербов] других бенефициев – тридцать ливров.

Для оных [гербов] городских корпораций, служб (*offices*) и светских и регулярных обществ, и [сообществ] искусств и ремесел, учрежденных в городах, где есть архиепископство, епископство или высшая структура⁴³, – сто ливров.

Для оных [гербов] других корпораций, компаний, братств и сообществ – пятьдесят ливров.

Сделано в Версале двадцать девятого июля тысяча семьсот шестидесятого года.

[подписано] Людовик

Фелипо

Настоящий ордонанс был зачитан на ассамблее маршалов Франции; и, заслушав мэтра-докладчика по прошениям (*Maître des Requêtes Rapporteur*), Суд постановил, что он будет зарегистрирован в списках его секретариата, опубликован и обнародован повсюду, где в том будет необходимость, чтобы быть исполняемым, следуя его форме

⁴² Видамия (*vidamies*) – держание от сеньора, которым является Церковь; вассал при этом именуется видаме (*vidames* – от лат. *vicedominus*).

⁴³ Высшие структуры (*Companies Supérieures*, букв. высшие компании) – имеются в виду суверенные курии: парламенты (*Parlements*), налоговые палаты (*Chambres des Comptes*), палаты косвенных сборов (*Cours des aides*).

и содержанию. Сделано в Париже, на ассамблее маршалов Франции во вторник пятого августа тысяча семьсот шестидесятого года.

Подписано маршалом де Ноайем⁴⁴, маршалом де Дюрас⁴⁵, маршалом де Клермон-Тоннер⁴⁶, маршалом де Лотрек⁴⁷, маршалом де Бирон⁴⁸, маршалом д'Эстре⁴⁹, маршалом де Конфланс⁵⁰, маршалом принцем де Субиз⁵¹. И ниже, г-ном Буди де Ла Вернь⁵².

[Отпечатано в] Париже, в Королевской типографии, 1760.

Библиография / References

Митрофанов А.А. Уничтожение геральдики в период Французской революции (1789–1794) // *Signum* / отв. ред. А.П. Черных. Вып. 9. М., 2016. С. 177–196.

Mitrofanov A.A. Unichtozheniye geral'diki v period Frantsuzskoy revolyutsii [The destruction of heraldry during the French Revolution] (1789–1794) // *Signum* / отв. ред. А.П. Tchernik. Вып. 9. Moskva, 2016. S. 177–196. (In Russ.)

Bayard Fr. Le Monde des finances au XVIIe siècle. Paris, 1988.

Hamon Ph. L'argent du roi: Les finances sous François Ier. Paris, 1994.

Mathieu R. Le système héraldique français. Paris, 1946.

Ordonnance concernant les Armoiries. Du 29 Juillet 1760. De par le Roi [Enregistrée au tribunal des Maréchaux de France le 5 août 1760] // Bibliothèque nationale de France. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86134160.image#> (access date: 03.10.2012).

Remontrances de 1760 au sujet de l'Ordonnance concernant les Armoiries // *Mémoires pour servir à l'histoire du droit public de la France en matière d'impôts, ou Recueil de ce qui s'est passé de plus intéressant à la Cour des Aides depuis 1756 jusqu'au mois de juin 1775...* Par Auger. Bruxelles [Paris, s.a.], 1779.

⁴⁴ *Ноай Адриен-Морис де* (Adrien-Maurice de Noailles) (1678–1766), герцог, маршал Франции с 1734 г.

⁴⁵ *Дюрфор Жан-Батист де, герцог де Дюрас* (Jean-Baptiste de Durfort, duc de Duras) (1684–1770), герцог с 1756 г., маршал Франции с 1741 г.

⁴⁶ *Гаспар де Клермон-Тонерр* (Gaspard de Clermont-Tonnerre) (1688–1781), 1-й герцог де Клермон-Тонерр, маршал Франции с 1747 г.

⁴⁷ *Даниэль-Франсуа граф де Лотрек* (Daniel François de Gélais de Voisins d'Ambres, dit le comte de Lautrec) (1682–1762), маршал Франции с 1757 г.

⁴⁸ *Луи-Антуан, герцог де Бирон* (Louis Antoine de Gontaut, duc de Lauzun, duc de Biron) (1701–1788), маршал Франции с 1757 г.

⁴⁹ *Луи-Шарль-Сезар Ле Телье граф д'Эстре* (Louis Charles César Le Tellier, comte d'Estrées) (1695–1771), граф д'Эстре с 1739 г., маршал Франции с 1757 г.

⁵⁰ *Луи-Антуан, маркиз де Конфланс* (Nicolas-Charles de Bercy de Conflans) (1708–1790), советник Парижского парламента с 1729 г., президент Большого Совета с 1740 г., член Трибунала маршалов Франции с 1745 г.

⁵¹ *Шарль де Роан, принц де Субиз* (Charles de Rohan, duc de Rohan-Rohan, prince de Soubise, comte de Saint-Pol) (1715–1787), маршал Франции с 1758 г., государственный министр.

⁵² *Франсуа Буди де Ла Вернь* (François Boudy de La Vergne), представитель семейства де Ла Вернь, в 1765–1766 гг. адвокат парламента и интендант маршала де Ноай.

DOI: 10.31857/S013038640019503-1

© 2022 г. **Г.Г. КОСАЧ**

КОММУНИСТЫ И РЕЖИМ «СВОБОДНЫХ ОФИЦЕРОВ» В ЕГИПТЕ В СЕРЕДИНЕ 1950-х годов: КОНФЛИКТ И ПРИМИРЕНИЕ

Косач Григорий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: g.kosach@mail.ru

Scopus Author ID: 57192265645; ORCID: 0000-0002-9097-4858

Аннотация. Публикацию документа «Проект тактики. За свержение военной диктатуры. За создание национального демократического правительства» предваряет вступительная статья, в которой рассматривается путь развития египетского коммунистического движения. Контроль над Суэцким каналом, господство иностранного капитала в банковско-финансовой сфере, оставшееся не реализованным обещание вывода британских вооруженных сил, бесконечные манипуляции с договорными отношениями между Лондоном и Каиром — все это содействовало общественному размежеванию. Коммунистические структуры были расколоты. Наиболее крупные из них — Движение египетского освобождения и «Искра» — слились в 1947 г., создав Демократическое движение национального освобождения — ХАДЕТУ. Основное внимание уделено ключевому моменту в истории этого движения — попытке коммунистов выступить против установленного в стране в 1952 г. военного режима «Свободных офицеров». Потерпев неудачу в стремлении стать его союзником, египетские сторонники марксистской идеи избрали курс открытого противостояния армейским офицерам.

Машинописная копия документа «Проект тактики» хранится в Российском государственном архиве новейшей истории. Документ — часть более обширного досье, включающего протоколы состоявшихся в августе 1955 г. заседаний Комитета единства, итогом деятельности которого стало создание Объединенной коммунистической партии Египта. Документы переведены с арабского языка сотрудниками советского посольства в Каире и, как гласит сопровождающая досье и подписанная министром иностранных дел СССР А.А. Громыко записка, отправлены послом СССР в Египте Д.С. Солодом в советское внешнеполитическое ведомство, откуда они были переданы в ЦК КПСС.

Ключевые слова: Египет, коммунистическое движение, ХАДЕТУ, Объединенная коммунистическая партия Египта, «Свободные офицеры», СССР, внешняя политика, Ближний Восток, международное коммунистическое движение.

G.G. Kosach

Egyptian Communists and the Free Officer Regime in the Mid-1950s: Conflict and Confrontation

Grigory Kosach, Moscow State Lomonosov University (Moscow, Russia).

E-mail: g.kosach@mail.ru

Scopus Author ID: 57192265645; ORCID: 0000-0002-9097-4858

Abstract. The publication of the document *Draft Tactics. For the Overthrow of the Military Dictatorship. For the Establishment of a National Democratic Government* is preceded by an introductory article which examines the development path of the Egyptian communist movement. The focus is on a key moment in the history of the movement, namely the communist attempt to oppose the military regime of the Free Officers established in the country in 1952. Having failed to become their ally, the Egyptian supporters of the Marxist idea chose a course of open confrontation with the army officers.

A typewritten copy of the *Draft Tactics* is held at the Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). This document is part of a larger dossier that includes minutes from the August 1955 meetings of the “unity committee” that resulted in the creation of the Unified Egyptian Communist Party. The documents were translated from Arabic by Soviet embassy officials in Cairo and, according to a note accompanying the dossier and signed by Soviet Foreign Minister A.A. Gromyko, were sent by Soviet Ambassador in Egypt D.S. Solod to the Soviet Foreign Ministry, from where they were forwarded to the CPSU Central Committee.

Keywords: Egypt, Egyptian communist movement, HADITU, Unified Egyptian Communist Party, Free Officers, USSR, foreign policy, Middle East, international communist movement.

В опубликованной в 1980-е годы статье французский исследователь, уроженец Египта, с горечью замечал: «В Египте, стране, которая, согласно марксистским критериям, располагала лучшими условиями для укоренения и роста коммунистического движения, его неудача проявила себя в наибольшей степени. Демографический вес, высокий уровень общественного, культурного и экономического развития, географическое положение — все это, начиная с XIX в., предопределило ведущее место Египта на ближневосточной шахматной доске. Но ... египетские коммунисты так и не смогли ни создать жизнеспособную партию, ни добиться официального признания Москвы». Это тем более поразительно, продолжал он, что «именно в Египет Советский Союз триумфально проник в эпоху Насера»¹.

Вступившая в 1922 г. в Коминтерн Социалистическая партия Египта, тогда же переименованная в Египетскую коммунистическую партию (ЕКП), рассматривалась в Москве как вторая (после компартии Китая) крупнейшая коммунистическая организация Востока (по данным материалов V конгресса Коминтерна в ее рядах состояло 700 членов). В 1924 г. партия подверглась жестоким репрессиям². Попытки восстановить ее деятельность не были успешными. В конце 1930-х годов ЕКП прекратила свое существование, уступив место группам и кружкам прокоммунистического толка, создававшимся выходцами из многочисленных инонациональных колоний (греческой, еврейской, армянской и итальянской).

Египетские историки, авторы труда, собравшего документы действовавших в 1940-е — первой половине 1950-х годов коммунистических структур, считали, что количество этих групп достигало 28³. Столь значительная дробность определялась их постоянными расколами. Среди них — созданное в 1943 г. Анри Куриэлем⁴ Движение египетского освобождения, а также сформированная Хилелем Шварцем⁵ в том же 1943 г. группа «Искра»⁶.

Все же причина этой дробности, как и порождавших ее расколов, определялась условиями социально-экономической эволюции Египта после обретения в 1922 г. хотя и ущербной, но

¹ *Yannakakis I.* Aux origins du communisme égyptien. 1920–1940 // *Communisme. Revue d'études pluridisciplinaires.* 1984. № 6. P. 91.

² См.: *Косач Г.Г.* Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 1920–1930-е годы. М., 2001. С. 65–102.

³ *ат-Тавиль С., ад-Дасуки А., Рамадан Х.* Васаик аль-харака ас-шуюбийя аль-мысрийя (Документы египетского коммунистического движения). 1944–1952. Т. 1. Каир, 2007. С. 487–491.

политической независимости. Руководимое партией Вафл' антибританское движение, видевшее в инациональных колониях опору чужеземного господства, порождало, особенно после окончания Второй мировой войны, волну ксенофобии, захлестывавшую и тех, кто провозглашал свою приверженность коммунистической мысли.

Обе значимые коммунистические структуры продолжили довоенную традицию — их основатели принадлежали к инациональным общинам. Рассказывая в интервью историку египетского коммунистического движения Рифату ас-Саиду о становлении Движения египетского освобождения, Куриэль подчеркивал, что марксистская идея приносилась «коммунистами-иностранцами (в основном преподавателями)»⁸, «завязывавшими контакты с жившими в Египте неегиптянами. Они же, в свою очередь, вовлекали в движение некоторых интеллигентов египетского происхождения»⁹.

После войны Египет менялся, вызывая к жизни новые (и более широкие) страты арабского «образованного класса». Обращаясь к марксизму, выходяцы из этих социальных групп вступали в жесткую конкуренцию за руководство коммунистическими структурами. По словам ас-Саида, «марксистские группы египтианизировались», раскалывая уже действовавшие структуры либо создавая параллельные им, но уже «египетские клубы и организации»¹⁰. Но и они, как писал французский марксист (социолог и историк Ближнего Востока) Максим Родинсон, подвергались «непрерывным расколам», действуя в условиях «почти постоянного глубокого подполья и жесточайших полицейских преследований»¹¹.

События конца 1940-х годов в Палестине (создание Израиля и первое арабо-израильское вооруженное столкновение — Палестинская война 1948—1949 гг.) ускорили этот процесс. По словам американского исследователя Джоэля Бейнина, в коммунистическое движение приходили «молодые интеллектуалы-националисты», считавшие, что «те, кого зовут Шварц или Куриэль, не могут находиться во главе коммунистического движения» в силу того, что «они склонны проводить в жизнь линию иностранцев и склоняются к сионизму»¹².

⁴ Выходец из занимавшейся банковско-финансовыми операциями еврейской семьи. Выпускник каирского Французского лицея. Принял египетское гражданство. Коммунистическая деятельность Куриэля стала причиной его многочисленных арестов. В августе 1950 г. был лишен египетского гражданства и выслан в Италию, где создал Римское бюро Демократического движения национального освобождения (ХАДЕТУ), содействовавшее распространению информации о египетском коммунистическом движении в Европе. С 1951 г. жил в Париже. Сыграл значимую роль в поддержке алжирской освободительной борьбы, неизменно выступал за достижение взаимопонимания между израильскими левыми и Организацией освобождения Палестины. Убит в Париже в мае 1978 г. См.: *Перро Ж. Анри Куриэль, раджуль мин тыраз фарид (Анри Куриэль, человек особого склада)*. Бейрут, 1986.

⁵ Член созданного в 1938—1939 гг. группой выходцев из еврейской общины антифашистского объединения Египетский демократический союз. Покинув это объединение, основал группу «Искра». Содействовал созданию под ее эгидой Центра научных исследований, ставшего первой марксистской школой Египта, подготовившей первую плеяду собственно египетских марксистских исследователей и активистов. В 1947 г. под руководством Шварца действовало не менее 900 членов «Искры», подавляющее большинство из них были гражданами Египта. «Искра» после Второй мировой войны начала издавать нелегальные газеты на арабском языке, обращенные к различным социальным группам египетского общества. Весной 1950 г. Шварц был арестован и, видимо, погиб в тюрьме. См.: *Beinin J. Le Marxisme égyptien (1936—1952): nationalisme, antiimpérialisme et réforme social // Cahiers d'histoire*. 2008. № 105—106. P. 25—31.

⁶ Русское название этой организации транслитерировалось буквами арабского алфавита, отсылая к основанной Лениным первой марксистской газете России.

⁷ Создана в 1921 г. на основе сформированной в 1919 г. египетской делегации (вафл — араб. делегация) на Парижскую мирную конференцию. Оставалась до 1952 г. крупнейшей политической партией Египта.

⁸ Это относилось в первую очередь к сотрудникам каирского Французского лицея. См.: *Перро Ж. Указ. соч.* С. 92—93.

⁹ *ас-Сауд П. аль-Ясар аль-мысрий (Египетские левые)*. 1925—1940. Бейрут, 1972. С. 278.

¹⁰ *ас-Сауд П. Аль-Ясар аль-мысрий*. С. 268.

¹¹ *Rodinson M. Marxisme et monde musulman*. Paris, 1972. P. 430.

Ксенофобия имела четко выраженный посыл — приход к коммунистической идее определялся побуждениями национального характера. Ее укоренение в Египте стимулировалось беспрецедентным ростом недовольства военно-политическим и хозяйственным присутствием Великобритании.

Контроль над Суэцким каналом, господство иностранного капитала (в том числе и капитала членов инациональных колоний) в банковско-финансовой сфере, оставшееся не реализованным обещание вывода британских вооруженных сил, бесконечные манипуляции с договорными отношениями между Лондоном и Каиром (определявшиеся заключенным в 1936 г. «договором о союзе»¹³ с Великобританией) — все это содействовало общественному размежеванию, усиливавшемуся на фоне унижительного поражения в Палестинской войне. Вафд, опиравшийся на тактику «маневренного движения» к избавлению от британской гегемонии, терял ореол борца с иностранным гнетом, превращаясь, как все чаще считали «молодые интеллектуалы», в партию «национального предательства». Новыми кумирами становились те, кто мог противостоять ему. Коммунисты, считавшие своей опорой независимые от Вафд рабочие профсоюзы, в создании которых Движение египетского освобождения играло ведущую роль, были в их числе. Количественный рост забастовок в послевоенную эпоху создавал иллюзию того, что решение национальных проблем возможно только на основе «идеологии рабочего класса».

Лозунгом коммунистов становился «путь к массам египетских трудящихся», он требовал избавиться от тех, кто в этническом и культурном отношении был от этих масс далек. Прошлое преодолевалось — египетский активист «Искры» был циничен: «Мы импортировали то, что не вписывалось в нашу культурную среду. Мы старались этого не видеть, но, в конце концов, настало время расплаты»¹⁴. Новая ситуация, казалось бы, открывала перспективу преодоления дробности и объединения.

В 1947 г. в этом направлении был сделан первый шаг: Движение египетского освобождения и «Искра» слились, создав Демократическое движение национального освобождения — ХАДЕТУ¹⁵. К тому времени обе структуры были «египтианизированы», их создатели были в тюрьме (случай Шварца) либо высланы из страны (случай Куриэля).

ХАДЕТУ приветствовало совершенный в июле 1952 г. группой «Свободные офицеры»¹⁶ во главе с Гамалем Абдель Насером государственный переворот. Для этого были весомые основания, как отмечал ас-Саид, «движение поддерживало тесные связи»¹⁷ с участниками переворота, считая эти связи «укорененными во времени»¹⁸. В апреле 1952 г. подготовленный для европейских компартий документ ХАДЕТУ «“Свободные офицеры” борются за независимость и демократию» сообщал: «В египетской армии сформирована многочисленная и хорошо организованная прогрессивная группа “Свободные офицеры”»¹⁹.

¹² *Beinin J.* Was the Red Flag flying there? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel, 1948–1965. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 110.

¹³ Договор предусматривал, что британские вооруженные силы могли находиться только в зоне Суэцкого канала. Английские офицеры не могли служить в египетских вооруженных силах. Восстанавливался англо-египетский condominium в Судане. Пост британского верховного комиссара отменялся, его функции переходили к английскому послу. См.: *Рамадан А.-А.* Татаввур аль-харака аль-ватанийя фи Мыср (Развитие национального движения в Египте). Т. II. Каир, 1973. С. 9–10.

¹⁴ *Beinin J.* Was the Red Flag flying there? P. 104.

¹⁵ Аббревиатура на основе первых букв арабского названия организации — ал-Харака ад-димукратийя ли ат-тахаррур аль-ватаний.

¹⁶ Организация, созданная молодыми офицерами-разночинцами под руководством Гамала Абдель Насера предположительно в конце 1930-х годов. Кристаллизации патриотических и антиимпериалистических воззрений членов организации содействовала Палестинская война 1948–1949 гг.

¹⁷ Существование этих связей подтверждали и отечественные авторы. См.: *Беляев И.П., Примаков Е.М.* Египет: время президента Насера. М., 1974. С. 58.

¹⁸ *ас-Саид Р.* Муназзамат аль-ясар аль-мысрий (Левые организации Египта). 1950–1958. Каир, [s.a.]. С. 86.

¹⁹ Там же. С. 95.

В день переворота («июльской революции» в официальном египетском дискурсе) — 23 июля 1952 г. — ЦК ХАДЕТУ обнародовал заявление, определявшее его позицию: «Вооруженное восстание организовано не изолированной кучкой офицеров, стремящихся реализовать свои личные или групповые интересы, а является движением народной армии»²⁰. Выход патриотов, противников всевластия Великобритании на авансцену политической жизни, ликвидация монархии, освобождение политических заключенных (в том числе сторонников «идеологии пролетариата») — все это, казалось бы, не только подтверждало правоту ХАДЕТУ, но и открывало перед коммунистами новые возможности.

Уже первая попытка воспользоваться этими возможностями оказалась неудачной. Осушествленное силами армии по приказу руководившего страной Совета революционного командования (СРК) в августе 1952 г. насильственное подавление организованной контролируемой коммунистами профсоюзами забастовки на текстильных предприятиях в городе Кафр ад-Даввар и последовавшая за ним казнь двух активистов стали ударом по позиции ХАДЕТУ. В опубликованном им в то время «Обращении к египетскому народу» говорилось, что «в армии действуют приспешники американо-британского империализма», совершившие «преступление против народной революции, против партийной жизни и конфедерации профсоюзов»²¹. ХАДЕТУ меняло ориентиры, как заявлял один из его лидеров, «армейское движение вступило на антидемократический путь»²².

Военный режим нуждался в стабильности. Провозглашенная в сентябре 1952 г. аграрная реформа лишь создавала иллюзию социальной справедливости, коснувшись в основном земельных владений королевской семьи, она не стала радикальной. Тесное сотрудничество с крупным национальным предпринимательством оставалось целью военных. Как писал Сами Шараф, один из основателей службы контрразведки республиканского Египта и личный секретарь руководителя «Свободных офицеров» по вопросам информации, Насер, перед которым стояла «задача внутреннего развития», ради решения которой и «была совершена революция», нуждался в «использовании всех внутренних резервов Египта», что требовало «сохранения национального единства»²³. На смену Великобритании в Египет приходили Соединенные Штаты — американская экономическая помощь включала поставки вооружения, оправдывавшиеся необходимостью противостояния возможной израильской агрессии. В течение 1953—1954 гг. была запрещена деятельность всех партийных структур.

«Свободные офицеры» были далеки от того, чтобы ассоциировать себя с какой-либо политической силой. Описывая положение после июля 1952 г., Насер приходил к удручающему выводу: «Нам необходима была дисциплина, а в тылу у себя мы обнаружили хаос. Нам нужно было единство, а нашли мы разлад. Нам нужны были действия, а мы не видели ничего, кроме покорности и праздности». Поскольку, считал он, Египет, совершив «политическую революцию», должен был вступить в «социальную революцию», постольку «необходимо было единство всех национальных элементов страны, их слияние и взаимная поддержка... отречение от личных интересов ради интересов страны»²⁴.

В январе 1953 г. по инициативе Насера и под его руководством была создана организация «Освобождение» в качестве прообраза будущей единственной руководящей партии (в дальнейшем ею стал Национальный союз), действующая под лозунгом «Союз — Порядок — Труд» и борющаяся «против империализма за создание основ нового общества на базе преданности Богу, верности отечеству, веры в силы народа и мобилизации масс»²⁵. Речь более не могла идти

²⁰ Там же. С. 97—99.

²¹ Там же. С. 106.

²² Там же. С. 103.

²³ Шараф С. Санават ва айям маа Гамаль Абдель Насер (Годы и дни с Гамалем Абдель Насером). Т. 2. Каир, 2014. С. 313.

²⁴ Насер Г.А. Философия революции. М., 1956. С. 12—15.

²⁵ Aburish S. Nasser. The Last Arab: A Biography. New York, 2004. P. 46—47.

о том, чтобы «натравливать один социальный слой народа на другой»²⁶. Политические партии ликвидировались, поскольку их деятельность заставляла «людей забыть свои основные цели», направив «все усилия на межпартийные раздоры»²⁷. Это был жесткий приговор — коммунисты вновь оказывались в тюрьмах и концентрационных лагерях²⁸. Отныне движение к воссозданию единства коммунистов могло отталкиваться только от конфронтации с властью.

Протоколы состоявшихся летом 1955 г. заседаний Комитета единства свидетельствуют, что в него входили ХАДЕТУ и шесть других небольших групп²⁹. Характеризуя участников переговоров, ас-Саид выделял ХАДЕТУ, подчеркивая, что это была «сильнейшая в организационном и идейном отношении организация», ставшая «осью Объединенной коммунистической партии Египта» (ОКПЕ). Остальные же их участники в то или иное время покинули его ряды, либо ранее ряды Движения египетского освобождения и «Искры». Если использовать метафору египетского историка, создание ОКПЕ было «возвращением птиц в гнездо, которое они однажды покинули»³⁰.

Партия, провозглашавшая себя «объединенной», не включила в свои ряды многих других претендентов на исповедание марксизма. Важно и другое обстоятельство: даже если рассматривать ее создание в качестве первого шага к единству египетского коммунистического движения, этот шаг сопровождался сделанной ХАДЕТУ серьезной уступкой. Оно осудило, назвав это «ошибкой», свою ранее позитивную оценку движения «Свободные офицеры» и совершенный ими переворот. Текст четвертого протокола заседаний Комитета единства подчеркивал: «ХЕДТО»³¹ заявило, что оно отнеслось самокритично к своей первоначальной позиции в отношении военного переворота и что оно считает сейчас существующий режим, как режим произошедший из реакционного военного переворота и являющийся военным диктаторским режимом, представляющим интересы наиболее реакционных слоев правящих классов, связанных с империализмом, и что борьба за его свержение является прямым долгом»³².

Дальнейшее развитие событий было предсказуемо. Репрессии против партии усиливались.

Время тем не менее доказывало способность режима «Свободных офицеров» (естественно, и Насера) эволюционировать. Если в ноябре 1956 г. он заявлял: «[Египет] полон решимости быть и оставаться идеологически независимыми от всех иностранных идеологий, включая марксизм, фашизм, расизм, колониализм, империализм и атеизм»³³. То принятая в мае 1962 г. Национальная хартия апеллировала к «ликвидации колониализма и его пособников — египетских предателей», «ликвидации феодализма», «ликвидации монополизма и господства капитала над государством» и, наконец, к «созиданию общества социальной справедливости»³⁴. Цитируемый документ фиксировал обстоятельства, содействовавшие этой эволюции, — осуществленная в 1956 г. национализация Суэцкого канала и последовавшая за ней англо-франко-израильская «тройственная агрессия»³⁵ сделали неизбежными разрыв с Западом и движение в направлении контактов с Советским Союзом, выразившихся в поставках вооружения и начале строительства Асуанской плотины. Египет переходил к огосударствлению собственности иностранных компаний, инонациональных общин и крупных египетских

²⁶ Насер Г.А. Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952—1970 гг. М., 1979. С. 15.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ ас-Сауд Р. Муназзамат аль-ясар. С. 140.

²⁹ Протокол третьего заседания Комитета единства; Протокол четвертого заседания Комитета единства // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28, р. 5155. Д. 348. Л. 18—21.

³⁰ ас-Сауд Р. Муназзамат аль-ясар. С. 247.

³¹ Так в тексте цитируемого далее документа.

³² Протокол четвертого заседания Комитета единства // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28, р. 5155. Д. 348. Л. 21.

³³ Цит. по: *Ginat R. Egypt's incomplete revolution: Lutti al-Khuli and Nasser's socialism in the 1960s.* London; New York, 1997. P. 5.

³⁴ аль-Мисак ва Канун аль-Иттихад аль-арабий аль-иштиракий. Каддамаху ар-раис Гамаль Абдель Насер. Аль-Муатамар аль-ватаний ли аль-кивва аш-шаабийя (Хартия и Закон об Арабском социалистическом союзе. Предисловие президента Гамаль Абдель Насера. Национальный конгресс народных сил). Каир, 1962. С. 5.

предпринимателей. Отныне лозунг египетской «социальной революции» звучал как «Свобода, социализм, единство»³⁶.

Инструментом реализации этого лозунга провозглашался наследник организации «Освобождение» и Национального союза Арабский социалистический союз (АСС) — «социалистический авангард, руководящий массами, выражающий их волю, направляющий патриотическую деятельность и осуществляющий эффективный контроль над развитием революции в рамках принципов Национальной хартии». Провозглашавшийся «народным политическим образованием», АСС, как гласил закон о его создании, объединял в своих рядах «трудящиеся силы народа, воплощая союз этих сил и символизируя национальное единство»³⁷. Это предполагало, что АСС — единственное признанное властью политическое образование, «всеобъемлющая политическая форма национального единства, включающая все силы народа», «преданные принципам национальной деятельности». Если рабочие профсоюзы и иные общественные организации организационно и не входили в АСС, это не означало, что они не должны были «действовать под его руководством»³⁸.

Время после Суэцкого кризиса меняло и ОКПЕ. Египетские коммунисты начинали видеть в осуществляемых Насером преобразованиях и его (казавшейся просоветской) внешней политике несомненный поворот в направлении движения по пути «социального прогресса». Это движение требовало поддержки, партия стремилась «встать в один ряд с нашим руководителем, вождем и героем Абдель Насером, создав национальный фронт борцов против империализма и реакции»³⁹. Речь шла о ее признании режимом в качестве последовательного борца за принципы Национальной хартии и к превращению в легально действующую силу и партнера режима. Режим был далек от того, чтобы удовлетворить это требование: создание АСС и продолжавшиеся репрессии против коммунистов окончательно исключили возможность развития в желаемом для ОКПЕ направлении. В 1965 г. партия была распущена, а ее члены (освобожденные из тюрем и концентрационных лагерей) вступили в АСС, создав в его рядах левое крыло.

Эпоха развития египетского коммунистического движения завершилась.

Машинописная копия публикуемого ниже документа хранится в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В предваряющей досье сопроводительной записке, подписанной министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, отмечается, что «материалы из египетских нелегальных изданий» были переданы «поверенным в делах Польши в Египте Пашковским⁴⁰ при посещении посольства»⁴¹. Документ носил характер секретного (на его архивной копии имеется пометка «рассекречено»). Документ публикуется с небольшими купюрами, исключаяющими содержащиеся в нем повторы.

ПРОЕКТ ТАКТИКИ

За свержение военной диктатуры

За создание национального демократического правительства

³⁵ Высадка английских и французских войск в 1956 г. в зоне Суэцкого канала — попытка воспрепятствовать осуществленной Насером национализации этой артерии. Участие Израиля в «агрессии» определялось стремлением покончить с инфильтрацией палестинских феодалов из сектора Газа, находившегося под военно-политическим контролем Египта.

³⁶ аль-Мисак ва Канун. С. 12.

³⁷ Там же. С. 113.

³⁸ Там же. С. 114.

³⁹ *ас-Сауд Р.* Муназамат аль-ясар. С. 296.

⁴⁰ *Пашковски Владзимеж* (Włodzimierz Paszkowski) — в 1951—1956 гг. первый секретарь, советник посольства Польской Народной Республики в Каире // *Biuletyn Informacji Publicznej Instytutu Pamięci Narodowej*. URL: <http://www.katalog.bip.ipn.gov.pl/informacje/646629> (дата обращения: 02.02.2022).

⁴¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28, р. 5155. Д. 348. Л. 18.

1. Реакционный военный переворот, совершенный 23 июля 1952 г., явился продолжением начатой врагами народа в январе 1952 г. политики упорного наступления против национального движения, продолжением наступления с еще большим насилием и свирепостью.

В течение 1951 г. наша страна была свидетелем нарастающего подъема национального движения⁴², влияние которого сильно сказывалось на развитии событий в последующий период. Национальное движение благодаря высокому уровню, которого оно достигло, смогло сорвать переговоры Салаха (Мухаммед Салах Эддин, министр иностранных дел. — *Прим. перев.*) — Стивенсона⁴³ и заставить вафдистское правительство отменить договор 1936 г.⁴⁴ и отклонить предложение четырех держав⁴⁵.

Наш народ начал выступать против политики правящих классов в отношении империализма, политики переговоров и стал следовать новому пути для своего освобождения — пути вооруженной борьбы за эвакуацию империализма с территории нашей страны, тому ясному пути, который подтвержден опытом всех народов, которые смогли избавиться от империалистов. Это развитие показывает, что страх господствует в рядах империалистов и правящих классов, которые опасаются расширения вооруженной борьбы народа, так как они понимают, что эта борьба неизбежно должна будет поразить их самих. В то время эта борьба была направлена главным образом против империалистов, однако она наносила удар и интересам правящих классов и их приспешников. Империалисты и сотрудничавшие с ними правящие классы понимали, что единственным путем для сохранения их существования, которое угрожало гибелью в связи с опасностью расширения вооруженной борьбы, является организация заговора для подавления национального движения и проведения контрнаступления с целью ликвидации вооруженной борьбы народа. Заговор 25 января⁴⁶ (1952 г. — *Прим. перев.*) явился

⁴² Летом 1951 г. были сформированы партизанские группы, начавшие нападения на британских солдат и офицеров, а также прошли массовые антибританские демонстрации, сопровождавшиеся мощным забастовочным движением. В конце осени и начале зимы того же года начались вооруженные столкновения между партизанскими отрядами и английскими войсками в зоне канала. См.: *аль-Бишри Т. аль-Харака ас-сиясийя фи Мыср (Политическое движение в Египте). 1945–1953. Каир, 2002. С. 561.*

⁴³ Состоявшиеся в ноябре 1951 г. по инициативе вафдистского правительства британско-египетские переговоры затрагивали вопросы пересмотра заключенного в 1936 г. «Договора о союзе», в том числе условий вывода вооруженных сил Великобритании с египетской территории, как и политического будущего Судана. В ходе переговоров британское правительство согласилось с поэтапным выводом войск. Вместе с тем оно считало необходимым указать на трудности вывода войск, поскольку, как отмечалось в протоколах заседаний, вопрос их пребывания в Египте был связан с «интересами союзников Великобритании, поддерживающих безопасность региона». Касаясь же вопроса о Судане, рассматривавшегося египетскими политиками как часть египетской территории, британское правительство подчеркивало, что его целью является «предоставление Судану самоуправления». См.: Визара аль-хариджий аль-мысрийя. Аль-Кадыйя аль-мысрийя (Министерство иностранных дел Египта. Египетский вопрос). 1882–1954. Каир, 1955. С. 665–667.

⁴⁴ В октябре 1951 г. вафдистское правительство приняло решение о прекращении переговоров с Великобританией и вынесении вопроса о прекращении действия договора 1936 г. на рассмотрение парламента. Выступая на заседании парламента, глава правительства Мустафа Наххас заявил о прекращении действия соглашения 1936 г. и разрыве египетско-британских соглашений о совместном управлении Суданом. См.: *аль-Бишри Т. Указ. соч. С. 563.*

⁴⁵ 13 октября 1951 г. правительства Великобритании, Соединенных Штатов, Франции и Турции обратились к Египту с предложением создать единую систему обороны, включающую охрану Суэцкого канала международными силами, сформированными при участии Египта. См.: Там же. С. 571.

⁴⁶ 25 января 1952 г. расквартированные в зоне Суэцкого канала британские вооруженные силы начали военные действия против повстанцев и осаду египетских правительственных учреждений. Ответом на это стало объявление общенациональной забастовки. 26 января в Каире участники демонстраций начали поджигать здания, где располагались «символы британского присутствия» и «очаги аморализма» — казино, рестораны и кинотеатры. Ответственность за «каирский пожар» была возложена на вафдистское правительство, и, несмотря на то, что им были предприняты усилия по прекращению пожара и поиска его виновников, 28 января 1952 г. указом короля оно было отправлено в отставку. См.: Там же. С. 626.

началом реакционного наступления империализма и сотрудничающих с ним двorca и правящих классов. В результате этого заговора было удалено в отставку правительство ВАФД'а, которое не было в состоянии вести революционную борьбу, но способствовало ей. Наступило время реакционных правительств переворота⁴⁷, которые осуществили серию отвратительных агрессивных актов против национального движения, распустили парламент, ликвидировали свободы, закрыли национальные газеты, открыли тюрьмы и концентрационные лагеря и бросили туда коммунистов, националистов и сторонников мира с целью сломить борьбу народа. Им удалось ликвидировать вооруженную борьбу народа. Все эти реакционные меры, которые были приняты против нашего народа, имели определенную цель... связать нашу страну с колесницей империализма и агрессивными военными планами путем усиления террора против нашего народа и путем террористического диктаторского режима, который представил случай для осуществления преступных планов.

Переворот 23 июля произошел во исполнение этой политики. Успех этого переворота объясняется:

1) Террористическими мерами реакционных правительств переворота для подавления борьбы нашего народа против заговоров и планов империализма.

2) Отсутствием единой коммунистической партии, которая могла бы дать силу нашему народу для того, чтобы помешать этой тактике и повысить его бдительность перед совершенным переворотом.

3) Демагогическими лозунгами, которые выдвинул переворот при своем осуществлении.

4) Позцией ХЕДТО в то время как силы, имеющей вес на политической арене и поддерживавшей переворот, что привело к потере массами бдительности.

2. [...]

В начале своего существования военная диктатура обещала сохранить конституцию, восстановить парламентскую жизнь, утвердить и расширить демократические свободы. Однако она отменила конституцию, распустила партии, упразднила все демократические свободы, бросила в тюрьмы и концентрационные лагеря коммунистов, патриотов, сторонников мира и противников их режима, установила над нашим народом террористическую власть, примера которой наша страна не видела раньше.

В начале своего существования она⁴⁸ притворно демонстрировала свою вражду к империализму, однако вскоре же начала договариваться с империалистами, подключаться к их колеснице, связала нашу страну соглашениями по 4-му пункту⁴⁹, открыла дверь для инвестиций иностранных капиталов... а также подписала соглашение о Судане⁵⁰, которое отдало Судан империализму, и, наконец, завершила цепь национального предательства подписанием соглашения Гамаль-Хед⁵¹, которое связывает нашу страну с политикой империализма и его агрессивными планами.

Военная диктатура обещала рабочим поднять их жизненный уровень и защищать их права и профсоюзные свободы. Она предприняла кампанию террора против рабочих, распустила

⁴⁷ В период с января по июль 1952 г. в Египте сменилось три правительства, возглавлявшиеся политическими деятелями, близкими к королевскому двору и посольству Великобритании.

⁴⁸ Имеется в виду военная диктатура.

⁴⁹ «Программа 4 пункта» президента Гарри Трумэна, обнародованная главой американского государства в январе 1949 г., провозглашала оказание «технической помощи» слаборазвитым странам в интересах противодействия возможной «коммунистической экспансии» в регионе афро-азиатско-го мира и Латинской Америки.

⁵⁰ В феврале 1953 г. Великобритания и Египет достигли соглашения о предоставлении Судану «самоуправления», за которым последует «самоопределение», по словам государственного секретаря по иностранным делам Энтони Идена. См.: Sudan. Anglo-Egyptian Agreement // URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1953/feb/12/sudan-anglo-egyptian-agreement> (дата обращения: 16.01.2022).

подготовительный комитет федерации профсоюзов, повесила двух рабочих — Хамиса и Эль-Кахри⁵² ...издала реакционные законы, лишаящие рабочих права на забастовки и защищающие интересы капиталистов, бросила в тюрьмы и концлагеря профсоюзных активистов и возложила руководство профсоюзным движением на реакционные элементы с целью превращения административных советов профсоюзов в свою администрацию⁵³...

Военная диктатура обещала также землю и надлежащий жизненный уровень крестьянам и много шумела о земельной реформе. Однако в течение двух лет она ничего не дала крестьянам, кроме разрушения, нужды и обнищания. Цены на хлопок — основа для обогащения крестьян — падают. Растет число предупреждений со стороны помещиков к мелким арендаторам об освобождении арендуемой земли. Тысячи последних превращаются в рабочих. Жизнь крестьян стала невыносимой.

Нападения и террор военной диктатуры распространились и на студентов, тысячи из которых изгнаны (из учебных заведений. — Г.К.) и брошены в тюрьмы и концлагеря. Способы обучения и программы изменены в целях... подчинения политики образования планам американского империализма. Сокращен бюджет служащих, несмотря на увеличение расходов, необходимых на жизнь.

Средние классы и национальные производители не избавлены от пагубных последствий политики военной диктатуры, которая направлена на увеличение притока иностранных капиталов и превращение нашей страны в почву для использования этих капиталов с целью удушения национальной экономики, широкого увеличения числа банкротств и экономического краха местных капиталов.

Военная диктатура распустила торговую палату и изменила закон о компаниях, удовлетворяя интересы иностранного капитала и нанося огромный вред национальной экономике.

В начале своего существования военная диктатура давала много обещаний народу, однако политика, которой она следовала в течение двух лет своего правления, доказала, что она является врагом интересов нашего народа и защищает лишь интересы империалистов и наиболее реакционных слоев египетских капиталистов, связанных с империализмом.

3. ...Политика, которой следует военная диктатура, ведет нашу страну к поляризации, причем на одной стороне оказываются рабочий класс, крестьяне, широкие массы мелкой буржуазии и средних классов и значительные элементы распущенных партий, а на другой стороне находится военная диктатура, которая не опирается ни на какую народную поддержку и для удержания власти использует лишь жестокий террор. ...Кризис, к которому пришел нынешний режим, делает возможным его свержение. Требуется осуществить эту задачу через организацию и мобилизацию в широком национальном демократическом фронте всех сил народа, считая прямым тактическим долгом свержение военной диктатуры и создание национально-демократического правительства, правительства, опирающегося на народные силы, которое возвратит народу его права, свободы и будет заботиться о их расширении, правительства,

⁵¹ Подписанный в октябре 1954 г. англо-египетский договор об эвакуации вооруженных сил Великобритании с территории Египта, в первоначальном английском названии которого присутствовали слова «The Heads of Agreement». Договор предполагал, что вывод английских войск из зоны Суэцкого канала будет завершён в июне 1956 г. Этот документ подчеркивал, что, хотя канал и является «международным морским путем», он «часть египетской территории». В соглашение были включены положения, позволявшие Великобритании использовать зону канала в случае «вооруженного нападения третьего государства на одну из стран — членов Соглашения о взаимной обороне, заключенного между странами, входящими в Лигу арабских государств», либо на Турцию. См.: Иттифакия джала аль-Мамляка аль-Муттахида ан Мыср 1953 (Соглашение об эвакуации Соединенного Королевства из Египта 1953) // URL: https://www.marefa.org/ع_قدحتمال_فكلمل_ءالج_فيافتا (дата обращения: 20.01.2022).

⁵² Имена профсоюзных активистов, игравших руководящую роль в ходе забастовки в Кафр ад-Даваре.

⁵³ Насер рассматривал профсоюзы как инструмент развития промышленного производства, что исключало забастовки и содействовало огосударствлению профсоюзного движения. См.: *Beinin J.* Was the Red Flag flying there? P. 89–91.

которое будет добиваться независимости страны и выступит против империалистического вмешательства и империалистических проектов и внесет свою долю в ...укрепление мира во всем мире.

4. Национальный демократический фронт осуществит широкое единство всех сил, которые подвергаются ударам со стороны военной диктатуры и результатов ее вредной политики и которые жаждут избавления нашей страны от ее правления. Широкое объединенное массовое движение нашего народа является определенным этапом нашей освободительной революции в ее борьбе за демократию, национальное освобождение и мир. Развитие этого фронта, его расширение и эффективность действий требуют от нас первоочередного внимания делу организации и мобилизации рабочих и крестьянских масс и усилению союза между ними, который представляет краеугольную основу любого широкого массового движения. ...Вокруг этого тесного союза рабочих и крестьян необходимо объединить остальные силы, враждебные диктатуре. Для осуществления самого широкого единства в борьбе мы должны вступить в союз с остальными слоями, классами, объединениями и партиями, которые подверглись ударам со стороны диктатуры, что имеет целью мобилизацию остальных борющихся сил в битву, которую наш народ ведет в настоящее время. Необходимо, чтобы основной целью союза с буржуазными объединениями и партиями явилось объединение и расширение массового движения, единство с руководителями и членами этих партий в борьбе...

Чтобы обеспечить руководящую роль рабочего класса внутри фронта, мы, коммунисты, должны:

1) Усилить внимание работе среди рабочих для того, чтобы укрепить нашу связь с рабочим классом, чтобы организовать и объединить его, чтобы мобилизовать все его силы.

2) Постоянно сохранять независимость рабочего класса по отношению к остальным союзникам, которые примкнули к фронту; постоянно разоблачать природу буржуазных организаций и партий.

Однако нынешнее положение в коммунистическом движении и его раскол ведут к неспособности рабочего класса играть полагающуюся ему роль в этом фронте, ведут к лишению его единого сознательного авангарда, к ослаблению борьбы нашего народа. Поэтому объединение коммунистических организаций в единой компартии рабочего класса является основным звеном в серии задач, к решению которых мы стремимся. Мы хотим создать единое командование, которое будет руководить рабочим классом и народом в борьбе против диктатуры и империализма за осуществление народных целей. Для того, чтобы объединить массовое движение народа, рабочих и крестьян, для того, чтобы египетские коммунисты играли свою роль в национальном демократическом фронте, необходимо осуществить создание единой коммунистической партии и единство между коммунистическими организациями в Египте, чего мы сильно желаем. Природа национального демократического фронта и национального демократического правительства зависит от их тесной связи с борьбой за осуществление неотложных целей, а именно:

1) Свержение военной диктатуры и установление парламентского республиканского демократического режима, предоставление общих свобод, в том числе свободы деятельности коммунистам.

2) Роспуск организаций диктатуры и военных трибуналов банды за их преступления против народа, чистка армии и правительственного аппарата от реакционных элементов, поддерживающих диктатуру.

3) Распределение конфискованных земель среди неимущих крестьян безвозмездно.

4) Отмена всех договоров и соглашений, которые военная диктатура заключила с империализмом, и прекращение империалистического вмешательства во всех его видах.

5) Защита национальной промышленности и развитие национальной экономики.

6) Забота о поднятии жизненного уровня народа и удовлетворение неотложных требований всех трудящихся слоев и классов народа.

7) Поддержка всего того, что содействует снижению международного напряжения и устранению призрака войны, к которой стремится империализм, и защита всеобщего мира.

5. Осуществить эти требования, в которых выражены чаяния нашего народа, может только национальное демократическое правительство, правительство, которое опирается на силы и борьбу народа, правительство, которое в этот краткий период нашей будущей революции опирается на национальный демократический фронт. Только такое правительство способно ликвидировать диктаторский режим и его тяжелые последствия, обеспечить и расширить демократические свободы нашему народу и повести нашу страну по пути демократии и мира. Это правительство не будет правительством народной демократии, которое осуществит нашу стратегическую цель свержения власти империализма и предательских правящих классов в стране и установит власть народа и которое поведет к революционным изменениям в экономических и социальных отношениях. Условия для осуществления этой цели еще не созрели, а положение, в котором находятся народное и коммунистическое движения, выражающиеся в соотношении классовых сил в настоящее время, не позволяет сделать чего-нибудь практически возможного. Это правительство не будет также и коалиционным правительством партий или одним из видов буржуазных правительств, которые известны уже стране своей постоянной враждой к народу и тем, что они своими реакционными действиями подготовили военную диктатуру... Национальное демократическое правительство — вот новый вид правительства, которого наша страна не знала ранее. Это буржуазное демократическое правительство, однако оно будет стремиться осуществить высшую форму буржуазной демократии и будет действовать в соответствии с неотложными требованиями народа на пути выхода из лагеря империализма и войны, опираясь на борющиеся силы нашего народа и на национальный демократический фронт...

Участие коммунистов в таком правительстве не обязательно, они окажут ему поддержку в осуществлении требований народа и национального демократического фронта. В то же время мы считаем, что наше участие в подобном правительстве в большой степени будет гарантировать осуществление требований и чаяний народа и даст народу лучшую возможность для разоблачения и парализации враждебных его интересам тенденций. В случае неуспеха в создании национального демократического правительства мы готовы постоянно поддержать любое демократическое правительство при условии, что оно выполнит программу, соответствующую программе неотложных требований народа и целям национального демократического фронта.

6. ...Наш долг постоянно стремиться к осуществлению единства в деле сотрудничества с остальными политическими тенденциями для защиты неотложных экономических и политических требований. Мы должны быть первыми в создании этого единства и практически, а не на словах, доказать, что коммунисты постоянно представляют собой сильных и искренних людей в борьбе за интересы народа и что они всегда находятся в авангарде борьбы. Наш долг постоянно выдвигать такие лозунги и формы борьбы, которые были бы подчинены неотложным требованиям масс и которые соответствовали бы их способности к борьбе и степени готовности в данный момент.

[...]

Наш долг заключается в работе внутри профсоюзов для защиты неотложных экономических требований масс, для разоблачения продажных элементов в них и превращения профсоюзов в инструмент борьбы против диктатуры. Работа внутри профсоюзов в этом направлении является одним из лучших средств для вовлечения рабочего класса в борьбу против военной диктатуры, для разоблачения нынешнего режима и ускорения его неизбежного конца. ...Нам необходимо развернуть работу в массовых организациях диктатуры: в организации «Объединение освобождения»⁵⁴ и в Национальной гвардии⁵⁵...

Это представит нам случай для изолирования масс от влияния диктатуры и для расширения народного движения, враждебного диктатуре. Нам необходимо постоянно быть готовыми

⁵⁴ Организация «Освобождение».

⁵⁵ Создана на основании закона от 25 октября 1953 г. в качестве добровольческого военного формирования в составе министерства обороны, подчиненного президенту республики, для охраны главы государства, высших лиц и государственных учреждений. См.: Канун ракм 510 ли сана 1953. Би шаан инша аль-Харас аль-ватаний (Закон № 510 от 1953 г. О создании Национальной гвардии) // URL: <http://site.eastlaws.com/GeneralSearch/Home/ArticlesTDetails?MasterID-1378> (дата обращения: 12.02.2022).

для быстрого изменения форм и методов борьбы, а также ее лозунгов. Как только разовьется движение, враждебное диктатуре, и укрепится широкое единство масс, нам необходимо быстро перейти от обороны к наступлению посредством проведения многочисленных забастовок и организации всеобщей политической забастовки с привлечением широких народных масс, которую, если позволят условия, можно будет превратить в вооруженное восстание против нынешнего диктаторского режима. На нас, коммунистах, объединившихся с остальными силами, враждебными военной диктатуре, падает ответственность за организацию и мобилизацию широких масс для свержения ненавистной военной диктатуры.

Перевел: подпись /А. Барковский⁵⁶/

Библиография / References

- Беляев И.П., Примаков Е.М.* Египет: время президента Насера. М., 1974.
- Косач Г.Г.* Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 1920–1930-е годы. М., 2001.
- Насер Г.А.* Философия революции. М., 1956.
- Насер Г.А.* Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления. 1952–1970 гг. М., 1979.
- Belyaev I.P., Primakov E.M.* Egiptet: vremya prezidenta Nasera [Egypt: the time of President Nasser]. Moskva, 1974. (In Russ.)
- Kosach G.G.* Krasnyi flag nad Blijnim Vostokom? Kompartii Egipta, Palestiny, Sirii i Livana v 1920–1930-e gody [Red flag over the Middle East? The Communist Parties of Egypt, Palestine, Syria and Lebanon in the 1920–1930s]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Naser G.A.* Filosofiya revolyuzii [Philosophy of revolution]. Moskva, 1956. (In Russ.)
- Naser G.A.* Problemy egipetskoj revolyuzii. Izbrannye rechi i vystupleniya [Problems of the Egyptian Revolution. Selected speeches]. 1952–1970. Moskva, 1979. (In Russ.)
- Aburish S.* Nasser. The Last Arab: A Biography. New York, 2004.
- Beinin J.* Was the Red Flag flying there? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel, 1948–1965. Berkeley; Los Angeles, 1990.
- Beinin J.* Le Marxisme égyptien (1936–1952): nationalisme, antiimpérialisme et réforme social // Cahiers d'histoire. 2008. № 105–106. P. 25–31.
- Ginat R.* Egypt's incomplete revolution: Lutti al-Khuli and Nasser's socialism in the 1960s. London; New York, 1997.
- Rodinson M.* Marxisme et monde musulman. Paris, 1972.
- Sudan. Anglo-Egyptian Agreement // URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1953/feb/12/sudan-anglo-egyptian-agreement> (access date: 16.01.2022).
- Yannakakis I.* Aux origines du communisme égyptien. 1920–1940 // Communisme. Revue d'études pluridisciplinaires. 1984. № 6. P. 91.
- Ittifaqiya djala' al-Mamlaka al-Muttahida 'an Mysr 1953 [Agreement for the Evacuation of the United Kingdom from Egypt 1953] // URL: https://www.marefa.org/فيقافتا_ع_ر_ص_م_ن_ع_ق_د_ح_م_ل_ا_ع_ا_ج_فيقافتا_ص_ن_د# (In Arabic) (access date: 20.01.2022).
- al-Bishri T.* al-Haraka al-siyasiya fi Mysr [Political movement in Egypt]. 1945–1953. Cairo, 2002. (In Arabic)
- Ramadan A.-A.* Tatawwur al-haraka al-wataniya fi Mysr [Development of the national movement in Egypt]. Vol. II. Cairo, 1973. (In Arabic)
- al-Sa'id R.* al-Yasar al-mysriy [The Egyptian Left]. 1925–1940. Beirut, 1972. (In Arabic)
- al-Sa'id R.* Munazzamat al-yasar al-mysriy [The Left organizations in Egypt]. 1950–1958. Cairo, [s.a.]. (In Arabic)
- Sharaf S.* Sanawat wa ayam ma'a Gamal Abdel Naser [Years and days with Gamal Abdel Nasser]. Vol. II. Cairo, 2014. (In Arabic)
- Qanun raqm 510 li sana 1953. Bi sha'an insha' al-Haras al-wataniy [Law № 510 of 1953 Establishing the National Guard] // URL: <http://site.eastlaws.com/GeneralSearch/Home/ArticlesTDetails?MasterID-1378> (access date: 12.02.2022). (In Arabic)
- al-Mithaq wa Qanun al-Itihad al-arabiy al-ishtirakiy. Qaddamahu al-ra'is Gamal Abdel Naser. Al-Muatamar al-wataniy li al-qiwwa al-sha'abiya [Charter and Law on the Arab Socialist Union. Foreword by President Gamal Abdel Nasser. National Congress of Popular Forces]. Cairo, 1962. (In Arabic)
- Perrault J.* Henry Curiel radjul min tyraz farid. Al-Haraka al-shuyu'iy al-mysriya bi muntasyf al-qarn [Henri Curiel, a man of a special disposition. Egyptian communist movement in the middle of the century]. Beirut, 1986. (In Arabic)
- al-Tawil S., al-Dessuqi A., Ramadhan H.* Wasa'iq al-haraka al-shuyu'iy al-mysriya [Documents of the Egyptian communist movement]. 1944–1952. Vol. I. Cairo, 2007. (In Arabic)
- Wizara al-kharigiya al-mysriya. Al-Qadhiya al-mysriya [Ministry of Foreign Affairs of Egypt. Egyptian question]. 1882–1954. Cairo, 1955. (In Arabic)

⁵⁶ Барковский Анатолий Александрович – с 1952 по 1958 г. первый секретарь посольства СССР в Каире // Дипломатический словарь / под ред. А.А. Громько и др. М., 1985–1986. С. 114.

DOI: 10.31857/S013038640021039-0

© 2022 г. С.В. Кондратьев, Т.Н. Кондратьева

«КТО ЖИЛ В ТОТ ПОЛДЕНЬ ЛУЧЕЗАРНЫЙ, ОПЯТЬ ПРИПОМИНАЮ БЛАГОДАРНО»

Рец. на книгу: **Тарле Е.В. РОССИЯ И ЗАПАД: ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО И ЗАБЫТОГО / сост., подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. Б.С. Кагановича. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2020. 528 с.**

Кондратьев Сергей Витальевич — доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

E-mail: sk.tm@mail.ru

Researcher ID: N-8632-2016

Кондратьева Тамара Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).

E-mail: ktamara1960@yandex.ru

Researcher ID: E-1266-2017

S.V. Kondratiev, T.N. Kondratieva

“RECALLING DEAR ONES WHO, BY FORTUNE’S TREASON ROBBED OF FAIR HOURS”

Rec. ad op.: **Tarle E.V. RUSSIA AND THE WEST: FROM THE UNPUBLISHED AND FORGOTTEN / compiled, prepared for print, preface and commentary by B.S. Kaganovich. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2020. 528 p.**

Sergey Kondratiev, Tyumen State University (Moscow, Russia).

E-mail: sk.tm@mail.ru

Researcher ID: N-8632-2016

Tamara Kondratieva, Tyumen State University (Moscow, Russia).

E-mail: ktamara1960@yandex.ru

Researcher ID: E-1266-2017

Рецензируемая книга — последняя работа доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН Бориса Соломоновича Кагановича (1952–2021), которая вышла из печати одновременно со смертью ее автора, знатока отечественной исторической науки. Борис Соломонович занимался изучением истории институтов — советским академическим ландшафтом, по-современному выражаясь — и историей людей. В числе его героев такие выдающиеся историки, как О.А. Добиаш-Рожественская, С.Ф. Ольденбург, Е.В. Тарле и другие представители петербургской школы, начавшие свою деятельность до революции и продолжившие ее в советское время. Петербургскую школу отличала прекрасная источниковедческая подготовка и приори-

тет источниковедения над другими составляющими исторического ремесла. Недаром Борис Соломонович любил подчеркивать «теоретическую беззаботность» Евгения Викторовича Тарле или методологические пренебрежения Бориса Александровича Романова¹. Сам Б.С. Каганович увлеченно отдавался архивному поиску, который позволял ему воссоздавать и подлинный колорит эпохи, и выразительно прорисовывать самобытные характеры ученых, о которых он писал свои исследования.

¹ См.: Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 166–167; *Его же*. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014. С. 127.

К творчеству и жизни Е.В. Тарле исследователем обращался не единожды. Академику была посвящена докторская диссертация Б.С. Кагановича, которая потом была издана в виде отдельной монографии², а затем доработана и спустя девять лет переиздана в расширенном виде³. Но, видимо, Б.С. Каганович уловил в самом движении времени, что вечные и по темам, и по проблематике, и по художественной, несмотря на академизм, стилистике работы академика теряют читателей. И сам этот одаренный и яркий человек вдруг стал не просто непонятен, но и малоизвестен современным поколениям. Об авторе более 30 книг и тысячи статей они, собственно, ничего и не знают, ведь он не отлит в бронзе, если, конечно, не считать мемориальной бронзовой доски на стене дома по Дворцовой набережной Санкт-Петербурга. Один из авторов этих строк сам пару лет назад, процитировав и назвав академика студентам-историкам своего университета, вдруг обнаружил, что они о нем впервые слышат. А это был четвертый курь!

Б.С. Кагановича интересует сама личность Е.В. Тарле, поэтому в сборник включены лекции последнего о художественном описании прошлого и историческом романе (с. 347–360) и его публицистические работы 1917 г., когда Тарле, с энтузиазмом встретивший Февральскую революцию, активно сотрудничал с новой властью, выступал как деятельный политик и патриот против распада России и за войну до победы⁴. Его активность на страницах меньшевистской газеты «День» поразительна — за 1917 г. было опубликовано около 50 статей (с. 11). Б.С. Каганович перепечатал 10 статей историка, которые охватывают весь период между двумя революциями и показывают, как менялось его восприятие событий. Сразу после февраля он констатирует, что судьба монархии уже не зависела от волевых качеств царя, ибо тот уже не мог сопротивляться, а русская революция, рассказывает ему Г.В. Плеханов, стала для Европы неожиданностью. По его мнению, Россия должна продолжать войну вместе с Британией против Германии, а российский рабочий класс никак не может выступать за то, чтобы Россия вернулась к границам Московии XVI в. В июле 1917 г. Тарле призвал Временное правительство жестко, «террористически», по примеру французских революционеров 1792 г., навести порядок в армии и восстановить дисциплину, без которой невозможно эффективно продолжать войну, либо заключить мир с Германией и Австрией, поскольку нет ничего хуже колебаний и бездействия. Октябрьская революция и Брестский мир хотя и заставляют историка рисовать мрачные сценарии будущего, вплоть до лишения страны права пользо-

ваться своими минеральными богатствами, но одновременно не исключают и другого пути, который состоит из выполнения рутинных и обязательных действий — создания дееспособного государства, восстановления армии и проч. (с. 361–380).

После октября 1917 г. историк полностью ушел в науку. Опубликованные Б.С. Кагановичем работы показывают, что Тарле, который, несмотря на гонения, а затем встроенность в сталинский академический истеблишмент, был внимателен к научной автономности и выступал решительно против огульных или даже ходульных оценок крупных исторических личностей (см. очерк «Еще раз о Талейране», с. 344–346). Публикатору, судя по изданной книге, кажется, что «духовная анатомия» Тарле лучше всего видна в тематическом и жанровом разнообразии его трудов. В изданном Б.С. Кагановичем сборнике собраны как опубликованные, но малоизвестные работы историка, так и стенограммы его выступлений. Нет необходимости пересказывать пусть редкие, но все же доступные публикации. Отметим только наиболее существенные моменты. Открывается сборник разделом «Статьи и исследования», который занимает половину всего объема книги. Первые три публикации — это большие статьи Тарле из издававшегося им в 1922–1924 гг. журнала «Анналы». Причем первая статья должна была быть обобщающим очерком о текущем состоянии исторической науки и ее будущем. И он его написал, хотя, повторим еще раз, не был склонен к теоретизированию. В своем этюде Тарле зафиксировал недолговечность исторических схем и теорий под напором вводимых в оборот историками фактов, извлеченных из архивных документов. Но не для того, чтобы возвысить эрудицию и унижить теорию, а чтобы подчеркнуть, что «подлинная» обобщающая мысль не станет «могущественной» без упорного архивного поиска, без «эрудитов и эрудиции» (с. 36). Тарле, кроме того, предупреждал современников от поверхностных аналогий между текущими политическими сдвигами и событиями прошлого, а также от писаний в угоду политической конъюнктуре (с. 37–38).

Два больших этюда из «Анналов» посвящены международным отношениям, которыми Тарле занимался много и плодотворно. Один повествует о трагических для судеб Германии итогах крупнейшей европейской войны, после которых были заключены Вестфальский мир, мирные договоры в Тильзите и Версале (с. 40–91). Тарле отмечал, что условия Вестфальского и Тильзитского мира были много мягче для всех германских государств в первом случае и Пруссии во втором, чем условия Версальского мира, который может, по мысли автора, привести к гибели германского государства. Он ошибся в своих пророчествах, но зато оказались верны его наблюдения за тем, как формируются исторические мифы о катастрофическом прошлом, преодолении его благодаря единым усилиям народа и государства, о роли интеллектуалов, в частности философа Фихте, в формировании угодной власти

² Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

³ Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время.

⁴ Там же. С. 85–86.

исторической памяти и значении этой самой памяти для поддержания властного порядка и национального возрождения (с. 61–65). Другая статья, посвященная как будто историческим причинам, по которым Британия и Турция оказались в годы Первой мировой войны во враждебных лагерях, по сути сводит их к ложной картине мира, господствовавшей в умах младотурок, в чьей власти находилась тогда Турция. И Британия, которая в разное время то искала союза с Портой, то видела в ней бастион, препятствовавший продвижению России на Востоке после поражения Турции вместе с Германией в войне, теперь оказывается заинтересованной в ее максимальном ослаблении, вплоть до передачи всей Малой Азии, Фракии и даже Константинополя Греции. Но зато анализ текущих политических поворотов и извивов от Севрского мира (1920 г.) до Лозаннского договора (1923 г.) можно считать комплексным, многофакторным и блистательным. Здесь Тарле помимо прочего вновь обращает внимание на иллюзии политиков, которые порой приводят к результатам, противоположным намеченному, меняют мотивы и поведение вчерашних союзников, а также новых субъектов политики (Мустафа Кемаль), и такой не учитываемый часто политиками фактор, как активность населения (с. 106–160).

Заканчивает раздел лекции Тарле о Екатерине II и ее дипломатии. Он широкими мазками создает выразительный портрет императрицы, умевшей окружать себя яркими и ответственными людьми (с. 205–215), готовой к основанному на интуиции и расчете риску, работоспособной, «бесстрашной». Умевшей, несмотря на свою успешную внешнюю политику, а ее приобретения с меньшими издержками были куда большими, чем у самого Петра I, поставить лучших авторов Европы от Вольтера до Дидро себе на службу и сформировать в глазах европейцев образ правительницы, несущей своему народу и присоединенным свет просвещения. Автор показывает, что императрица вполне могла «поступиться принципами» ради удержания власти или обеспечения внешнеполитических интересов России (с. 190–202, 215–217).

В следующих двух разделах — «Очерки и воспоминания» и «Заметки и рецензии» — собраны разные по величине и жанрам произведения историка. Они демонстрируют, с каким литературным блеском Тарле удавалось выделить и передать основную черту, изучаемого им объекта или субъекта. Если он пишет о М.А. Бакунине, то прежде всего выделяет его «революционаризм», бескомпромиссность, силу духа, которую не могли поколебать ни смертные приговоры, ни Петропавловка, ни Шлиссельбургская крепость, и склонность к лидерству («лишен и тени способности подчиняться кому бы то ни было»), толкавшую бунтаря на свой путь и разводящую с другими авторитетными европейскими фигурами (с. 257–271). В воспоминаниях об учебе в Херсонской гимназии на первое место поставлена рано пробудившаяся страсть к

чтению, показаны порядки и преподаватели с характерным «уклонением от выполнения бюрократических предначертаний» (с. 273). В лекции об архивах Европы (Франции, Британии, Германии, Италии и Австрии) говорится о тамошних порядках и архивистах, квалификация которых либо поразительна (Франция), либо приемлемая (Британия), либо очень скверная (Италия) (с. 276–298). В очерке о Теодоре Шимане (1847–1921), немецком биографе Николая I и любимце Вильгельма II, подчеркивается вклад исследователя в изучение русской истории и готовность братья за труд только ради того, чтобы сказать что-то новое (с. 302). Н.И. Кареев — первый исследователь французского крестьянства, а его многотомному обзору «История Западной Европы в Новое время» нет в той самой Европе ничего хотя бы отдаленно сопоставимого (с. 324). Тарле показал, что В.Я. Богучарский сочетал в себе публициста и историка (с. 328), подчеркнул умение М.М. Ковалевского создавать генерализирующие социологические полотна (с. 334). Как видим, Тарле не только скрупулезно прочитывал сами рецензируемые работы, но и множество литературы по затронутой в них тематике, чтобы показать их достоинства и достижения (с. 335–343).

Чрезвычайно интересны рецензии Тарле на диссертации 1939–1940 гг. Напомним, что среди прочего, упраздненного в России после Октябрьской революции, оказались ученые степени и звания. Восстановление их в 1934 г. во многом подрывало уже сложившуюся в СССР академическую иерархию. «Переквалификация преподавателей советских вузов страны Всесоюзной аттестационной комиссией и присвоение им ученых степеней и званий в 1934 г. привели к тому, что многие профессора и доценты по должности теперь оказались ассистентами и лишь немногие сохранили статус профессоров и доцентов». В преподавательской и научной среде аттестация привела к многочисленным склокам и доносам⁵. И многие поспешили защититься и получить степень. Судя по рецензиям Тарле, пусть и положительным, но отнюдь не формальным, даже у очень известных затем ученых диссертации были далеко не образцовыми, а академик оценивал их по самым высоким стандартам. М.А. Гуковский, написавший большую и содержательную работу о механике Леонардо да Винчи, изрядно преувеличил оригинальность своего труда и принизил вклад предшественников. Тарле усомнился в справедливости утверждения Гуковского, будто тот прочел все огромное и трудное для разбора наследие Леонардо, которое, знакомясь с диссертацией, начал читать (!) и сам академик. Не преминул он указать и на крупные недостатки источниковедческого раздела и скверную (часто используется слово «хаос») структуру диссертации (с. 381–388). Тарле иронически заметил, что

⁵ *Политика Н.П. Виденное и пережитое: (из воспоминаний)*. Иерусалим, 1990. С. 358.

диссертация А.И. Молока «Революция 1830 года во Франции», «которую... без особого труда... поднял автомобиль», только выиграла бы от сокращения. В ней масса второстепенных фактов и легковесных заключений (с. 389–397). В отзыве на докторскую диссертацию О.Л. Вайнштейна «Историография средних веков», которая на самом деле представляла собой учебник, проводится мысль, что за учебники давать степень не следует (с. 397–404). Разбирая докторскую диссертацию А.В. Предтеченского «Политические настроения в России в начале XIX в. и их отражение в правительственной политике», Тарле посетовал, что ее автор опирается преимущественно на опубликованный материал, тогда как архивные источники позволили бы ему раскрыть поставленные, но оставшиеся в диссертации без ответа вопросы (с. 405). А вот отзыв на кандидатскую диссертацию А.Д. Люблинской «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV» носит если не восторженный, то весьма хвалебный характер, из которого явствует, что диссертация писалась не для степени, а для науки, и видны «серьезность», «ответственность» и «добросовестность» диссертантки (с. 412–413).

В заключительной части книги опубликованы воспоминания известного писателя и переводчика Е.Л. Ланна «Евгений Викторович Тарле». Здесь Тарле выведен и молодым демонстрантом, и почтенным профессором, прекрасно читавшим лекции, и доверчивым, часто обманывавшимся чело-

веком, и «одержимо» работавшим и «литературно одаренным» автором, и поражающим окружающим объемом познаний эрудитом, у которого никогда не ослабевала страсть к новым знаниям.

Библиография

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995.

Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М., 1996. С. 166–167.

Каганович Б.С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.

Полевика Н.П. Виденное и пережитое: (из воспоминаний). Иерусалим, 1990.

References

Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle i peterburgskaya shkola istorikov [Evgeny Viktorovich Tarle and the St. Petersburg School of Historians]. Sankt-Peterburg, 1995. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Neskol'ko slov o tak nazyvaemom pozitivizme [A few words about the so-called positivism] // Odissei. Chelovek v istorii. Remeslo istorika na iskhode XX veka [Odyssey. A Man in History. The Craft of a Historian at the end of the 20th century]. Moskva, 1996. S. 166–167. (In Russ.)

Kaganovich B.S. Evgenij Viktorovich Tarle. Istorik i vremena [Evgeny Viktorovich Tarle. Historian and time]. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

Poletika N.P. Vidennoe i perezhitoe : (iz vospominanij) [Seen and experienced: (from memories)]. Ierusalim, 1990. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640020248-0

© 2022 г. Т.М. Фадеева

НАСТУПЛЕНИЕ НА ДЕМОКРАТИЮ В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ

Рец. на книгу: K. Weyland. ASSAULT ON DEMOCRACY. COMMUNISM, FASCISM AND AUTHORITARIANISM DURING THE INTERWAR YEARS. Cambridge (UK); New York: Cambridge University Press, 2021. XXV. 398 p.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeewatajtana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

T.M. Fadeeva

ASSAULT ON DEMOCRACY IN THE INTERWAR YEARS

Rec. ad op.: K. Weyland. ASSAULT ON DEMOCRACY. COMMUNISM, FASCISM AND AUTHORITARIANISM DURING THE INTERWAR YEARS. Cambridge (UK); New York: Cambridge University Press, 2021. XXV. 398 p.

Tatiana Fadeeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeewatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300

Активизация и электоральные достижения праворадикальных партий и движений в последние десятилетия являются транснациональным политическим феноменом, вызывающим озабоченность исследователей либерально-демократического направления. Отсюда проистекает интерес к межвоенному периоду 1920–1930-х годов, отмеченному наступлением фашизма и распространением авторитаризма, существенно потеснивших доселе успешно развивавшийся либерально-демократический тренд.

«Межвоенные 1920–1930 гг. стали временем крупнейшей в современной истории попытки обратить вспять процессы политической либерализации и демократизации», — считает Курт Вейланд, профессор гуманитарных наук Техасского университета г. Остин. Опираясь на сравнительно-исторический, политический, психологический подходы и на выдвинутый автором концепт «обратной волны» (она же *reversive, reactionary*. — *Т. Ф.*), он утверждает, что Российская революция 1917 г. и попытки подражания ей стимулировали крупные элитные группировки, которые в страхе перед наступлением коммунизма, с одной стороны, и сомневаясь в оборонительной способности либеральной демократии, с другой стороны, идейно поддержали правые силы и способствовали подъему фашизма в ряде стран. Однако фашистские движения с их экстремизмом и насилием по мере распространения встретили консервативный отпор, который нередко блокировал их приход к власти. Вейланд проводит различия между странами, показывая, как конфликты вели к установлению фашистских тоталитарных режимов в Германии и в Италии, и консервативных авторитарных режимов в Восточной и Южной Европе, а также в Латинской Америке.

Неустойчивость современной либеральной демократии толкает исследователей к изучению межвоенного периода, когда она подверглась большой опасности. Тогда авторитарная и фашистская волны поглотили не только более отсталый восток и юг Европы, но и центр, особенно Германию; несли беспрецедентную угрозу для «старых» западных демократий в таких странах, как Франция и Бельгия. Оценивая опасности, грозящие либеральным демократиям, многие исследователи обращались к урокам «автократической обратной волны» межвоенного периода. «Особенно тревожат случаи, когда автократическое правление не навязано в ходе переворота, но когда демократия подрывается и разрушается правительствами, которые пришли к власти законным путем на основе свободных и честных выборов» (с. 3). Ярким примером является приход к власти Гитлера. Скорость, с которой это удалось нацистскому лидеру, свидетельствует

о внутренней хрупкости либеральной демократии, готовой предоставить свободу маневра даже своим заклятым врагам. Демократия может оказаться беззащитной, когда растущая часть электората согласна поддержать антидемократические силы. Учитывая «озабоченность потенциалом демократии к саморазрушению», подчеркивает Вейланд, «важно вновь пересмотреть автократическую волну межвоенных лет, единственный в своем роде пример обращения вспять тренда либерально-демократического прогресса». Главный вопрос рецензируемой книги — что вызвало этот неожиданный поворот в исторической тенденции. XIX в. продемонстрировал, казалось бы, тренд неудержимого продвижения политического либерализма и демократии в Европе, особенно в северо-западной части континента. Однако уже в 1920-е годы многие из новых демократий, возникших на руинах распавшихся империй, впадают в авторитаризм и фашизм. Кроме того, распространяются типы диктатуры более жесткие, чем ранние формы автократического правления: тоталитаризм в большевистской версии в России и в фашистской версии в Италии и Германии.

Обращаясь к причинам такой драматической, беспрецедентной смены тренда, Вейланд бегло перечисляет ряд проблем и вызовов межвоенного периода, уже рассмотренных в исторических исследованиях (этнические трения в странах, возникших на руинах империй; гиперинфляция, великая депрессия; слабость институтов и др.). Но общей и основной причиной авторитарно-фашистского поворота, настаивает автор, был призрак коммунизма, ярким проявлением которого стала большевистская революция 1917 г. Большевистский прецедент произвел глубокое впечатление на политиков всех слоев. Если левым он внушил надежду на подобный переворот, то породил глубокий страх у сторонников статус-кво, от твердых правых до умеренных левых, включая Социал-демократическую партию Германии. Для этих кругов коммунистическая революция сулила огромные потери, в том числе экономическую катастрофу и тоталитарный гнет. «Решимость избежать радикальной революции мотивировала обширную часть населения во главе с элитой на борьбу со сторонниками Ленина всеми средствами, включая насилие. Так, первоначальная волна сторонников революции спровоцировала волну контрреволюции» (с. 7). Угроза коммунизма и мировой революции стали базовым импульсом для «обратной волны» 1920–1930-х годов, прибегавшей к насильственным способам борьбы, вплоть до установления антикоммунистических диктатур.

Однако реакция на «призрак большевизма» в разных странах была неоднородной. Автор подчеркивает особую роль фашизма в Италии:

«Фактически этот новый тип режима появился как единственное противоядие марксистскому социализму» (с. 122–123). В Италии консервативные элиты поддержали массовую общественную кампанию насильственных нападений на левых, что позволило лидеру нового военизированного движения претендовать на власть и установить «мобилизационный и все более тоталитарный режим»¹, в действительности новую модель фашистской диктатуры. Социалистическая партия (Partito Socialista Italiano) отличалась особым радикализмом, а поощряемая ею кампания по захвату предприятий воспринималась как прямой вызов собственникам, что заставило бизнес и консервативных политиков дрожать от страха. С аналогичными серьезными угрозами столкнулись и аграрные элиты: крестьяне и безземельные рабочие начали захватывать землю, возникшие в результате широко распространенные конфликты напоминали сельскую партизанскую войну. Кроме того, муниципальные выборы в конце 1920-х годов дали социалистической партии, которая разжигала это противостояние, контроль над многими городами и деревнями в сельских конфликтных зонах. В то же время оборонительные возможности истеблишмента выглядели чрезвычайно слабыми: «либеральные и консервативные партии напоминали клубы нотаблей и получали поддержку благодаря клиентелизму и коррупции» (с. 125). На этом фоне наиболее динамичной силой, боровшейся с радикальной угрозой, исходящей от левых, были отряды самообороны и военизированные группировки, подавлявшие экстремистские забастовки и захваты собственности грубой силой. Эти группы (*fasci di combattimento*) возглавлял Бенито Муссолини, бывший лидер социалистов, которого всплеск национализма военного времени превратил в правого, обещающего победить «большевизм» (с. 126). «Подстрекаемые неэффективной полицией и военными и финансируемые кругами деловых людей и землевладельцев, фашисты утопили левых с их революционными иллюзиями в оргии насилия», — пишет Вейланд, ссылаясь на ряд авторов и приводя хвастливые слова Муссолини: «Подавить забастовку правительство было бессильно, но на смену правительству пришла новая сила!»².

Левые радикалы недооценили это наступление правых военизированных формирований и не сумели дать им эффективного отпора, сокрушается

¹ В то время как итальянский фашизм обычно описывали как сравнительно мягкий, недавние исследования подчеркнули его тоталитарный характер и систематическое использование им насилия (*Gentile E. War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / eds R. Gerwarth, J. Horne. Oxford, 2012. P. 88–89; Hagenloh P. Discipline, Terror, and the State // Oxford Handbook of European History 1914–1945 / ed. N. Doumanis. Oxford, 2016. P. 353–355*).

² *Mussolini B. My Rise and Fall. New York, 1998. 117–122, 124–128, 134, 163, 167, 168.*

Вейланд, хотя тут же приводит явные и неявные свидетельства поддержки «сверху» движения чернорубашечников (их численность от 21 000 в конце 1920-х достигла примерно 320 000 в мае 1922 г.). Вскоре эти вооруженные реакционеры терроризировали не только левые, но и либерально-демократические силы Италии. Поскольку полиция и военные отказались их обуздать и фактически оказывали подпольную поддержку, фашистские группировки взяли под эффективный контроль целые города и регионы, подрывая авторитет выборных должностных лиц, фактически заменяя государственные органы Италии. Не видя перспективы создания эффективной антифашистской коалиции, общественно-политические элиты, в том числе видный государственный деятель Джованни Джолитти, полагали, что единственный шанс на восстановление нормальной жизни заключается в том, чтобы угодить лидеру чернорубашечников. Их расчеты строились на том, что Муссолини, сдерживаемый союзом с консервативными политиками и окруженный военными, королем и церковью, будет иметь ограниченную свободу действий, станет менее агрессивным, демобилизует своих сторонников, и его станет легче контролировать. Поэтому элиты решили не препятствовать «походу на Рим» Муссолини, задуманному им как орудие «психологической войны» (с. 124–126), однако их расчеты не оправдались. Хотя в первой администрации Муссолини принимали участие представители консервативных партий и истеблишмента, вскоре стало ясно, что лидер фашистов не намерен успокаиваться: свои паравоенные образования он превратил в милицию и продолжал силой подавлять оппозицию, постепенно разрушая демократию изнутри.

На основе опыта Муссолини Вейланд выделяет характерные черты фашизма и авторитаризма, к которым будет возвращаться неоднократно. «Фашизм, — пишет он, — дал миру новый тип режима — реакционную автократию динамичного мобилизационного характера, которая держала общество и политику “мертвой хваткой”. Эта модель правого тоталитаризма сильно отличается от авторитарного правления, где диктатор или небольшой круг элиты монополизируют политику, демонополизируют и деполитизируют гражданство. Если авторитарные правители отстраняют народ от политики, то фашисты, как типичные тоталитарные лидеры, принуждают население к участию в политике, способствуя осуществлению целей лидера» (с. 127).

В отличие от Италии, в более индустриальной и политически развитой стране как Германия традиционные элиты были относительно слабы, и фашистские движения там располагали гораздо большими возможностями. Поэтому только Германия последовала по стопам Муссолини и учредила полномасштабный фашистский режим, но на свой лад. Напротив, в менее развитых странах Юго-Восточной Европы и в Латинской Америке традиционные элиты сохраняли гораздо большее влияние,

в частности, благодаря контролю над сельской клиентелой. Но фашизм также вызывал недовольство и озлобленность среди правоконсервативных кругов, особенно элит. Его харизматическое лидерство, силовые приемы и тоталитарные амбиции угрожали перевернуть социополитическую иерархию. Отсюда двойственное отношение к нему изблещмента: используя крайне правые движения против левых противников, он в то же время стремился удерживать его под контролем, обеспечивая собственное господство в рамках авторитаризма.

Однако автократия распространялась постепенно на протяжении двух десятилетий до и после 1929 г. Находясь под сильным влиянием новой модели фашизма, нашедшей развитие в прецедентах с Муссолини и Гитлером, авторитарные правители часто импортировали некоторые фашистские инновации, такие как военизированные молодежные движения, однопартийный режим и пропагандистские агентства. Таким образом, элитарные консерваторы стремились позаимствовать идеологический пыл и мобилизационный динамизм у фашизма и создать поддержку снизу для своего доминирования. Подчеркивая эти попытки объединения, отдельные ученые постулировали появление гибридных режимов, сочетающих авторитаризм и фашизм. Однако автор оспаривает феномен «гибридизации». Эти заимствования были временными и устранялись, как только опасность миновала, утверждает он: «Авторитаризм и фашизм никогда реально не смешивались, целая пропасть отделяла этот режим нового типа от авторитарного правления, которое существовало задолго до фашизма и надолго пережило последний после его краха в 1945 г.» (с. 149).

Автор определяет фашизм как «правое крыло тоталитаризма». В пользу отнесения фашизма к разновидности тоталитаризма свидетельствуют и напряженные отношения фашистов со сторонниками авторитарного правления. Под это определение подходят диктатуры Муссолини и Гитлера, которые характеризовались сильным мобилизационным импульсом и высокой концентрацией власти. Подведение под общий ярлык, разумеется, не отрицает различий между двумя тираниями. В то время как итальянский фашизм стремился укреплять государство с помощью «запоздалого империализма», национал-социализм «в своем геноцидном расизме и стремлении к рабовладельческой системе в Восточной Европе» представлял собой гораздо более амбициозный и радикальный проект. Внутренне германский деспотизм был более жестким, более властным и, следовательно, более тоталитарным, чем итальянская автократия, которая сотрудничала с устоявшимися центрами власти, такими как король, военные и церковь, в то время как национал-социализм подчинил себе все остальные властные уровни. Но недавние исследования показывают, что режиму Муссолини также были присущи тоталитарные тенденции. Несмотря на их различия, обе

модели фашизма также совпадают в таких существенных чертах, как антикоммунизм, антилиберализм, антирационализм, «витализм» и, таким образом, соответствуют вышеприведенному определению фашизма как разновидности тоталитаризма, подчеркивая его институциональные отличия от авторитаризма (с. 32).

Собственно, правые силы располагаются между двумя полюсами — консерваторами и фашистами. Они рассматривают существующие структуры, особенно культурные традиции, семью, клиентельные сети и т.п., как надежные основы порядка, необходимые сохранять во времена кризисов путем укрепления авторитарного режима. Фашисты, напротив, считали, что порядок находится под серьезной угрозой или уже разрушен, и выступали за массовые тоталитарные выступления против враждебных сил ради полной трансформации политики.

Как было нетрудно заметить, Вейланд с его приверженностью к более четким формулировкам стремится дать таковому понятию политической реакции, которое, на его взгляд, часто используется, но не имеет четкого определения. Так, он видит отличие фашистов от консерваторов в том, что первых можно назвать радикальными реакционерами, а вторых — реакционерами умеренными. Радикальные реакционеры высвечивают внутреннюю уязвимость старого порядка, доказанную самим фактом его крушения, и стремятся к восстановлению прочного иерархического порядка, основанного на почитаемых традициях мифического прошлого (*status quo ante*), но на более прочной, современной основе, пытаясь укрепить их новыми современными приемами. Так, чем больше реакционеры сомневаются в прочности рухнувшей системы (*status quo*), тем активнее они избирают противоположное направление, одновременно оглядываясь назад в мифическую историю и глядя вперед, заимствуя элементы модерности. Следуя таким противоречивым курсом для достижения этой атавистической цели, Гитлер стремился воссоздать германского фермера и воинственное средневековое государство, одновременно продвигая передовую современную науку с ее индустриальной технологией уничтожения и инновационными реактивными самолетами (с. 105).

Что касается режима, умеренные реакционеры считали, что традиционное правление элит жизнеспособно, и поэтому исключали массы из участия, предпочитая иерархический авторитаризм. Напротив, радикальные реакционеры были убеждены в социополитической слабости традиционных элит и в необходимости основать политический порядок на массовом участии. Но поскольку радикальные правые были привержены неравенству и иерархии, они привлекли харизматических лидеров для контроля и подчинения масс, использовали плебисцитарное одобрение и принудительную мобилизацию для поддержания тоталитарного правления и превратили своих самых ярких последователей в ударные войска, которые должны уничтожить ее врагов и запугать старые элиты. «В некотором

смысле они способствовали революционной форме контрреволюции, — заключает Вейланд. — Придерживаясь этих различных стратегий, правые движения, размножившиеся в межвоенный период в ответ на призрак коммунизма, разделяли определенный набор реакционных ориентаций. Эти правые идеи и стремление повернуть политическое время вспять вдохновили и сформировали авторитарные и тоталитарные диктатуры, которые всеми силами старались предотвратить угрозу мировой революции. В 1920–1930-е годы наблюдалась самая большая волна таких реакционных режимов, которую когда-либо наблюдал мир» (с. 36).

Интерес исследователей к межвоенному периоду во многом продиктован современными опасениями — не грозит ли либеральной демократии что-либо подобное в наши дни? Не предупреждает ли о такой вероятности популистская волна, в недавние годы захлестнувшая весь мир, как показали выборы Д. Трампа, и усиление позиций правых партий и движений в Европе? Обеспокоенные наблюдатели подчеркивают, что выступления правых сил и современных популистов имеют черты сходства с демагогией Муссолини и Гитлера. Снова харизматичные лидеры ищут массовой поддержки, разжигая пламенный национализм и вражду в отношении религиозных, этнических и расовых меньшинств, ностальгию по ушедшему «золотому веку», настойчиво призывая к «закону и порядку». Говорят ли эти отголоски, что фашизм снова на подъеме? На первый взгляд, эта книга с ее акцентом на «обратную волну» реакции может показать еще одним поводом для беспокойства.

Действительно, правый популизм питает «реакционный импульс», признает автор, но, по его мнению, он «не несет угрозы возвращения фашизма в какой бы то ни было форме». Сегодняшним правым популистам недостает идеологии милитаристского типа, они гораздо менее амбициозны и не выдвигают существенных альтернатив либеральной демократии. Концептуальная точность требует учитывать эти различия и не применять термин «фашизм» к нынешним популистам, что было бы неверно (с. 330). Как показано в книге, «спусковым курком» для фашизма стал конкретный драматический вызов, исходивший от Российской революции 1917 г. Проекты радикальной контрреволюции Муссолини и Гитлера привлекли массовую поддержку, поскольку выглядели надежным щитом против угрозы коммунизма. В XXI в. такая угроза отсутствует, коммунизм практически исчез. Без драматической революции или другого столь же сильного вызова, считает автор, не будет

поддержки контрреволюции. Кризисные процессы в западных демократиях и даже правый популизм не могут непосредственно повести к реакционному экстремизму и едва ли приведут к распространению авторитаризма, особенно в западных странах. Современный мир стоит перед множеством проблем, от климатических изменений до социального неравенства и проблем культурной интеграции, но возвращение фашизма или распространение авторитаризма не значатся в их числе.

Этот вывод может показаться ряду современных западных исследователей чрезмерно оптимистичным. Поэтому в поддержку тезиса об уникальности ситуации, содействовавшей возникновению фашизма, Вейланд приводит еще один фактор, психологический. Для объяснения резкости столкновений «революционной» и «реакционной» волн автор обращается к понятию «когнитивной психологии», точнее «ограниченной рациональности» представлений обеих сторон, что усилило трагедию межвоенного периода. «Особая сила и пагубное влияние “обратной волны” 1920–1930-х годов заключались в том, что лежащие в их основе представления зачастую резко отклонялись от норм и принципов рационального принятия решений... Когнитивные отклонения от стандартной рациональности, таким образом, усугубили насилие и жестокость, столь характерные для межвоенных лет. Политика стала гораздо более кровавой, чем можно было бы ожидать от столкновения идеологических проектов и милитаристских представлений. Каждая сторона получала в избытке террора и жертв. Выводы когнитивной психологии имеют решающее значение для объяснения этого поразительного поворота верхов к правому радикализму, который при других подходах понять затруднительно. Асимметричное неприятие потерь власти и имущества также помогает объяснить решительную консервативную реакцию на растущие фашистские движения межвоенного периода» (с. 321–322). К сожалению, современная напряженная ситуация в мире не гарантирует человечеству возможности избежать угрозы «когнитивных отклонений от рационального принятия решений».

Библиография / References

- Gentile E.* War in Peace: Paramilitary Violence in Europe after the Great War / eds R. Gerwarth, J. Horne. Oxford, 2012.
- Hagenloh P.* Discipline, Terror, and the State // Oxford Handbook of European History 1914–1945 / ed. N. Doumanis. Oxford, 2016. P. 353–355.
- Mussolini B.* My Rise and Fall. New York, 1998.

DOI: 10.31857/S013038640019501-9

© 2022 г. **И.К. Лапшина**

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: X МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВО ВЛАДИМИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. А.Г. и Н.Г. СТОЛЕТОВЫХ

Лапшина Ирина Константиновна — заведующая кафедрой всеобщей истории Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия).

E-mail: irina_kon_lap@mail.ru

Researcher ID: AAB-3278-2021

I.K. Lapshina

CONTEMPORARY TRENDS IN HISTORICAL RESEARCH: 10th INTERNATIONAL CONFERENCE AT VLADIMIR STATE UNIVERSITY NAMED AFTER ALEXANDER AND NIKOLAY STOLETOVS

Irina Lapshina, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir, Russia).

E-mail: irina_kon_lap@mail.ru

Researcher ID: AAB-3278-2021

2–3 декабря 2021 г. во Владимирском госуниверситете им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ) прошла X Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», организованная кафедрой всеобщей истории. Участниками юбилейного мероприятия стали известные специалисты в области всеобщей и российской истории, представители Института всеобщей истории (ИВИ) РАН, Института российской истории (ИРИ) РАН, Института Европы (ИЕ) РАН, Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Дипломатической академии МИД России, Донецкого национального университета (ДНР), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (РАЖВиЗ), классических и педагогических университетов из Алтайска, Бийска, Владимира, Волгограда, Воронежа, Иванова, Нижнего Новгорода, Оренбурга, Орла, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Смоленска, Ярославля, учителя истории и обществознания школ Владимира.

На пленарном заседании два первых выступления были посвящены знаменательной дате российской истории – 300-летию победы в Северной войне и провозглашению России империей. Заведующая «Центром по изучению отечественной культуры» д.и.н. О.Г. Агеева (ИРИ РАН) представила доклад «Ништадтские мирные торжества 1721–1722 гг.: политический и культурный аспекты». Политическое значение Ништадт-

ского мира, как было подчеркнуто, во многом раскрывает мнение голштинского дипломата Г.Ф. Бассевича о том, что он «не только прекратит военное соперничество России и Швеции, но и определит форму и значение русской монархии в Европе». Его заключение Россия успешно использовала для пропаганды всеми возможными способами своей победы, которая наглядно демонстрировала мощь страны. На основе изучения протоколов заседаний Синода О.Г. Агеева рассмотрела самый крупный политический шаг в данном контексте – церемонию поднесения Петру I титула императора, состоявшуюся в Троицком соборе Петербурга 22 октября 1721 г. и определившую высший политический статус монарха и его страны. В докладе были подробно охарактеризованы ее подготовка, участники, избранная форма действия. Особое внимание было уделено взгляду на титул русских монархов в Европе, показана история признания императорского титула, которая заняла почти 40 лет. Помимо политической стороны Ништадтские мирные торжества, как показала докладчик, имели значимый культурный аспект, так как были проведены с небывалым размахом и включали почти все новшества, введенные в культуру русского праздника при Петре I: светские барочные фейерверки, уличное триумфальное шествие, пиршества, балы, маскарады.

Тему продолжила руководитель «Центра истории кросс-культурных коммуникаций стран Запада и Востока» д.и.н. Т.Л. Лабутина (ИВИ РАН), обратившаяся к недостаточно изученной дипломатической переписке британского посланника при дворе

Петра I Чарльза Уитворта со свидетельствами о Северной войне. Данная переписка с государственным секретарем интересна тем, что позволяет выяснить стратегию и тактику правительства Великобритании в годы войны по отношению к России, узнать о той информации, которую дипломат направлял в Лондон. В своих депешах Ч. Уитворт сообщал о состоянии вооруженных сил России, ее армии и флоте; о боях и столкновениях между русскими и шведскими войсками в 1705–1709 гг., знаменитой Полтавской битве 1709 г. Интерес представляют сведения Уитворта о предательстве так называемого национального «героя» Украины — гетмана Мазепы, а также о положении пленных в Швеции и в России, захваченных во время Северной войны. Анализ источника выявил как объективный характер направляемых сведений в силу занимаемого дипломатом положения при царском дворе и возможность получать информацию от высокопоставленных чиновников и английских офицеров, состоявших на царской службе, так и их разведывательный характер. Информация британского посланника о месте пребывания, численности царской армии, недостатках в ее вооружении, о настроениях солдат была доступна противникам России, нередко становясь известной шведам. Это также раскрывает планы англичан, заявлявших о нейтралитете в войне, но на деле стремившихся не допустить опустошающего преуспеяния в сражениях русских войск.

Проблематика в области изучения эволюции общественного сознания была затронута в сообщениях д.и.н., проф. И.М. Эрлихсон (Рязанский госуниверситет им. С.А. Есенина) и к.и.н., проф. Н.В. Бицадзе и А.И. Томиловой (оба — РАЖВиЗ). И.М. Эрлихсон на примере малоизученного в отечественной историографии трактата «Девственница без маски» английского мыслителя Б. Мандевила поставила вопрос о пересмотре в эпоху Нового времени, отмеченную беспрецедентным раскрытием человеческого мышления и воображения, ряда ключевых философско-этических категорий, включая мораль. Популярная в то время идея, что моральность человека обусловлена разумным постижением им объективного порядка вещей, божественного или природного, была подвергнута Б. Мандевилем жесткой критике. Обозначенные им темы асимметрии в отношениях мужчин и женщин, добродетели, замужества и целибата, индивидуального выбора и моральной ответственности за него не теряют своей актуальности.

В докладе Н.В. Бицадзе и А.И. Томиловой было рассмотрено изменение идеологемы храма в общественном сознании в контексте кризисных явлений в русском обществе конца XIX — начала XX в. Ее сакральный смысл размышлялся смыслами общекультурными: мемориальной составляющей культовой архитектуры, символизмом, многофункциональностью. Все это, по мнению докладчиков, увеличивало роль храма, его притягательность и общественную значимость даже в эпоху глубокого религиозного кризиса. Храм оставался не только местом, где человек общался к духовной жизни, но и воплощал высшие

достижения культуры и искусства своего времени, позволял транслировать в пространстве города сложные богословские и политические идеи.

Ряд выступлений был посвящен традиционному направлению в деятельности конференции — проблемам эволюции международной политики. Интерес участников вызвал доклад к.и.н., доц. И.Ю. Хрулёвой (истфак МГУ) «“Вооружение и стратегическое сырьё, жизненно необходимые для продолжения победоносной борьбы с нашими общими врагами”: переговоры главы советской военной миссии в США А.К. Репина в Вашингтоне в феврале 1942 г.». В нем была затронута весьма дискуссионная тема масштабов и роли американской помощи СССР в годы Великой Отечественной войны. Внимание привлекли не только малоизвестные факты пребывания данной миссии в Соединенных Штатах и обсуждения с администрацией Ф.Д. Рузвельта военной помощи нашей стране после нападения на нее гитлеровской Германии, но и характер освещения этого события американской прессой, постепенно сменившей критический тон в адрес Советского Союза на восхищение героизмом советского народа.

Новый взгляд на отношения между СССР и ГДР в начальный период холодной войны был предложен в сообщении д.и.н. А.А. Синдеева (ИЕ РАН), посвященном «казусу с колорадскими жуками», якобы сброшенными американцами на территорию Восточной Германии. На его примере была показана ограниченность влияния Москвы на ситуацию в ГДР, что позволяет в целом говорить о не столь однозначной обстановке, складывавшейся в социалистическом лагере во взаимоотношениях между его участниками, как она традиционно представлялась в историографии.

Завершающие пленарные доклады касались современной ситуации в странах Европейского союза (ЕС). Опыт исследования в новой для исторической науки области изучения влияния пандемии COVID-19 на социальную политику государства и политические настроения жителей ЕС поделится зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения д.и.н. Т.Н. Гелла (Орловский госуниверситет им. И.С. Тургенева) в сообщении «ЕС — весна 2020 г.: мы все вместе или каждый за себя? (По материалам российской и зарубежной аналитической литературы)». Среди основных уроков пандемии докладчик выделил усиление популизма в ряде стран, атаки на верховенство закона, рост цензуры, нарушения прав граждан на свободу передвижения, неприкосновенность частной собственности. В ходе борьбы с ковидом европейские правительства проявили готовность пожертвовать базовыми европейскими ценностями и интересами граждан и «граждане во многом с этим смирились». События показали изменение роли государства, которое оказалось более эффективным в борьбе с COVID-19, чем единая структура ЕС. Безусловно, научная оценка значимости этих явлений, их долговременность или ситуационное проявление требуют дальнейших всесторонних исследований вопроса.

Анализ современного французского политического ландшафта представила зав. кафедрой всеобщей

истории д.и.н. Г.Н. Канинская (Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова) в выступлении на тему «Франция в ожидании президентских и парламентских выборов 2022 г.: социал-экологическая дилемма». В докладе были выделены утрата популярности социалистами и стремительный рост политического веса «зеленых», провозгласивших идею создания новой прогрессистской коалиции «социальной и политической экологии» путем объединения всех левых сил, включая социалистов и разочаровавшихся «макронистов». Главная проблема современных французских левых, по мнению Г.Н. Канинской, связана с поправлением Франции в парадигмальном плане, политизацией вопроса о национальной идентичности, ростом антииммигрантских настроений. В условиях возрастания влияния правого популизма, соперничества левых партий, отсутствия у них альтернативной правящему «макронистскому» большинству политической теории перспектива выдвижения единого кандидата от левых, как это было во время победы Ф. Миттерана в 1981 г. с программой «Изменить жизнь», по мнению автора, не просматривается.

Работа конференции была продолжена в семи секциях по следующим направлениям: «Современ-

ные подходы в научных исследованиях по проблемам социокультурного и политического развития России, стран Запада и Востока», «Религиозный фактор в общественно-политической жизни государства: история и современность», «Демографические тенденции и межэтнические конфликты в современном мире», «Межцивилизационные отношения и эволюция взаимовосприятия Запада, Востока и России», «Эволюция международной политики и Россия», «Личность в истории», «Вуз и школа: методика преподавания исторических дисциплин и проблемы воспитания».

В рамках конференции был проведен молодежный круглый стол «К 80-летию начала Великой Отечественной войны: дискуссионные проблемы изучения международных отношений кануна ВОВ», что отразило традиционное внимание мероприятия к молодежной науке и стремление к активному вовлечению в научное интеллектуальное пространство молодых исследователей.

Участники конференции отметили высокий академический уровень докладов, актуальность поставленных на обсуждение вопросов, значение конференции для развития профессиональных научных и педагогических контактов.

DOI: 10.31857/S013038640021040-2

© 2022 г. Н.Э. Вашкау, Ю.Н. Тихонов

ТРЕТЬЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «INTERBELLUM XX СТОЛЕТИЯ: ОТ РАПАЛЛО ДО МЮНХЕНА»

Вашкау Нина Эмильевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: vaschkau@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9181-4381

Тихонов Юрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк, Россия).

E-mail: tikhlip@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4017-6951

N.E. Vashkau, Yu.N. Tikhonov

THIRD ALL-RUSSIAN CONFERENCE “INTERBELLUM OF THE TWENTIETH CENTURY: FROM RAPALLO TO MUNICH”

Nina Vashkau, Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk, Russia).

E-mail: vashkau@mail.ru

Scopus Author ID: 57262592100; ORCID: 0000-0001-9181-4381

Yury Tikhonov, Department of National and World History, Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk, Russia).

E-mail: tikhlip@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4017-6951

22 апреля 2022 г. Центр германских исторических исследований Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского (ИИ-ПиОН ЛГПУ) провел Третью всероссийскую научную конференцию «Interbellum XX столетия: от Рапалло до Мюнхена», посвященную 100-летию юбилею советско-германского Рапалльского договора 1922 г. Было представлено более 30 докладов и сообщений, затрагивающих различные проблемы международных отношений в межвоенный период. Модератором первой части конференции был профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ д.и.н. Ю.Н. Тихонов.

В режиме видеосвязи с докладами выступили специалисты в области изучения международных отношений в Европе и странах Азии из академических учреждений Российской Федерации. Д.и.н. Е.Н. Наземцева (Институт востоковедения (ИВ) РАН) охарактеризовала особенности политической ситуации в провинции Синьцзян в 1920-х годах, в частности роль русских военных эмигрантов в конфликте китайского руководства Синьцзяна с местным населением. На обширной документальной базе она убедительно показала, что советское руководство пристально следило за ситуацией в регионе. К.и.н. А.Д. Васильев (ИВ РАН) раскрыл особенности советско-турецких отношений в 1920–1930-х годах. Главное внимание он уделил роли военно-технического фактора в становлении и развитии отношений между Москвой и Анкарой.

Исследователи из Института всеобщей истории (ИВИ) РАН кандидаты исторических наук Т.В. Котюкова и А.Ю. Прокопов продемонстрировали широкий диапазон исследований сотрудников ИВИ РАН. Т.В. Котюкова на базе новых архивных документов изучила судьбу военнопленных Австро-Венгрии и ее союзников в Туркестане. А.Ю. Прокопов раскрыл специфику отношения компартии Великобритании и Коминтерна к лейбористскому правительству, убедительно проанализировав причины краха политики Коминтерна в Англии в середине 1920-х годов.

Значительную часть докладов представили преподаватели Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. К.и.н. Е.В. Корунова рассмотрела политику скандинавских стран в межвоенный период. К.и.н. Д.В. Родин подверг критическому анализу устоявшееся в отечественной науке представление об антисоветском характере Локарнских соглашений 1925 г. Тема отношения лейбористской партии Великобритании к Мюнхенскому соглашению 1938 г. была затронута к.и.н. Е.А. Суслопаровой. Она представила материал об обсуждении в британском парламенте внешнеполитического курса Н. Чемберлена и итогов Мюнхенского соглашения 1938 г.

Весьма важный вклад в работу конференции внесли представители Российского государственного гуманитарного университета. Д.и.н. Н.В. Ростиславлева осветила вопросы оказания помощи нуждающимся в Германии и России в годы Первой мировой войны. Д.и.н. Б.Л. Хавкин рассказал о трагической судьбе одного из творцов Рапалльского договора — министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау. Д.ю.н., член-

корр. РАН В.С. Христофоров проанализировал степень информированности советского руководства о планах западных держав в отношении СССР накануне Великой Отечественной войны.

В конференции участвовали молодые исследователи из учебных центров Российской Федерации. Аспирант Уральского федеративного университета М.Ю. Сурков охарактеризовал (на примере реализации проекта О.Д. Каменевой по изданию учебника русского языка на фарси в 1926–1928 гг.) один из эпизодов советской дипломатии в Иране. Дипломатическим хитроумием Версальско-Вашингтонской системы были посвящены обстоятельные сообщения студентами: П.С. Круковского (Волгоградский госуниверситет), Д.С. Поликарпова (Санкт-Петербургский госуниверситет), М.А. Горячева (Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова), И.Ю. Купченко (Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России), М.Е. Кузнецова (Елецкий госуниверситет им. И.А. Бунина).

В отдельный блок можно выделить доклады, подготовленные липецкими исследователями. Сотрудники кафедры отечественной и всеобщей истории ИИПиОН ЛГПУ, д.и.н., проф. Вашкау, Ю.Н. Тихонов и к.и.н., доц. Г.В. Уваров, выступили с докладами, подготовленными с использованием новых архивных документов, чем вызвали интерес студенческой аудитории. Студенты ИИПиОН ЛГПУ А.Е. Голанцев, А.А. Костерев, Н.О. Латыпов, Д.О. Митюхин, Д.В. Осташова, А.С. Смачнева, П.В. Тепловодская, К.В. Чиковский, А.Н. Филатов, С.Л. Ширнин-Волков, А.Н. Юдин и соискатель Ю.Н. Заичева продемонстрировали достойный уровень владения материалом и навыки публичного выступления.

На конференции выступили выпускники Липецкого педуниверситета, продолжающие свою научную работу. Учитель средней школы № 17 г. Липецка к.и.н. Н.С. Жирова рассказала о сотрудничестве индийской партии «Гадар» с Крестинтерном. Независимый исследователь Е.А. Митин осветил один из эпизодов военно-морского соперничества великих держав на Тихом океане в конце 1920-х годов.

Во второй части конференции под руководством Н.Э. Вашкау был проведен круглый стол, посвященный 110-летию со дня рождения Л.З. Копелева. Центр германских исследований продолжает традиции Копелевских чтений, заложенных университетом еще в 1995 г. Доклады и обсуждение книг великого гуманиста вылились в дискуссию, которая вызвала большой интерес студентов. В работе круглого стола приняла активное участие к.и.н. А.Н. Кожевникова (Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России).

Подводя итоги, участники конференции отметили, что сотрудничество между провинциальными научными и учебными центрами, научно-исследовательскими институтами РАН и московскими университетами позволяет сконцентрировать усилия на актуальных научных вопросах и ускорить появление значимых результатов исследований. Привлечение к участию во всероссийских научных форумах учащейся молодежи может сыграть положительную роль в формировании молодого поколения российских историков.

ДЛЯ АВТОРОВ

Любая подаваемая для рецензирования и возможной публикации статья должна являться оригинальным исследованием автора, которое не было опубликовано ранее, полностью или частично, ни в печатном, ни в электронном виде и которое не находится на рассмотрении в другом журнале.

1. Авторы подают рукопись, оформленную по установленным правилам, в электронном виде через сайт журнала: <https://nni.jes.su> (требуется регистрация на сайте).
2. Все рукописи проходят процесс двойного слепого рецензирования.
3. Решение о принятии статьи к публикации принимается в течение трех месяцев с момента поступления рукописи в редакцию. Автор будет извещен о результатах рецензирования. Рецензии (в анонимном виде) могут быть направлены автору по запросу.
4. При положительном заключении рецензентов статья передается редактору для подготовки к печати. При принятии решения о доработке статьи замечания и комментарии рецензентов передаются автору. Автору дается 1 месяц на устранение замечаний. Если в течение этого срока автор не уведомил редакцию о планируемых действиях, статья снимается с очереди публикации.
5. Объем текста рукописи статьи не должен превышать 1,2 п.л. (до 50 тыс. знаков), включая аннотацию, ключевые слова, сноски и библиографию/references. Объем рецензии не должен превышать 0,4 п.л. (16 тыс. знаков). Текст рукописи должен быть сохранен в форматах doc, docx, rtf.
6. Рукописи, отредактированные автором, должны быть напечатаны шрифтом Times New Roman (размер шрифта – 14) через полтора интервала.
7. Нумерация страниц должна быть сквозной, номер страницы проставляется вверху, посередине страницы.
8. Аннотация (200–230 слов) и ключевые слова (до 5–9) должны быть представлены на английском и русском языках.
9. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и основные выводы автора.
10. Ключевые слова необходимы для индексирования статьи в библиографических базах данных и на сайтах библиотек, поэтому они должны соответствовать общепринятым историческим терминам и понятиям, рубрикам предметных каталогов ведущих российских и иностранных библиотек.
11. Журнал «Новая и новейшая история» осуществляет процесс двойного слепого рецензирования. Поэтому вся информация об авторе (ФИО автора, ученая степень и звание, место работы, электронный адрес автора, а также идентификационный номер автора (ID) в базах Web of Science и/или Scopus на русском и английском языках) должна располагаться на отдельном листе и высылаться отдельным файлом.
12. Текст статьи должен начинаться с ее названия, текст присылается в редакцию отдельным файлом. В названии файла, содержащего текст рукописи, не следует указывать имя и фамилию автора. Названия статей должны быть приведены на русском и английском языках.
13. Сноски, по возможности, не должны превышать 10–15% текста и быть постраничными.
14. Мы просим авторов не использовать графики, таблицы, карты, иллюстрации и т.п. без крайней необходимости.
15. Библиография и References помещаются в конце статьи и оформляются по общепринятым правилам.

Подробная информация по требованиям к авторам и примеры оформления статей размещены в разделе «авторам» на сайте журнала: <https://nni.jes.su>

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;
- 3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

РЕДАКТОРЫ ОТДЕЛОВ:

Г.Г. Акимова, А.В. Короленков, Ю.А. Рябчикова

Зав. редакцией *В.В. Лоскутова*

Подписано к печати 05.07.2022 г.
Дата выхода в свет: 21.07.2022 г.
Тираж 285 экз.

70•100¹/₁₆.
Зак. 11/4а.

Уч.-изд. л. 23.4
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт всеобщей истории РАН

18+

Издатель: Российская академия наук
20 экземпляров распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»
Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110133 от 04.02.1993
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

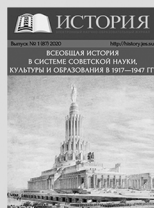
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).